

Блаженнейший Архиепископ
Самарский и Таврический
и Славяно-Украинский

68

Самарская
Славяно-Украинская
Синодальная
Печатня

801-12
223

ВОСПОМИНАНІЯ

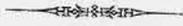
О ВЬСОКОПРЕОСВЯЩЕНОМЪ

ЛЕОНИДЪ,

АРХІЕПІСКОПЪ ЯРОСЛАВСКОМЪ И РОСТОВСКОМЪ.

САВВЫ, ЕПІСКОПА ХАРЬКОВСКАГО.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба.

1877.

Печатать дозволяется. Москва. Июня 12 дня 1877 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

152 92 - 0

2007083376

„Вѣрный другъ — крѣпкая защита; кто на-
шелъ его, нашелъ сокровище. Вѣрному другу
„жить цѣлымъ, и жить миръ доброты его. Вѣр-
„ный другъ — врачество для жизни, и боя-
„щійся Господа найдутъ его. Боящійся Господа
„направляетъ дружбу свою такъ, что каковы
„онъ самъ, такимъ бываетъ и другъ его.“
(Сирах. 6, 14—17; по русскому переводу).

Съ августа 1850 г., когда почившій нынѣ въ Бозѣ прео-
священнѣйшій архіепископъ Леонидъ былъ ректоромъ владимирской
семинаріи и настоятелемъ московскаго золотоустова мона-
стыря, а я, по окончаніи курса въ академіи, опредѣленъ былъ
на должность синодальнаго ризничаго въ Москвѣ, между
нами началось близкое знакомство, обратившееся потомъ
въ тѣсную, искреннюю дружбу, непрерывавшуюся до по-
слѣднихъ дней жизни почившаго архимастыря. Съ того
же времени началась между нами взаимная дружеская
переписка, продолжавшаяся въ теченіи 26-ти лѣтъ.
У меня сохранилось болѣе 200 писемъ и записокъ моего
приспомятаго друга.

Въ декабрь 1876 года, вскорѣ по полученіи мною горестнаго извѣстія о неожиданной кончинѣ преосвященнѣйшаго Леониды, послѣдовавшей 15-го числа того декабря, мнѣ пришло на мысль перечитать его дорогія ко мнѣ письма и записки. Но при этомъ родилось у меня непреодолимое желаніе написать что-либо въ память о моемъ незабвенномъ другѣ и братѣ. Составить полную его біографію я не имѣлъ возможности, такъ какъ не было и нѣтъ у меня подъ руками достаточныхъ для сего матеріаловъ. Поэтому я ограничился составленіемъ воспоминаній о почившемъ архипастырѣ.

Источниками при семъ служили для меня частію мои личныя наблюденія, частію устные разказы о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ своей жизни самого преосвященнаго, а главнымъ образомъ наши взаимная многолѣтняя переписка.

Такъ какъ имя почившаго въ Бозѣ архіепископа Леониды пользовалось громкою извѣстностію и славою во всѣхъ сферахъ общества, какъ низшихъ, такъ и самыхъ высокихъ, и притомъ не только въ Москвѣ и Ярославлѣ, но и гораздо далѣе этихъ предѣловъ: то всякое печатное о немъ и о его высокихъ личныяхъ качествахъ слово, думаю, не можетъ не интересоватъ его многочисленныхъ почитателей.

Въ виду сего, я рѣшился составленныя мною «Воспоминанія» о преосвященномъ архіепископѣ Леонидѣ издать въ печать. И если чтеніе этой книги доставитъ кому либо духовное утѣшеніе, а можетъ быть, и назиданіе, то цѣль моя вполне будетъ достигнута и трудъ вознагражденъ.

Епископъ Савва.

Юль 5 дня 1877 г.

Г. Харьковъ.

Высокопреосвященный Леонидъ, въ мѣрѣ Левъ Васильевичъ Красношѣвковъ, родился 16 февраля 1817 г., въ Петербургѣ.

Отецъ его, Василій Васильевичъ Красношѣвковъ, занималъ почетную должность товарища герольдмейстера и имѣлъ собственный домъ на Васильевскомъ островѣ, въ 12-й линіи, близъ большого проспекта.

Мать его, Анна Ивановна, была урожденная Ломова, дворянка московской губерніи.

Семейство Красношѣвковыхъ состояло изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей. Между ними Левъ былъ старшій.

Когда Льву было два года, онъ сдѣлался опасно боленъ. Благочестивая мать отправилась съ больнымъ ребенкомъ въ сергіеву пустынь, что близъ Петербурга, и тамъ, предъ чудотворною иконою преп. Сергія, положила его, молила угодника Божія, или прекратить его жизнь, если она на зло обречена, или исцѣлить его и принять подъ свой покровъ. Преподобный внявъ молитвамъ юной, пламенно вѣрующей души: младенецъ выздоровѣлъ. (*)

(*) 25 и 26 апрѣля (1874 г.) на саввинскомъ подворьѣ въ Москвѣ, *В. Коттеса*, м. 1874 г. стр. 18.

Первоначальное образованіе свое Левъ Васильевичъ получилъ сначала въ англійскомъ, потомъ французскомъ пансіонѣ, гдѣ приобрѣтено было имъ практическое знаніе новѣйшихъ иностранныхъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ его водила къ обѣднѣ на псковское подворье, гдѣ обыкновенно жили очередные епархіальные архіереи и гдѣ онъ могъ видѣть торжественныя архіерейскія служенія, его крестная мать и благодѣтельница, (*) благочестивая вдова. Въ эти же дни родители его вывозили въ вечернія собранія, гдѣ онъ могъ знакомиться съ лучшимъ столичнымъ обществомъ, брали въ театръ, на гулянья; но вездѣ онъ чувствовалъ себя, какъ писалъ онъ самъ о себѣ въ своихъ воспоминаніяхъ о генералѣ Слѣпцовѣ, (**) какъ-то одиноко. Болѣе удовольствія доставляли ему уединенныя прогулки съ его родителемъ по глухимъ улицамъ Васильевского острова, или семейныя поѣздки въ сергіеву пустынь. Любимымъ домашнимъ занятіемъ его въ лѣтахъ отрочества было — чтеніе миниатюрныхъ англійскихъ книжекъ и рыцарскихъ романовъ, рисованіе ландшафтовъ и боевыхъ коней.

Въ августѣ 1829 г., на тринадцатомъ году своей жизни, Краснопѣвковъ помѣщенъ былъ родителями въ горный кадетскій корпусъ, (нынѣ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ). Здѣсь онъ скоро познакомился и

(*) Крестную мать свою Пелагею Сергіевну онъ называлъ благодѣтельницей въ смыслѣ любви ея и благочестиваго направленія даннаго крестнику.

(**) Воспоминанія о кадетской жизни генерала Н. П. Слѣпцова, Леонида, еп. дмитровскаго, Сиб. 1874 г., стр. 11.

сблизился почти съ сверстникомъ своимъ по лѣтамъ Николаемъ Слѣпцовымъ. Слѣпцовъ, сынъ Саратовскаго помѣщика, родился въ декабрѣ 1815 г.; онъ годомъ раньше Краснопѣвкова вступилъ въ горный корпусъ. Дружба, начавшаяся между Краснопѣвковымъ и Слѣпцовымъ въ корпусѣ, не прекращалась между ними никогда.

Въ 1832 г. Краснопѣвковъ оставилъ горный корпусъ и постѣ домашняго приготовления поступилъ юнкеромъ въ балтійскій флотъ; вслѣдъ за нимъ чрезъ два года ушелъ и Слѣпцовъ, чтобъ поступить въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Въ февралѣ 1836 г. Краснопѣвковъ зачисленъ въ 14-й флотскій экипажъ. Въ это время онъ познакомился съ архим. Игнатіемъ Брянчаниновымъ, бывшимъ въ то время настоятелемъ сергіевской пустыни близъ С.-Петербурга. Архимандритъ познакомилъ его съ жизнію монашескою и утвердилъ его въ рѣшимости принять монашество.

Въ то-же время проживалъ въ Петербургѣ, для излеченія глазной болѣзни, знаменитый алтайскій миссіонеръ архимандритъ Макарій; съ нимъ познакомился Левъ Васильевичъ и просилъ его принять въ число миссіонеровъ; но о. Макарій совѣтывалъ ему, прежде окончательнаго рѣшенія, пройти академическій курсъ и тогда снова обратиться къ нему.

Въ мартѣ 1837 г. флотскій молодой офицеръ Л. В. Краснопѣвковъ въ первый разъ представился на троицкомъ петербургскомъ подворьѣ высокопреосвященному Филарету, митрополиту московскому, присутствовавшему тогда въ святѣйшемъ синодѣ. Владыка принялъ его и

бесѣдоваль съ нимъ благосклонно. Въ этой бесѣдѣ Левъ Васильевичъ, питавшій съ юныхъ лѣтъ тайное влеченіе къ монашеской жизни, и утвержденный въ этой мысли, какъ выше сказано, настоятелемъ сергіевской пустыни, просилъ у мудраго московскаго святителя совѣтовъ и наставленій относительно вступленія въ академію. Съ его благословенія, въ 1838 г. Краснофѣвковъ поступилъ въ число студентовъ с.-петербургской д. академіи и частнымъ образомъ бралъ уроки по древнимъ языкамъ у профессора академіи В. Н. Карпова. Въ 1839 г. скончался его родитель. Оставивъ военную службу предъ смертію своего родителя, Левъ Васильевичъ рѣшился переѣхать въ троицкую сергіеву лавру для продолженія академическаго курса, по предложенію высокопреосвященнаго Филарета. Послѣ него переселилась мать его, и вся семья переѣхала въ свою деревню близъ сергіевой лавры.

Въ 1840 г., вечеромъ 25 іюля, два друга, отставной лейтенантъ Краснофѣвковъ и штабсъ-капитанъ нижегородскихъ драгунъ Слѣпцовъ, выѣхали изъ Петербурга въ одной почтовой каретѣ и, въ первыхъ числахъ августа, въ Москвѣ, разстались навѣки или до свиданія за гробомъ. При этомъ разставаньи Слѣпцовъ сказалъ своему другу: „ты избираешь прекрасную дорогу и Богъ благословитъ тебя; но если не будешь ты монахомъ въ душѣ, лучше тебѣ умереть“. (*)

Между тѣмъ, московскій владыка писалъ отъ 30-го того-же іюля о Краснофѣвковѣ намѣстнику троицкой

(*) Воспоминанія о Слѣпцовѣ, стр. 49 и 45.

лавры, архим. Антонію: „въ академію поступаетъ чиновникъ изъ дворянъ Краснофѣвковъ. Это не то, что нѣкоторые бывшіе предъ симъ. Примите его со вниманіемъ и дайте ему право узнать обитель и монастыство.“ (*)

Прибывъ въ троицкую лавру, гдѣ онъ дружелюбно былъ принятъ намѣстникомъ архимандритомъ Антоніемъ, лейтенантъ Краснофѣвковъ, съ сентября мѣсяца, вступилъ въ число студентовъ XIII курса московской д. академіи, прямо въ высшее богословское отдѣленіе. Ректоромъ академіи въ это время былъ архим. Филаретъ (Гумилевскій), скончавшійся 9-го августа 1866 года, въ санѣ черниговскаго архіепископа, а инспекторомъ Евсевій (Орлинскій), нынѣ архіепископъ могилевскій. Краснофѣвковъ слушалъ въ академіи лекціи по свящ. писанію, по догматическому, нравственному и пастырскому богословію, по герминевтикѣ и библейской археологіи, по каноническому праву, по церковной исторіи и проч. Въ 1842 году окончилъ курсъ въ первомъ разрядѣ съ званіемъ магистра. Для полученія ученой степени магистра, онъ писалъ диссертацию на тему: „Жизнь св. Филиппа митрополита московскаго и всея Россіи“. Такъ какъ святитель Филиппъ, въ мірѣ Θεодоръ, происходилъ изъ знатнаго рода бояръ Колычевыхъ, то Краснофѣвковъ не могъ не заинтересоваться данною ему, или избранною имъ самимъ, темою для ученой диссертациі. Онъ съ ревностію читалъ и изучалъ все относящееся до жизни святителя, и его сочиненіе вышло замѣчатель-

(*) Письма митр. московскаго Филарета къ намѣстнику св. троицкой сергіевой лавры, архим. Антонію, ч. 1, стр. 369, м. 1877 г.

ное по полнотѣ свѣдѣній и живости изложенія. Плодомъ всесторонняго изученія жизни св. Филиппа было глубокое чувство благоговѣнія, которое сохранялъ авторъ во всю свою жизнь къ сему великому святителю-исповѣднику. Сочиненіе Краснопѣвкова въ 1861 году напечатано было въ Москвѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями и исправленіями.

Изъ сверстниковъ Краснопѣвкова по академическому курсу болѣе замѣчательными личностями были: *Іоаннъ* (Соколовъ), умершій въ 1869 году въ санѣ епископа смоленскаго; *Феофилактъ* (Губинъ), сконч. въ 1870 году въ санѣ епископа кавказскаго; *Макарій* (Миролюбовъ) нынѣ епископъ архангельскій, *Иларіонъ* (Боголюбовъ), бывшій впоследствии ректоромъ воронежской семинаріи и умершій на покой въ санѣ архимандрита въ одномъ изъ монастырей нижегородской епархіи. Было и еще пять человекъ монашествующихъ изъ студентовъ XIII курса. Казалось бы, естественно было и лейтенанту Краснопѣвкову, вступившему въ духовную академію съ мыслию о монашествѣ, принять здѣсь же, по примѣру товарищей, монашеское званіе: но онъ не сдѣлалъ столь рѣшительный шагъ въ жизни. По выходѣ изъ академіи съ свѣтскимъ званіемъ, онъ опредѣленъ былъ, не безъ особеннаго конечно намѣренія, преподавателемъ гражданской исторіи въ пустынную виванскую семинарію, близъ троицкой Лавры. Тамъ, вдали отъ мірскаго шума, онъ могъ зрѣло и всесторонне обдумать планъ своей дальнѣйшей жизни.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ пылкой душѣ молодого

Краснопѣвкова не угасла мысль о миссіонерскомъ служеніи. Когда знаменитый миссіонеръ нашъ преосвященный *Иннокентій*, по особеннымъ судьбамъ Божиимъ, возведенный въ декабрѣ 1840 года изъ протоіереевъ въ санъ епископа алеутскаго, мимоходомъ изъ Петербурга былъ въ Москвѣ и посѣтилъ троицкую Лавру, студентъ академіи лейтенантъ Краснопѣвковъ явился къ нему и просилъ его преосвященство принять его въ число сотрудниковъ своихъ на миссіонерскомъ поприщѣ. Опытный миссіонеръ и проникательный архипастырь, преосвященный *Иннокентій*, безъ сомнѣнія, сообразилъ, что молодой свѣтскій юноша, едва лишь начавшій знакомиться съ богословскими науками, не можетъ много принести пользы въ дѣлѣ евангельской проповѣди и что мгновенный порывъ пылкой души подъ суровымъ небомъ отдаленной Сибири легко и скоро можетъ остыть, и потому отклонилъ усиленную просьбу Краснопѣвкова. Время оправдало мудрую осторожность алеутскаго владыки, какъ увидимъ далѣе.

Между тѣмъ *Л. В. Краснопѣвковъ*, окончивши съ успѣхомъ академическое образованіе и вступивши на учебное поприще, съ ревностію подвизался на этомъ поприщѣ. Преподавая гражданскую исторію, онъ былъ совершенно въ своей сферѣ. Предметъ этотъ былъ ему по душѣ: онъ съ любовію изучалъ его въ продолженіи почти шести лѣтъ, и приобрѣлъ въ немъ широкія и основательныя познанія.

Послѣ трехлѣтней семинарской службы онъ рѣшился наконецъ приступить къ исполненію своей завѣтной мы-

сли: подалъ прошеніе о постриженіи его въ монашество. Въ сентябрѣ 1845 года пришло изъ св. синода разрѣшеніе на его прошеніе, и онъ былъ постриженъ въ обители препод. Сергія, съ нареченіемъ имени: *Леонидъ*. Вскорѣ за тѣмъ, 30-го сентября, онъ посвященъ былъ въ санъ іеродіакона, а 1-го октября въ московскомъ покровскомъ (Василія блаженнаго) соборѣ принялъ отъ святительской десницы московскаго первоіерарха Филарета посвященіе въ санъ іеромонаха. Изъ Москвы, напутствованный благословеніемъ и нѣкоторыми вещественными дарами милостиваго къ нему архимастыря, о. Леонидъ возвратился въ Виоанію къ своимъ обычнымъ занятіямъ; впрочемъ съ этого времени къ этимъ занятіямъ присоединились у него новыя, высшія и пріятнѣйшія для его души занятія—частыя совершенія церковныхъ службъ не только въ воскресные и праздничные, но нерѣдко и въ будничные дни. Вообще о. Леонидъ во всю жизнь былъ самымъ ревностнымъ совершителемъ священнослуженій.

При этомъ нельзя не упомянуть, что профессеры виоанской семинаріи оставляли одинъ день въ недѣлѣ совершенно свободнымъ отъ уроковъ. О. Леонидъ избралъ для себя четвергъ. Въ этотъ день онъ исполнялъ полную іеромонашескую череду служенія и считалъ это лучшимъ своимъ временемъ.

Въ 1840 году я окончилъ курсъ во владимірской семинаріи съ степенію студента, и, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, предназначенъ былъ для отправленія въ московскую духовную академію, въ составъ

XIV курса студентовъ, но болѣзнь удержала меня на этотъ разъ отъ поступленія въ академію. Если бы не это препятствіе, то я былъ бы, въ теченіи двухъ лѣтъ, совоспитанникомъ Л. В. Краснопѣвкова въ академіи. Но мнѣ суждено было на время испытать иной путь жизни: въ 1841 году я былъ опредѣленъ учителемъ въ муромское духовное училище, а въ январѣ 1842 года рукоположенъ во священника, къ тамошнему собору.

Въ 1845 году овдовѣлъ и въ 1846 году рѣшился поступить, для дальнѣйшаго образованія, въ московскую академію, съ намѣреніемъ притомъ, если Богу будетъ угодно, принять монашество.

Въ первыхъ числахъ августа я поспѣшилъ прибыть въ троицкую Лавру, чтобъ имѣть возможность приготовиться къ пріемному экзамену, которому я долженъ былъ подвергнуться на ряду съ молодыми студентами. По поддержаніи экзамена, я оставленъ былъ въ числѣ казеннокоштныхъ воспитанниковъ академіи. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ обѣда я изрѣдка путешествовалъ въ Виоанію къ одному изъ тамошнихъ наставниковъ, Я. И. Владыкину, моему бывшему наставнику по владимірской семинаріи. Онъ былъ семейный человекъ. Однажды, это было, кажется, въ концѣ сентября, когда я былъ у Владыкина, и, сидя на диванѣ, пилъ чай, быстро вошелъ въ комнату молодой монахъ въ низенькой камилавкѣ, средняго роста, сухощавый, брюнетъ, съ довольно короткими волосами и съ небольшою, но окладистою бородой; сѣлъ на стулѣ у окна и попросилъ себя чаю безъ сахара, въ чашкѣ; сейчасъ же

началъ съ хозяевами оживленный разговоръ, но о чемъ была рѣчь, теперь уже не помню. По такому живому и свободному разговору и по приличнымъ манерамъ, я заключилъ, что этотъ монахъ долженъ быть не изъ протестантовъ. Напившись чаю, онъ тотчасъ ушелъ, а я еще оставался. На вопросъ: кто это такой? Мнѣ отвѣтили: профессоръ здѣшней семинаріи, Леонидъ, изъ морскихъ офицеровъ. Вотъ моя первая встрѣча съ человѣкомъ, съ которымъ впоследствии мнѣ суждено было быть въ такихъ близкихъ отношеніяхъ.

Послѣ этой встрѣчи я болѣе уже не встрѣчался близко съ о. Леонидомъ нигдѣ до апрѣля 1848 года. Въ это время онъ переведенъ былъ въ нашу академію на должность бакалавра по классу патристики. Теперь я сталъ не рѣдко встрѣчаться съ нимъ по праздникамъ въ церкви, при Богослуженіяхъ, а съ переходомъ въ сентябрѣ того же года на старшій курсъ, я сдѣлался слушателемъ его лекцій по патристикѣ. Этотъ предметъ, недавно предъ тѣмъ введенный въ программу академическихъ лекцій, для о. Леонида былъ совершенно незнакомымъ предметомъ. Но такъ какъ о. Леонидъ свободно владелъ иностранными языками, то для него составленіе лекцій, при пособіи иностранныхъ источниковъ, не составляло большаго затрудненія. Главнымъ пособіемъ для него въ этомъ случаѣ служило французское сочиненіе: Ceillier Remy — *Histoire générale des auteurs sacrés et ecclésiastiques*, Paris, (въ 15-ти томахъ). Лекціи свои о. Леонидъ излагалъ живымъ, болѣе или менѣе свѣтскимъ языкомъ. Изъ всѣхъ его лекцій въ моей памяти всего бо-

лѣе сохранились краснорѣчивыя и одушевленные чтенія о св. Аванасіѣ александрійскомъ.

При должности бакалавра о. Леонидъ имѣлъ еще должность помощника библиотекаря; библиотекаремъ же былъ знаменитый профессоръ церковной исторіи А. В. Горскій.

Съ поступленіемъ моимъ на старшій курсъ, я чаще и чаще сталъ видѣться съ о. Леонидомъ. На мнѣ лежала тогда обязанность, какъ на студентѣ-священникѣ, а съ 1-го октября 1848 года — іеромонахѣ, каждый разъ предъ воскресной и праздничной всенощной являться къ ректору академіи, и просить распоряженій относительно служенія на слѣдующій день, затѣмъ отправляться къ профессорамъ и бакалаврамъ, имѣвшимъ священническій санъ, для приглашенія ихъ къ служенію съ о. ректоромъ. Это доставляло мнѣ каждый разъ пріятный случай видѣться съ моими досточтимыми наставниками, въ томъ числѣ и съ о. Леонидомъ. Иные изъ наставниковъ, особенно старшіе, протоіереи Ѳ. А. Голубинскій и П. С. Делицынъ, иногда уклонялись отъ участія въ богослуженіи, но я не помню ни одного случая, чтобы о. Леонидъ отказался отъ служенія съ ректоромъ, или инспекторомъ. Я приходилъ къ о. Леониду обыкновенно около 5 ч. вечера, когда онъ пилъ чай, и онъ рѣдко отпускалъ меня безъ угощенія, причемъ всегда, бывало, скажетъ нѣсколько пріятныхъ словъ.

Кромѣ кельи и церкви, я нерѣдко видѣлся съ о. Леонидомъ въ академической библиотекѣ, куда онъ по своей обязанности помощника библиотекаря ходилъ почти

ежедневно, для выдачи книгъ студентамъ. Такъ какъ библиотечныя залы были рядомъ съ нашею монашескою кельей, то я почти каждый разъ, какъ скоро услышу звукъ ключей и скрипъ тяжелыхъ желѣзныхъ дверей, спѣшу въ библиотечку, чтобъ получить отъ о. Леонида какую нибудь для меня нужную или интересную книгу.

О. Леонидъ долго не извѣщалъ своего кавказскаго друга—Слѣпцова о своемъ постриженіи въ монашество. Причиною этому была неизвѣстность, гдѣ находится Слѣпцовъ. Одно изъ писемъ было возвращено съ Кавказа за ненахожденіемъ Слѣпцова. Только въ 1848 году онъ узналъ изъ газетъ, что Слѣпцовъ командуетъ сунженскою линіею и тогда же извѣстилъ его о себѣ. И вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ ему Слѣпцовъ отъ 31-го октября того же 1848 года:

«По склонности и мечтамъ прежде именованнаго Льва Васильевича Красношѣвкова, я нѣсколько разгадывалъ его будущность и потому настоящій санъ Высокопреподобія твоего не вовсе удивилъ меня. Видно такъ Богу угодно, а слѣдовательно и быть по сему.

«... Душевно желалъ бы, чтобы ты пріѣхалъ сюда нашимъ епископомъ, и какъ можно скорѣе; кажется, есть уголки не хуже, а можетъ и живописнѣе Визаніи—такъ предполагаю.» (*)

Недолго оставался о. Леонидъ въ академіи бакалавромъ. Съ перемѣщеніемъ викарія московскаго, преосвященнаго Іосифа, на епископскую кафедру въ Оренбургъ, на его мѣсто епископомъ дмитровскимъ назначенъ былъ въ ноябрѣ 1849 года ректоръ московской семинаріи, архим. Филофей (нынѣ высокопреосвященный митрополитъ кіевскій); на должность ректора въ московскую

(*) Воспоминанія о Слѣпцовѣ, Леонидѣ, сп. дм., стр. 50 и сл.

семинарію перемѣщенъ былъ ректоръ визанской семинаріи, архим. Евгеній (бывшій епископъ симбирскій, нынѣ состоящій на покой), а на его мѣсто опредѣленъ былъ бакалавръ іеромонахъ Леонидъ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ назначеніемъ въ настоятеля московскаго златоустова монастыря.

Объ этомъ важномъ обстоятельстве своей жизни о. Леонидъ не замедлилъ увѣдомить своего друга Слѣпцова, который также въ 1850 году произведенъ былъ въ генеральскій чинъ, и вотъ что получилъ въ отвѣтъ отъ 21-го января:

«Съ новымъ годомъ и новымъ благополучіемъ поздравляю тебя, мой безцѣнный архипастырь... Призваніе рѣдко бываетъ неоправдательно! Благодарю тебя, мой другъ, отъ всей души моей за твою память и благородную дружбу; не знаю кто бы другой могъ такъ искренно оцѣнивать все участіе и вниманіе ко мнѣ...»

Съ перемѣщеніемъ о. Леонида изъ академіи въ Визанію, мои отношенія къ нему почти вовсе прекратились: впрочемъ, раза два или три въ продолженіи первой половины 1850 г., пока я оставался еще въ академіи, мнѣ довелось у него быть въ Визаніи, и онъ каждый разъ принималъ меня очень ласково.

Съ окончаніемъ академическаго образованія, въ іюлѣ того же 1850 года, я думалъ, что мнѣ уже не придется болѣе встрѣчаться съ добрымъ и внимательнымъ ко мнѣ о. Леонидомъ, но, къ счастью, вышло иначе.

Въ апрѣлѣ этого года, когда о. ректоръ академіи, архим. Алексій, на праздникъ Пасхи, былъ въ Москвѣ, въ своемъ законоспаскомъ монастырѣ, высокопреосвя-

ценный митрополитъ обратился къ нему съ вопросомъ: не можетъ ли онъ указать способнаго и благонадежнаго человѣка, для занятія должности синодальнаго ризничаго? О. ректоръ указалъ ему на меня. Тогда владыка приказалъ ему показать меня, когда онъ пріѣдетъ въ Лавру для присутствованія на академическихъ экзаменахъ.

Должность синодальнаго ризничаго съ 1838 года занималъ іеромонахъ Евстаѳій (Романовскій). По окончаніи курса въ московской академіи въ 1834 году, онъ былъ назначенъ смотрителемъ перервинскаго д. училища, а отсюда переведенъ былъ на означенную должность ризничаго. При строго-аскетическомъ направленіи и при болѣзненномъ состояніи здоровья, о. Евстаѳій, послѣ двѣнадцатилѣтней службы на этой исключительной въ своемъ родѣ должности, началъ скучать ею. Чтобъ не оставить безъ вознагражденія двѣнадцатилѣтніе труды о. Евстаѳія, владыка рѣшился принять его въ свое епархіальное вѣдомство и назначить настоятелемъ какого либо монастыря. На первый разъ ему данъ былъ въ управленіе высоцкій въ г. Серпуховѣ монастырь, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

Въ 1849 г., за годъ до окончанія курса въ академіи, въ первый разъ былъ я въ первопрестольной столицѣ, мимоѣздомъ на свою родину во Владиміръ. Въ это время я посѣтилъ и патриаршую ризницу, которую показывалъ мнѣ о. Евстаѳій. Само собою понятно, что я, прежде не видавши ничего подобнаго, былъ пораженъ сколько древностію, столько же и богатствомъ священныхъ сокровищъ. — Но при этомъ слышалъ отъ одного

изъ моихъ товарищей по семинаріи, который былъ тогда въ хорѣ синодальныхъ пѣвчихъ, что должность синодальнаго ризничаго сколько почетна, столько же и затруднительна по причинѣ неизбѣжныхъ столкновеній съ ежедневными, особенно въ лѣтнее время, посѣтителями, не только русскими, но и иноземными.

Въ маѣ 1850 г., къ лаврскому храмовому празднику св. троицы, владыка митрополитъ изволилъ пріѣхать въ лавру и послѣ праздника началъ посѣщать частные академическіе экзамены. Былъ на нашемъ старшемъ курсѣ экзаменъ по русской церковной исторіи. По началіи уже экзамена, входитъ митрополитъ въ залу, и какъ только лишь сѣлъ онъ въ кресло, о. ректоръ вызываетъ меня къ столу. Я взялъ билетъ, на которомъ кратко изложено было содержаніе отвѣта на вопросъ. Вопросъ оказался о жизни св. Іоны, митрополита московскаго. Пока отвѣчалъ вызванный предо мною студентъ, я успѣлъ сообразить отвѣтъ на данный мнѣ вопросъ. Когда я началъ говорить, митрополитъ чрезвычайно внимательно смотрѣлъ на меня: это однакожъ не смутило меня, и я съ покойнымъ духомъ передалъ все чтѣ заключалось въ вопросѣ. Когда я окончилъ, владыка изволилъ сказать: „порядочно ты говоришь“. Товарищи поздравили меня съ такимъ одобрительнымъ отзывомъ, какого на этотъ разъ никто изъ нихъ не заслужилъ.

Когда, въ тотъ же день вечеромъ, о. ректоръ пришелъ къ митрополиту съ дѣлами, владыка сказалъ ему: „ну, понравился мнѣ твой Савва; спроси его, захочетъ ли онъ быть на должности ризничаго“.

На другой или на третій день о. ректоръ, по окончаніи всенощной, которую мы вдвоемъ съ товарищемъ іеромонахомъ (Авраміемъ) нерѣдко совершали въ его покояхъ въ будничные дни, когда онъ располагался на другой день совершать по какому-либо случаю литургію, отпустивъ моего товарища, меня удержалъ и тутъ наединѣ предложилъ мнѣ сначала слѣдующій вопросъ: „куда вы, о. Савва, желали бы, по окончаніи курса, поступить на службу“? Я сказалъ, что я, будучи монахомъ, не могу по своей волѣ располагать собою, и долженъ итти туда, куда угодно будетъ послать меня начальству. При этомъ, правду сказать, было у меня въ сердцѣ тайное желаніе поступить на службу въ виванскую семинарію, какъ ближайшую къ академіи, гдѣ бы я могъ пользоваться добрыми и опытными совѣтами моихъ академическихъ наставниковъ, при исполненіи своихъ учебныхъ обязанностей: но я не осмѣлился обнаружить этого желанія предъ о. ректоромъ. Одобривъ мой скромный отвѣтъ, о. ректоръ сообщилъ мнѣ, что академическое начальство имѣло въ виду послать меня во владимірскую семинарію на должность инспектора, но что въ настоящее время открывается другая свободная должность — должность синодальнаго ризничаго въ Москвѣ, на которую онъ и приглашаетъ меня. Припомнивши слышанный мною за годъ передъ тѣмъ отзывъ товарища моего — цѣвчаго, о должности синодальнаго ризничаго, я началъ рѣшительно отказываться отъ приглашенія о. ректора, не смотря на разные съ его стороны доводы и доказательства въ пользу предлагаемой

мнѣ должности. Когда же онъ въ заключеніе объявилъ мнѣ, что этого желаетъ самъ владыка: тогда я со смиреніемъ долженъ былъ преклониться предъ священной волею великаго архипастыря. Тѣмъ не менѣе однакожь на другой день я пошелъ посоветоваться объ этомъ съ досточтимымъ профессоромъ А. В. Горскимъ, который въ это время приступилъ уже къ своему знаменитому труду — описанію славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки. Но и тотъ не только не сталъ отклонять меня отъ предложенной мнѣ должности, но напротивъ выразилъ свою искреннюю радость, что эта должность поручается мнѣ. Такимъ образомъ моя судьба была рѣшена. Когда о. ректоръ доложилъ митрополиту о моемъ согласіи поступить на должность синодальнаго ризничаго, владыка не замедлилъ войти съ представленіемъ о семъ въ св. синодъ.

По окончаніи экзаменовъ въ концѣ іюня, я испросилъ у о. ректора дозволеніе побывать еще разъ на своей родинѣ, и въ началѣ августа посѣщилъ явиться въ Москву. Мнѣ дозволено было временно помѣститься въ ректорскомъ законоохранскомъ монастырѣ, гдѣ я и долженъ былъ ожидать своего новаго, необычнаго назначенія, которое удивило всѣхъ моихъ родныхъ и знакомыхъ; нѣкоторые даже выражали сожалѣніе о мнѣ, на томъ основаніи, что я чрезъ это назначеніе уклоняюсь будто бы отъ прямого пути, къ какому приготовленъ былъ высшимъ академическимъ образованіемъ. Но сожалѣніе это оказалось напраснымъ, какъ увидимъ далѣе.

Наконецъ 30 августа я получаю извѣщеніе и поздрав-

леніе съ утвержденіемъ въ должности снудальнаго ризничаго отъ о. ректора вноанской семинаріи, архимандрита Леонида, который въ это время былъ также въ Москвѣ, и въ этотъ день, по случаю торжества тезоименитства Государа Императора, участвовалъ съ митрополитомъ въ служеніи, а за тѣмъ, по обычаю, былъ у владыки, вмѣстѣ съ прочими, на закуску въ чудовомъ монастырѣ. Вотъ что писалъ мнѣ достопочтенный о. Леонидъ:

«Возлюбленнѣйшій отецъ Савва! Только что узналъ я объ окончаніи вашего дѣла, какъ и спѣшу поздравить васъ. — При мнѣ, въ Чудовѣ, прокуроръ докладывалъ его высокопреосвященству, что утвержденіе васъ въ новой должности получено, и владыка тутъ же поручилъ быть посредникомъ при приѣмѣ отцу протопресвитеру. Дай Богъ, чтобъ вамъ полюбилась должность и вы ей полюбилась. До свиданія. *Леонидъ*».

Столь любезное и обязательное для меня письмо послужило для меня несомнѣннымъ залогомъ добраго ко мнѣ расположенія со стороны о. архимандрита Леонида. И эта надежда меня не обманула: чѣмъ далѣе тѣмъ больше и больше сталъ мнѣ оказывать знаковъ своего вниманія и благорасположенія о. Леонидъ.

Въ половинѣ слѣдующаго сентября о. ректоръ Леонидъ снова прибылъ въ Москву, вѣроятно, по дѣламъ своего златоустова монастыря, или по какимъ нибудь другимъ обстоятельствамъ, — хорошо не помню. И вотъ что онъ пишетъ мнѣ отъ 16 числа, вечеромъ:

«Приѣзжій изъ Вноанъ честь имѣетъ извѣстить высокопреподобнѣйшаго отца снудальнаго ризничаго, что онъ (приѣзжій)

останется сегодня дома безвыходно, не говоря, разумеется, о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ».

Это значило, что о. ризничій долженъ былъ явиться къ его высокопреподобію на вечерній чай, и я, разумеется, воспѣшилъ воспользоваться столь дружественнымъ приглашеніемъ.

По должности ризничаго, я имѣлъ еще, вмѣстѣ съ протопресвитеромъ успенскаго собора, начальство надъ пѣвчими снудальнаго хора. По особенному значенію этого хора, предоставлено отъ святѣйшаго снуда регенту онаго право избирать въ хоръ мальчиковъ духовнаго званія, не только въ предѣлахъ московской епархіи, но и изъ другихъ сосѣднихъ епархій. Въ іюнѣ 1851 г. регентъ снудальнаго хора, объѣзжая духовныя училища московской епархіи, нашелъ въ звенигородскомъ училищѣ священническаго сына Измаила Цвѣткова съ хорошимъ голосомъ и привезъ его съ собою же въ Москву. Цвѣтковъ былъ изъ числа хорошихъ учениковъ въ училищѣ; отецъ его опасался, что мальчикъ, поступивъ въ пѣвческій хоръ, можетъ потерпѣть ущербъ въ ученіи и нравственности, и потому употреблялъ всякія мѣры къ возвращенію сына изъ хора. Незнаю, какимъ образомъ узналъ объ этомъ обстоятельстве о. Леонидъ; только онъ отъ 12 того же іюня обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

«Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій о. ризничій! Четвертаго іюня завербованъ въ снудальный хоръ ученикъ четвертаго класса звенигородскихъ училищъ Измаилъ Цвѣтковъ. Мальчику всего тринадцать лѣтъ и шель онъ по первому разряду. Слѣдовательно изъ него могъ бы выдти хорошій ученикъ семи-

парин, а теперь.... быть пѣвческой вамъ хорошо извѣстенъ. По этому я рѣшился безпокоить васъ просьбою—обратить вниманіе на этого ребенка и, если нельзя возвратить его на прежнюю дорогу, по крайней мѣрѣ, зависящими отъ васъ средствами воспрепятствовать нравственной заразѣ и умственной недѣлятельности повредить ему. обращаю къ вамъ эту первую просьбу мою какъ по желанію сдѣлать добро малюткѣ и его семейству, такъ и по желанію быть чѣмъ нибудь обязаннымъ вашей любви, которую всегда цѣнилъ, какъ братскую».

По полученіи этого письма, я обращался съ ходатайствомъ объ увольненіи изъ хора Цвѣткова къ синодальной канторѣ, такъ какъ отъ ней зависѣло это: но получилъ ли удовлетвореніе въ этомъ ходатайствѣ, не помню. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ сего я самъ былъ освобожденъ отъ завѣдыванія синодальнымъ хоромъ, надъ которымъ власть предоставлена была, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія объ усовершенствованіи хора, прокурору синодальной канторы.

Въ половинѣ 1851 года приступлено было, по Высочайшему повелѣнію, къ передѣлкѣ синодальнаго дома съ церковію и ризницею. На время этой передѣлки, мнѣ предписано было избрать для себя помѣщеніе въ одномъ изъ двухъ ставропигіальныхъ монастырей—новоспасскомъ, или донскомъ. Мой выборъ палъ на новоспасскій; но такъ какъ тотъ и другой монастырь находятся почти въ равномъ разстояніи отъ Кремля, т. е. не менѣе четырехъ верстъ, а между тѣмъ мнѣ, по обязанностямъ службы, надлежало не рѣдко бывать въ Кремлѣ, гдѣ находится патриаршая ризница и бібліотека: то помѣщеніе мое, въ новоспасскомъ ли, или донскомъ монастырѣ, одина-

ково представляло для меня крайнее неудобство и затрудненіе. Но дружба ко мнѣ виаанскаго о. ректора вывела меня изъ этого затрудненія. Въ 1851 году о. Леонидъ изъ златоустова монастыря былъ переведенъ въ знаменскій, что на Варварѣхъ. Обитель эта отъ Кремля въ нѣсколькихъ сажняхъ. Разъ, помнится, въ концѣ августа, когда о. Леонидъ былъ въ Москвѣ, мы ѣхали съ нимъ вмѣстѣ къ кому-то въ замоскворѣчье; дорогой я завелъ съ нимъ рѣчь о предстоящемъ мнѣ переселеніи изъ Кремля на край Москвы, и при этомъ, разумѣется, изъяснилъ ему все для меня неудобства. Онъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ занять его настоятельскіе покои въ знаменскомъ монастырѣ, такъ какъ они большую часть года, по причинѣ пребыванія его въ Виааніи, остаются совершенно свободными. Такое братское предложеніе чрезвычайно утѣшило и успокоило меня. Оставалось только испросить на это соизволеніе и благословеніе архипастыря. На другой же день поѣхалъ я къ высокопреосвященному митрополиту съ словеснымъ докладомъ по этому предмету. Владыка, съ своей стороны, весьма охотно на это согласился. Такимъ образомъ я водворился въ знаменской обители, и прожилъ въ ней болѣе года.

Въ декабрѣ, къ празднику Рождества Христова, изволилъ прибыть въ Москву о. настоятель знаменскаго монастыря, и я встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Настоятельскіе покои не обширны, но довольно помѣстительны, такъ что мы расположились оба очень удобно и не стѣняя другъ друга. Теперь началась у

насъ жизнь, по истинѣ, братская: мы вмѣстѣ пили чай и обѣдали, вмѣстѣ читали и служили въ церкви, вмѣстѣ выѣзжали и къ себѣ принимали.

Но чтѣ однажды случилось? Разъ предъ вечернимъ чаемъ, о. архимандритъ лежалъ, по причинѣ боли въ ногѣ, на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, а я, сидя подлѣ него, велухъ читалъ московскія вѣдомости. Тамъ, между прочимъ, напечатано было извѣстіе о смерти мѣ въ вое тогда неизвѣстнаго генерала Слѣпцова, пораженнаго 10-го декабря пулею, на Кавказѣ. О. Леонидъ, по видимому, не очень внимательно слушавшій мое чтеніе, когда услышалъ имя Слѣпцова, какъ бы пробудился отъ дремоты и попросилъ меня повторить прочитанное. Когда я повторилъ, онъ внезапно вскочилъ съ дивана, громко зарыдалъ и, схвативши меня за руку, повлекъ въ залу. Не понимая въ чемъ дѣло, я крайне испугался, при видѣ такой душевной тревоги моего добраго хозяина. Но онъ, возложивши на себя эпитрахиль, обратился къ иконамъ и попросилъ меня отслужить съ нимъ краткую литію о упокоеніи новопредставленнаго раба Божія, боярина Николая: онъ священнодѣйствовалъ, а я исполнялъ должность чтеца и пѣвца. Послѣ сего, нѣсколько успокоившись, о. Леонидъ разъяснилъ мнѣ, кто былъ для него этотъ пораженный вражескою пулею генералъ Слѣпцовъ.

Пока о. Леонидъ оставался виванскимъ ректоромъ, онъ мало былъ знакомъ съ Москвою, равно какъ и его не многіе здѣсь знали. Между тѣмъ какъ я, проживши болѣе уже года въ Москвѣ, и притомъ на такой видной

должности, успѣлъ уже пріобрѣсть нѣсколько знакомствъ, по крайней мѣрѣ, въ средѣ высшаго московскаго духовенства. Такъ, кромѣ протопресвитера успенскаго собора, Василія Ивановича Заболотскаго-Платонова, къ которому я имѣлъ близкія служебныя отношенія, какъ къ члену синодальной конторы, я скоро познакомился съ его стопочтеннымъ своякомъ, настоятелемъ троицкой на Арбатѣ церкви, протоіереемъ Сергѣемъ Ивановичемъ Тихомировымъ-Платоновымъ. Воспитанникъ славяно-греко-латинской академіи, онъ былъ нѣкоторое время учителемъ духовнаго училища; затѣмъ, по принятіи священнаго сана, онъ съ честію проходилъ постепенно всѣ, какія только имѣются на епархіальной службѣ, должности: по ему, какъ человѣку способному и въ высшей степени честному, дѣлаемы были отъ высшаго начальства необычайныя порученія; такъ, вскорѣ послѣ перваго польскаго мятежа въ 1831 году, ему поручено было обривизовать всѣ православныя церкви на Волыни, и представить объ этомъ обстоятельный отчетъ. О. Сергій съ необыкновеннымъ успѣхомъ исполнилъ столь важное порученіе, и получилъ за это достойную награду. Въ 1851 г., когда я познакомился съ Сергѣемъ Ивановичемъ, онъ былъ благочиннымъ церковей, членомъ консисторіи и попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. И по своему образованію, и въ особенности по своей необыкновенной кротости и благородству характера, онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ какъ между духовенствомъ, такъ и въ свѣтскомъ обществѣ; у него было очень много духовныхъ дѣтей изъ самыхъ знатныхъ дворянскихъ

фамилій. Онъ былъ женатъ на дочери покойнаго протопресвитера успенскаго собора Якова Дмитріевича Никольскаго, въ свое время высокочтимаго всею Москвою, Любови Яковлевнѣ. Супруга—воплнѣ достойная своего мужа. Она отличалась и внѣшнею красою: но главныя ея достоинства заключались въ ея глубокой религіозности, высокой чистотѣ нравственной, въ ея необыкновенной деликатности и умѣньи держать себя въ какомъ-бы-то нибыло обществѣ съ достоинствомъ, свойственнымъ только самымъ благовоспитаннымъ женщинамъ. У нихъ не было дѣтей: но они всегда окружены были многочисленными племянниками и племянницами, внуками и внучками, на воспитаніе и устройство коихъ они употребляли значительную часть своего достоянія. Они имѣли близъ троицкой церкви собственный деревянный домъ, небольшой, но чрезвычайно уютный и содержимый въ безукоризненной опрятности и чистотѣ. Приемъ у нихъ всегда былъ самый радушный. Вообще, это была примѣрная чета въ средѣ многочисленнаго московскаго духовенства.

Съ этою-то доброю четою я предложилъ о. Леониду, во время рождественскихъ праздниковъ, познакомиться. Онъ охотно принялъ мое предложеніе. Поѣхали вечеромъ на Арбатъ: насъ приняли радушно добрые хозяева. О. протоіерей не разъ видѣлъ уже о. Леонида въ служеніяхъ церковныхъ, но его супруга въ первый разъ встрѣтилась съ нимъ. Побесѣдовали, напились чаю, полакомились десертомъ и отправились домой. Дорогою о. Леонидъ признался мнѣ, что онъ мало еще встрѣчалъ

такихъ людей въ средѣ духовенства. Повторились еще разъ взаимныя наши посѣщенія съ о. протоіереемъ и его матушкою, и о. Леонидъ такъ расположился къ нимъ, что до конца ихъ жизни (*) не прекращалъ съ ними знакомства, и въ послѣдствіи въ разговорахъ со мною, и даже въ письмахъ ко мнѣ, онъ не иначе называлъ ихъ, какъ „наши добрые арбатскіе старцы“. Равно и эти почтенныя старцы питали къ о. Леониду такое искреннее, глубокое уваженіе, что въ бесѣдахъ со мною и въ письмахъ ко мнѣ они не иначе называли его, какъ „нашъ о. архимандритъ, нашъ преосвященный Леонидъ“. Мои же къ нимъ отношенія, равно какъ и ихъ ко мнѣ, были истинно родственныя, тѣмъ болѣе, что и фамиліи наши были одинаковыя (Тихомировъ), хотя мы съ о. протоіереемъ были родомъ изъ разныхъ епархій—онъ калужскій, а я владимірскій.

По минованіи святокъ, я долженъ былъ проводить своего почтеннаго хозяина—гостя въ его пустынную Виванію, съ надеждою впрочемъ на скорое съ нимъ свиданіе во время сырной недѣли. Но надежда моя не оправдалась: вмѣсто хозяина я долженъ былъ принять у себя гостя, для меня впрочемъ весьма пріятнаго.

Гость этотъ—ректоръ владимірской семинаріи, архимандритъ *Евфимій*,—котораго я по справедливости могу назвать своимъ благодѣтелемъ. Онъ былъ изъ числа первыхъ совѣтниковъ, внушившихъ мнѣ благоую мысль поступить въ академію, когда я овдовѣлъ. Въ началѣ

(*) О протоіерей С. И. Тихомировъ-Платоновъ сконч. 16-го февраля 1866 г., а супруга его—Любовь Яковлевна—11-го января 1874 г.

1852 года о. Евфимій вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія. Но онъ, при должности ректорской, былъ вмѣстѣ, по тогдашнему обычаю, настоятелемъ переславскаго Данилова монастыря: поэтому ему, предварительно поѣздки въ Петербургъ, надлежало побывать въ своемъ монастырѣ для того, чтобы, на время отсутствія своего, сдѣлать тамъ необходимыя распоряженія. Изъ Переславля—Залѣскаго пути въ Петербургъ лежалъ чрезъ троицкую лавру и Москву. Въ Москвѣ о. Евфимій располагалъ пробыть нѣсколько дней, и какъ у него въ Москвѣ не было знакомыхъ между настоятелями монастырей, то онъ просилъ для себя пристанища у меня, въ знаменскомъ монастырѣ. По этому поводу онъ писалъ мнѣ изъ Переславля отъ 29-го января:

«Хоть вы и сами живете въ гостяхъ, но тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь безпокоить васъ покорнѣйшею просьбою — дать мнѣ пріютъ на короткое время пребыванія моего въ Москвѣ—въ занимаемыхъ вами келліяхъ, въ знаменскомъ монастырѣ. Въ бытность свою въ Лаврѣ, я озабочусь увидѣться съ о. ректоромъ впоанскимъ и испросить у него на это разрѣшеніе. Буду же я въ Москвѣ, если не помѣшаетъ мнѣ простуда, которою теперь страдаю, въ слѣдующій четвертокъ, или—что вѣрнѣе—въ пятницу».

Въ назначенное время о. Евфимій прибылъ въ Москву, и я принялъ его, какъ вождедѣннаго гостя, и за тѣмъ проводилъ въ Петербургъ, откуда онъ болѣе не возвращался во Владиміръ, но былъ переведенъ на ту же должность въ новгородскую семинарію.

Хозяинъ же мой, о. архимандритъ Леонидъ, отъ 27 февраля почтилъ меня слѣдующимъ посланіемъ:

«Прежде всего прошу васъ быть снисходительнымъ къ этому письму, которое, вѣроятно, будетъ или коротко, или безсвязно, или то и другое вмѣстѣ. Если угодно объясню и причину. У меня на ногѣ лежитъ пластырь наривной мази подъ вытягивающимъ пластыремъ: ногу щиплетъ и рветъ, и весь организмъ въ нѣкоторомъ раздраженіи. Въ такомъ случаѣ и мысль спокойна быть не можетъ. Впрочемъ прошу не заключать изъ этого, что я принадлежу къ новой школѣ исторической, гдѣ всѣ нравственныя дѣйствія хотятъ рѣшительно обусловить мѣстными физическими вліяніями. Я готовъ въ этомъ отношеніи держаться средины: дать свободный полетъ духу, уступивъ нѣчто и физическимъ вліяніямъ».

«Признаюсь вамъ, очень жалко мнѣ было, что пропустилъ пріятный случай провести съ вами нѣсколько дней: но это случилось для меня тѣмъ спокойствіемъ и добропорядочностію житія, какими пользовался я на нервной недѣлѣ. Вы постоянный житель Москвы и къ ней привыкли: для меня она въ тягость. Їду въ Москву всегда съ неохотою, въ Москвѣ обживаюсь, сдружаюсь съ ней, а домой возвращаюсь съ отягощеніемъ. Право, если бы было можно, и на Свѣтлую не пріѣзжалъ бы».

«Вмѣсто меня былъ у васъ гость достойнѣйшій о. Евфимій. Очень радостно было мнѣ, что не только успѣлъ познакомиться съ нимъ, но и впрочемъ оказать ему услугу».

«Очень утѣшительно для меня впечатлѣніе, произведенное на васъ статьюю о Слѣпцовѣ. (*) Оно послужитъ мнѣ ручательствомъ, что имя моего друга будетъ иногда и вами произнесено на молитвѣ, преимущественно литургійной. Много съ тѣхъ поръ новыхъ именъ надобно было присоединить къ списку почившихъ. Последнее имя—отца Симеона (архимандрита донскаго монастыря). Миръ души этого достойнѣйшаго дѣлателя въ саду Божіемъ... Но, извините, чувствую приливъ крови къ головѣ и послѣ при-

(*) Разумѣется здѣсь статья, напечатанная потомъ, въ 1874 г., подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о кадетской жизни генерала Н. П. Слѣпцова“.

пину, или теперь же dokonчу, при пожеланіи вамъ всѣхъ милостей изъ сокровищница Господа Иисуса Христа.—Брата цѣлую и васъ обнимаю. Прощайте.»

Въ концѣ письма приписка отъ 29-го февраля слѣдующая:

«Прошу васъ передать брату, при свиданіи, что письмо его я получилъ и весьма благодаренъ. Оно должно было поколебать несчастную увѣренность нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ, охотно принявшихъ вѣстіе, будто покойный *Гоголь* былъ въ бѣлой горячкѣ. Какъ видно, слухъ этотъ распущенъ тѣми *достойными христианами*, которымъ все, что отзывается религіозностію, что несетъ печать христіанства, представляется сѣмашествіемъ.

Считаю нужнымъ остановиться вниманіемъ на этомъ письмѣ. О. Леонидъ въ одномъ и томъ же письмѣ упоминаетъ о двухъ своихъ болѣзняхъ—о болѣзни въ ногѣ и о приливѣ крови къ головѣ; а не задолго предъ тѣмъ онъ жаловался также на какую—то болѣзнь своему другу Слѣпцову, который отвѣчалъ на эту жалобу дружескою скорбію:

«Скорблю,—писалъ онъ о. Леониду, отъ 12 ноября 1851 года,—душой о здоровьѣ твоемъ: поддержи его Сила небесная на пользу родины нашей и въ славу Божию.»

Я не помню хорошо, часто ли подвергался о. Леонидъ болѣзнямъ въ прежнее время, когда онъ былъ профессоромъ виванской семинаріи и затѣмъ бакалавромъ академіи: но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался ректоромъ семинаріи, онъ чаще и чаще началъ страдать отъ разныхъ недуговъ, а именно: отъ боли въ ногахъ, отъ расстройства нервъ и отъ сильныхъ приливовъ крови къ головѣ. Очень можетъ быть, что главный источникъ всѣхъ этихъ недуговъ скрывался въ его тѣлѣ (объ этомъ

надобно спросить его постоянного врача, В. И. Рахманова); но нельзя отрицать здѣсь участія и нравственныхъ причинъ. Пока о. Леонидъ былъ только наставникомъ, онъ не могъ испытывать другаго чувства, кромѣ чувства удовольствія отъ расширенія своихъ познаній чрезъ занятія науками, которыя были ему по душѣ и по силамъ. Его отношенія къ сотоварищамъ по службѣ, при его благородномъ характерѣ, могли быть, и дѣйствительно были самыя добрыя и мирныя; его нравственное вліяніе на учениковъ, безъ сомнѣнія, было самое благотворное. Но съ вступленіемъ въ должность ректора многое для него должно было измѣниться. Прежде всего, ему надлежало преподавать догматическое богословіе—предметъ, къ которому онъ не былъ вполне приготовленъ предшествовавшими восьмилѣтними занятіями; въ этомъ онъ многократно мнѣ самъ признавался. Его отношенія ко всему, его окружающему, теперь стали уже далеко не тѣ, какія были прежде. Какъ главный начальникъ заведенія, онъ обязанъ былъ за всѣми какъ наставниками, такъ и учениками, бдительно слѣдить, во все вникать и за все отвѣчать предъ высшимъ начальствомъ и предъ общественнымъ мнѣніемъ, между тѣмъ, какъ административной опытности ему приобрѣсть было еще некогда, да и неоткуда. При томъ онъ не могъ не чувствовать и не сознавать, что для него, какъ пришедшаго изъ иной среды, многое здѣсь ново и необычайно, и потому онъ не могъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ шагахъ, дѣйствовать съ самоувѣренностію. Съ другой стороны, и для его подчиненныхъ многое

въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ казалось необычнымъ и несообразнымъ съ прежними укоренившимися порядками и преданіями. Хорошо, если бы онъ, хотя на первое время, имѣлъ единомысленнаго съ собою человѣка въ ближайшемъ своемъ помощникѣ: но и этого онъ не могъ имѣть. Инспекторомъ вѣоанской семинаріи съ 1849 г. былъ іеромонахъ, съ 1851 г. архимандритъ Наванаиль (въ мѣрѣ Гавріиль Нектаровъ), который въ томъ же 1849 г. былъ постриженъ въ монашество изъ профессоровъ московской семинаріи, гдѣ онъ былъ съ 1838 г.. Общаго между ректоромъ и инспекторомъ какъ въ воззрѣніяхъ, такъ и въ правилахъ жизни, не было почти ничего. Кромѣ того, Наванаиль, какъ старшій по лѣтамъ службы и считавшій себя конечно выше ректора по богословскому образованію, относился къ сему послѣднему не съ подобающимъ уваженіемъ. Этого не могъ не примѣчать и не чувствовать о. Леонидъ. Далѣе, посліку ученики вѣоанской семинаріи были дѣти исключительно сельскаго духовенства московской епархіи, слѣдовательно съ привычками и наклонностями болѣе или менѣе грубыми и непривлекательными: то отсюда новый источникъ тяжелыхъ и непріятныхъ впечатлѣній для ректора, свѣтски образованнаго и благовоспитаннаго. Если наконецъ принять во вниманіе совершенно замкнутую въ небольшомъ кружкѣ семинарскихъ наставниковъ жизнь о. Леонида, то нетрудно понять, могли-ли въ эти условія благопріятствовать процвѣтанію его здоровья.

Другая нравственная причина частыхъ болѣзней и недуговъ о. Леонида заключалась въ немъ самомъ, въ его

образѣ жизни. Когда онъ не чувствовалъ въ себѣ болѣзни и былъ въ добромъ расположеніи духа, онъ не зналъ мѣры своимъ трудамъ и подвигамъ. Для него встать съ постели въ полночь, идти въ церковь къ утренни, отстоять или отслужить раннюю литургію, за тѣмъ идти въ классъ на лекцію, потомъ принимать подчиненныхъ или постороннихъ посѣтителей, и заключить все это самою скромною трапезою, послѣ которой при томъ никогда онъ не отдыхалъ; или съ вечера просидѣть за какимъ нибудь официальнымъ дѣломъ, или дружескимъ письмомъ до утренней зари — для него совершенно ничего не значило. Вообще онъ отличался необыкновенною наклонностію жертвовать собою для другихъ, — и за это нерѣдко весьма дорого расплачивался.

Чтобы моя дружеская укоризна не оказалась голословною, я представлю доказательства на это изъ собственныхъ устъ моего почившаго друга, изъ его братскихъ ко мнѣ писемъ.

Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ мнѣ въ письмѣ, которое начато ночью 17 октября, а окончено съ 10-го на 11-е ноября 1875 г. въ полночь, и въ которомъ на шести почтовыхъ листахъ описывалась имъ поѣздка его въ троицкую лавру по случаю погребенія ректора московской духовной академіи, прот. А. В. Горскаго:

«Всѣ мѣста родныя хочется посмотрѣть. Вотъ рождественская церковь, гдѣ по цѣлой недѣлѣ, за отсутствіемъ іерея, духовника матушки, я служилъ, пріѣзжая для этого изъ Вѣоаніи; пріѣду въ холодную ночь, ударю въ асакъ и сяду на скамью, пока придутъ отворить церковь... Я былъ въ келліяхъ (въ геесиманскомъ

свиту), входилъ въ успенскую церковь, гдѣ нѣкогда служилъ за череднаго іеромонаха, въ присутствіи митрополита Филарета.»

3-го іюля 1866 г., когда я былъ уже назначенъ на полоцкую каѳедру, но, не получивъ указа, оставался еще въ Москвѣ, — исполнилось 45 лѣтъ святительскаго служенія на московской каѳедрѣ въ Возѣ почившаго митрополита Филарета. Старшее московское духовенство, по мысли старшаго Викарія епископа дмитровскаго (т. е. Леонида), рѣшилось поднести высокому юбиляру привѣтственный адресъ и отправить его чрезъ особую депутацію въ лавру, гдѣ въ то время пребывалъ Владыка. Преосвященный дмитровскій составилъ этотъ адресъ, прислалъ его ко мнѣ для подписи утромъ 2 числа при слѣдующей запискѣ:

«Преосвященнѣйшій владыко! Если желаете въ письмѣ ко Владыкѣ свою подпись присоединить къ моей, то не забудьте себѣ въ трудъ прочесть, исправить, измѣнить, дополнить проэктъ письма. Отцы — даниловскій архимандритъ и каѳедраальный протоіерей ѣдутъ сегодня въ часть, письмо должно быть доставлено въ 12-ть, а мною подписано въ 11-ть; ибо въ 11-ти — общалъ быть въ коммерческомъ училищѣ (безъ сомнѣнія, на экзаменѣ, или актѣ). Теперь *третья часть полнолуны*. Сіе время нахожу лѣтомъ единственно способнымъ для занятій. Я не сплю, а дѣла выходятъ сонныя, каковы и сей прозекъ».

Письмо ко мнѣ отъ 14 апрѣля 1872 г., на двухъ почтовыхъ листахъ, начинается такими словами:

«Начинаю бесѣду съ вами въ священную и страшную ночь великаго пятка. Не знаю причины, почему не могу уснуть. Между прочимъ, можетъ быть, и дѣйствіе полной луны, которая тихо и свѣтло кагится по безоблачному небу, можетъ быть и притокъ электрчества въ воздухъ, ибо послѣ всенощной, около 9-ти ча-

совъ, я видѣлъ сильный блескъ молніи. Сверкнуло и теперь, *въ половину третьяго*; термометръ на 10-ти град. тепла. Но и не очень сожалѣю о снѣ въ ночь безсонную для Ова духовнаго міра, какъ наименовалъ Госнода Іисуса Христа почившій нашъ Владыка. То съ одной, то съ другой колокольни летятъ торжественныя звуки и пр.»

Въ концѣ письма помѣта:

«Апрѣля 14, великій пяттокъ, 5-ть часовъ утра».

При такомъ порядкѣ жизни можно ли было не сокрушить самое крѣпкое здоровье? Надобно еще удивляться довольно продолжительной жизни (почти 60 л.) блаженно почившаго архинастыря.

Кстати скажу здѣсь нѣсколько словъ о семействѣ о. Леонида, которое состояло въ это время изъ его матери — вдовы, брата и трехъ сестеръ.

Семейство Красногѣвковыхъ переселилось изъ своей дмитровской деревни въ сергіевъ посадъ, что при троицкой лаврѣ, въ 1840 году. Когда я учился въ академіи (съ 1846—1850 г.), я не имѣлъ почти никакого понятія объ этомъ семействѣ; видалъ только перѣдко въ алтарѣ троицкаго лаврскаго собора довольно высокаго молодого человѣка, котораго мнѣ называли братомъ о. Леонида. Съ прочими же членами семейства я познакомился не ранѣе весны 1852 г., когда я въ первый разъ пріѣзжалъ уже изъ Москвы въ лавру на богомолье. Но съ этого времени мое знакомство съ семействомъ Красногѣвковыхъ не прекращалось уже никогда.

Мать о. Леонида, Анна Ивановна, была въ это время въ преклонныхъ уже лѣтахъ. Старица была весьма добрая, ласковая и благочестивая.

Братъ о. Леонида Александръ Васильевичъ, по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, въ 1850 г. поступилъ на службу въ московское общество сельскаго хозяйства и жилъ у дальняго по матери своей родственника, непремѣннаго секретаря этого общества Ст. Ал. Маслова. Съ Александромъ Васильевичемъ Краснопѣвковымъ я познакомился вскорѣ по прибытіи моемъ въ Москву и полюбилъ его отъ души, какъ добраго и благороднаго юношу. Теперь онъ директоръ народныхъ училищъ московской губерніи, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Старшая изъ трехъ сестеръ Краснопѣвковыхъ, Екатерина Васильевна, еще въ Петербургѣ была выдана въ замужество за флотскаго офицера П. П. Ушакова и съ нимъ была нѣсколько лѣтъ въ Камчаткѣ. Лишившись мужа, она въ 1849 году возвратилась въ свое родное семейство, но вскорѣ за тѣмъ поступила на службу, въ качествѣ классной дамы, въ московскій николаевскій сиротскій институтъ. Е. В. Ушакова—особа высокообразованная, свободно владѣющая иностранными языками—англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ.

Младшія сестры Олимпиада и Татіана Васильевны—дѣвочки весьма добрыя и пріятныя, но, къ сожалѣнію, болѣзненные, въ особенности первая изъ нихъ.

Возвращусь теперь нѣсколько назадъ. Въ приведенномъ выше письмѣ, отъ 27—29-го февраля 1852 года, о. Леонидъ, между прочимъ, писалъ: „право, если бы было можно, и на свѣтлую не пріѣхалъ бы (разумѣется въ Москву)“. И онъ сдержалъ свое слово, остался на

свѣтлую недѣлю въ Вианні: но для меня это показалось нѣсколько страннымъ и подозрительнымъ. Мнѣ подумалось, не я ли тутъ причиною; не мое ли продолжительное пребываніе въ его настоятельскихъ покояхъ заграждаетъ ему путь въ вѣренную ему обитель. Пріѣтствуя его съ свѣтлымъ праздникомъ, я позволилъ себѣ сдѣлать объ этомъ въ письмѣ своемъ намекъ: но вотъ что получилъ отъ его высокопреподобія въ отвѣтъ:

«Воистину воскресе! Многоуважаемый и сердечно любимый отецъ ризничій святѣйшихъ патріарховъ и св. снуда! Съ особеннымъ чувствомъ принялъ я къ сердцу христіанское пріѣтствіе ваше. Признаюсь однакожъ, что оно глубоко возмутило меня. По прочтеніи его, внезапно посѣтила меня мысль, которою меня какъ вромъ обдало. Представилось мнѣ, будто бы вы предполагаете, что не пріѣзжалъ я на праздникъ пасхи, а тоже и на сырную недѣлю, опасаясь какъ васъ стѣснить, такъ и себѣ не найти простора. Желаю, чтобы я ошибался въ этомъ; чтобы вовсе не было въ васъ подобной мысли; если, къ сожалѣнію, она посѣтила васъ, то прошу и умоляю васъ изгнать ее безъ всякой пощады, и вѣрить, сколько можете вы имѣть довѣрія въ искренности моихъ чувствъ къ вамъ, что никогда, ни на минуту не посѣщала меня эта мысль, и что я приношу большую жертву, лишая себя случая къ сближенію съ вами, что я желалъ бы—не для васъ а для себя—всякихъ замедленій въ перестройкѣ вашихъ келлій,—замедленій, которыя доставили бы мнѣ возможность провести съ вами лѣто, какъ провелъ двѣ—три недѣли зимы. Причинъ у меня много: однѣ вамъ извѣстны, другія не стоятъ извѣстности; но все вмѣстѣ онѣ стали стѣною между моими вианскими келліями и Москвою. Въ ожиданіи личнаго свиданія, надѣюсь видѣть вашу благородную душу, ваше расположеніе ко мнѣ, въ тѣхъ письмахъ, которыми вы, конечно, не оставите, время отъ времени, утѣшать меня. Желаю вамъ, чтобы вся ваша жизнь вазалась вамъ свѣтлою недѣлею, и

была зарею свѣта невечерняго, котораго всѣхъ насъ да не лишитъ Свѣтодавецъ. Душою преданный вамъ А. Леонидъ. 6-го апрѣля 1852 года. Сергіевъ Посадъ».

Это грозное дружеское посланіе было для меня достойнымъ возмездіемъ за мое малодушіе и недовѣріе къ искренности и благородству чувствъ въ отношеніи ко мнѣ со стороны благороднѣйшаго о. архимандрита Леонида.

Доброе желаніе о. Леонида провести со мною лѣто исполнилось. Перестройки по синодальному дому шли не очень спѣшно, и я провелъ съ моимъ возлюбленнымъ хозяиномъ не только все его вакантное время, но и послѣ еще прожилъ въ знаменскомъ монастырѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ: не ранѣе поѣбры я переселился въ свою новоустроенную кремлевскую келлію.

Въ продолженіи вакаціи мы съ о. Леонидомъ перѣдѣляли пріятныя экскурсіи за городъ — въ монастыри, или къ знакомымъ на дачи; чаще всего бывали у нашихъ добрыхъ арбатскихъ старцевъ, которые имѣли въ это лѣто, равно какъ и въ послѣдующія, очень скромную, но удобную дачку на Филяхъ, по смоленской дорогѣ, за дорогомилловской заставой, чрезъ которую въ 1812 году входилъ въ Москву Наполеонъ. Въ городѣ же онъ началъ уже знакомить меня съ своими знакомыми; прежде всего я познакомился чрезъ него съ упомянутымъ выше С. А. Масловымъ, за тѣмъ съ семействомъ сенатора Макс. Карл. Цеймернъ, коего онъ отпѣвалъ мать — начальницу николаевскаго института.

Съ какою бы кто не обращался къ о. Леониду прось-

бою, отказа никому не было, если только просьба удобоисполнима. Въ іюлѣ 1852 года профессоръ виванской семинаріи, іеромонахъ Порфирій (въ мірѣ Георгій *Поновъ*) просить своего добраго ректора принять участіе въ его родной племянницѣ-сиротѣ, касательно опредѣленія въ николаевскій сиротскій институтъ, гдѣ классной дамой была сестра о. Леонида. О. ректоръ, разумѣется, охотно вызвался содѣйствовать этому доброму дѣлу. Препровождена была, куда слѣдуетъ, просьба отъ имени о. Порфирія съ приложеніемъ нужныхъ документовъ: но встрѣтилось недоразумѣніе относительно фамиліи дѣвочки-сироты. Необходимо было разъяснить это недоразумѣніе, и требовалась на этотъ разъ особенная поспѣшность. По этому случаю о. Леонидъ пишетъ мнѣ два, одно въ слѣдъ за другимъ, письма, которыя были мною получены въ одинъ день, 31-го іюля. Въ первомъ письмѣ, отъ 28-го числа, онъ пишетъ по почтѣ:

«Чрезъ васъ перешли отъ о. Венедикта — казначея — въ руки г. Викторова (*) документы племянницы о. Порфирія, дѣвочки Александры Зосимовской. (**) Потрудитесь, ради о. Порфирія и меня ради, поскорѣе отобрать у г. Викторова свѣдѣніе о томъ, кому подать онъ эту просьбу, и это свѣдѣніе передать моему брату, дабы онъ могъ приложить къ этой просьбѣ ходатайство передъ начальницею заведенія. Дѣло требуетъ, какъ мнѣ изъяснили, особенной поспѣшности».

(*) А. Е. Викторовъ товарищъ мой, равно какъ и о. Порфирій, по академіи.

(**) Надобно замѣтить, что у ходатаеи произошла ошбѣка. Просилъ за племянницу, дочь роднаго брата, о. Порфирія, а фамилія его *Поновъ*. Безъ дальнихъ, разумѣется, справокъ и стали просить за Понову, между тѣмъ, какъ нѣльное обыкновеніе мѣнять фамиліи, дало брату о. Порфирія фамилію *Зосимовскаго*.
Примч. автора письма.

Другое письмо, на полулистѣ полубѣлой бумаги, отъ 30-го числа, слѣдующаго содержанія:

«Возлюбеннѣйшій о. ризничій! беру первый попавшійся лоскутъ бумаги, чтобы сказать нѣсколько словъ по экстремному дѣлу. Объ немъ писано къ вамъ по послѣдней почтѣ; но, вѣроятно, почта будетъ упреждена этою запиской.

«Всѣ хлопоты по дѣлу объ опредѣленіи сироты вышли изъ того, что подумали, будто у роднаго брата о. Порфирія, имѣющаго фамилію *Поповъ*, таже фамилія, а между тѣмъ онъ, а потому и дочь его прозываются *Зосимовскіе*. Потрудитесь сообщить о семъ брату немедленно, если еще не открылась причина затрудненій».

Такое горячее участіе въ судьбѣ сироты со стороны о. Леонида увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: дѣвица Зосимовская была принята въ заведеніе.

Въ сентябрѣ 1852 года московское общество сельскаго хозяйства устроило въ манежѣ, близъ Кремля, цвѣточную и вообще сельско-хозяйственную выставку. Въ этомъ дѣлѣ принималъ самое живое участіе братъ о. Леонида, А. В. Краснолѣвковъ, какъ служившій тогда при этомъ обществѣ. Онъ приглашалъ меня посмотреть на ихъ выставку, но я опасался принять это любезное приглашеніе, дабы появленіемъ своимъ въ монашескомъ одѣяніи, среди пестрой и многочисленной толпы мірской, не подать повода къ соблазну, и потому разсудилъ предварительно спросить на этотъ счетъ мнѣніе моего виоанскаго друга. И вотъ получилъ отъ него какой мудрый отвѣтъ:

«Въ посланіи вашемъ спрашиваете моего мнѣнія о прогулкѣ на выставку. Скажу не обинуясь: и въ церковь иду съ предосудженіемъ для себя, если хочу сдѣлать въ храмѣ Божіемъ выставку изъ себя, но и съ выставки въ манежѣ могу возвратиться безъ

всякаго предосудженія, если мое монашество ходило туда со мною. Мы монахи, но, по положенію своему, не пустынники; намъ возможно и даже не должно вовсе бѣгать отъ столкновеній съ міромъ; но должно соблюдать себя неоскверненными отъ міра. Урокъ намъ труденъ: но кто знаетъ, былъ ли бы другой легче для насъ. Вотъ мое искреннее мнѣніе, по вашему требованію высказанное: судите, неосуждайте. Христосъ по средѣ насъ нынѣ и вѣвѣки. Брата обнимаю отъ всей души и поздравляю съ блистательнымъ успѣхомъ выставки, которая такъ справедливо занимала его... Простите и будьте увѣрены, что и заочно я усерднѣйшій и преданнѣйшій вашъ *зостъ* (въ началѣ письма о. Леонидъ поздравлялъ меня со днемъ ангела)».

Успокоенный такимъ дружескимъ отвѣтомъ, я рѣшилъ съѣздить сельско-хозяйственную выставку, и былъ очень доволенъ. Послѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, я посѣщаль, но уже вмѣстѣ съ о. Леонидомъ, подобную выставку мануфактурную.

Въ ноябрѣ 1852 года я переселился изъ знаменскаго монастыря въ свое кремлевское патриаршее жилище. На праздникъ Рождества Христова о. Леонидъ пріѣхалъ въ Москву и уже не нашель въ знаменскомъ монастырѣ своего постояльца: тѣмъ не менѣе мы почти ежедневно съ нимъ видѣлись, — или онъ у меня, или я у него, а знакомыхъ нашихъ посѣщали вмѣстѣ, такъ какъ у меня не было никакого экипажа. И вотъ какой курьезъ случился съ нами въ первый день праздника. Наканунѣ праздника, 24-го декабря, писалъ мнѣ о. Леонидъ:

«Достопочтеннѣйшій батюшка! Вчера вѣжды мои такъ отяжелѣли сномъ, что увлекли за собою и уста, которыя и не выполнили потому обязанности, возложенной на нихъ моимъ искреннимъ желаніемъ — пригласить васъ, если будете вы свободны, завтра отку-

шать ко мнѣ. Теперь же просить бы васъ прислать мнѣ «Фому Кемпійскаго» и тотъ № вѣдомостей, въ которомъ слово владыки на текстъ: *«Иди и ты твори такожде»*. (*)

Долго мы ѣздили съ о. Леонидомъ въ день Рождества по Москвѣ съ визитами; приѣзжаемъ наконецъ въ монастырь: онъ требуетъ, чтобъ подавали обѣдъ, но ему отвѣчаютъ, что обѣда не приготовлено, такъ какъ не было приказанія, да и повара нѣтъ на кухнѣ—ушелъ со двора. Чтò дѣлать? Оставалось ради праздника удовлетвориться сухояденіемъ. Къ счастью, я вспомнилъ, что у меня на столѣ осталась приличная праздничная закуска, которую я предлагалъ, по обычаю, своимъ гостямъ послѣ литургіи въ синодальной церкви 12-ти апостоловъ, и которую долженъ былъ оставить на столѣ, снѣша на молебнѣ въ чудовъ монастырь. Такимъ образомъ отъ знаменскихъ воротъ мы сдѣлали поворотъ и направились къ Кремлю, гдѣ и обрѣли чѣмъ утолить гладъ. Долго послѣ этого мы съ дружескимъ смѣхомъ вспоминали о званномъ знаменскомъ обѣдѣ. Такъ всегда мало заботился о тѣлесныхъ потребностяхъ мой приснопамятный другъ!

Послѣ праздничнаго отдохновенія въ Москвѣ, о. ректоръ Леонидъ возвратился къ своимъ виаанскимъ трудамъ: но во второй половинѣ января 1853 г. почему-то опять явился въ бѣлокаменной. И, вѣроятно, поспѣшно собираясь въ путь, онъ забылъ взять съ собою теплое платье, такъ же какъ забылъ на праздникъ Рождества заказать себѣ обѣдъ; приѣхавши въ Москву, пишетъ мнѣ 20-го числа записку:

(*) Беседа въ день тезоименствія Государя Императора Николая Павловича (декаб. 6-го д. 1852 г.).

«Вашъ слуга опять въ Москвѣ и сегодня же надѣется увидѣться съ вами, а теперь просить покорнѣйше прислать ему, если есть, какой нибудь изъ вашихъ ватныхъ, или мѣховыхъ полукафтаныевъ: одолженное будетъ возвращено послѣ полудня... Вторникъ. Утро. Зи. А. Леонидъ.»

Требованіе почтеннаго слуги смиреннымъ господиномъ, безъ сомнѣнія, было исполнено.

Былъ ли за тѣмъ о. Леонидъ въ Москвѣ на сырной недѣлѣ и на Пасхѣ,—не помню; но что онъ вакацію проводилъ въ своей знаменской обители, на это у меня сохранился документъ. 19-го августа онъ пишетъ мнѣ:

«Авва возлюблѣннѣйшій! Возвращаю вамъ прологъ. Если обрѣтается у васъ Степенная Книга и та часть Карамзина, въ которой—царствованіе велик. кн. Василія Васильевича, то буду объ нихъ просить васъ. Приходите, если разсудите, къ обѣду, но пораньше, а не то, можетъ быть, я зайду къ вамъ изъ Чудова послѣ вечерни...»

Просьба эта, вѣроятно, мною исполнена: но для чего о. Леониду понадобились эти книги,—не помню.

Конецъ 1853 г. ознаменованъ былъ для о. Леонида очень важнымъ событіемъ:

За перемѣщеніемъ въ августѣ этого года преосвященнаго Филовея, еп. дмитровскаго, викарія московскаго, на костромскую кафедру, на его мѣсто въ санъ епископа дмитровскаго возведенъ былъ 20-го сентября ректоръ московской духовной академіи, законоохранскій архимандритъ Алексій. Въ академію на ректорскую должность переведенъ былъ ректоръ московской семинаріи, высокопетровскій архимандритъ Евгеній, а на его мѣсто перемѣщенъ ректоръ виаанской семинаріи, архимандритъ Леонидъ, съ назначеніемъ въ то-же время настоятелемъ

ставропигіального заіконоспаскага монастыря; въ виоанскую же семинарію ректоромъ опредѣленъ былъ помянутый выше инспекторъ той же семинаріи, архимандритъ Наонаилъ.

По порядку, заіконоспасскій монастырь слѣдовало бы передать преемнику ректора академіи, архимандриту Евгенію; но митрополитъ о. Евгенія оставилъ настоятелемъ прежняго высокопетровскаго монастыря, а заіконоспасскій вручилъ, разумѣется, съ разрѣшенія св. синода, о. Леониду, единственно по вниманію къ его семейнымъ обстоятельствамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ о. Леонидъ поступилъ на духовно-училищную службу, на его попеченіи была его мать и двѣ сестры. Окладъ жалованья профессорскаго въ семинаріи и бакалаврскаго въ академіи, для содержанія такого семейства, былъ очень скуденъ. Жалованье ректорское вмѣстѣ съ профессорскимъ, а также братскіе доходы отъ монастырей, сначала златоустова, а потомъ знаменскаго, составляли, конечно, въ общей сложности болѣе прежняго обильный источникъ содержанія: но все таки едва-ли могли вполне покрывать ежегодныя издержки на приличное содержаніе о. Леонида съ его семействомъ. Когда же онъ получилъ въ свое завѣдываніе заіконоспасскій монастырь, который гораздо богаче средствами сравнительно съ прежними монастырями, онъ былъ вполне удовлетворенъ и не зналъ, какъ благодарить Бога за оказанную ему милость.

Въ ноябрѣ о. Леонидъ былъ уже въ Москвѣ и отъ 17-го числа писалъ мнѣ:

«Если отцу синодальному ризничему вождѣнно видѣть живущихъ въ бывшемъ *Остермана* домѣ (т. е. въ семинаріи), то да вѣдаетъ, что они рады будутъ ему нмѣ, во вторникъ.»

Съ этого времени наши взаимныя посѣщенія стали повторяться чаще и чаще, и когда вслѣдъ за о. Леонидомъ переѣхала изъ сергіевскаго посада въ Москву его почтенная матушка съ двумя своими дочерьми, я сдѣлался какъ бы членомъ этого, можно сказать, благословеннаго семейства. Въ продолженіи многихъ лѣтъ моего самаго близкаго знакомства съ этимъ семействомъ, я никогда не видалъ между членами его не только никакихъ ссоръ и взаимныхъ неудовольствій, но и непріятныхъ взглядовъ и оскорбительныхъ словъ. О. Леонидъ былъ примѣрно почтительный сынъ и нѣжно-любящій братъ: взаимно и онъ пользовался отъ всего семейства искреннею любовію и уваженіемъ. Бывать въ кругу такого семейства для меня было весьма отраднo, а бывалъ я тамъ, правду сказать, очень нерѣдко; но чаще видѣлся я съ семействомъ о. Леонида въ его семинарскихъ покояхъ, или въ монастырскихъ келліяхъ. Праздникъ ли какой-нибудь въ монастырѣ, торжество ли въ семинаріи, случай ли какой нибудь въ семействѣ—радостный, или печальный, гость ли какой нибудь пріѣзжій, и ради его устрояется трапеза: всегда я былъ непремѣннымъ участникомъ какъ въ официальныхъ, такъ и въ семейныхъ пиршествахъ, но пиршествахъ самыхъ скромныхъ и благопристойныхъ. Въ свою очередь, и у меня всегда открыты были двери какъ для о. ректора, такъ и для его родныхъ. Бывало, ѣдетъ-ли

о. ректоръ изъ семинаріи въ свой заіконоспасскій монастырь, по пути заѣдетъ въ Кремль поклониться святынь и посѣтитъ синодальнаго ризничаго; возвращается ли изъ монастыря, опять держать путь черезъ Кремль; и если это въ часъ обѣденный, остается кушать у меня. Послѣ обѣда идемъ въ патріаршую ризницу полюбоваться священными древностями, и если насъ застанетъ здѣсь ударъ колокола къ вечернѣ, мы или слушаемъ вечерню изъ окна ризницы, устроеннаго надъ синодальною церковію 12-ти апостоловъ, гдѣ я былъ настоятелемъ, или отправляемся въ успенскій соборъ, а послѣ вечерни пьемъ чай и расстаемся, или отправляемся вмѣстѣ куда-нибудь за городъ подышать свѣжимъ воздухомъ, или ѣдемъ къ кому-нибудь изъ общихъ знакомыхъ, а ихъ годъ отъ году становилось больше и больше.

Когда о. Леонидъ устроился въ Москвѣ, онъ завелъ какъ въ монастырѣ, такъ и въ семинарской церкви благолѣпное и чинное богослуженіе. Въ семинарской церкви были заведены ежедневныя раннія обѣдни. Всѣ они были разобраны между ректоромъ, инспекторомъ и профессорами—священниками, по очереди. Въ воскресные дни были соборныя служенія. О. Леонидъ держалъ себя при богослуженіи весьма благоговѣнно; того же требовалъ и отъ другихъ. Обладая сильнымъ и благозвучнымъ голосомъ, онъ любилъ читать въ церкви самъ; пѣніе семинарскихъ пѣвчихъ было очень стройное. Къ заіконоспасскому монастырю приписана владимірская церковь съ часовнею. Здѣсь каждую субботу совер-

шается предъ чудотворною иконою владимірской Божіей Матери молебень съ акаѣстомъ, который всегда читалъ самъ настоятель монастыря. При этомъ о. Леонидъ нерѣдко говорилъ поученія изустно. Все это вмѣстѣ вскорѣ привлекло общее вниманіе къ новому ректору семинаріи и настоятелю заіконоспасскаго монастыря. Весьма многіе изъ аристократическихъ московскихъ семей стали посѣщать и семинарскую, и монастырскія церкви, смотря по тому, гдѣ служилъ о. Леонидъ. Послѣ богослуженія иные заходили въ его покои для собесѣдованія. Умная и всегда благочестивая бесѣда, свободная и оживленная рѣчь, отчетливая и выразительная дикція, привѣтливость и благородныя манеры въ обращеніи—все это съ перваго раза привлекало каждаго собесѣдника къ о. Леониду и располагало въ его пользу. Число почитателей его росло съ каждою недѣлей, съ каждымъ праздничнымъ днемъ.

Такъ какъ въ нарочитые праздники въ заіконоспасскомъ монастырѣ, или въ семинарской церкви, нерѣдко и я участвовалъ въ богослуженіи съ о. Леонидомъ; или безъ служенія приглашаемъ быть къ столу, то его знакомые дѣлались вмѣстѣ и моими знакомыми. Такъ у него и черезъ него я познакомился съ генераль-адъютантомъ С. П. Шиповымъ и его супругой Анной Евграфовной, съ попечителемъ московскаго учебнаго округа Вл. Ив. Назимовымъ и его супругой, съ княземъ Дадіаномъ и его семействомъ, съ вдовой бывшаго главнокомандующаго на Кавказѣ, генераль-адъютанта Нейдгартъ, Анною Борисовною и ея семействомъ, съ княземъ С. М. Голи-

цынымъ, съ Н. В. Сушковымъ, съ семействомъ Шереметевыхъ и многими другими аристократическими фамиліями.

Въ свою очередь и о. Леонидъ входилъ у меня и чрезъ меня въ знакомство съ нѣкоторыми изъ московскихъ ученыхъ авторитетовъ. Съ 1853 г., по случаю предстоявшаго въ 1855 г. празднованія столѣтняго юбилея московскаго университета, нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ, для приготовленія къ этому торжеству разныхъ ученыхъ изданій, начали посѣщать синодальную бібліотеку, и, за неимѣніемъ при бібліотекѣ особаго помѣщенія, занимались въ моихъ тѣсныхъ келліяхъ. Въ это-то время о. Леонидъ, посѣщая меня, познакомился съ профессорами университета — С. П. Шевыревымъ, О. М. Бодянскимъ, С. М. Соловьевымъ, Ѳ. И. Буслаевымъ и др.

Благорасположенный ко всему доброму, о. Леонидъ изъ своего обширнаго знакомства съ лицами высшаго круга старался извлекать не столько личныя для себя удовольствія, сколько пользу для бѣдствующихъ и нуждающихся въ посторонней помощи. Пристроить съ помощью своихъ знакомыхъ сироту въ какое-либо учебное заведеніе, помѣстить немощнаго старца куда-либо въ богадѣльню, доставить средства къ жизни бѣдной вдовѣ съ многочисленнымъ семействомъ, опредѣлить бѣднаго, но честнаго отставнаго чиновника на службу — это составляло какъ бы профессію для добраго и гуманнаго о. Леонида. Онъ не разъ и мнѣ оказывалъ услуги, оказывая тѣмъ или другимъ способомъ помощь моимъ бѣд-

нымъ знакомымъ. Такъ, по моей просьбѣ, онъ обращался въ февралѣ 1854 г. къ какому-то, мнѣ неизвѣстному, Дементію Егоровичу съ вторичнымъ уже ходатайствомъ о дальнейшей моей собственности, вдовѣ чиновника синодальной типографіи, Н. А. Минорской. Въ февралѣ 1859 г. объ этой же вдовѣ о. Леонидъ пишетъ мнѣ:

«Поспѣшите, ваше высокопреподобіе, предупредить вдову, получившую отъ меня письмо для представленія г. управляющему дѣлами покойнаго князя (С. М. Голицына), что она получить отъ васъ, а вы отъ меня ожидаемое вспоможеніе».

Впоследствии о. Леонидъ устроилъ въ пансіонѣ на казенный счетъ одну изъ дочерей умершаго священника Владыкина, который былъ моимъ наставникомъ по владимірской семинаріи и сослуживцемъ о. Леонида по виванской.

Я же, съ своей стороны, обязывался воздавать милостивому о. ректору за такія благодѣянія услугами много рода. Какъ хранитель драгоценныхъ церковныхъ сокровищъ, я долженъ былъ открывать доступъ къ этимъ сокровищамъ для всѣхъ знакомыхъ о. Леонида какъ московскихъ, такъ и пришельцевъ изъ иныхъ градовъ и странъ. Такъ, въ іюнѣ 1854 г. о. Леонидъ писалъ мнѣ:

«Испектрисса института воспитательнаго дома, княгиня Козловская, поручила мнѣ просить васъ открыть патриаршую ризницу для окончившихъ курсы кандидатокъ и особенно было бы пріятно, если бы могли онѣ быть у васъ сегодня въ часъ вечера, и если бы вы приняли на себя трудъ проводить ихъ по соборамъ, то они почли бы это величайшимъ одолженіемъ. Объ этомъ лично просила меня княгиня. Ея сіятельство хотѣла быть съ дѣтьми сама. Она предостойная христіанка. Ту же просьбу она обратила къ

сестры моей (Е. В. Ушаковой), которая лично хочет передать вам эту просьбу и требует, чтобы я и письмо с нею отправил».

Все приказанія моего друга, без сомнѣнія, были исполнены мною въ точности.

Другое подобное приказаніе я получилъ отъ его высокопреподобія 14 января 1855 года.

«Отецъ синодальный ризничій, — такъ изволилъ писать мнѣ о. ректоръ, — не откажетъ, вѣроятно, въ приемѣ г. ординарному профессору Карпову, который будетъ къ нему въ двѣнадцатомъ часу нынѣ. Гость желалъ бы воспользоваться протекціей о. синодальнаго ризничаго и для обозрѣнія оружейной палаты и дворца».

Исполнено и это повелѣніе.

Карповъ Василій Николаевичъ, ординарный профессоръ с.-петербургской д. академіи и бывшій наставникъ, какъ было замѣчено выше, Л. В. Краснопѣвкова (нынѣ о. архимандрита Леонида), прибылъ въ Москву, въ качествѣ депутата отъ академіи, на торжество столѣтняго юбилея московскаго императорскаго университета.

6-го октября 1855 г. о. Леонидъ запискою спрашивалъ меня, можно ли будетъ сего-дня въ полдень препроводить въ оружейную палату генеральшу *Задонскую* (*) съ ея семействомъ, а оттуда, быть имъ въ синодальной ризницѣ? Отвѣтъ на предложенный вопросъ данъ былъ, безъ сомнѣнія, утвердительный.

(*) Г-жа Задонская, примѣрно — благочестивая старина, супруга храбраго и благороднаго генерала Волна Дмитриевича Задонскаго, весьма богатаго помещика харьковской губерніи. Онъ скончался въ походѣ во время крымской компаніи, оставивъ многочисленное семейство. Въ его имѣніи, волчанскаго уѣзда, слоб. В. Вурлукъ, я былъ въ сентябрѣ 1876 г.

14-го іюня 1856 г. о. Леонидъ писалъ мнѣ, на клочкѣ бумаги:

«Ваше высокопреподобіе! Вечеромъ сего-дня, можетъ быть, придетъ ко мнѣ знаменитый мореходъ, графъ *Пулятинъ*. Не хотѣю ли съ нимъ повидаться и принять изъ его устъ просьбу, которую, въ случаѣ нерасположенности вашей быть у меня, передасть вамъ на дняхъ нашего высокопреподобія покорный послушникъ А. Л...».

Не помню, видѣлся ли я въ этотъ разъ съ графомъ Пулятинымъ, но просьба мнѣ была изъяснена. Просьба касалась допущенія къ занятію рукописями синодальной бібліотеки молодаго ученаго англичанина *Пюзея*, сына знаменитаго профессора оксфордскаго университета и основателя новой религіозной секты въ англиканской церкви. Самъ по себѣ, безъ разрѣшенія синодальной конторы, просьбы этой исполнить я не могъ: но я былъ уже предупрежденъ на счетъ Пюзея высокопреосвященнымъ митрополитомъ. 13-го числа владыка изволилъ писать мнѣ:

«Допустите, отецъ архимандритъ, члена оксфордскаго университета, г. Пюзея, до пользованія рукописями синодальной бібліотеки, на обыкновенныхъ правилахъ. Синодальная контора получить о семъ отъ меня предложеніе велѣдъ за сямъ».

Вскорѣ явился ко мнѣ ученый мужъ и удивилъ меня своимъ появленіемъ. Я увидѣлъ предъ собою низенькаго молодаго человѣка, лѣтъ 25-ти, съ костылемъ въ одной рукѣ и съ акустической трубой въ другой. Оказалось, что этотъ искатель мудрости былъ хромымъ и совершенно глухой. Цѣлю занятій его въ синодальной бібліотекѣ было сличеніе печатныхъ изданій твореній

св. отцевъ съ древними греческими рукописями, для открытія варіантовъ или разночтеній, въ виду предположавшагося, или уже продолжавшагося тогда, при оксфордскомъ университетѣ, новаго изданія твореній св. отцевъ восточной церкви. Приступивши къ занятіямъ своимъ въ половинѣ іюня, г. Пюзей продолжалъ оныя до первыхъ чиселъ октября: и это было въ то время, когда въ Москвѣ ежедневно происходило необычайное движеніе по случаю торжества коронаціи Государя Императора. Пюзей, изъ леонтьевского переулка на тверской, ежедневно путешествовалъ въ Кремль, большею частию, пѣшкомъ, съ костьюлемъ въ одной рукѣ и съ фоліантомъ подъ мышкою въ другой, и при томъ, какъ я сказалъ, глухой: какъ онъ остался цѣлъ и невредимъ, при ежеминутномъ движеніи по улицамъ экипажей, я рѣшительно не могъ понять.

Объясняться съ ученымъ англичаниномъ посредствомъ акустической трубы была возможность, но на какомъ, спрашивается, діалектѣ? По-англійски я ничего не зналъ, а онъ еще менѣе по-русски. Мы избрали для разговоровъ нейтральный языкъ—латинскій, который и для него былъ знакомъ и для меня не совсѣмъ чуждъ. Но и тутъ встрѣтилось затрудненіе: выговоръ латинскихъ буквъ и словъ у англичанъ значительно отличенъ отъ нашего русскаго, и потому, когда мы начинали между собою объясняться полатынѣ, ни я не понималъ г. Пюзей, ни онъ меня. Оставалось прибѣгнуть къ послѣднему средству—вести бесѣды на бумагѣ. Мы такъ и дѣлали во все время занятій Пюзей въ синодальной би-

бліотекѣ. У меня и до сихъ поръ хранятся эти письменныя бесѣды.

По окончаніи своихъ занятій и при прощаніи со мною, г. Пюзей подарилъ мнѣ на память книгу, подъ заглавіемъ: *Lanceloti Andrews, Episc. Wintoniensis—Preces privatae quotidianae, graece et latine, ed. 3, Londini, 1848, in 8°*. Такой даръ былъ принятъ мною съ любовію.

Но ученый юноша, оставивши Москву, не прекращалъ со мною письменныхъ сношеній и изъ Англии: онъ писалъ мнѣ, и чрезъ меня присылалъ поклоны и о. Леониду.

Въ 1859 г. Пюзей долженъ былъ, по порученію ученаго оксфордскаго общества, съ тою же ученою цѣлію, съ какою пріѣзжалъ въ Москву, отправиться на востокъ, въ синайскій монастырь. Но какъ онъ не былъ увѣренъ, что его тамъ примутъ такъ же радушно, какъ онъ былъ принятъ въ Москвѣ: то онъ обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я исходатайствовалъ для него у московскаго митрополита рекомендательное письмо къ начальству синайскаго монастыря. Я доложилъ объ этомъ владыкѣ: онъ охотно согласился исполнить просьбу г. Пюзей. Но какъ въ это время настоятель синайскаго монастыря, ученѣйшій 90—лѣтній старецъ, архіепископъ Констандій скончался, то владыка поручилъ мнѣ написать проектъ письма отъ его имени къ настоятелю кievскаго екатерининскаго монастыря, принадлежащаго синайскому монастырю, съ просьбою, что-бы онъ написалъ въ синайскій монастырь о допущеніи англичанина Пюзей

къ занятію рукописями, хранящимися въ библиотекѣ этой обители. На письмо владыки кievскій архимандритъ Кирилль отвѣчалъ: что всѣ ученые, къ какой бы націи они ни принадлежали, всегда допускались и допускаются безпрепятственно къ разсмотрѣнію рукописей синайской библиотеки. Копію этого письма я препроводилъ при письмѣ отъ 6-го апрѣля къ г. Плюсю, и онъ не замедлилъ отправиться въ путь на отдаленный востокъ. — А въ 1860 г., когда я былъ уже ректоромъ московской семинаріи, Плюсей снова явился въ Москву съ тою же ученою цѣлію и провелъ здѣсь нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ. Помѣщеніе онъ имѣлъ, по распоряженію митрополита, въ семинарскомъ зданіи, а рукописи изъ синодальной библиотеки я бралъ для него подъ свою отвѣтственность.

Другая повинность моя по отношенію къ о. Леониду и его знакомымъ заключалась въ томъ, что бы доставлять ему и другимъ изъ моей, тогда уже довольно значительной, библиотеки, потребныя книги и разныя справки по части древностей. Такъ, въ маѣ 1855 г. о. Леонидъ писалъ мнѣ:

«Честь имѣю препроводить письмо А. Н. Муравьева и просить отъ его имени о доставленіи ему «Степенной книги», гдѣ житіе митрополита Феогноста, а также житія преп. Макарія Колязинскаго и свят. Евѣмія и Серапіона новгородскихъ».

Кстати объ А. Н. Муравьевѣ. Онъ былъ съ о. Леонидомъ и со мною, въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ, въ самыхъ добрыхъ, можно сказать, дружественныхъ отношеніяхъ. Его переписка со мною началась съ самаго вступленія моего въ должность синодальнаго ризничаго,

въ концѣ 1850 г., и продолжалась до послѣднихъ дней его жизни, пресѣкшейся 18 августа 1874 года. Когда Андрей Николаевичъ приступилъ къ обширному труду составленія житій русскихъ святыхъ, ему постоянно требовались рукописи изъ синодальной библиотеки, а для этого ему необходимо было каждый годъ проводить нѣкоторое время въ Москвѣ. Когда ему случалось быть здѣсь зимою, онъ останавливался въ домѣ знакомаго ему Мальцова, въ варсонофьевскомъ переулкѣ; а лѣтомъ имѣлъ даровое помѣщеніе во флигелѣ графа Шереметева, въ его подмосковномъ имѣніи — Останкинѣ, отстоящемъ не далѣе трехъ верстъ отъ города. Здѣсь-то мы съ о. Леонидомъ нерѣдко посѣщали его, частію по собственному побужденію, а частію по его приглашенію. Бывало онъ пишетъ къ намъ записку и приглашаетъ къ своему столу, но съ тѣмъ, чтобы мы привезли съ собою „три рыбицы“. И приказаніе исполнялось нами безпрекословно. Сюда-то, т. е. въ Останкино, я и долженъ былъ доставить *гостепріимному* отшельнику означенную выше книгу.

20-го ноября 1856 года о. Леонидъ писалъ мнѣ:

«Къ вамъ будетъ на дняхъ Фед. Карл. фонъ-Дершау. Онъ занимается изданіемъ «Дома Романовыхъ» и просилъ владыку, чтобы ему можно было видѣть древности, для рисунковъ, у васъ и въ соборахъ. Онъ говорилъ, что владыка чрезъ меня велѣлъ ему адресоваться къ хранителямъ. Рекомендую. А. Леонидъ».

31-го августа 1858 г. о. Леонидъ обращался ко мнѣ съ слѣдующею просьбой:

«Читалъ я у Васъ въ какой то книгѣ нѣкоторыя подробности о законоохранскомъ монастырѣ. Если можете ссудить меня этою книгою, я буду очень обязанъ и возвращу ее немедленно».

15-го мая 1855 г. я возведенъ былъ, по представленію снудальной конторы, вслѣдствіе предложенія высокопреосвященнаго митрополита, въ санъ архимандрита. Такой наградою мой добрый другъ, быть можетъ, былъ больше радъ, чѣмъ я самъ. При томъ награда эта имѣла то особенное значеніе, что на должности снудального ризничаго никто прежде меня не получалъ оной. Съ этого времени наложена была на моего друга новая повинность — конная. — Пока я былъ іеромонахомъ, мнѣ не такъ было стыдно пройти иногда по улицамъ московскимъ и пѣшкомъ, а когда сдѣлался архимандритомъ, ходить пѣшью казалось уже неприличнымъ; между тѣмъ у меня экипажа не было ни казеннаго, ни тѣмъ менѣе собственнаго, тогда какъ у о. Леониды и въ монастырѣ, и въ семинаріи была не малочисленная конница. По этому, когда мнѣ нужно было ѣхать на служеніе, или являться къ столу гостепріимнаго о. ректора, всегда къ моимъ услугамъ готовъ былъ экипажъ монастырскій или семинарскій. Вотъ и доказательства на лицо. 10-го декабря 1855 г. о. Леонидъ пишетъ мнѣ:

«Ваше высокопреподобіе! Помните, будто слышала я отъ васъ, что вамъ желательно бы отслужить молебень предъ иконою Божіей Матери во владимірской нашей церкви. Если память меня не обманула, то предлагаю вамъ исполнить желаніе; только не понадобится ли захватить митру: тамъ голубая, о которой, кажется, говорили вы, что узка... Если же сіе вамъ негодно будетъ, то можете хоть конемъ воспользоваться по благоусмотрѣнію и, можетъ быть, между прочимъ, доѣхать до ..... (точка эти, вѣроятно, значили: *до родимыя*), что бы помянуть вмѣстѣ на брани убійскаго въ 10-й день декабря 1851 г. витязя Сунженскаго (г. е. Слѣпцова).

«Угодно ли вамъ, — писалъ мнѣ о. Леонидъ 10-го марта 1856 г., — ѣхать со мною въ Анастасіи Александровнѣ Назимовой (для поздравленія ея со днемъ ангела)? Если угодно, то извольте избрать: сѣсть въ коляску и ѣхать въ Владимірской, чтобы вмѣстѣ со мною заѣхать къ сестрѣ моей, которая сегодня должна пріобщаться, или я сѣжду къ ней одинъ, а за вами отъ нея заѣду. Простите».

Отъ 9-го марта 1858 г. я получилъ отъ законоспаскаго о. настоятеля слѣдующее пригласительное посланіе:

«Чѣмъ въ воскресный день постичать въ уединеніи, не угодно ли постичать въ союзѣ братолюбиваго общенія въ законоспаскомъ монастырѣ? Сіе есть и мое желаніе и неотступная просьба о. игумена Давыдовскаго. Въ 12-ть часовъ будетъ къ вамъ конь».

13-го февраля 1859 г. назначено было погребеніе досточтимаго Москвою и послѣдняго уже изъ ея вельможныхъ бояръ, князя Сергія Михайловича *Голыцина*. На канунѣ сего дня о. архимандритъ Леонидъ, одинъ изъ близкихъ знакомыхъ покойнаго князя, и меня незадолго предъ тѣмъ съ нимъ познакомившій, пишетъ мнѣ:

«Видно, что владычней милости (т. е. митрополиту) пріятно участіе духовенства, особенно высшаго, въ каковомъ и власти кремлевскія состоятъ, въ завтрашнемъ погребальномъ обрядѣ: поэтому пріймите въ распоряженіе, высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ, коня изъ законоспаскаго. И на вынось, и при отпѣваніи, и въ шествіи всѣ приглашаются участвовать».

Болѣзненные недуги, отъ которыхъ такъ часто страдалъ о. Леонидъ въ Виоаніи, нерѣдко повторялись съ нимъ и въ Москвѣ, а въ іюлѣ 1854 года постигла его новая тяжкая болѣзнь, отъ которой онъ, если не сошелъ въ могилу, то надолго сохранилъ въ своемъ ор-

ганизмъ глубокіе слѣды. Болѣзнь эта—холера, которой онъ подвергся по собственной, впрочемъ, неосторожности. Страдая отъ лѣтнихъ жаровъ въ комнатахъ, онъ проводилъ большую часть дня и даже ночи въ небольшой деревянной бесѣдкѣ въ огромномъ семинарскомъ саду. Между тѣмъ окружающая бесѣдку мѣстность довольно низменна и сыра, а въ концѣ іюля ночи становятся довольно уже продолжительны и прохладны. Вслѣдствіе сего о. Леонидъ, проводя въ бесѣдкѣ ночь, почувствовалъ однажды охлажденіе желудка, и вслѣдъ за тѣмъ сильныя припадки холеры. Всѣ мы опасались за его жизнь: но Господь помиловалъ его и онъ остался живъ.

Но за то 1856 годъ памятенъ былъ для него нѣкоторыми приятными и радостными событіями. Такъ:

а) По распоряженію покойнаго митрополита Филарета, назначено было въ заиконспасскомъ монастырѣ, на время коронаціи Государя Императора, мѣстопребываніе для литовскаго митрополита Іосифа. О. Леонидъ, какъ настоятель этого монастыря, былъ чрезвычайно радъ такому знаменитому гостю; и онъ, въ ожиданіи его, потщился привести свои настоятельскіе покои въ отличный порядокъ и благоустройство. Въ свою очередь и высокій гость остался вполне доволенъ своею квартирою и ея услужливымъ хозяиномъ. „Насъ приютили въ заиконспасскомъ (монастырѣ) превзрядно, писалъ пресвященный митрополитъ Іосифъ отъ 7-го августа изъ Москвы въ Вильну, своему викарію, пресвященному Филарету. Вчера и въ воскресенье служилъ я въ своей церкви очень удобно. Свита составила почти одними мѣстны-

ми средствами, стараніемъ отца ректора Леонида (отличнаго человѣка) съ семинарскими пѣвчими,—и я буду имѣть удовольствіе служить во всѣ праздники и воскресенье, къ большому, кажется, удовольствію здѣшнихъ православныхъ. (*)

б) Въ день коронаціи, 26-го августа, о. Леонидъ удостоился быть въ числѣ немногихъ, избранныхъ духовныхъ особъ, за царскою трапезою.

в) Въ тотъ же день онъ былъ удостоенъ монаршей награды—ордена св. Анны 2-й степени, хотя знаки сего ордена онъ получилъ изъ рукъ покойнаго митрополита, спустя нѣсколько времени послѣ сего дня. Какъ теперь помню: былъ я у родныхъ о. Леонида; является и онъ прямо съ троickaго подворья, съ новымъ знакомъ отличія на груди; сѣлъ на диванѣ прямо противъ меня и, молча, внимательно смотритъ на меня, ожидая, что я его буду поздравлять съ наградой. Но я, занятый разговоромъ, не обратилъ вниманія на его награду. Наконецъ онъ спрашиваетъ меня, почему я его не поздравляю. „Съ чѣмъ?“ отвѣчалъ я. „Съ наградой“,—продолжаетъ онъ и показываетъ на свою грудь. Тогда только я догадался, о какой наградѣ шла рѣчь.

Отъ чего избавился, по милости Божіей, о. ректоръ московской семинаріи, то постигло чрезъ три года его пріемника, ректора виаанской семинаріи, архимандрита Наонаила. Въ послѣднихъ числахъ августа 1857 г. скончался о. Наонаилъ отъ холеры въ Москвѣ, въ настоятельскихъ покояхъ заиконспасскаго монастыря; владыка

(*) Ползюк. епарх. вѣд. 1874 г. № 7, стр. 249.

митрополитъ самъ почтилъ отпѣваніемъ умершаго ректора.

Это печальное обстоятельство отразилось было на моей судьбѣ. 19-го сентября, въ 10-мъ часу утра, потребованъ былъ я неожиданно на троицкое подворье, къ высокопреосвященному митрополиту. Владыка встрѣтилъ меня такимъ вопросомъ: „я намѣренъ сдѣлать тебя вианскимъ ректоромъ: согласенъ ли ты на это?“ Въ отвѣтъ на предложенный мнѣ вопросъ я поклонился митрополиту до земли и поблагодарилъ его за архипастырскую ко мнѣ милость. Послѣ сего, владыка снова спросилъ меня: „что же ты скажешь на это?“ „Высокопреосвященнѣйшій владыко, — отвѣчалъ я, — не могу я располагать своею судьбою, и потому предаю себя и свою дальнѣйшую судьбу въ волю Божию и въ распоряженіе начальства“. „Съ какимъ же чувствомъ примешь ты предлагаемую тебѣ должность?“ — продолжалъ владыка. „Съ опасеніемъ и страхомъ“, — отвѣчалъ я. „Что-жъ тутъ страшнаго и опаснаго?“ — „Послѣ настоящей мирной и спокойной моей должности, всякая другая должность представляется мнѣ страшною, тѣмъ болѣе должность ректора семинаріи: здѣсь отношенія и къ наставникамъ, и къ ученикамъ, и къ другимъ постороннимъ лицамъ могутъ быть постояннымъ источникомъ разныхъ непріятностей и огорченій“. — „Такъ что-жъ“, — возразилъ владыка, — „не вѣкъ же тебѣ оставаться на твоей теперешней должности, заниматься мелочами и копаться въ пыльныхъ фоліантахъ. Правда, ты съ честію проходишь свою должность и принесъ на ней не мало пользы: но на се-

минарской службѣ ты больше можешь быть полезенъ; ты человѣкъ способный и имѣешь основательныя понятія; тебѣ надобно готовиться къ высшему служенію. Впрочемъ это говорю я не для твоего честолюбія, а къ тому, что намъ заблаговременно надобно готовить людей къ высшимъ должностямъ и заранѣе испытывать ихъ. Въ противномъ случаѣ, вонъ какія выходятъ исторіи. Вызываютъ, напримѣръ, преосвященнаго Поликарпа (викарія одесскаго, впоследствии епископа орловскаго, ум. 29-го августа 1867 г.) въ Петербургъ затѣмъ, чтобъ отправить его въ миссію, въ Іерусалимъ, не справившись напередъ — способенъ ли онъ къ этому важному дѣлу. Мнѣ этотъ старецъ не былъ лично извѣстенъ никогда: но я имѣлъ о немъ нѣкоторое, впрочемъ не высокое, понятіе по слѣдующему обстоятельству. Когда я былъ еще въ Петербургѣ, онъ представилъ въ св. сѹнодѣ переведенное имъ съ новогреческаго языка толкованіе на какую-то книгу св. писанія. Сѹнодѣ поручилъ мнѣ рассмотреть этотъ переводъ. Не говоря уже о томъ, что и самый выборъ этого труда былъ неудаченъ: ибо новогреческій текстъ не есть подлинное толкованіе, а тоже переводъ съ древняго эллинскаго, — переводчикъ въ примѣчаніяхъ своихъ высказывалъ понятія о текстѣ 70-ти толковниковъ весьма неосновательныя, почитая его совершенно достаточнымъ и чуть не богодухновеннымъ“.

Послѣ такого возраженія я замолчалъ и своимъ молчаніемъ выразилъ совершенную покорность священной волѣ архипастыря.

Объ этой бесѣдѣ я успѣшилъ, разумѣется, сообщить своему доброму другу.

Между тѣмъ приблизилось 1-е октября—день моего ангела. Отецъ Леонидъ пишетъ мнѣ:

«Высокопреподобнѣйшій о. архимандритъ! Усерднѣе поздравляю васъ со днемъ вашего ангела, сопровождая поздравленія всѣми благожеланіями преданнѣйшаго вашего послуха.

«Недавно назывался я быть вашимъ именнымъ гостемъ, и вотъ пришлось отказаться и отъ приглашеній—не столько по *приличію*, сколько по дѣйствительной неспособности быть въ обществѣ людей, соединенныхъ удовольствіемъ.

«Можетъ быть, это обстоятельство служитъ знаменіемъ того, что отънынѣ дороги наши должны разойтись: молю Господа, чтобы не разошлись мы, но крайней мѣрѣ, въ чувствахъ взаимной о Христѣ любви.

«Примите благосклонно мою *чару*, которая, можетъ быть, пригодится на путь холодный, вамъ скоро предстоящій. Ее приноситъ вамъ искреннее чувство, столь же, по крайней мѣрѣ, чистое, какъ и благородный металлъ, изъ котораго сдѣлана эта *путная чара*.»

Неспособность быть въ обществѣ людей, соединенныхъ удовольствіемъ, о которой упоминаетъ о. Леонидъ въ своемъ привѣтственномъ письмѣ, объясняется тѣмъ, что не далѣе какъ за недѣлю предъ симъ постигла его тяжкая семейная скорбь: 23-го сентября скончалась его родительница, Анна Ивановна. 25-го числа въ день памяти преп. Сергія, къ которому питало все семейство Красноѣвковскихъ особенное чувство благоговѣнія, совершено было въ семинарской церкви отпѣваніе усопшей съ особенными почестями: въ отпѣваніи участвовали и провожали до пятницкаго кладбища гробъ три архимандрита—самъ о. Леонидъ, о. Игнатій, тогдашній

инспекторъ семинаріи, а нынѣ епископъ Можайскій, и пишущій эти строки. Впослѣдствіи мы перѣѣздили съ о. Леонидомъ на пятницкое кладбище, для совершенія молитвословія надъ могилою благочестивой старицы. По истеченіи сорока дней со времени кончины Анны Ивановны Красноѣвковой, о. Леонидъ пишетъ мнѣ отъ 31-го октября:

«Высокопреподобнѣйшій о. архимандритъ! Родные и я съ ними просимъ васъ покорнѣе раздѣлить съ нами 40-й день по кончинѣ матушки, почитательницы вашей.

«Если же угодно вамъ будетъ раздѣлить сегодня мою бѣдную трапезу и потомъ съѣздить до пятницкаго кладбища и, пожалуй, далѣе, то я буду ожидать васъ въ часу пополудни, чтобы отправиться поранѣе.»

Само собою разумѣется, что все было исполнено по желанію моего друга.

Между тѣмъ я былъ озабоченъ мыслию о предстоящемъ мнѣ переселеніи изъ шумной столицы въ виоанскую пустыню. Но проходить мѣсяць и болѣе съ того дня, какъ мнѣ объявлено было о новомъ назначеніи, а я ни откуда не получаю никакихъ извѣстій объ ожидающей меня судьбѣ. Между тѣмъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ получается изъ св. сѣнода указъ, по которому ректоромъ виоанской семинаріи, на мѣсто умершаго архимандрита Назанаила, назначенъ инспекторъ московской семинаріи, архимандритъ Игнатій, мой товарищъ по академіи. Такая неожиданная перемена въ назначеніи сколько порадовала меня, столько же и удивила. Чтѣ-жъ однако это значить, подумалъ я? Какъ и почему митрополитъ, послѣ столь настойчиваго убѣжденія меня къ принатію

ректорской должности, перемѣнил свои мысли? Дѣло объяснилось очень просто: предъ тѣмъ, какъ митрополитъ готовился уже войти обо мнѣ съ представленіемъ въ св. синодъ, прибылъ въ Москву А. Н. Муравьевъ, который всегда пользовался особеннымъ вниманіемъ и благорасположеніемъ московскаго святителя. Владыка въ бесѣдѣ съ Андреемъ Николаевичемъ упомянулъ о своемъ рѣшеніи—представить меня на ректорскую должность. Андрей Николаевичъ со всею силою своего краснорѣчія возсталъ противъ такого рѣшенія, говоря: „Архимандритъ Савва ризничій примѣрный, а ректоръ будетъ онъ, можетъ быть, посредственный; на ректорскую должность вы можете найти способнаго человѣка, а гдѣ вы возьмете такого человѣка на должность ризничаго?“ Владыка уступилъ силѣ доводовъ Андрея Николаевича и перемѣнилъ свое намѣреніе. Такимъ образомъ, я остался при своихъ археологическихъ занятіяхъ, которыя тогда я уже очень полюбилъ, а вмѣсто меня отправленъ былъ въ Вицеанію о. Игнатій.

Въ ноябрѣ рукоположенъ былъ во епископа кавказскаго знаменитый архимандритъ сергіевой пустыни *Игнатій* Брянчаниновъ — главный виновникъ монашества о. Леонида. Мимоѣздомъ чрезъ Москву онъ посѣтилъ своего духовнаго адепта, а послѣдній непреминулъ познакомить меня съ своимъ почтеннымъ аввою. Я провелъ нѣсколько часовъ въ духовной бесѣдѣ съ ново-рукоположеннымъ епископомъ, и былъ очень доволенъ своимъ знакомствомъ съ такою замѣчательною личностію. Не очень, впрочемъ, долго преосвященный Игна-

тій оставался на епископской кафедрѣ: въ августѣ 1861 г. онъ уволенъ былъ, согласно прошенію, по разстроеному здоровью, на покой и поселился въ никола-бабаевскомъ монастырѣ, костромской епархіи, гдѣ занялся приведеніемъ въ порядокъ и изданіемъ въ свѣтъ своихъ многочисленныхъ сочиненій содержанія преимущественно аскетическаго. Лѣтомъ 1865 г., когда я былъ викаріемъ въ Москвѣ, его преосвященство препроводилъ ко мнѣ, съ своимъ братомъ, который въ одно время съ нимъ былъ въ Ставрополѣ губернаторомъ, экземпляръ своего произведенія, подъ заглавіемъ: „Аскетическіе опыты“. При этомъ онъ поручилъ своему брату попросить меня сдѣлать для него списки съ житій свв. Нифонта и Андрея, заключающихся въ макарьевскихъ чети-минейхъ. Съ своей стороны, я поставилъ долгомъ выразить преосвященнѣйшему автору письменную благодарность за присланный мнѣ даръ и обѣщаль исполнить его просьбу относительно списковъ съ житій святыхъ. На мое письмо преосвященный Игнатій отвѣчалъ отъ 1-го іюля того-же 1865 г. слѣдующимъ посланіемъ:

«Ваше преосвященство, милостивѣйшій архимастырѣ и отецъ! Приняю вамъ искреннѣйшую признательность за благосклонное принятіе труда моего, книги: «Аскетическіе опыты». Примите и покорнѣйшую мою просьбу: не откажитесь предложить извѣстнымъ вашему преосвященству монашествующимъ и вообще аскетамъ эту книгу, предостерегающую отъ неправильнаго упражненія молитвою и отъ послѣдствій такого упражненія.»

Обѣщанные мною списки житій свв. Нифонта и Андрея не могли быть мною доставлены преосвящ. Игнатію раньше марта слѣдующаго 1866 г., такъ какъ житія

эти очень обширны. По получении отъ меня списковъ, его преосвященство писалъ мнѣ, отъ 3-го марта:

«Примите мою искреннѣйшую признательность за распоряженіе ваше о снятіи для меня списковъ съ подробныхъ жизнеописаній св. Нифонта и св. Андрея. Эти жизнеописанія очень важны въ отношеніи къ ученію о духахъ; но не знаю, смогу ли воспользоваться вашею милостію, какъ должно: силы мои истощились до невѣроятности, и не только не могу заниматься письменнымъ трудомъ, но даже и чтеніемъ.»

Черезъ годъ и одинъ мѣсяцъ послѣ сего письма великій труженикъ и подвижникъ почилъ отъ своихъ трудовъ и подвиговъ: онъ скончался 30 апрѣля 1867 г.

Въ 1857 г. высокопреосвящ. Иннокентій, архіепископъ камчатскій, присутствовалъ въ св. синодѣ. Въ это время онъ испросилъ себѣ помощника для управления немногочисленною, но чрезвычайно обширною по пространству, епархіею. Ему предоставлено было самому избрать для себя викарія. Онъ указалъ на ректора новоархангельской семинаріи, архимандрита Петра: но этому почему-то воспротивился покойный архіепископъ ярославскій, Ниль, который въ то время также былъ въ синодѣ и которому архим. Петръ былъ извѣстенъ по службѣ въ иркутской семинаріи на должности инспектора. Получивъ, такимъ образомъ, отказъ въ своемъ ходатайствѣ относительно архим. Петра, высокопреосвящ. Иннокентій оставилъ въ началѣ 1858 г. Петербургъ и прибылъ въ Москву, съ надеждою обрѣсти здѣсь благопотребнаго для себя мужа. По прибытіи въ Москву, онъ вспомнилъ, что ректоръ московской семинаріи, архимандритъ Леонидъ, самъ вызывался на миссіонерское

служеніе въ восточной Сибири, когда былъ еще свѣтскимъ студентомъ академіи, и потому обратился прежде всего къ нему съ предложеніемъ отправиться на островъ Ситху, съ саномъ епископа и съ званіемъ викарія камчатской епархіи. О. Леонидъ, пользуясь всеобщею любовью и уваженіемъ въ Москвѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не отличаясь прочнымъ здоровьемъ, отклонилъ отъ себя такое лестное предложеніе и предпочелъ остаться лучше архимандритомъ въ древле-престольномъ градѣ.

Отъ ректора семинаріи обращенъ былъ взоръ камчатскаго архипастыря на синодальнаго ризничаго. Высокопреосвященный Иннокентій, имѣвшій пребываніе свое въ чудовомъ монастырѣ, подѣ какой-то праздникъ, кажется, это былъ праздникъ трехъ вселенскихъ святителей, 30-го января, прибылъ ко всеобщей въ синодальную 12-ти апостоловъ церковь, гдѣ я былъ настоятелемъ, и послѣ службы удостоилъ мою келлю своимъ посѣщеніемъ. Я ничего не подозрѣвалъ особеннаго въ этомъ посѣщеніи, между тѣмъ мой высокій гость, среди чая, дѣластъ мнѣ предложеніе быть у него викаріемъ. Это неожиданное предложеніе камчатскаго архипастыря сколько порадовало меня, столько же и смутило. Поблагодаривши за такую высокую для меня честь, я рѣшился спросить его высокопреосвященство: въ чемъ же будутъ заключаться мои обязанности по званію викарія? Онъ изволилъ сказать: „лѣтомъ вы будете плавать по Алеутскимъ островамъ, для наблюденія за дѣйствіями миссіонеровъ-священниковъ, а зиму проводить на о. Ситхѣ и заниматься ученостію“. Я попросилъ у его высокопреосвя-

щепства времени для зрѣлаго обсужденія столь важнаго вопроса, и мнѣ назначенъ былъ срокъ полугодичный. На другой же день поспѣшилъ я къ своему московскому владыкѣ за совѣтомъ; но онъ изволилъ мнѣ дать такой совѣтъ: „я не могу дать тебѣ никакого совѣта; ты не моеи епархіи (я принадлежалъ къ вѣдомству синодальной канторы), разсуждай, какъ самъ знаешь“. Такой уклончивый и неутѣшительный для меня отвѣтъ мудраго архипастыря я понялъ въ такомъ смыслѣ: если дескать дать ему (т. е. мнѣ) совѣтъ принять предложеніе, — это значитъ лишиться человѣка, нужнаго со временемъ для моеи епархіи; а если отклонить его отъ сдѣланнаго ему предложенія, значитъ сдѣлать неприятность преосвященному камчатскому, котораго, скажу кстати, московскій владыка весьма уважалъ и всячески поддерживалъ его на многотрудномъ поприщѣ миссіонерскаго служенія какъ нравственными, такъ и матеріальными средствами. Такимъ образомъ я возвратился съ троическаго подворья ни съ чѣмъ.

Къ счастью, я вспомнилъ, что въ Муромѣ, гдѣ я былъ священникомъ, находится еще въ живыхъ священникъ Никита Омофоровскій, который болѣе 10-ти лѣтъ былъ на Ситхѣ сначала діакономъ, а потомъ священникомъ, и который возвратился оттуда на родину въ 1852 году. Къ нему-то я обратился, чрезъ своихъ родныхъ, съ слѣдующими вопросами: 1) какія занятія предстоятъ на Ситхѣ архіерею; 2) какое тамъ общество духовное и свѣтское; 3) какой климатъ и какія физическія особенности острова и 4) какаѧ общепотребительная пища и проч.

На эти вопросы я получилъ отъ о. Омофоровскаго 2-го апрѣля слѣдующіе отвѣты:

1) «Учрежденіе при камчатской кафедрѣ двухъ викаріатствъ (новоархангельскаго и якутскаго, въ ноябрѣ 1859 г.) расширило кругъ епархіальнаго управленія, а потому и занятій для архіерея. Съ открытія въ 1841 г. камчатской епархіи до 1852 г. архіерей каждый годъ весной отправлялся въ Камчатку, заходилъ на нѣкоторые алеутскіе острова. Три раза въ 10 лѣтъ, во время зимы, объѣзжалъ камчатскій полуостровъ и посѣщалъ охотскія церкви, а осенью изъ лянскаго порта возвращался въ Ситху. Зимой занимался письменными дѣлами и отчетами вмѣстѣ съ присутствующими духовнаго правленія (секретаря и канцеляріи въ духовномъ правленіи не было). Думаю, что и ситхинскому викарію придется дѣлать тоже, т. е. каждое лѣто путешествовать по островамъ для обозрѣнія колониальныхъ церквей и часовенъ, обращаться на материкѣ Америки язччниковъ въ христіанство, а потому придется иногда и зимовать гдѣ либо вмѣстѣ съ миссіонерами. По моему мнѣнію обращеніе дикарей въ христіанство есть единственная цѣль учрежденія правительствомъ ситхинскаго викаріатства.

2) «Сколько теперь духовныхъ въ Ситхѣ и кто они — не знаю. За шесть лѣтъ предъ симъ, духовенство ситхинское составляли: архіерей, протоіерей, два священника и два діакона. Свѣтское общество должно быть и теперь таково-жѣ, каково было за 6 лѣтъ, съ перемѣною только лицъ, а потому, можетъ быть, и духа общества. Первое свѣтское лицо, главный правитель колоній, есть тоже, что губернаторъ въ губерніи, или вѣрнѣе, городничій въ уѣздномъ городѣ. Чиновниковъ большая половина — лютеране. Въ Ситхѣ есть кирхи и пасторъ.

3) «Временъ года правильныхъ въ Ситхѣ нѣтъ. Тамъ почти постоянно какое-то пятое время года, не похожее ни на одно изъ четырехъ, показываемыхъ ежегодно въ нашихъ календаряхъ. Нашего краснаго лѣта и трескучей зимы тамъ неимѣется. Гроза

тамъ бываетъ въ 5 или 10 лѣтъ одинъ разъ, морозы не болѣе 15-ти градусовъ, и то рѣдко. Ясныхъ дней очень не много. Обыкновенное время походить нѣсколько на нашу осень.

«Туманы и *бусь* (сырой туманъ—стѣять хорошаго дожда) весьма часты; отъ того воздухъ постоянно сыръ,—что русскому, привыкнуму къ правильнымъ временамъ года, не такъ-то здорово. Напротивъ для природныхъ тамошнихъ жителей сухая погода, хотя бы то на двѣ недѣли, нестерпима. Появляется эпидемическій кашель, воспаление легкихъ и смертность.

4) «Морская разныхъ родовъ рыба есть общая для всѣхъ жителей Ситхи пища. Коровъ на всемъ островѣ, въ мое время, было около пяти (да и теперь, за недостаткомъ корму, едва ли ихъ болѣе), а потому на сливки и молоко рассчитывать нельзя. Яйцо стоитъ 50 коп. асаги. за штуку, а къ пасхѣ доходитъ до рубля. Овощей, кромѣ картофеля, никакихъ нѣтъ. Привозныхъ заморскихъ сластей, какъ-то: изюму, черносливу и проч., большое изобиліе. Воды на островѣ вдоволь; рому, джину и разныхъ виноградныхъ винъ большое изобиліе. Цѣны на провизію въ 1852 г. были слѣдующія: мука ржаная и пшеничная 5 руб. ас. за пудъ; крупчатая—10 руб.; ведро рому или джину 50 руб.; цѣна винамъ разная, но не дешевая. Цѣна рыбы зависитъ отъ улова, а лѣтомъ, когда она идетъ къ берегу метать икру, и ее ловятъ тысячами, тогда можно ее получить даромъ».

Получивъ такія интересныя, но мало утѣшительныя свѣдѣнія о пребываніи на пресловутомъ островѣ Ситхѣ, я писалъ отъ 5-го іюля 1858 года высокопреосвященному архіепископу Иннокентію:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій отецъ и архипастырь! Прежде всего долгомъ поставляю принести вашему высокопреосвященству мою глубочайшую, низжайшую благодарность за ту честь, какой вы изволили удостоить меня вашимъ приглашеніемъ на высшее служеніе, подъ непосредственнымъ руководствомъ вашимъ. Но при семъ не могу сокрыть предъ вами, мило-

ствѣйшій архипастырь, и того затрудненія, въ какое поставленъ я столь милостивымъ приглашеніемъ вашимъ. Съ одной стороны, уклоненіе отъ предлагаемой мнѣ почести, безъ сомнѣнія, можетъ представиться дѣломъ неблаговиднымъ и неблагодарнымъ; но, съ другой послѣдовать призывному голосу, вопреки собственнаго убѣжденія и безъ особеннаго внутренняго призванія къ чрезвычайному для меня служенію, было бы, можетъ быть, еще болѣе съ моей стороны неосмотрительно и неблагоприятно.

«Вникая въ мои настоящія душевныя расположенія, имѣя въ виду мою настроенность къ извѣстнаго рода дѣятельности, мой образъ жизни, мои общественныя отношенія, и соображая все это съ тѣмъ, что мною дознано частію изъ устъ вашего высокопреосвященства, частію изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ, касательно занятій, относительно климата и другихъ условий жизни въ столь отдаленной странѣ, какова Ситха, прихожу къ рѣшительному заключенію не въ пользу моего путешествія въ эту далекую и чуждую мнѣ страну.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, простите меня великодушно, если мой отвѣтъ не соответствуетъ вашему желанію и вашимъ, можетъ быть, ожиданіямъ».

Камчатскій владыка, безъ сомнѣнія, не съ удовольствіемъ принялъ мой отвѣтъ. Изложивъ въ представленіи св. синоду свои тщетные поиски въ Москвѣ кандидата на викаріатство въ Ситху, онъ снова ходатайствовалъ объ архимандритѣ Петрѣ, и дѣло кончилось тѣмъ, что о. Петръ избранъ и рукоположенъ въ Иркутскѣ 29 марта 1859 г. на учрежденную 11-го января 1858 г. новоархангельскую кафедру епископа—викарія камчатской епархіи.

Когда я вступилъ въ должность синодальнаго ризничаго, высокопреосвященный митрополитъ поручилъ мнѣ тогда же составить описаніе болѣе примѣчательныхъ

предметовъ, хранящихся въ патриаршей ризницѣ и библиотекѣ. Я немедленно приступилъ къ исполненію этого архипастырскаго приказанія, но исполнить оное могъ не безъ затрудненія. Къ археологическимъ занятіямъ я вовсе не былъ приготовленъ: тѣмъ не менѣ первый опытъ моихъ археологическо — библиографическихъ трудовъ заслужилъ одобреніе строгаго цѣнителя всякихъ письменныхъ произведеній — митрополита Филарета. Составленное мною описаніе замѣчательнѣйшихъ предметовъ патриаршей ризницы и библиотеки въ первый разъ было напечатано въ 1855 г. подъ заглавіемъ: „Указатель для обозрѣнія московской патриаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библиотеки“. Изданіе это было повторено, въ болѣе обширномъ видѣ, въ 1858 г. — Экземпляръ этого изданія я имѣлъ счастье поднести, чрезъ г. синодальнаго оберъ-прокурора, Государю Императору, и удостоился получить за сіе отъ Его Величества подарокъ въ 429 р. изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

По этому случаю о. Леонидъ писалъ мнѣ, отъ 30-го октября 1858 года:

«Не пора ли ухую изъ пискарей, или шами изъ свѣжей капусты, сиренуть одинъ изъ подарковъ, вами полученныхъ? Если пора, то къ часу имѣю честь прибыть — вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга, а. Леонидъ».

А вскорѣ за тѣмъ онъ обращается ко мнѣ съ такою просьбою:

«Высокопреподобнѣйшій о. архимандритъ! Чтобы сдержатъ слово, данное о. Епифанію, снабдить его архимандричьимъ приборомъ, долженъ просить у васъ мантіи на провату: цѣна — обѣдъ, въ которому въ законоохранскій монастырь честь имѣю васъ при-

гласить завтра, въ воскресенье, во второмъ часу. — Суббота, вечеръ, 8-го ноября, 1858 г.».

О. Епифаній, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, замѣчательная въ своемъ родѣ личность. Въ мірѣ назывался онъ Евстаѣй *Избицкій*. По окончаніи курса въ кievскомъ университетѣ, онъ получилъ степень магистра философіи и былъ учителемъ житомирскаго раввинскаго училища. Принадлежа по вѣроисповѣданію къ римско-католической церкви, онъ принялъ православіе и вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ 1854 г., для полученія высшаго богословскаго образованія въ духѣ православной церкви, въ московскую д. академію, гдѣ окончилъ курсъ со степенью магистра. По окончаніи курса, въ 1856 г., онъ опредѣленъ былъ профессоромъ въ виванскую семинарію; въ 1857 г. постриженъ въ монашество съ именемъ Епифанія, а въ концѣ того же года утвержденъ инспекторомъ семинаріи; въ ноябрѣ 1858 года онъ назначенъ былъ инспекторомъ с.-петербургской д. академіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Чрезъ полгода ему предложено было избрать одну изъ двухъ ректорскихъ вакансій — въ самарской или кавказской (въ Ставрополѣ) семинаріяхъ. Онъ избралъ послѣднюю. Но не долго о. Епифаній оставался и на Кавказѣ: по своему характеру, онъ не сошелся съ тогдашнимъ епископомъ кавказскимъ, преосвященнымъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ. Послѣ сего уволенъ былъ Епифаній отъ ректорской должности и посланъ въ московскій симоновъ монастырь въ число братства. Но онъ чрезъ годъ оставилъ не только монастырь, но и Москву и отправился

въ Сибирь искать тамъ себѣ счастья. Онъ принять былъ въ иркутскую епархію и назначенъ настоятелемъ забайкальской миссіи, гдѣ въ 1873 или 74 г. постигла его смерть, прекратившая его бурную жизнь.

1858 г. октября 13-го, преосвященный Евгений, еп. дмитровский, викарій московскій, переведенъ былъ на епископскую кафедру въ Симбирскъ. На его мѣсто въ викарію московскаго избранъ и 21-го ноября рукоположенъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ ректоръ костромской семинаріи архимандритъ *Порфирій*.

Это событіе изумило Москву. Всѣ ожидали, что преемникомъ преосв. Евгенія непременно будетъ ректоръ московской семинаріи, архим. Леонидъ, тѣмъ болѣе, что мало было примѣровъ, во все время пребыванія на московской кафедрѣ митрополита Филарета, чтобы викарія его были не изъ своихъ московскихъ архимандритовъ. Давно небывалый случай этотъ возбудилъ недоумѣнія даже и внѣ Москвы.

Но слишкомъ не долго оставался на дмитровской кафедрѣ преосвящ. Порфирій. Онъ, какъ метеоръ, мелькнулъ на московскомъ горизонтѣ, едва ли примѣченный всѣмъ столичнымъ духовенствомъ, не говоря уже о свѣтскомъ обществѣ. Такъ какъ онъ тринадцать лѣтъ занималъ должность ректора семинаріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по тогдашнимъ порядкамъ, былъ членомъ д. консисторіи, сначала тобольской, а потомъ костромской, и при томъ не титулярнымъ только, какъ это бывало большею частію, а дѣйствительнымъ, ревностнымъ дѣльцомъ, то онъ достаточно знакомъ былъ съ формальными порядками

ми епархіальнаго управления. Поэтому, сдѣлавшись викаріемъ московскаго митрополита, онъ вздумалъ вступать съ нимъ иногда въ препирательства по дѣламъ консисторскимъ. Московскій первосвятитель, не привыкну видѣть у себя любо — прительныхъ помощниковъ, поспѣшилъ освободиться отъ новаго викарія — пришельца. Прошло не болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ владыка представилъ св. синоду, что епископъ Порфирій такъ свѣдуещъ въ дѣлахъ консисторскихъ, что можетъ самостоятельно управлять епархією. Вслѣдствіе такого похвальнаго отзыва, преосвящ. Порфирій назначенъ былъ на епископскую кафедру въ Уфѣ, 21-го марта 1859 г. — ровно чрезъ четыре мѣсяца послѣ его хиротоніи.

На его мѣсто епископомъ дмитровскимъ, викаріемъ московскимъ, Высочайше утвержденъ былъ ректоръ московской семинаріи, заиконспасскій архимандритъ Леонидъ.

Получивъ изъ устъ владыки первую вѣсть о своемъ новомъ, высшемъ назначеніи, утромъ въ великую субботу, 11-го апрѣля, онъ въ тотъ же день вечеромъ поспѣшилъ сообщить ее мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ что митрополитъ имѣетъ въ виду на его мѣсто, въ должность ректора, представить меня. Первая вѣсть, о возведеніи моего друга въ санъ епископа, меня чрезвычайно обрадовала, а вторая только озаботила и смущала, какъ ни казалась, повидимому, лестною.

И такъ надлежало готовить моего возлюбленнаго друга и брата, какъ жениха, къ архіерейской хиротоніи.

Необходима была для него и новая цвѣтная ряса съ такимъ же полукафтаньемъ, и архіерейская мантия, и хотя одна архіерейская панагія: но для всего этого требовались не малыя средства, а ихъ — то у нашего друга и не было. Какъ ни значительно было содержаніе, которое о. Леонидъ получалъ отъ монастыря, отъ казны и отъ частныхъ служеній: но въ рукахъ у него никогда ничего почти не было. Все оставившееся, за удовлетвореніемъ его личныхъ, очень ограниченныхъ потребностей, онъ передавалъ своимъ роднымъ и множеству постороннихъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ его щедрость не всегда была разсудительна. Такъ, однажды какая-то вовсе неизвѣстная ему барыня, какихъ въ Москвѣ, да и въ другихъ городахъ, очень не мало, пришла къ нему, расплакалась о своихъ нуждахъ и попросила у него въ долгъ довольно значительную сумму: онъ, растрогавшись ея слезами, отдалъ ей послѣдніе полтора ста рублей, а потомъ досадовалъ на свое увлеченіе. О возвратѣ долга, разумѣется, не было и помину.

Что-жъ однако же оставалось дѣлать его высокопреподобію, въ виду предстоящей ему архіерейской хиротоніи? Обращаться къ кому либо съ просьбой объ одолженіи, онъ, по своей деликатности, не могъ, да и не зналъ, къ кому съ надеждою могъ бы обратиться. Оставалось намъ, его приближеннымъ, изыскивать мѣры къ снабженію его потребнымъ. Я отправился къ графинѣ Аннѣ Егоровнѣ Толстой, супругѣ бывшаго оберъ-прокурора св. синода, которая постоянно жила и живетъ въ Москвѣ и очень уважала о. Леонида, а также распо-

ложена была и ко мнѣ. Я объяснилъ ей затруднительное положеніе моего друга, и она тутъ же вручила мнѣ 800 руб. деньгами и золотой браслетъ, украшенный драгоценными камнями. Деньги мы съ *Д. А. Шеромъ* (*) употребили на устройство шелковой цвѣтной рясы съ полукафтаньемъ и архіерейской мантии, а изъ браслета сдѣлали изящную панагію.

Наконецъ полученъ изъ св. синода указъ о бытіи архимандриту Леониду епископомъ дмитровскимъ; назначенъ былъ день, 24-го апрѣля, нареченія его во епископа въ присутствіи синодальной канторы. При этомъ обыкновенно произносится нарекаемымъ архимандритомъ рѣчь. До 24-го числа оставалось уже пять—шесть дней, а у о. Леонида рѣчь еще не была написана, хотя, можетъ быть, и была уже обдумана. Были мы съ нимъ гдѣ то за городомъ; оттуда пріѣхали въ Кремль. Онъ спросилъ у меня одну часть твореній св. Григорія Богослова и удалился въ мою моленную, бывшую моленную святѣйшаго патріарха Никона, взялъ листъ бумаги и началъ писать рѣчь. И вотъ что вышло изъ подъ его пера:

«Воспитанный для борьбы съ морскими бурями и рано окруженный житейскаго моря волнами, я могъ опасаться, что помо-

(*) *Шеръ* Дмитрій Александровичъ—свободный художникъ, обладавшій тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Онъ издавна былъ знакомъ съ о. Леонидомъ и со мною. Безъ него не обходились у насъ ни въ церквахъ, ни въ настоятельскихъ покояхъ, никакія поправки и возобновленія. Онъ былъ и архитекторъ, и рѣшитель иконостасовъ, и ваятель, и способникъ въ устройствѣ церковныхъ утварей и всякихъ домашнихъ принадлежностей. Характера былъ непременно мягкаго и добраго.

нить мя глубина, но и съ мори пролегають путіе Господни и повсюду — промысль Господа, ведущій человекѣ ко спасенію. Онѣ воспріялѣ мя отъ водъ многихъ, чтобы поселить меня во дворѣхъ дому Бога нашего.

«Благодарю Избавителя Бога, но и сожалѣю, что поздно приблизился къ Его селеніямъ дивнымъ, и когда можно было уже укрѣплять себя твердою пищею, и полною мѣрою улаждаться сладостію словесъ Господнихъ, я питался только млеко́мъ слова Божія.

«И вотъ малосвѣдущій и маломощный призываюсь я къ тому служенію, которое обязываетъ меня образъ бытія *впримѣ слово, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою*. Но какъ явлю себя образомъ въ словѣ, когда убѣжденъ, что мое молчаніе лучше моего слова и полезнѣе для меня; — образомъ житія, когда убѣжденъ, что житіе сокровенное въ Богѣ безопаснѣе и благонадежнѣе; образомъ въ любви, когда дѣла обличаютъ, какъ она еще далека отъ силы и совершенства; — образомъ въ духѣ, когда не знаю, могу ли сказать по апостолу, что имѣю начатки духа, а знаю только, что воздыхаю отягчаемый плотію, не довольно покоренною духу.

«..... Уповаю на силу благодати, призываемую священнодѣйственными молитвами, и на то, что новое служеніе болѣе приближаетъ меня къ тебѣ, нервосвятитель Москвы, архипастырь и благодѣтель мой!

«Уже двадцать два года, какъ ты съ высоты духовной простеръ руку мнѣ, буруемаю житейскими волнами, и у твоего пастырскаго сердца нашелъ я надежное пристанище и тишину. Ты разнообразными понеченіями облегчалъ мнѣ трудный мой путь; ты, какъ отецъ чадолубивый, не забылъ ни одного изъ угѣшеній, которыя могутъ радовать преданнаго сына, хотя въ то же время не оставлялъ безъ исправленія моихъ погрѣшностей. Ты благословилъ меня отложить оружіе тѣлесное и вос-

пріять племѣ спасенія, и нынѣ призываешь на стражу дома Божія.

«И такъ, святой владыка, начатое продолжи и соверши! «Веди и насъ меня, — по слабости моего слова дозволю употребить сильное слово великаго и святаго пастыря: — «веди и насъ меня; научи своей любви къ пастырь, своей заботливости и вмѣстѣ благоразумію, внимательности, неусыпности. Скажи, на какія нажити водить стадо, къ какимъ ходить источникамъ и какихъ избѣгать нажитей и водъ; кого пасти палицею и кого свирѣлю; какъ изнемогшее подъять, падшее возставить, заблудшее обратить, погибшее възскаать, крѣпкое сохранить»; (*) какъ мнѣ научиться быть добрымъ пастыремъ, а не насмичкомъ. Несомнѣнно, что сердце твое готово и на сію новую для меня милость.»

Эта одушевленная и краснорѣчивая рѣчь, просмотрѣнная предварительно высокопреосвященнымъ митрополитомъ, произнесена была архимандритомъ Леонидомъ, 24-го числа, предъ сонмомъ іерарховъ, въ присутствіи старшаго московскаго духовенства и множества постороннихъ мірскихъ лицъ, въ присутственной палатѣ сундальной конторы. По выслушаніи рѣчи, московскій архипастырь отвѣтствовалъ нареченному во епископа:

«Благодари, боголюбезный, Всепромыслителя Бога, который указалъ тебѣ путь жизни, неуказанный твоимъ рожденіемъ, и вель тебя добрымъ желаніемъ, а иногда и затрудненіями и скорбями всегда къ миру.

«Безъ сомнѣнія, ты будешь благодарными воспоминаніями особенно чтить преподобнаго Сергія, подъ сѣнію котораго ты рѣшиительно съ пути мірскаго переступилъ на путь церковный, и обрѣлъ духовное руководство.

(*) Слово св. Григорія Богослова, по рукоположеніи его въ епископа саспасаго, говоренное въ присутствіи Василія В.

«Скажу къ слову: великій отецъ нашъ Сергій, какъ бы въ нѣ-
которое вознагражденіе православной церкви за то, что не отдалъ
ей въ епископство самого себя, въ обиліи возвращаетъ подъ сѣ-
ню свою снова послушанія и разума духовнаго, которыхъ по-
томъ избраніе церковное призываетъ къ епископству.

«Нынѣ же вручи себя святителямъ: Петру, Алексію, Іонѣ и Фи-
липпу, дабы ихъ богоугодныя молитвы предводительствовали на-
шими о тебѣ смиренными молитвами.» (*)

Въ воскресенье, 26 апрѣля, назначено было совер-
шить, торжественнымъ образомъ, въ большомъ успен-
скомъ соборѣ, хиротонію нареченнаго во епископа бого-
спасаемаго града Дмитрова, архимандрита Леонида.
По существующему издавна въ Москвѣ обычаю, въ этотъ
день нареченный во епископа архимандритъ и съ нимъ
два другихъ архимандрита, по назначенію митрополита,
въ мантияхъ и въ особомъ каждый экипажѣ, должны
явиться, предъ начатіемъ благовѣста, къ литургіи, на
троицкое подворье, и оттуда сначала вслѣдъ за вла-
дыкою, а потомъ, съ извѣстнаго пункта, впередъ его,
ѣхать въ соборъ. Въ числѣ сопровождавшихъ на этотъ
разъ владыку былъ назначенъ и я. Въ обычное время
литургіи совершена была хиротонія архимандрита Лео-
нида во епископа, четырьмя іерархами: членами св. су-
нода — высокопреосвященными: митрополитомъ москов-
скимъ Филаретомъ и архіепископомъ Евгеніемъ (быв-
шимъ ярославскимъ) и епископами — уфимскимъ, Порфи-
ріемъ, и еивайдскимъ (изъ Александріи) Никаноромъ,
при многочислѣннѣйшемъ стеченіи народа. По окончаніи

(*) Прибавл. къ изд. «твор. св. отецъ» въ русск. перев., ч. XVIII, М. 1859 г.,
стр. 136—139.

литургіи, съ амвона облачальнаго среди собора, перво-
стоятель московской церкви обратился къ новоруко-
положенному епископу съ глубоко-назидательною рѣчью,
и за тѣмъ вручилъ ему архипастырскій жезлъ. Не могу
не выписать здѣсь нѣсколько словъ изъ этой рѣчи:

«Труденъ подвигъ (епископскій), особенно когда овны будущіе
и противъ пастырей обращаютъ роги, когда больныя овцы, не
пріемля враченія, думаютъ сами врачевать пастырей, когда и
у тѣхъ, которые должны быть не отъ міра, міръ уже не нынѣ
вынудилъ слишкомъ много снисхожденія къ нему; и даже превло-
нилъ ихъ иное замѣтывать отъ него.»

Церковное торжество заключено было богатою трапе-
зою у московскаго архипастыря, къ которой приглашенъ
былъ весь высшій московскій кругъ какъ духовный,
такъ и свѣтскій. И такимъ образомъ Москва была впол-
нѣ удовлетворена въ своихъ законныхъ и справедли-
выхъ желаніяхъ относительно о. Леонида.

Съ слѣдующаго же дня новорукоположенный епископъ
дмитровскій вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ,
высшихъ служебныхъ обязанностей: но онъ не скоро
еще водворился на новомъ мѣстѣ жительства. Пока не
оставилъ саввинскаго подворья уфимскій преосвященный
и пока въ покояхъ этого подворья произведены были
капитальныя передѣлки и исправленія, во вкусѣ новаго
хозяина, который въ этомъ отношеніи вездѣ оставлялъ
по себѣ добрую память, — преосвященный Леонидъ оста-
вался въ своихъ прежнихъ настоятельскихъ покояхъ,
въ законоспасскомъ монастырѣ.

Прошло около двухъ недѣль послѣ посвященія прео-
священнаго Леонида, а о преемникѣ его по должности

ректорской положительныхъ свѣдѣній еще нѣтъ. Наконецъ, 8 мая, предъ всенощною, является ко мнѣ въ Кремль инспекторъ московской семинаріи, архимандритъ Никодимъ (впослѣдствіи епископъ дмитровскій, преемникъ преосвященнаго Леониды), (*) съ приглашеніемъ, по приказанію высокопреосвященнаго митрополита, на служеніе, на слѣдующій день, въ семинарской церкви съ его высокопреосвященствомъ, по случаю храмоваго праздника свят. Николая. Явился въ назначенный часъ; литургія совершена съ обычною торжественностію; послѣ обѣдни владыка удостоилъ своимъ посѣщеніемъ домъ семинарскаго старосты, богатаго и гостепріимнаго купца, Н. П. Ильина, куда и мы всѣ были приглашены къ обѣду. Владыка, сидя на диванѣ, подозвалъ меня къ себѣ и тихо изволилъ сказать мнѣ: „приходи ко мнѣ въ половинѣ втораго обѣдать“. — Приказаніе, разумѣется, исполнено: являюсь въ уреченный часъ на троицкое подворье. Вхожу въ столовую комнату, а владыка идетъ изъ своего кабинета, держа въ рукѣ небольшой листъ почтовой бумаги. Когда я подошелъ къ его высокопреосвященству, чтобъ принять отъ него благословеніе, онъ подалъ мнѣ листъ, сказавъ: прочитай. Читаю и вижу, что это письмо къ оберъ-прокурору св. синода, гдѣ изложено ходатайство о назначеніи меня ректоромъ московской семинаріи. Прочитавши письмо, я поклонился до земли его высокопреосвященству и поблагодарилъ за его архипастырское ко мнѣ вниманіе: между тѣмъ сердце мое дрогнуло. Сѣли за столъ, и владыка очень ми-

(*) Пресвиц. Никодимъ сконч. 14-го окт. 1877 г.

лостиво со мною бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ. Указомъ св. синода отъ 18-го мая 1859 г. я опредѣленъ былъ ректоромъ московской дух. семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ московск. дух. консисторіи, а монастыря не только закосноспасекаго, но и никакого дано мнѣ не было; жалованья же ректорскаго и вмѣстѣ профессорскаго было столько же, сколько я получалъ на должности синодальнаго ризничаго, т. е. 800 руб. Единственная выгода для меня здѣсь была только та, что я имѣлъ въ распоряженіи казенный экипажъ съ парюю лошадей.

Когда полученъ былъ о моемъ назначеніи указъ, митрополитъ былъ въ троицкой лаврѣ, и оттуда онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы преосвященный Леонидъ ввелъ меня въ новую должность и привелъ къ присягѣ. Это исполнено было 3-го іюня, торжественно, въ семинарской церкви, въ присутствіи всѣхъ наставниковъ и учениковъ семинаріи, а 6-го числа я писалъ въ лавру къ его высокопреосвященству:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастыръ и отецъ! Независимо отъ официального донесенія вашему высокопреосвященству о моемъ вступленіи въ должность ректора московской духовной семинаріи, я вмѣняю себѣ въ обязанность довести до свѣдѣнія вашего, что согласно съ резолюціею вашего высокопреосвященства, введенъ я въ семинарію преосвященнымъ викаріемъ 3-го сего іюня, и вслѣдъ за тѣмъ приступилъ къ приему оной.

«Съ чувствомъ глубочайшей благодарности къ вашему высокопреосвященству принялъ я новую должность: но не безъ смущенія и трепета сердечнаго вступаю въ нее. Всего болѣе страшитъ

меня мысль, оправдаю ли ту лестную и утѣшительную для меня довѣренность, какую ваше высокопреосвященство благоволили явить мнѣ чрезъ избраніе меня на столь важное служеніе.

«Свидѣтельствуюсь моею совѣстію, что ревность и готовность къ полезной дѣятельности имѣю: по успѣху въ дѣлахъ моихъ ожидаю отъ помощи Божіей и отъ вашего мудраго архипастырскаго руководства».

Не смотря на значительную теперь разность въ нашемъ іерархическомъ положеніи, отношенія ко мнѣ преосвященнаго Леонида нисколько не измѣнились; онѣ остались по прежнему искренними и дружественными. Продолжались время отъ времени и письменныя между нами сношенія.

Такъ, отъ 10-го сентября 1859 года, онъ въ первый разъ, въ санѣ епископа, пишетъ мнѣ, своему преосвященнику по должности ректора:

«Высокопреподобійшій о. ректоръ! Не поручите ли кому изъ наставниковъ переводъ изъ Dictionaire de Theologie, par Bergier, статьи: Samaritaine (texte), ч. 3, стр. 629, изд. 1844 г., Lille.— На этотъ трудъ надобно употребить три — четыре часа времени. Полагаю, что это будетъ приятно владыкѣ. Онъ вопросомъ этимъ интересуется и статья дастъ нѣкоторую пищу его перу. Французскій текстъ ему не по глазамъ. Если же въ семинаріи сдѣлать этого нѣкому, то прошу извѣстить. Я самъ какъ нибудь приготавливаю къ докладу завтрашнему, между прочимъ, и по сему предмету.

«Вашего высокопреподобія сослуживникъ, Леонидъ е. дмитровскій».

Чрезъ два дня ученое порученіе его преосвященства было исполнено и представлено на его архипастырское благоусмотрѣніе.

По полученіи перевода французской статьи, преосвященный снова пишетъ мнѣ отъ 12-го числа:

«Только что благодарю васъ за переводъ статьи, какъ готова и новая докума.

«Собираюсь строить, если Богъ велитъ, не большую церковь въ Саввинѣ (т. е. въ саввинскомъ близъ Звенигорода монастырѣ, которымъ преосвященный Леонидъ управляетъ), и хочется дать ей наружность возможно глубокой древности: хотѣлось бы сдѣлать какъ бы копію или модель. У васъ видѣлъ я рисунки одной изъ владимірскихъ церквей, сдѣланные чуть-ли не гр. Уваровымъ (не Уваровымъ, а Строгановымъ), реставрированной по повелѣнію Императора Николая. Нельзя ли доставить ихъ мнѣ, если они есть у васъ, и также Мартынова древности и еще, кажется, въ одномъ изъ 4-хъ отдѣленій великолѣпнаго изданія рисунковъ достопримѣчательныхъ древностей.»

Отъ 15-го ноября того же 1859 года преосвященный Леонидъ писалъ мнѣ:

«Задумываю завтра совершить въ даниловѣ монастырѣ память по кн. Валеріанѣ Михайловичѣ. Не пожелаетъ ли кто изъ васъ — вы или о. инспекторъ? Прошу извѣстить немедля. Начало въ 10 часовъ.»

Скажу нѣсколько словъ о почившемъ князѣ.

Князь Валеріанъ Михайловичъ *Голицынъ* былъ изъ числа декабристовъ, сосланныхъ въ Сибирь. По восшествіи на престолъ нынѣшняго Государя, въ 1855 году, онъ былъ возвращенъ изъ Сибири и явился въ Москву. Моя первая встрѣча съ нимъ и его семействомъ была на страстной недѣлѣ 1856 г., во время муроваренія. Помню, подходит ко мнѣ въ муроварной палатѣ человекъ пожилыхъ лѣтъ, невысокаго роста, брюнетъ, и проситъ показать ему и его семейству патриаршую ризницу. Я спросилъ его фамилію; онъ сказалъ: „Голицынъ“.—

„Князь?“ — „Да“. — „Не родственникъ ли князя Сергія Михайловича?“ — „Дальній“. — На этомъ остановился нашъ разговоръ, и я повелъ его въ ризницу. Показавши ему и его семейству достопримѣчательныя древности, я распростился съ нимъ и забылъ о немъ. Черезъ нѣсколько времени я началъ встрѣчаться съ нимъ у преосвященнаго Леонида, когда этотъ былъ ректоромъ московской семинаріи. Князь Валеріанъ былъ человѣкъ очень образованный, любилъ бесѣдовать и спорить о богословскихъ предметахъ; притомъ человѣкъ богатый. Семейство его составляли: жена — Дарья Андреевна и двое дѣтей: старшая была дочь и сынъ — Мстиславъ. Познакомившись съ о. Леонидомъ, онъ хотѣлъ сблизиться и со мною, помня оказанную ему съ моей стороны услугу. Очень часто дѣлалъ онъ исключительно для насъ съ о. Леонидомъ роскошныя обѣды ради того только, чтобы имѣть случай побесѣдовать съ нами. Ему, между прочимъ, очень хотѣлось, чтобы изданъ былъ на русскомъ языкѣ богословскій словарь, по примѣру нѣмецкихъ и французскихъ словарей. Онъ предлагалъ мнѣ, когда я былъ уже ректоромъ семинаріи, 30 т. рублей на этотъ именно предметъ: но я не могъ принять этого пожертвованія, такъ какъ не надѣялся на исполненіе требуемаго имъ условія. Я не смѣлъ даже объ этомъ и доложить митрополиту, хотя впоследствии, когда я былъ уже ректоромъ академіи и у насъ родился тамъ вопросъ объ изданіи богословскаго словаря, я сообщалъ владыкѣ о предложеніи князя Голицына: владыка сказала, что напрасно вы отказались отъ такого значитель-

наго пожертвованія. Но въ это время князя не было уже въ живыхъ.

Въ 1860 году, когда оба мы съ преосвященнымъ Леонидомъ слишкомъ были обременены служебными занятіями, наши и личныя, и письменныя сношенія были не такъ часты, какъ прежде.

Впрочемъ, время отъ времени, его преосвященство все-таки продолжалъ еще удостоивать меня своими дружественными посланіями, въ родѣ, наприимѣръ, слѣдующаго:

«Послѣ вчерашней суточной работы, — писалъ онъ мнѣ 22-го февраля, — и ночи совсѣмъ безсонной, лежу дѣлмый день, готовясь къ завтра. Предстоитъ быть: къ 11-ти часамъ въ переметевскомъ домѣ, къ 3-мъ — на экзаменѣ въ екатерининскомъ институтѣ, къ 5-ти — на троицкомъ подворьѣ. Если бы нашлось у васъ желаніе двумя, такъ называемыми, грибными блюдами учредить странника: то къ 2-мъ — или ранѣе я явился бы къ вамъ.

«Консилиумъ объявилъ, что нѣтъ надежды, и князь Леонидъ (Голицынъ) долженъ идти къ князю Валеріану, (брату, упомянутому выше).

«До свиданія».

30-го апрѣля преосвященный писалъ мнѣ:

«Мнѣ отказано въ дозволеніи служить завтра: нога моя плоха. Если вамъ угодно: совершите служеніе вмѣсто меня и въ такомъ случаѣ прошу пріѣхать не къ 9-ти, а къ восьми... Если же нельзя, то навѣстите меня сегодня, когда угодно».

Въ маѣ болѣзнь преосвященнаго еще продолжалась. Я послалъ 7-го числа навѣдаться о его здоровьѣ и получилъ отъ него слѣдующую записку:

«Душевно благодарю васъ за вниманіе ко мнѣ. Богу благодареніе, чувствую себя гораздо лучше. Я испросилъ у Владиміра Ивановича (врача) разрѣшеніе вступить завтра въ священнослуженіе.

На мою убедительнѣйшую просьбу, которой причину онъ зналъ съ половиною только, т. е. что завтра воскресный день соединяется съ памятью возлюбленнаго ученика (ап. Иоанна Богослова), онъ сказалъ: сдѣлайте два жеребейка, и что вынется.... Но я возражилъ, что до такого рѣшенія можно и своимъ умомъ дойти. Тогда онъ, хотя съ неохотою, дозволилъ, съ тѣмъ, чтобы пріема рѣшительно не было.

Въ половинѣ іюля его преосвященство отправлялся на праздникъ перенесенія мощей преподобнаго Саввы въ свой саввинъ монастырь, находящійся отъ Москвы верстахъ въ 50-ти; приглашалъ и меня съ собой подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться тамошнюю прекрасною мѣстностью. Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться столь любезнымъ приглашеніемъ. Кромѣ многихъ другихъ причинъ, препятствіемъ къ этому послужилъ для меня прїѣздъ въ Москву моего стараго знакомаго англичанина Пюзея, который, какъ было уже сказано, помѣстился въ семинаріи и для котораго я долженъ былъ брать, подъ свою отвѣтственность, рукописи изъ синодальной бібліотеки.

Въ продолженіи лѣта преосвященный Леонидъ весьма часто путешествовалъ въ загородный никола-угрѣпскій монастырь, расположенный на берегу Москвы рѣки, частію для уединенія отъ столичнаго шума, а частію для купанья, которое приносило ему большую пользу. Тамашній настоятель, архимандритъ Пименъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, пользовался особенною любовію и расположеніемъ преосвященнаго. Туда и я иногда сопутствовалъ его преосвященству.

25-го декабря, въ день праздника Рождества Христова, преосвященнѣйшій Леонидъ почтилъ меня посланіемъ слѣдующаго содержанія:

«Высокопреподобнѣйшій о. ректоръ! Не бывало еще, чтобы врозь встрѣчали великій нынѣшній праздникъ. Первый день, да и второй, не такъ располагаются, чтобы могъ я найти свободный часъ для посѣщенія васъ, возлюбленнѣйшій. По этому, хоть перомъ поздравляю васъ, отъ всей души желая вамъ выздоровленія и добраго отдыха между двумя періодами трудовъ.—Выздоровливайте, по крайней мѣрѣ, къ приближающимся торжествамъ хиротоніи, а пока простите и благословите душою преданнаго вамъ Леонида, еп. дмитровскаго».

Посланіе это требуетъ изъясненія.

Въ ноябрѣ уволенъ былъ, по немощи силъ, согласно прошенію, на покой преосвященный курскій Илюдоръ; его мѣсто предложено было занять преосвященному дмитровскому, а еще нѣсколько ранѣе, именно въ сентябрѣ, его же приглашали на вакантную кафедру тульскую: но преосвященный Леонидъ отъ той и другой епископской кафедры отказался. Такимъ образомъ, на тульскую епархію назначенъ былъ ректоръ новгородской семинаріи архимандритъ Никандръ, а на курскую представленъ и Высочайше утвержденъ былъ ректоръ московской д. академіи, архим. Сергій.

Не болѣе какъ за недѣлю до праздника Рождества Христова, являюсь я съ докладомъ по дѣламъ на троицкое подворье. Высокопреосвященный митрополитъ, выслушавъ мой докладъ, говоритъ мнѣ: „я представилъ тебя на должность ректора академіи: доволенъ ли ты будешь этимъ назначеніемъ?“ Такая неожиданная вѣсть, какъ

молнія упала на мою голову: я почти совершенно растерялся, и не зналъ, что отвѣчать на данный мнѣ вопросъ. Я подумалъ про себя: я не могу справиться и съ семинаріей: какъ же мнѣ управлять академіей? Я не прошелъ еще и одного курса, въ качествѣ преподавателя догматическаго богословія, въ среднемъ учебномъ заведеніи: какъ же мнѣ приступить къ чтенію лекцій по этому важному предмету въ высшемъ учебномъ заведеніи? Поблагодаривъ владыку за такую высокую, мнѣ оказываемую, честь, я со слезами умолялъ его уволить меня, если можно, отъ высокой и почетной, но не сильной для меня, должности. Владыка остался непреклоненъ, и я долженъ былъ подчиниться его волѣ.— Между тѣмъ онъ, какъ бы для испытанія моихъ умственныхъ способностей, тутъ же поручилъ мнѣ написать на день Рождества Христова поученіе, вмѣсто другаго архимандрита, коему на этотъ день назначена была проповѣдь. Какъ ни кратко было время, и притомъ у меня въ семинаріи производились въ эту пору экзамены: но я долженъ былъ исполнить архипастырское порученіе.—Проповѣдь написана: но я не могъ ни лично представить ее митрополиту, ни произнести въ храмѣ, такъ какъ, вслѣдствіе простуды, совершенно почти потерялъ голосъ. Поэтому я долженъ былъ проповѣдь свою препроводить при письмѣ, въ которомъ изъяснилъ свою болѣзнь. Владыка, возвращая мнѣ прочитанную имъ проповѣдь, изволилъ при этомъ написать:

«Благодарю, отецъ ректоръ, что посѣщили и благополучно исполнили вы порученіе.

«Желаю, чтобы здоровье ваше позволило вамъ произнести ваше слово.

«На случай же, если болѣзнь не допуститъ вамъ (отъ чего да сохранитъ Богъ) исполнить сіе, желалъ бы я, чтобы вы поручили о. инспектору тщательно просмотрѣть ваше слово, чтобы онъ могъ произнести оное въ церкви вмѣсто васъ.

«Но Господь да дастъ вамъ здравіе и вѣрность!»

Между тѣмъ болѣзнь моя не прекращалась и голосъ къ празднику не возвратился: поэтому наскоро составленная мною проповѣдь произнесена была въ успешномъ сборѣ инспекторомъ семинаріи архимандритомъ Никодимомъ.

Въ день Новаго, 1861, года, совершена была въ большомъ успенскомъ соборѣ хиротонія ректора академіи, законоспаскаго архимандрита Сергія, въ епископа курскаго и бѣлгородскаго, съ тою же торжественностію, съ какою, назадъ тому годъ и восемь мѣсяцевъ, совершена была хиротонія предметника его по законоспасскому монастырю, о. Леонида. Только заключеніе настоящаго торжества было иное, нежели тогда: обѣдъ былъ не на троицкомъ подворьѣ, а въ законоспасскомъ монастырѣ, и притомъ на собственныи кошты новорукположеннаго епископа. Московскій первосвятитель учреждалъ, въ подобныхъ случаяхъ, трапезу на свой счетъ только ради своихъ викаріевъ.

Неизлишне при этомъ замѣтить, что преосв. Сергій былъ моимъ наставникомъ въ академіи, начальникомъ въ качествѣ инспектора, и наконецъ воспріимнымъ отцемъ при постриженіи меня въ монашество, а теперь

мнѣ суждено быть его преемникомъ по должности ректора той-же академіи.

По воспріятіи хиротоніи, преосвященный Сергій поспѣшилъ къ своей новой паствѣ, которая съ нетерпѣніемъ ожидала его и даже прислала за нимъ въ Москву зимній экипажъ: *и онъ иде въ путь свой радуясь.*

Я же раннимъ утромъ, 21-го января, отправился на его мѣсто, въ академію, съ грустнымъ и печальнымъ настроеніемъ духа.

Но прибывши въ академію, я былъ утѣшенъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что наставники, въ особенности старшіе, у которыхъ я самъ былъ ученикомъ, приняли меня съ любовію и добрымъ расположеніемъ, а также братски встрѣтилъ меня лаврскій намѣстникъ, о. архимандритъ Антоній.

Между тѣмъ, едва успѣлъ я водвориться на новомъ мѣстѣ службы, какъ снова подвергся сильной простудѣ, такъ что недѣли двѣ не могъ выходить изъ комнаты.

По вступленіи въ должность, я не замедлилъ увѣдомить о себѣ моего московскаго друга; и вотъ что получилъ отъ него въ отвѣтъ:

«Высокопреподобнѣйшій о. ректоръ! Сердечно благодарю васъ за скорое сообщеніе чрезвычайно интереснаго для меня извѣстія о водвореніи вашемъ во второй разъ подъ кровомъ препод. Сергія. Есть во мнѣ увѣренность, что искренность вашихъ отношеній ко всемъ окружающимъ васъ людямъ и обстоятельствамъ, благочестивая преданность препод. Сергію, при мудромъ руководствѣ владыки, при всегда готовой для насъ помощи благодати, удобно выведутъ васъ изъ трудностей, которыхъ такъ много вы опасаетесь»

лись, конечно, не для того, чтобы придти въ уныніе а для того, чтобы приготовиться дѣйствовать вѣрно.

«Желаю, чтобы, какъ можно, скорѣе вы стали, хотя по монастырю, москвичемъ, а пока надѣюсь, что пространство, недающее мнѣ видѣть ваше лице, не воспрепятствуетъ мнѣ видѣть любовь вашу, за которую я и не благодарю, какъ за что—то полученное, потому что хочу продолжать пользоваться ея дарами. Если минуты свободы внушатъ вамъ когда нибудь написать ко мнѣ письмо съ тѣмъ же характеромъ журнала, какой есть въ полученномъ мною первомъ письмѣ, я буду очень благодаренъ внушеніямъ этихъ минутъ...»

«Прошу васъ, потрудитесь написать адресъ г. Пюзэ—сына, и, вложивъ его въ конвертъ, безъ препроводительнаго письма, чтобы не затруднять себя, прислать ко мнѣ... Простите. — Помяните молитвою у мощей преподобнаго и добрымъ желаніемъ душевно вамъ преданнаго Леониды, еп. дмитровскаго.—Москва, 26-го января, 1861 г.»

Выраженное въ письмѣ желаніе относительно монастыря скоро исполнилось. Въ первыхъ числахъ марта я получилъ въ завѣдываніе московскій высокопетровскій монастырь, и для принятія его долженъ былъ поспѣшить въ Москву. Среди первой недѣли великаго поста, поздно вечеромъ, пріѣхалъ я на саввинское подворье, гдѣ мнѣ уготовано было временное пристанище. Въ воскресенье, 14-го марта, я водворился во вѣрвенной мнѣ обители, а на другой день, 15-го, получаю отъ моего добраго страннопріимца записку такого содержанія:

«Избрали мнѣ, какъ удобнѣйшее для того, чтобы видѣть картину *Иванова*, (*) время сегодня въ 9 часовъ утра. Если, по вашимъ обстоятельствамъ, вы найдете назначенный часъ не неудоб-

(*) Знаменитая картина «явленіе міру Христа Спасителя».

нимъ для себя, то прошу васъ быть у меня къ *получасу девятому*. Надобно до 10-ти убраться изъ гимназій, такъ какъ къ 10 картина открыта для публики.

«Если мы не будемъ утромъ видѣться, то, если нигуда не собрались, прїѣзжайте ко мнѣ часовъ въ шесть вечера».

Само собою разумѣется, что я не могъ не воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы видѣть высокое, можно сказать, гениальное произведеніе русскаго художника.

Въ апрѣлѣ мы оба удостоены были наградъ — я св. Анны 2-й ст., а преосвященный Леонидъ — св. Владимира 3-й степени.

Въ главномъ храмѣ высокопетровскаго монастыря, коего я сдѣланъ настоятелемъ, храмовый праздникъ, 18-го іюня, — въ честь боголюбской иконы Божіей Матери. Къ этому празднику я не могъ прїѣхать изъ лавры въ Москву, но поручилъ казначею попросить преосвященнаго Леонида совершить въ высокопетровскомъ монастырѣ, въ этотъ день, литургію, а это приходилось въ воскресенье. На это приглашеніе преосвященный отвѣчаетъ мнѣ въ лавру, отъ 15-го числа:

«Съ величайшимъ утѣшеніемъ приѣмлю возлагаемое на меня послушаніе и даже привезу гостей, такъ какъ братъ мой и *сынъ мой духовный* (*) теперь совершенно на моихъ рукахъ по воскре-

(*) *Духовный сынъ* — это сынъ добраго пріятеля преосвященнаго Леонида, покойнаго князя Валер. Мих. Голштина, о которомъ выше была рѣчь. Мстиславъ имѣлъ этого мальчика, имѣвшаго тогда лѣтъ 12 или 13. Преосвященный Леонидъ, по дружбѣ съ отцомъ, принималъ особенное участіе въ воспитаніи этого мальчика, часто приглашалъ его къ себѣ, преподавалъ ему уроки по закону Божію, читалъ съ нимъ назидательныя книги, училъ его молиться Богу, даже самъ испо-

снимъ днямъ, ибо въ городъ прїѣзжаютъ на эти дни совершенно одинокіе въ немъ.»

Въ первыхъ числахъ іюля, по окончаніи академическихъ экзаменовъ, я отправился въ Ярославль, для ревизіи тамошней семинаріи и училищъ. Тамъ пробылъ я не менѣ недѣли; въ свободные часы бывалъ я не разъ у тогдашняго преосвященнаго архіепископа Нила, присутствовалъ при его богослуженіи, видѣлся съ нѣкоторыми изъ гражданъ, слышалъ кое-что о взаимныхъ отношеніяхъ между архіереямъ и духовенствомъ, а равно и свѣтскимъ обществомъ и возвратился оттуда съ впечатлѣніями не весьма утѣшительными. По прїѣздѣ въ Москву, я передалъ о своихъ впечатлѣніяхъ преосвящ. Леониду и совѣтовалъ ему, зная его характеръ и привычки, не оставлять Москву и опасаться провинціи. Я говорилъ ему, что провинціальная жизнь скоро ему наскучитъ, что едва ли онъ полгода проживетъ тамъ благополучно. Преосвященный горячо принялъ къ сердцу мой совѣтъ и мои предостереженія, какъ увидимъ далѣе.

Въ августѣ предположено было освященіе новаго, сооруженнаго въ Парижѣ, православнаго русскаго храма. Въ Москвѣ многіе были увѣрены и громко говорили, что въ Парижѣ, для совершенія торжественнаго обряда освященія храма, вѣроятно, посланъ будетъ московскій викарій, преосвященный Леонидъ, какъ владѣющій французскимъ языкомъ. Но предположеніе Москвы не оправдалось: посланъ былъ туда викарій с.-петербургскій, *опиравъ* его. Когда Мстиславъ убѣждалъ съ матерью-вдовой за гранцу, преосвященный часто писалъ ему назидательныя письма, а тотъ давалъ ему подробный отчетъ о своемъ пребываніи за границей.

преосвященный Леонтій, (нынѣ архіепископъ варшавскій), и онъ 30-го августа совершилъ освященіе благолѣпнаго парижскаго храма.

По этому поводу писала мнѣ отъ 26-го августа общія наша съ преосвященнымъ Леонидомъ знакомая *А. В. Нейдгартъ*:

«Наши предположенія не сбылись: не московскій, но петербургскій викарій отправляется въ Парижъ. Владыка нашъ митрополитъ не захотѣлъ отпустить своего викарія, не полагаясь, быть можетъ, на успѣшно достигнутую (!) цѣль посольства. А жаль, что преосвященный Леонидъ не побываетъ въ Парижѣ. Кажется, и вы бы съ радостію поѣхали съ нимъ. Оставайтесь же каждый при служеніи своемъ: вѣдь не къ лучшему ли Богъ все устрояетъ?».

Въ разъясненіе этого вопроса я писалъ отъ 18-го сентября г-жѣ Нейдгартъ:

«Почему не преосвященный Леонидъ, а преосвященный Леонтій отправленъ въ Парижъ, — причина этого очень простая. Всѣ наши заграничныя при посольствахъ церкви причислены къ епархіи с.-петербургской: посему и естественно было отправить для освященія парижскаго храма викарія петербургской, а не московской, или другой какой либо митрополіи. Иначе можно было возбудить за границей неблагоприятные толки. И такъ успокойтесь и за преосвященнаго и за меня... Но преосвященный нашъ, какъ слышно, въ настоящее время отправился для освященія храма, вмѣсто Парижа, въ Коломну, а я сижу себѣ преспокойно дома, въ своей тихой келліи, за своими мирными занятіями».

17-го октября преосвященный Леонидъ писалъ мнѣ въ академію:

«Мои мнихи возжелали поклониться преподобному Сергію и преп. Меводию пѣсношскому. Мнѣ стало жалко невоспользоваться этимъ случаемъ и, оставивъ въ гостинной посѣтителей, я пишу эти строки. Во первыхъ, прошу простить меня въ томъ, что не

поздравилъ васъ письменно съ ангеломъ, хотя заочно и тогда, и часто, часто васъ привѣтствую и съ вами бесѣдую. Во вторыхъ, сейчасъ былъ въ петровскомъ на экзаменѣ, и московскіе оказались лучше виванскихъ гораздо: это, въ утѣшеніе вамъ, — ваши труды. Простите. Христосъ съ вами, а мнѣ испросите помощь преподобнаго, и если будетъ пустой вечеръ, наполните его посланіемъ къ преданнѣйшему вашему высокопреподобію *Леониду, е. дмитровскому*».

Экзаменъ въ петровскомъ, (т. е. монастырѣ), о которомъ пишетъ преосвященный, былъ по слѣдующему случаю: въ Москвѣ заведенъ былъ для окончившихъ курсъ семинаріи, такъ называемый, пригготовительный къ священству классъ. Здѣсь преподавались, или точнѣе сказать, повторялись тѣ изъ богословскихъ наукъ, которыя имѣли ближайшее отношеніе къ пастырскому служенію. Курсъ былъ годичный. При окончаніи года обыкновенно производилъ испытаніе кандидатовъ въ священство преосвященный викарій. Когда я былъ московскимъ викаріемъ, случалось и мнѣ бывать при этихъ испытаніяхъ. Пригготовительный классъ этотъ помѣщался сначала въ одной изъ бывшихъ училищныхъ залъ въ высокопетровскомъ монастырѣ, а затѣмъ, когда эти залы были заняты епархіальною бібліотекою, переведенъ былъ въ чудовъ монастырь. Въ настоящее время этотъ классъ болѣе не существуетъ.

На изложенное предъ симъ письмо его преосвященства я, разумѣется, отвѣчалъ; но что писалъ, — не помню. Между тѣмъ получилъ отъ него снова письмо отъ 4-го ноября:

«Ту минуту, — пишетъ преосвященный, — какъ получилъ отъ вашего высокопреподобія письмо, началъ я и отвѣтъ; но во множе-

ствѣ бумагъ, которыми былъ *большой* заваленъ, оно утратилось. Теперь, если успѣю послать съ вельянымъ моимъ юношей, пишу хоть немного; но изъ немногаго вы много сдѣлаете, если помолитесь о мнѣ грѣшномъ и юношѣ, о которомъ стѣнитъ помолиться и которому нужна молитва.

«... Входитъ Андрей Николаевичъ и велитъ писать, что дорога испугала и не идетъ въ лавру: вамъ влается и проситъ о намѣтнику сказать, что сожалѣетъ, что твердое намѣтние его быть въ лаврѣ не исполняется, по краткости времени и дурному времени; также о протоіерее Александрѣ Васильевичу, Петру Симоновичу; разумѣется, и я всѣхъ ихъ отъ сердца привѣтствую и со старцемъ Петромъ Спиридоновичемъ, и о архим. Порфиріи.

«Отецъ *Теодоръ* (*) пишетъ что-то туманное. Въ Симоновѣ преосвященный Антоній оренбургскій».

Въ половинѣ ноября сообщала мнѣ о преосвящ. Леонидѣ А. В. *Нейдагартъ*:

«Видѣла предъ службою (въ воскресенье) преосвящ. Леонида, которому, слава Богу, лучше. Онъ опять страдалъ ногою, и долго не могъ принимать насъ, а по этому случаю А. Н. Муравьевъ и сказалъ ему, что онъ отъ себя дамъ отталкиваетъ ногою.»

Не прекращалась у насъ съ преосвящ. Леонидомъ дружеская переписка и въ слѣдующемъ 1862 году.

2-го марта писалъ онъ мнѣ:

«Начато преосвящ. Маваріемъ, по обширному плану, сочиненіе о церковной живописи и неоконченное передано академикъ *Зарянкѣ*. Послѣ обширнаго, существующаго только въ планѣ, вступленія, у него идетъ нѣчто въ родѣ подлинниковъ. По порядку мѣсяцевъ и дней каждаго мѣсяца, слѣдуютъ самыя краткіе очерки

(*) Архим. Теодоръ *Бухаревъ*, находившійся въ это время въ переславскомъ иппитскомъ монастырѣ, и послѣдствіи спавшій съ себя монашескій санъ.

житій святыхъ съ наставленіями, какъ ихъ писать: брада длинная, хламида красная и проч. Такимъ образомъ у него отдѣлано 6 мѣсяцевъ съ января. Г. Зарянкѣ, по его профессіи, хотѣлось продолжать этотъ трудъ, но не знаетъ, гдѣ бы приобрести эти подлинники, сколько возможно лучше. Я желалъ бы ему содѣйствовать, но не умѣю, и потому обращаюсь къ вамъ, какъ въ кладѣ ученыхъ свѣдѣній, особенно по археологін.»

Желаніе его преосвященства было удовлетворено немедленно, и онъ благодарилъ меня, отъ 7-го числа, въ слѣдующихъ словахъ:

«Съ благодарностію принимаю и книгу, и наставленія для г. Зарянки и передамъ ихъ къ его утѣшенію.»

Зарянко былъ начальникомъ московской школы живописи и ваенія, и вмѣстѣ знаменитый въ свое время портретистъ. Мы нерѣдко посѣщали его съ преосвящ. Леонидомъ и подъ его руководствомъ разсматривали художественныя произведенія его учениковъ.

Въ іюль я отправлялся, по примѣру прошлаго года, во Владиміръ, для ревизіи тамошней семинаріи и училища. Въ продолженіи ревизіи я не разъ видѣлся съ преосвященнымъ владимірскимъ I.....мъ. Онъ жаловался мнѣ на свою скучную и однообразную жизнь въ провинціальной глуши. Не съ кѣмъ, говорилъ онъ, слова сказать, не къ кому выѣхать чаю напиться. По пріѣздѣ въ Москву, я, разумѣется, передалъ эти слова моему доброму другу и подтвердилъ то, что было говорено мною въ прошломъ году, относительно Ярославля.

Въ день 1-го октября преосвященный прислалъ мнѣ телеграмму: «Ректору академіи. Почитающій привѣтствую имянинника. Леонидъ». А вслѣдъ за телеграммой явилъ

ся, на другой или на третій день, и самъ въ лавру. Я былъ, разумѣется, чрезвычайно радъ посѣщенію такого почтеннаго гостя. По возвращеніи изъ лавры, чрезъ недѣлю его преосвященство писалъ мнѣ:

«Примите мою глубокую благодарность за дружескій, вами сдѣланный мнѣ пріемъ. Нынѣшній день и завтрашнее утро будутъ полны пріятнѣйшими воспоминаніями того, что было ровно за недѣлю.

«Къ 7-му числу ноября ожидаютъ въ Москву Императорскую фамилію. Владыка мнѣ сказывалъ.

«Александръ Васильевичу (Горскому) за угощеніе радушіемъ, которымъ я всего болѣе дорожу, — челомъ бью. Простите. 10 окт. 1862 года.»

Между тѣмъ какъ происходила между мною и преосвященнымъ Леонидомъ такая дружеская переписка, между оберъ-прокуроромъ св. сѹнода, Алексѣемъ Петровичемъ Ахматовымъ, и владыкою московскимъ начались сношенія иного рода.

Ни для кого не было тайною, что въ 1862 г. московскому митрополиту Филарету исполнилось восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, что его тѣлесныя силы, при необычайной крѣпости силъ духовныхъ, болѣе и болѣе изнемогаютъ, въ особенности подъ бременемъ продолжительныхъ церковныхъ службъ. Въ виду этого А. П. Ахматовъ, глубоко преданный московскому владыкѣ, сталъ предлагать ему, чтобы онъ просилъ себя въ помощь втораго викарія: но владыка, по своей крайней совѣтливости, а можетъ быть, и по другимъ какимъ либо побужденіямъ, не разъ отклонялъ отъ себя такое предложеніе. Наконецъ онъ принялъ его и приступилъ

къ дѣлу въ лаврѣ, когда прибылъ сюда на праздникъ преподобнаго Сергія, къ 25-му сентября. Но кого представить кандидатомъ на второе московское викаріатство? Имѣлись въ виду два кандидата: ректоръ академіи (т. е. я) и ректоръ московской семинаріи архимандритъ Игнатій. При совѣщаніи по этому вопросу съ лаврекимъ намѣстникомъ, о. архим. Антоніемъ, владыка склонялся болѣе въ пользу послѣдняго, на томъ основаніи, что ректора академіи не слѣдуетъ отнимать отъ должности, къ которой онъ такъ недавно еще опредѣленъ: но о. намѣстникъ, представивъ на видъ то, что ректоръ академіи и по службѣ выше ректора семинаріи, и Москвѣ болѣе извѣстенъ по прежней службѣ, убѣждалъ владыку соблюсти справедливость и безпристрастіе. Владыка склонился на это убѣжденіе и представилъ въ званіе втораго викарія—меня.

Хотя все это происходило въ тѣхъ же лаврскихъ стѣнахъ, въ которыхъ и я въ это время обиталъ: но отъ меня сокрыто было, и я спокойно продолжалъ заниматься своимъ ученымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что я, въ бытность свою, въ августѣ, въ Москвѣ, слышалъ отъ новоспасскаго архимандрита, о. Агапита, что владыка остается доволенъ моею службою въ академіи и намѣренъ подольше держать меня при ней. — Между тѣмъ, въ первыхъ числахъ октября, пронесся слухъ, что я представленъ на должность втораго викарія въ Москву. Это чрезвычайно удивило меня, послѣ того, что я слышалъ отъ новоспасскаго архимандрита, назадъ тому мѣсяца полтора. Въ половинѣ октября пріѣхалъ я, съ разрѣшенія вы-

сокопреосвящ. митрополита, въ Москву по дѣламъ своего высокопетровскаго монастыря. Въ Москвѣ всѣ знакомые поздравляютъ меня съ новымъ назначеніемъ. Являюсь на троицкое подворье утромъ съ докладомъ по своимъ дѣламъ. Владыка выслушавъ мой докладъ и отпуская меня, изволилъ пригласить меня къ своему столу, въ половинѣ втораго часа пополудни. Когда я прѣхалъ въ назначенный часъ, владыка вышелъ въ гостиную и пригласилъ меня сѣсть. „Имѣешь ты съ кѣмъ нибудь въ Петербургѣ переписку?“ спросилъ меня владыка. — „Нѣтъ,“ былъ мой отвѣтъ. — А слышалъ ты, что мнѣ даютъ втораго викарія?“ — „Слышалъ“. „А желалъ бы ты быть на этомъ мѣстѣ?“ — Я всталъ и, поклонившись его высокопреосвященству, сказалъ: „если мнѣ суждено будетъ когда нибудь проходить епископское служеніе, то я почелъ бы за особенное для себя счастье начать оное подъ вашимъ архипастырскимъ руководствомъ“. — „Ну поздравляю тебя, Государь утвердилъ. Только странно, что до сихъ поръ нѣтъ указа изъ св. синода“. — За тѣмъ мы пошли въ столовую и сѣли вдвоемъ за трапезу. О чемъ была рѣчь за трапезою, теперь уже не помню, только помню, что владыка, прощаясь со мною, приказалъ поскорѣе отправляться въ академію и приготовить дѣла къ сдачѣ. По возвращеніи въ академію, на другой же день, именно 23 октября, полученъ мною изъ св. синода отъ 20 числа указъ о Высочайшемъ назначеніи меня вторымъ викаріемъ въ московской епархіи.

Въ тотъ же день писалъ мнѣ изъ Москвы высокопреосвященный митрополитъ:

«Теперь, вѣроятно, и вы, отецъ архимандритъ, получили указъ о вашемъ назначеніи. Академическому правленію предложено мною о принятіи отъ васъ должности. Вѣроятно, не успѣете сіе сдѣлать такъ, чтобы на сей же недѣлѣ въ пятницу быть въ Москвѣ. И если такъ: то надобно вамъ, оставивъ дѣла въ лаврѣ, прибыть въ Москву 1-го ноября, въ четвергъ, чтобы 4-го дня, въ воскресенье, могло быть совершенно рукоположеніе.

«Господь да устроитъ новое служеніе ваше къ пользѣ святыхъ церкви!»

И такъ въ одну недѣлю мнѣ надлежало и передать должность, и написать рѣчь и прибыть въ Москву. Такая поспѣшность требовалась по случаю ожидаемаго въ Москву прибытія царской фамилии. Владыкѣ митрополиту желательно было, при встрѣчѣ Государя Императора въ успенскомъ соборѣ, представить Его Величеству новаго викарія.

Такъ и было исполнено, какъ угодно было его высокопреосвященству. 31-го октября я былъ уже въ Москвѣ.

Но пока я оставался еще въ академіи, преосвящ. Леонидъ писалъ мнѣ отъ 24-го октября:

«Прошу васъ, скажите мнѣ поскорѣе, не сдѣланы ли владыкою какія распоряженія относительно снабженія васъ утварію, и какія именно.»

На это я въ тотъ-же день отвѣчалъ:

«Вчера, 23 числа, получилъ я отъ владыки письмо: по въ немъ ни слова нѣтъ относительно снабженія меня утварію; въ указѣ-же св. синода, полученномъ мною въ тотъ-же день, между прочимъ, изъяснено, что потребностями архіерейскаго служенія я буду пользоваться частью изъ ризницы московской архіерейской каюедры, частью долженъ буду устроить оныя на счетъ спосббовъ высокопетровскаго монастыря.

«По распоряженію святителя, я долженъ явиться въ Москву не поздѣе 1-го ноября; 4-го числа предполагается хиротонія.»

Черезъ два дня его преосвященство снова пишетъ мнѣ: «Хотѣлъ было я дать вашему высокопреподобію отчетъ о разговорахъ о новомъ викаріѣ со владыкою; но разговора еще не было, а случай къ вамъ не ждетъ. По этому ограничусь усердѣйшею просьбою принять отъ меня полное (кромя митры) архіерейское облаченіе и сплную шелковую матерію на рясу. облаченіе совершенно новое. Въ немъ я освящалъ храмъ Божій; оно употреблено на столько, чтобы мнѣ имѣть утѣшеніе сказать: мы и облаченіе съ одного плеча носимъ. Да будетъ оно выраженіемъ убѣжденной и озабоченной духомъ души новаго святителя! Синій цвѣтъ домашней одежды да напоминаетъ о синемъ сводѣ небесномъ, куда будутъ стремиться взоры и душа, обновленная благодатію.

«Богъ милостивъ: все устроится. Призываю милость Божию на возлюбленнаго священно-архимандрита. Москва, 26-го окт. 1862 г.»

Это, по русской пословицѣ, значить: долгъ платежемъ красенъ. Чтò мною сдѣлано было для моего друга предъ его архіерейскою хиротоніею, то теперь дѣлаетъ онъ для меня.

Ноября 2-го назначено было нареченіе меня во епископа Можайскаго, втораго викарія московской епархіи. По совершеніи положеннаго церковнаго молитвословія, въ присутственной палатѣ синодальной конторы произнесена была мною рѣчь, въ которой кратко изложилъ главнѣйшія обстоятельства моей жизни, изобразивъ важность и трудность епископскаго служенія и испросивъ молитвъ о себѣ у присутствовавшихъ тутъ архипастырей, я обратился въ заключеніе къ архипастырю Москвы съ такими словами:

«Къ тебѣ, первосвятитель московскія митрополи, наипаче обра-

щаю мое сердце и мое слово. Ты приѣмешь меня *другаго* къ участию въ трудахъ по управленію обширною паствою, не столько впрочемъ по собственной нуждѣ, сколько по желанію блага св. церкви, дабы подъ твоимъ мудрымъ руководствомъ, сколько можно, болѣе могло образоваться достойныхъ пастырей словеснаго стада Христова. Благоволи же руководить меня твоею высокою мудростію на новомъ поприщѣ моего служенія, и твоя многолѣтняя опытность да поставитъ меня, малоопытнаго, со временемъ *искусна предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истинны* (2 Тим. 2, 15).»

На эти слова владыка отвѣтствовалъ:

«Одну мысль, приписанную мнѣ тобою, боголюбивый братъ, могу признать дѣйствительно моею, — ту мысль, что не для себя желалъ я найти втораго сотрудника моему служенію церковному.

«Ничего для себя, все для Бога и для церкви Его и для блага чады ея, — таково должно быть наше общее правило, хотя никто изъ насъ не можетъ поручиться за исполненіе оного, если не призрѣтъ милосердо *Богъ дѣйствующій* въ насъ и *сже хотѣти и сже дѣлати о благоволеніи* (Филип. 2, 13).

«Если же и позволить бы себѣ что нибудь для себя: то мнѣ, находящемуся у предѣла, которымъ само слово Божіе ограничиваетъ сію временную жизнь, или за которымъ указываетъ не столько жизнь и дѣятельность, сколько *трудъ и бользнь* (псал. 89, 10) мнѣ и ближе сего предѣла не незнакому съ трудомъ болѣзненности, — мнѣ и словомъ изнеможеннымъ недостагающему до слуха собирающихся въ церкви, и, можетъ быть, только влекущему, а не подъемлющему и носящему бремя церковныхъ печеній, — время бы искать совершеннаго отъ нихъ освобожденія, чтобы малые останки силъ и дней обратить единственно къ *единному на потребу* (Лук. 10, 42), котораго если не усвоимъ себѣ въ данное намъ краткое время, поздно будетъ искать въ вѣчности.

«Но наши отцы учили насъ, что и добрая, по видимому, соб-

ственная воля не благонадежна и не безопасна, если не будет подчинена вышней всеосидающей и всеохраняющей волѣ, какъ и Господь поучаетъ: *обаже не моя воля, но Твоя, Отче небесный, да будетъ* (Лук. 22, 42).

«И по сему, съ одной стороны, не позволяя себѣ собственною мыслию увлекаться съ поприща, съ другой, страшась, чтобъ отъ моего изнеможения не страдало дѣло служения церкви Божіей, долженъ я былъ, хотя и пользуюсь уже доброю братскою помощію (*тутъ владыка обратилъ взоръ свой на пресвященнаго Леонида*), желать усиленія и усугубленія сей помощи. И благословенъ Богъ, преклонившій къ сему благоволеніе священной и пержавной власти.

«Господу Богу и святой православной церкви Его, въ благоговѣйной преданности, въ единодушномъ общеніи, какъ смиренная добровольная жертва, да будутъ посвящены твои начатки, вмѣстѣ съ моими останками священно-начальственной дѣятельности: и на сію жертву, по молитвамъ освященнаго собора, да снидетъ невидимый огонь духа истины, оживотворяющей мертвенность нашу, просвѣщающей тьму нашу.»

4-го числа, въ воскресенье, я, недостойный, сподобился принять епископскій санъ въ московскомъ большомъ успенскомъ соборѣ. Совершителями таинства были: члены святѣйшаго синода, высокопресвященные — митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Евгеній, и епископы: Леонидъ дмитровскій и Никаноръ еивандскій (впослѣдствіи патріархъ александрійскій) — всѣ переселившіеся нынѣ въ вѣчность. Хиротонія совершена была съ обычною торжественностію. Послѣ литургіи, высокопресвященный митрополитъ, съ облачальнаго посреди собора амвона, обратился къ новорукположенному епископу можайскому съ назидательною рѣчью, въ кото-

рой изъяснилъ, съ обычною ему глубиною мысли, слова ап. Павла къ епископу Тимофею: *вспоминаю тебѣ воззрѣвати даръ Божій живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (2 Тим. 1, 6).

Въ этой святительской рѣчи заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія слова:

«... И вотъ чтѣ совершилось надъ тобою, боголюбивный братъ, ты *пріялъ даръ Божій*; отнынѣ *живетъ* въ тебѣ даръ Божій; простираетъ *въ тебѣ* вышнюю силу и дѣйствіе на естественныя человѣческія силы и дѣйствія; свѣтитъ уму твоему къ усмотрѣнію истиннаго, праведнаго и спасительнаго для душъ и для всей церкви, укрѣпляетъ волю твою для подвиговъ за истину и правду во спасеніе.

«... Если же не будемъ *воззрѣвать* даръ Божій въ насъ, то его дѣйствіе можетъ въ насъ угаснуть или отступитъ въ таинственную глубину, изъ которой хотя неперестанетъ простираться чрезъ насъ въ совершеніи таинствъ, но не будетъ проливаться собственно на насъ и на нашу жизнь: и тогда мы останемся съ однѣми естественными, растроеными грѣхомъ силами, недостаточными даже для обыкновенныхъ христіанскихъ, а тѣмъ болѣе для высшихъ церковныхъ обязанностей...»

Новорукположенный викарій обыкновенно вмѣстѣ съ первосвятителемъ, въ одной каретѣ, оба въ мантияхъ, отправляются изъ собора на троицкое подворье, гдѣ уготовляется въ этотъ день для высшихъ чиновъ Москвы торжественная трапеза.

Вечеромъ, въ день своей хиротоніи, я долженъ былъ приготовляться къ совершенію на другой день литургіи на саввинскомъ подворьѣ, въ качествѣ ставленника, подъ наблюденіемъ и руководствомъ моего старшаго брата и участника въ моемъ рукположеніи, пресвященнѣйшаго

епископа дмитровскаго, Леонида. Между тѣмъ, въ этотъ же вечеръ мой возлюбленный о Господѣ братъ занимался, подъ вліяніемъ впечатлѣній дня, письменнымъ собесѣдованіемъ съ однимъ изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ.

(*) И вотъ что было предметомъ его дружескаго собесѣдованія:

«Въ 1848 и 1849 годахъ я проходилъ въ московской д. академіи должность бакалавра (адъюнта) и помощника библиотекаря. Между студентами, особенно часто посѣщавшими библиотеку, примѣтенъ былъ одинъ молодой священникъ, съ свѣтлыми волосами, чрезвычайной худобы въ тѣлѣ и съ пріятною смѣсью чего-то кроткаго, серьезнаго и добродушнаго въ лицѣ. Его, переходящаго съ вингами отъ шкафа къ шкафу, и его короткую рясу я вѣзалъ въ память навсегда. Этотъ священникъ поступилъ изъ владимірской епархіи, гдѣ онъ былъ іереемъ муромскаго собора. Овдовѣвъ, онъ возвратился къ наукѣ, и не даромъ его скоро поставили въ число первыхъ десяти студентовъ. Мои лекціи были, вѣроятно, хуже прочихъ, однако и ихъ онъ посѣщалъ усердно и слушалъ внимательно. Это мнѣ памятно потому, что одежда рѣзко отличала его отъ прочихъ слушателей и онъ садился впереди. Въ академіи же принялъ онъ монашество съ именемъ *Саввы*, и помню, какъ наканунѣ всякаго праздничнаго дня, передъ всенощною, приходилъ онъ къ намъ, монашествующимъ бакалаврамъ, предлагать служеніе литургіи съ о. ректоромъ. Мы сажали его, иногда подчивали чаемъ и, сказавъ нѣсколько пріятныхъ словъ, отпускали съ миромъ. Привычка видѣть его въ опредѣленное время дѣлала самое ожиданіе его прихода пріятнымъ. Я уже былъ ректоромъ въ Вианніи, когда онъ окончилъ курсъ со степенію магистра и опредѣленъ былъ суподальнымъ ризничимъ, т. е. ему поручены были домовая, во имя

(*) Знакомый этотъ, если не ошибаюсь, — А. А. Озеровъ, — одинъ изъ воспитателей В. Кн. Константина Николаевича.

12-ти апостоловъ, церковь патриарховъ, патриаршая ризница и библиотека. Въ 1851 г. патриаршій домъ перестраивался. О. Савва помѣстился на жительство въ знаменскомъ монастырѣ, въ моихъ настоятельскихъ келліяхъ. Когда пріѣзжалъ я въ Москву, то проводилъ съ нимъ все свободное время и очень сблизился. Тутъ-то, въ день Рождества, онъ развлекалъ меня, больнаго, своими разговорами, и, не зная моихъ отношеній къ генералу Слѣпцову, кавказскому герою, неожиданно поразилъ меня извѣстіемъ о смерти этаго любимѣйшаго товарища моего дѣтства: это былъ единственный случай, что о. Савва, и то неволью, огорчилъ меня. Въ 1853 г. я переселился въ Москву. Послѣ владыки и родныхъ, посѣщать о. Савву мнѣ было наиболѣе утѣшительно. Во многихъ лучшихъ домахъ я былъ принятъ родственно, но у о. Саввы я былъ какъ дома. Какъ часто бывало, въ день воскресной, отслуживъ литургію въ заиконоспасскомъ монастырѣ, я ѣду въ Кремль. По высокимъ лѣстницамъ патриаршаго дома поднимаюсь къ его келліямъ, служившимъ лѣтними внутренними комнатами Никону. Портреты патриарховъ и великое множество книгъ новыхъ и древнихъ были украшеніемъ его жилища. И въ комнатахъ, и въ нравахъ хозяина отличительными признаками были чистота, простота, теплота. Мы обѣдали, шли въ усненскій соборъ къ вечернѣ, гуляли по набережной кремлевской горы, пили чай, иногда заходили въ ризницу, чтобы подышать старою священною; и покойно и отрадно было возвращеніе мое въ семинарію, къ нелюбимымъ занятіямъ школьнаго управленія. Съ нимъ я совершалъ погребеніе матушки моей. Мы вмѣстѣ ѣздили за городъ, вмѣстѣ посѣщали знакомыхъ. Онъ исповѣдывалъ меня въ самый день хиротоніи моей, такъ какъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ моимъ духовнымъ отцомъ. Должность ризничаго проходилъ онъ девять лѣтъ и проходилъ ее превосходно. «Возлюбивъ, — говорю его словами, — въ священннхъ древностяхъ исцѣлять слѣдовъ и воспоминаній древней церковной жизни, — онъ изучалъ ихъ, не щадя трудовъ и издержекъ. Ученые обращались

къ нему какъ въ специалисту и его «описание синодальной ризницы» было увѣнчано демидовскою преміей. Готовность всякому служить своими знаніями, своимъ временемъ, своими учеными связями, дѣлали библіотеку и ризницу общедоступною сокровищницею старины, и лице синодального ризничаго поставили въ общемъ мнѣніи такъ высоко, какъ никогда не возвышалось оно. И русскіе не могли довольно нахвалиться имъ, и ученые иностранцы, особенно, которые могли говорить съ нимъ полатыни, дѣлали о немъ великолѣпные отзывы въ своихъ журналахъ. Императрица Марія Александровна и Великая Княгиня Елена Павловна бесѣдовали съ нимъ. Владыка, при всей мудрой умѣренности въ похвалахъ, говорилъ о немъ: «онъ порядочно проходитъ свою должность», и называлъ его «хорошимъ человѣкомъ». Архипастыръ отличалъ его явнымъ расположеніемъ. Онъ извѣстенъ былъ и многимъ инымъ іерархамъ. Какъ теперь гляжу: въ 1856 г., въ день коронаціи, въ его небольшой приемной келіи воссѣдаютъ 14 архіереевъ въ мантияхъ, между литургіею и обѣдомъ въ Грановитой Палатѣ, и о. Савва угощаетъ ихъ чаемъ. Когда въ апрѣлѣ 1859 г. сдѣлали меня епископомъ, о. Савву назначили ректоромъ московской семинаріи, а въ январѣ 1861 г. ректоромъ академіи. Мы стали видаться рѣже, хотя и не прерасалась между нами добрая связь. Инымъ казалось, что, уклонившись въ специальность археологіи, онъ не подниметъ бремени ректорства. Оказалось противное. Умомъ просвѣщеннымъ, характеромъ открытымъ и твердымъ, безъ жесткости, онъ совершенно овладѣлъ своею должностію и давно не было въ академіи ректора, котораго бы съ такими искренними благодарными чувствами провожали, какъ его, не только наставники и студенты академіи, но и власти монастырскія. Онъ былъ тяжелъ только для враговъ порядка. Въ семинаріи завелся было профессоръ съ либеральными тенденціями: онъ смѣло ограничивалъ ихъ; былъ, конечно, непопуляренъ въ семинаріи, но подержалъ порядокъ; въ академіи студенты развольничались: онъ

успокоилъ ихъ разсудительностію спокойною, твердостію непреклонною и оставилъ академію въ наилучшемъ устройствѣ, въ спокойствіи, въ полной гармоніи частей и указалъ вѣрный путь преемнику. 2-го ноября (1862 г.) было нареченіе о. Саввы, архимандрита високонетровскаго, во епископа можайскаго: онъ сказалъ рѣчь свою съ чувствомъ и получилъ трогательный отвѣтъ отъ владыки. Нареченный воспоминулъ въ ней свою протекшую жизнь, начавъ съ того, что смерть отца предварила его рожденіе, а матери лишился онъ въ отрочествіи. Владыка говорилъ о своей старости, о словѣ изнеможемъ, недостигаемъ до слуха собирающихся въ церкви и о томъ, что онъ, можетъ быть, только влечь, а не подыметь, и не нести бремя церковныхъ попеченій.

«4-го ноября въ усупенскомъ соборѣ совершена хиротонія владыкою митрополитомъ, архіепископомъ Евгениемъ и епископами: Никаноромъ оивандскимъ и Леонидомъ дмитровскимъ. Слезы струились изъ глазъ первосвященника, когда у престола, надъ главою колѣнопреклоненнаго, поставляемаго, читалъ онъ тайныя молитвы, а Евангеліе и руки архіереевъ возлежали на ней. Рѣчь владыки, предъ врученіемъ жезла, изъ текста: *вспоминаю тебѣ возрѣвать даръ Божій* и проч. прекрасно заключила торжество. Въ тотъ же день на торжественномъ обѣдѣ у владыки высшіе представители московскаго общества духовнаго и свѣтскаго привѣтствовали новаго преосвященнаго викарія желаніемъ многихъ дѣтъ.

«Такъ дивны пути Промысла святаго! Сирота, прежде рожденія, достигаетъ и высшаго образованія и почестей высшаго аванія въ церкви; на 32-мъ году жизни о. Савва только что оканчиваетъ курсъ академическій, а сорока трехъ онъ—архіерей; при самомъ выходѣ изъ академіи сходитъ съ дороги училищной службы и дѣлается вполнѣдствіи ректоромъ академіи; дѣйствуетъ съ такою прямою, что, по видимому, разрушаетъ свое вѣш-

нее благополучіе и однакожь прежде многихъ, старѣйшихъ, при-
ванъ къ высшему служенію церкви.

«Вотъ легкій очеркъ лица, занимающаго мѣсто втораго вика-
рія московской митрополіи.» (*)

По совершении мною, въ первый разъ, въ архіерей-
скомъ санѣ, на саввинскомъ подворьѣ, литургіи, я при-
ступилъ съ того же дня къ исполненію обязанностей
моего новаго служенія.

Обязанности же мои, по званію втораго викарія мо-
сковской епархіи, были слѣдующія:

1) Имѣть въ особенномъ вѣдѣніи церкви и монасты-
ри, подвѣдомые Можайскому духовному правленію (въ
которыхъ и имя мое при богослуженіи воспоминалось
послѣ имени его высокопреосвященства).

2) Къ церквамъ сего, своего вѣдомства, я могъ назна-
чать и посвящать священно-и-церковно-служителей, съ
тѣмъ, чтобы о назначаемыхъ на священно-служитель-
скія мѣста представлялъ свои мнѣнія на утвержденіе
его высокопреосвященства, а на причетническія мѣста
опредѣлялъ своею властію, если не встрѣтятся особен-
ныхъ обстоятельствъ, требующихъ разрѣшенія его
в—ва.

3) Я могъ также принимать прошенія и назначать на
церковно-служительскія мѣста и посвящать достойныхъ

(*) О существованіи этого письма я ничего не зналъ до 1866 г., и только въ
іюль этого года, предъ отправленіемъ моимъ изъ Москвы въ Витебскъ, я слу-
чайно узналъ о немъ отъ Н. В. Сужкова, который пришелъ къ преосвящ. Лео-
ниду въ то самое время, когда онъ занимался сочиненіемъ этого письма и, уз-
навши о его содержаніи, просилъ его дать ему списокъ съ этого письма. Въ
свою очередь и я попросилъ у преосвященнаго такой же списокъ, и получилъ
его.

къ церквамъ, подвѣдомымъ духовнымъ правленіямъ: ко-
ломенскому, серпуховскому и богородскому.

4) По жалобамъ и доносамъ отъ священно-церковно-
служителей и прихожанъ вышеозначенныхъ частей епар-
хій я могъ принимать прошенія и назначать потребныя
дознанія и слѣдствія, употребляя въ посредство — кон-
систоцію, духовныя правленія и благочинныхъ, которые
должны предписанія сіи исполнять. Постановляемые же
по таковымъ дѣламъ опредѣленія я могъ утверждать
только въ случаяхъ меньшей важности, а рѣшенія о
священникахъ, въ чемъ бы оныя ни состояли, и рѣшенія о
діаконахъ и причетникахъ, подвергающія ихъ мона-
стырскому подначальству или отрѣшенію отъ мѣстъ, обя-
занъ представлять съ своимъ заключеніемъ на разсмо-
трѣніе его в—ва.

5) Я могъ давать окончательныя рѣшенія по проше-
ніямъ о бракахъ, не въ близкихъ степеняхъ родства,
требующихъ архіерейскаго разрѣшенія, по опредѣле-
ніямъ консисторіи: о преданіи церковному покаянію
свѣтскихъ лицъ за небытіе на исповѣди и у св. прича-
стія, за грѣхи противъ 3, 6 и 7 заповѣди Божіей, о
крещеніи евреевъ, объ увольненіи изъ духовнаго зва-
нія въ свѣтское учениковъ семинаріи и училищъ и по
другимъ дѣламъ, которыя особеннымъ распоряженіемъ
его в—ва мнѣ предоставлены будутъ.

6) Прочія опредѣленія консисторіи, которыя предва-
рительно должны быть представляемы мнѣ на усмотрѣ-
ніе, я, смотря по обстоятельствамъ, или разсматривать
долженъ былъ отдѣльно, и полагая свои заключенія, пред-

ставлять на окончательное рѣшеніе его в—ва, или въ присутствіи его лично излагать свои по онимъ соображенія и заключенія.

Сверхъ сего, я обязанъ былъ, по назначенію его в—ва, или по взаимному соглашенію съ старшимъ викаріемъ, совершать богослуженіе въ соборахъ и монастыряхъ въ праздничные, высокаторжественные дни и въ дни поименованій особъ Императорской фамиліи, участвовать въ крестныхъ ходахъ, рукополагать ставленниковъ, присутствовать на экзаменахъ, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, обозрѣвать ежегодно епархію и проч. Наконецъ я долженъ былъ исполнять разныя, экстраординарныя порученія высокопреосвященнаго митрополита, какъ наприм. не разъ ревиловалъ моск. д. академію, составлялъ по разнымъ предметамъ епархіального управленія записки; разсматривалъ проповѣди и др. сочиненія московскаго духовенства.

Если принять все это во вниманіе, то не трудно понять, что съ назначеніемъ втораго викарія послѣдовало не малое облегченіе въ трудахъ какъ 80-ти лѣтняго старца митрополита, такъ и недугующаго викарія его—епископа Леонида.

Взаимныя отношенія наши съ преосвященнымъ Леонидомъ сохранились по прежнему самыя добрыя и искреннія, но, при новомъ моемъ положеніи, получили нѣкоторый особенный оттѣнокъ въ официальныхъ сношеніяхъ.

Такъ, по случаю пріѣзда въ Москву, по пути въ Петербургъ, кіевскаго митрополита Арсенія, преосвящ. Леонидъ пишетъ мнѣ отъ 15-го ноября 1862 года:

«Преосвященнѣйшій владыко! Въ 11-ть часовъ утра соберутся ко мнѣ особы старшаго духовенства, чтобы намъ, всѣмъ вмѣстѣ, ѣхать въ Чудовъ для представленія владыкѣ кіевскому. На вашъ вопросъ отвѣтствовать не легко. Можно намъ представиться вмѣстѣ, можно и порознь: въ предписаніи объ этомъ ничего не сказано, такъ какъ нѣтъ приличія одному викарію представлять другаго, ему равнаго. Полагаю же, чтобы высокому гостю не было недоумѣно, если мы пріѣзжать къ нему будемъ въ слишкомъ различное время, пожаловать намъ ко мнѣ и здѣсь рѣшить, какъ удобнѣе соблюсти приличіе.»

3-го декабря—память преп. Саввы звенигородскаго—у преосвящ. Леонида въ монастырѣ праздникъ. По этому случаю утромъ того же дня онъ мнѣ пишетъ:

«Если здоровье позволяетъ вамъ выѣздъ, то въ половинѣ втораго часа мы ожидаемъ васъ, по вашему слову.»

«Прошу содѣйствія вашихъ молитвъ къ безплодному для души празднованію.»

Подобную записку получилъ я отъ преосвященнаго 14-го того же декабря:

«Если вы уже видѣлись съ о. архимандритомъ Іоанномъ кіевскимъ (т. е. если онъ былъ у васъ): то негодно ли вамъ пожаловать ко мнѣ въ половинѣ втораго откушать втроемъ.»

Архимандритъ Іоаннъ, намѣстникъ кіево-печерской лавры, проѣзжалъ въ это время чрезъ Москву въ Петербургъ, для хиротоніи въ епископа на полтавскую архіерейскую кафедрю, которая послѣ преосвящ. Александра (извѣстнаго героя Соловецкаго), уволеннаго на покой, оставалась вакантною.

Наступилъ 1863 г.—12-го января—день ангела младшей сестры преосвящ. Леонида, Татьяны Васильевны,

которая поручила своему братцу пригласить меня къ ней на пироги, но онъ забылъ исполнить ея порученіе. И вотъ по этому поводу онъ пишетъ такую курьёзную записку:

«Пресвященнѣйшій владыко! Выведите меня изъ бѣды и изъ подъ гнѣва сестры моей имяниницы, а ее изъ огорченія. Она спрашиваетъ меня сейчасъ: будетъ ли имѣть утѣшеніе видѣть ваше пресвященство своимъ гостемъ?—Я отвѣчалъ: незнаю.— «Да я тебя объ этомъ просила и на тебя надѣялась». — «Я не понялъ, извини». — «Изволь поправить ошибку. Я поѣхала бы сейчасъ сама, да это будетъ неприлично. Поправляйся, какъ знаешь». — Посему, неся повинную голову, прошу вашей пощады и надежды видѣть васъ въ земледѣльской школѣ часа въ два.»

Пощада виновному была оказана и утѣшеніе имяниницѣ доставлено.

Братъ пресвященнаго, Александръ Васильевичъ былъ въ это время директоромъ земледѣльской школы, и тамъ имѣлъ казенную квартиру, въ которой жили и его сестры.

Пока я былъ ректоромъ академіи и жилъ въ лаврѣ, я имѣлъ возможность пользоваться ежедневною прогулкою на открытомъ воздухѣ: но когда возвратился въ Москву и вступилъ въ новое служеніе, я лишень былъ, по множеству занятій, этой возможности. Послѣдствіемъ сего было то, что я въ зимнее время нерѣдко сталъ подвергаться простудѣ. 3-го февраля надлежало мнѣ служить, по случаю царскаго дня, въ успенскомъ соборѣ, но я нездоровъ, и потому долженъ былъ обратиться къ братской помощи пресвящ. Леонида. Онъ пишетъ мнѣ въ отвѣтъ на мою просьбу:

«Съ соболѣзнованіемъ слышу о вашемъ нездоровьѣ; но съ полною готовностію иду, при содѣйствіи вашихъ же молитвъ, на служеніе въ успенскій соборъ». 2-го февраля 1863 года.

Наступила первая седмица великаго поста. Въ прежнее время, къ повечеріямъ, для чтенія великаго канона, на этой седмицѣ, обыкновенно каждый день ѣздилъ въ чудовъ монастырь самъ владыка—митрополитъ. Теперь, по немощи своихъ силъ, онъ не могъ уже этого дѣлать, и потому предоставилъ намъ съ пресвящ. Леонидомъ замѣнять его. Мы условились ѣздить въ чудовъ монастырь поочередно. 12-го февраля, во вторникъ, надлежало ѣхать туда пресвящ. Леониду; но онъ пишетъ мнѣ:

«Вчера я чувствовалъ себя дурно; сегодня лучше, однако требуется осторожность, и потому, если вамъ здоровье позволяетъ ѣздить въ чудовъ и въ моей помощи не нуждается, то благословите мнѣ оставаться дома.»

13-го пишетъ пресвященный:

«Благословите мнѣ ѣхать сегодня въ чудовъ для чтенія великаго канона.»

14-го получаю отъ него слѣдующую записку:

«Имѣю надобность быть въ четвертомъ часу у владыки; поэтому, чтобы не опоздать въ чудовъ, думаю просить васъ о благословеніи сегодня въ чудовъ мнѣ не ѣхать.»

15-го числа пресвященный пишетъ мнѣ:

«Мнѣ сказано на счетъ воскресной службы слѣдующее: готовиться на случай, если владыка нестанетъ совершать литургію, а если станетъ, то и мнѣ служить съ нимъ. На обрядѣ «православія» быть и вамъ, и пресв. Никанору, и мнѣ. Если вы разсудите служить въ воскресенье и пожелаете служить не особо, а со владыкою: то надобно вамъ будетъ нынѣ же запискою предупредить Сакелларія, чтобы онъ доложилъ о желаніи вашемъ владыкѣ, если сами не пожелаете утруждать его завтра. Затрудненіе мо-

жетъ встрѣтиться въ томъ случаѣ, если владыка прикажетъ мнѣ совершать литургію: тогда двумъ викаріямъ едва ли будетъ вѣсти быть вмѣстѣ въ неравенствѣ дѣйствій, при совершенномъ равенствѣ степеней службъ.»

18-го февраля—память св. Льва, папы римскаго: день мірскихъ именинъ преосвященнаго Леониды. По этому случаю онъ пишетъ мнѣ:

«Благословившись у владыки и у васъ, я собираюсь въ чудовъ (безъ сомнѣнія, для служенія); соберитесь и вы часамъ къ 2-мъ на саввинское (разумѣется для трапезы).»

На страстной недѣлѣ мы раздѣлили съ преосвященнымъ служенія въ успенскомъ соборѣ: я желалъ совершать утромъ въ великій пятокъ омовеніе св. мощей, чувствуя, между тѣмъ, простуду въ глѣзѣ, а преосвященному предоставлялъ отправить вечерню. Но его преосвященство, въ виду моей болѣзни, въ великій четвертокъ, 28-го марта, пишетъ мнѣ:

«Милость Божія помогла мнѣ; надѣюсь, и завтра поможетъ. Пожалуйста, поберегите себя. Переходъ изъ собора въ соборъ и открытыя двери могутъ быть для васъ не безопасны. Если вы мнѣ благословите: я охотно радъ идти и на омовеніе и къ вечерни. Объ утрени въ субботу—поговоримъ завтра вечеромъ.»

Между тѣмъ я, не думая, что болѣзнь моя усилится, все—таки желалъ совершить омовеніе мощей. Тогда преосвященный снова пишетъ:

«Не слѣдуетъ ли мнѣ продолжать споръ? Не мнѣ ли идти на омовеніе, а вамъ на вечерню? По милости Божіей, я не принималъ никакихъ возбуждательныхъ лекарствъ, а ваши потогонны и натирания подвергаютъ васъ опасности; за вечернею же вы испытаете себя и войдете въ дѣло постепенно. Какъ послѣ этихъ строкъ рѣшитесь, прошу уведомить въ половинѣ осьмаго часа утра.

«Покойной ночи съ Господомъ.»

Но ночью подъ великій пятокъ простуда моя до того усилилась, что я послалъ доложить его преосвященству, что я не только ѣхать въ соборъ къ какому бы то ни было богослуженію, но и въ свою монастырскую церковь вытти не могу. По милости простуды не могъ я быть въ церкви и въ великую субботу, и только, по принятіи самыхъ усиленныхъ врачебныхъ мѣръ, могъ я выѣхать въ свѣтлый день на саввинское подворье, и тамъ, въ теплой домовою церкви, совершить утрению и литургію.

31-го марта преосвященный дмитровскій удостоенъ былъ Высочайшей награды—ордена св. Анны 1-й ст.

Апрѣля 16-го—день ангела по монашеству преосвященнаго Леониды. Привѣтствуя его съ этимъ днемъ, я послалъ ему въ даръ крѣпа для клобука. Онъ пишетъ мнѣ:

«Благодарю всеусердно за братскую любовь. Шлемъ, вами даренный, да защищаетъ меня, молитвами вашими, отъ мысленныхъ стрѣлъ лукаваго и да укрѣпляетъ во мнѣ надежду на Спасителя. Съ сими мыслями благодарствуя, приѣмлю его.

«Къ двумъ часамъ ожидаю.»

Клобукъ, возлагаемый на главу постригаемаго въ монашество, имѣетъ духовное значеніе шлема надежды спасенія.

25-го апрѣля былъ въ Москвѣ оберъ-прокуроръ св. синода, А. П. Ахматовъ. По этому случаю преосвященный пишетъ мнѣ:

Не извѣстно ли вамъ, гдѣ остановился Алексѣй Петровичъ? Мнѣ кажется приличнымъ побывать у него, слѣдуя тому примѣру, который въ свое время вы показали. Если расположитесь и вы вмѣстѣ со мною, то милости прошу часамъ къ одиннадцати, если я

буду вамъ на дорогѣ, или я заѣду къ вамъ, если вы будете на моей дорогѣ.»

Алексѣй Петровичъ останавливался въ газетномъ переулкѣ, въ гостинницѣ Шевалье. Я не помню, принималъ ли онъ насъ и видѣлись ли мы съ нимъ; но на другой день преосвященный извѣщаетъ меня:

«Весьма извиняется предъ вами Алексѣй Петровичъ, что въ нынѣшній краткій прїездъ никакъ не можетъ быть у васъ. Возвращается онъ въ Петербургъ сегодня.»

Въ первыхъ числахъ іюня прїѣхалъ въ Москву, мимоѣздомъ изъ Петербурга, новорукоположенный тамъ митрополитъ Черногоріи Иларіонъ. Мы съ преосвященнымъ Леонидомъ должны были, за отсутствіемъ владыки митрополита изъ Москвы, встрѣчать и провожать иноземнаго гостя. Я показывалъ ему патриаршую ризницу, гдѣ онъ, восхищаясь драгоценными древностями, постоянно твердилъ: ліпо, ліпо—лѣпо, лѣпо, (т. е. прекрасно, прекрасно). Изъ Москвы ѣздилъ онъ въ троицкую лавру, для поклоненія святынь и для свиданія съ московскимъ владыкою, который принялъ его очень благосклонно и ущедрилъ многими священными дарами. Прїездъ въ Москву и пребываніе въ ней черногорскаго владыки подалъ поводъ къ слѣдующей перепискѣ: во 1-хъ, пишетъ мнѣ отъ 9-го іюля преосвященный Леонидъ:

«Извѣщенъ я, что преосвященный черногорскій возвратится (изъ лавры) сегодня въ 9 часовъ. Не соблаговолите ли отправить за нимъ вашъ экипажъ съ 4-мя конями въ шорахъ, въ 7³/₄ ч. Затѣмъ, если вамъ экипажъ нуженъ,—каreta парюу къ вашимъ услугамъ; я же думаю въ 3 часа отправиться (въ другой каретѣ) въ Симоновъ къ вечернѣ. Какъ изволите находить мои предложенія и намѣренія?»

На другой день, 10-го числа, въ 11 часовъ вечера снова пишетъ:

«Мои кони были въ хомутѣ отъ 7-ми утра до 10-ти вечера. Не одолжите ли вашихъ на смѣну—часамъ къ 9-ти утра.

«Еще тремъ прошу васъ, по данному уже вами согласію, пожаловать ко мнѣ откушать.»

Во вторыхъ, высокопреосвященный митрополитъ отъ 15-го іюня писалъ мнѣ, между прочимъ:

«Скажите чудовскому намѣстнику, что онъ не исполняетъ свои обязанности. До сихъ поръ незнаю я о пребываніи въ Москвѣ преосвященнаго черногорскаго и возвращеніи изъ лавры, и о времени отбытія его.»

Іюня 15-го—день памяти св. Іоны митрополита Московскаго. Памятуя, что разсказъ о жизни сего святителя на послѣднемъ академическомъ экзаменѣ, въ присутствіи московскаго владыки Филарета, далъ неожиданное для меня направленіе моей службѣ въ Москвѣ, я пожелалъ совершить въ этотъ день литургію въ успенскомъ соборѣ, тогда какъ располагался служить тамъ и преосвященный Леонидъ. На мою о семъ просьбу преосвященный отвѣчаетъ мнѣ отъ 13-го числа:

«Отъ служенія въ день св. Іоны въ успенскомъ соборѣ я готовъ, ради вашего утѣшенія, отказаться, но съ тѣмъ, что, если и въ воскресный день надобно быть въ успенскомъ соборѣ служенію архіерейскому, вы и сей день, по великодушію вашему, возьмете на себя: мнѣ же, если что не воспрепятствуетъ, хотѣлось бы за городомъ провести его, послѣ нескучной, но и легкой службѣ истекающей недѣли.»

Въ послѣднихъ словахъ, подѣ нелегкой службой, вѣроятно, разумѣется ухаживанье за черногорскимъ гостемъ.

Въ субботу, 22-го іюня, преосвященный писалъ мнѣ:

«Полагаю, что завтра не ранее 5-ти или 6-ти час. выберусь изъ города.»

«Прежде, нежели выберусь, имѣю надобность посоветоваться съ вами. Какъ это устроить? Я буду дома со втораго часа. Научите: мнѣ ли прѣхать къ вамъ и когда; вы ли ко мнѣ пождете и когда?»

На эти вопросы, утромъ 23-го числа, я отвѣчалъ, что по пути изъ срътенскаго монастыря, гдѣ я совершалъ литургію по случаю праздника и крестнаго хода, я постараюсь быть у его преосвященства часу въ третьемъ или въ началѣ четвертаго. Но о чемъ у насъ былъ тогда совѣтъ, — теперь уже не помню.

30-го числа іюня храмовой праздникъ въ синодальной 12-ти апостоловъ церкви, гдѣ я 9 лѣтъ былъ настоятелемъ. Староста этой церкви, купецъ Клаповскій, попросилъ меня украсить ихъ праздникъ архіерейскимъ священнослуженіемъ, котораго у нихъ не бывало со дня освященія возобновленнаго въ 1855 г. храма. Я съ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе, но встрѣтилось было къ сему нѣкоторое затрудненіе. Не помню, по какому случаю въ этотъ же день надлежало быть служенію архіерейскому и въ успенскомъ соборѣ, а между тѣмъ моего старшаго собрата въ городѣ не было; онъ былъ въ любимомъ имъ николе-угрѣшскомъ монастырѣ. Я послалъ ему туда съ нарочитымъ письмомъ съ изъясненіемъ обстоятельствъ, и вотъ что получаю отъ его преосвященства въ отвѣтъ, отъ 29-го числа, изъ петропавловскаго угрѣшскаго скита:

«Съ великимъ утѣшеніемъ пріемлю извѣстіе, что вы пригла-

шены совершить литургію тамъ, гдѣ столько лѣтъ совершали ее въ качествѣ настоятеля храма.

«Съ полною готовностію хочу исполнить свое обѣщаніе и, если сподобитъ меня Господь, совершить литургію въ успенскомъ соборѣ.»

«Прибыть въ соборъ къ 9¼ постараюсь, но успѣю ли въ этомъ, — не знаю.»

Такимъ образомъ я и собственному желанію удовлетворилъ, и просьбу усерднаго старосты исполнилъ, и пріятную награду получилъ. Купецъ В. М. Клаповскій, торгующій иконами и всякими церковными утварями, принесъ мнѣ въ даръ за священный трудъ изящную паннагію съ прекрасными изображеніями на перломутрѣ 12-ти апостоловъ.

1-го іюля я получилъ отъ преосвященнаго Леонида коротенькую записочку такого содержанія:

«Если надумаетесь вы или мнѣ навѣстить или болящаго арбатскаго старца, или скорбящую Анну Борисовну, — возьмите меня съ собою.»

Арбатскій *старецъ* — это протоіерей троицкой на Арбатѣ церкви *С. И. Тихомировъ-Платоновъ*, о которомъ выше была рѣчь.

Анна Борисовна *Нейдгартъ* поражена была въ это время глубокою скорбію по случаю смерти младшаго изъ ея сыновей Петра Александровича, который былъ пораженъ пулями польскихъ мятежниковъ, въ предѣлахъ ковенской губерніи, но котораго тѣло было привезено для погребенія въ кленовское имѣніе, подольскаго уѣзда, московской губерніи. Покойный былъ весьма религіозный и благонравный юноша. Душевная скорбь о потерѣ та-

кого добраго сына потрясла Анну Борисовну такъ, что осенью того же года и она сошла въ могилу. Мы съ преосвященнымъ Леонидомъ почтили ее соборнымъ отпѣваніемъ въ ея приходской церкви.

Юля 5-го, въ день памяти преп. Сергія, преосвященный писалъ мнѣ:

«Не вмѣстѣ ли сегодня будемъ трапезовать на саввинскомъ? Если такъ, то въ 2 часа васъ тамъ ожидаютъ.»

На это братское приглашеніе я отвѣчалъ:

«Извините и простите Бога ради, если на сей разъ я не окажу вамъ послушанія на счетъ трапезованія: я далъ слово одному человѣку быть дома до трехъ часовъ.»

«Я думалъ было ради праздника въ моей обители сотворить хотя малое учрежденіе и пригласить къ нему ваше преосвященство; но слыша отъ васъ постоянныя жалобы на разстройство вашего здоровья, оставилъ это намѣреніе, опасаясь подать вамъ чрезъ то новый поводъ къ жалобамъ.»

22-го числа получена мною отъ преосвященнаго записка слѣдующаго содержанія:

«Время лѣтнее уходитъ, купаться я еще не начиналъ, а тошноты не прекращаются — *моль* эта, которою мнѣ грозятъ: по этому я хочу уѣхать на Угрѣшу и тамъ купаться сегодня и завтра. Но какъ завтра я, можетъ случиться, опоздаю къ докладу, то благоволите, не ожидая меня, послать о себѣ докладчика въ кабинетъ владыки. Между тѣмъ я выиграю часокъ, что бы не въ самый жаръ ѣхать.»

Мы обыкновенно являлись съ преосвященнымъ Леонидомъ съ докладами къ митрополиту вмѣстѣ, каждую недѣлю по вторникамъ и пятницамъ, къ 5-ти часамъ пополудни, и если ктонибудь изъ насъ пріѣдетъ на троицкое подворье нѣсколькими минутами раньше, то поджи-

даетъ другаго, чтобъ непременно вмѣстѣ явиться къ владыкѣ въ гостиную, гдѣ большею частію мы разсуждали о дѣлахъ.

31-го іюля происходили между нами сношенія относительно служенія на другой день, 1-го августа, въ успенскомъ соборѣ и совершенія крестнаго хода на Москву-рѣку. По этому случаю я писалъ преосвященному:

«Если для васъ *приятно* будетъ завтра отслужить въ успенскомъ соборѣ и совершить крестный ходъ, то я охотно предоставляю вамъ это утѣшеніе. Но если для вашего здоровья, быть можетъ, *полезнѣе* было бы выѣхать за городъ, то съ Богомъ отправляйтесь: я съ усердіемъ готовъ служить и въ успенскомъ. О томъ, какъ вы изволите разсудить, благоволите меня увѣдомить заблаговременно.»

На это я получилъ отъ его преосвященства двѣ записки. Въ первой онъ пишетъ:

«Если вы служить завтра располагаетесь и только *уступаете* мнѣ успенскій соборъ, то я не буду въ претензіи, если вы въ соборъ меня не пустите, и уѣду за городъ.»

«Если же вы *не располагаетесь* служить, то я съ готовностію останусь и готовлюсь къ служенію.»

Другая — такого содержанія:

«Согласно вашему рѣшенію, остаюсь въ Москвѣ и буду готовиться къ служенію въ успенскомъ соборѣ: но чтобы освѣжиться отъ томашей меня тошноты, хочу сначала проѣхать до сестеръ.»

21-го ч. августа предпринялъ я, съ благословенія высокопреосвящ. митрополита, первое путешествіе по епархіи съ цѣлію обозрѣнія церквей. Главнымъ побужденіемъ для меня, при этой поѣздкѣ, было посѣтить мой престольный градъ Можайскъ, по имени коего я именовался епископомъ *можайскимъ*. Но прежде, чѣмъ я до-

стигъ этого града, я посѣтилъ нѣкоторые другіе города, какъ то: Подольскъ и Верею съ лежащими на пути къ нимъ селами. На этомъ же пути встрѣтилъ я вовсе неизвѣстную мнѣ до этого времени женскую обитель—одигитріевскую, извѣстную болѣе подъ именемъ *зосимовской*—отъ старца Зосимы, ея основателя. Здѣсь я съ особеннымъ удовольствіемъ провелъ двое сутокъ и 24-го числа служилъ. Настоятельница этой пустынной, среди лѣсовъ и болотъ, обители, 62-хъ лѣтняя старица—Вѣра обратила на себя мое особенное вниманіе: весьма благочестивая и очень образованная, кроткая и смиренная, она была примѣромъ для вѣрннхъ ея попеченію сестеръ. Матеріальныя средства обители весьма ограничены, и потому всѣ необходимыя работы по монастырю производятся руками сестеръ. Мое посѣщеніе тѣмъ было ощутительнѣе для обители, что оно было совершенно неожиданно. Оттуда, чрезъ Верею въ Можайскъ, прибылъ я 25-го ч., и на другой день,—день коронаціи Государя Императора, совершилъ въ свосемъ каедральномъ храмѣ, гдѣ находится древняя чудотворная икона св. Николая, именуемая *можайскою*, литургію, примночисленномъ стеченіи народа, а на слѣдующій день, 27-го числа, я служилъ въ спасо-бородинскомъ женскомъ монастырѣ, куда въ этотъ день ежегодно совершается крестный ходъ изъ села Бородина, отъ котораго получило свое названіе поле, ознаменованное въ 1812 году кровавою битвою.

Изъ Можайска, чрезъ Рузу, прибылъ я 31-го числа въ саввинъ звенигородскій монастырь, гдѣ встрѣтило

меня братское посланіе настоятеля этой обители, преосвященнаго епископа Леонида. Вотъ чтò прочиталъ я въ этомъ посланіи:

«Желалъ бы я лично встрѣтить васъ и гостеприметвовать въ обители преподобнаго Саввы; но за невозможностію ограничиваюсь тѣмъ, что сими строками приношу вамъ усердѣйшее привѣтствіе и прошу васъ братски: пребывать въ обители, сколько полюбится и распоряжаться всѣмъ, какъ свойственно хозяину.»

Мнѣ очень полюбилась саввинская обитель, и я пробылъ въ ней болѣе двухъ сутокъ, совершивъ двѣ литургіи—одну въ главномъ монастырскомъ храмѣ, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи основателя обители, преп. Саввы, ученика преп. Сергія, а другую въ основанномъ за годъ предъ тѣмъ монастырскомъ скитѣ.

3-го сентября я возвратился въ Москву.

17-го октября преосвященный Леонидъ сообщалъ мнѣ къ свѣдѣнію слѣдующее:

«Въ 8 часовъ Государь Наслѣдникъ пріѣхалъ; завтра въ половинѣ десятаго отправится въ лавру, слушаетъ молебствіе, къ четыремъ возвращается, обѣдаетъ одинъ и, по отдохнѣ, слѣдуетъ далѣе, до колпинской станціи, откуда сворачиваетъ въ Царское Село.
«0 семь извольте вѣдать.»

Въ половинѣ ноября преосвящ. Леонидъ, по распоряженію высокопреосвященнаго митрополита, отправлялся въ Рязань, для погребенія умершаго архіепископа рязанскаго, Смарагда.

Въ 1864 г. письменныя сношенія наши съ преосв. Леонидомъ начались съ печальнаго извѣстія о его болѣзни. Отъ 10-го января онъ писалъ мнѣ:

«Прошу вас доложить его высокопреосвященству, что врач рѣшительно запретилъ мнѣ ѣхать (т. е. на троицкое подворье съ докладомъ о дѣлахъ).

«Пивки обнаружили кровь слишкомъ темную. Голова очень еще слаба. Довольно выѣхать на прогулку ради обновленія крови свѣжимъ воздухомъ.»

20-го числа того-же мѣсяца получаю отъ него записку болѣе уже пріятнаго содержанія:

«Буде для васъ несѣнительно, пожалуйста откушать съ *отъ-вѣжающими*. Время обыкновенное: второй часъ.»

„Отъѣжающій“ былъ, по всей вѣроятности, кто-либо изъ преосвященныхъ.

Черезъ Москву очень часто проѣзжали и проѣзжаютъ епархіальные архіереи. Изъ нихъ, при покойномъ митрополитѣ Филаретѣ, большая часть останавливались у насъ, викаріевъ; для старѣйшихъ изъ владыкъ митрополитъ предлагалъ помѣщеніе въ чудовомъ монастырѣ, въ своихъ настоятельскихъ покояхъ. Но для покойнаго митрополита Григорія, когда онъ былъ казанскимъ и ежегодно два раза проѣзжалъ черезъ Москву въ Петербургъ и обратно, было особенное исключеніе. Какъ любимаго ученика своего по петербургской академіи и въ особенности какъ близкаго себѣ по духу и нравственному характеру, московскій владыка всегда принималъ его у себя, на троицкомъ подворьѣ, былъ ли онъ самъ въ это время въ Москвѣ или нѣтъ.

22-го января преосвященный извѣщалъ меня:

«Его высокопреосвященство предоставляетъ вамъ совершить по *Павлу Алексѣевичу* панихиду завтра, въ четвергъ, 23-го января, въ часъ пополудни.»

За тѣмъ присовокупляетъ отъ себя:

«Я употреблялъ облаченіе черное, платье шерстяное; можно ограничиться панагією. Перводиакона возьмите своего. Января 22, 1864 г., *глубокой вечеръ.*»

Павелъ Алексѣевичъ *Тучковъ* — московскій генералъ-губернаторъ скончался 21 ч., отъ какой-то внутренней тяжкой, хотя и непродолжительной, болѣзни. Его кончина глубоко опечалила Москву. Москва любила и уважала Павла Алексѣевича, какъ добраго, честнаго и благороднаго своего градоначальника.

Погребеніе Павла Алексѣевича совершено было 26-го числа по Высочайше утвержденному церемоніалу. Отпѣваніе тѣла происходило въ Алексѣевской церкви чудова монастыря. При отпѣваніи было четыре архіерея: митрополитъ Филаретъ, архіепископъ Евгенийъ и епископы — Дмитровскій и Можайскій. Погребеніе тѣла было въ новодѣвичьемъ монастырѣ. Мы съ преосвящ. Леонидомъ провожали тѣло усопшаго — онъ отъ чудова до троицкой на Арбатѣ церкви, а я отъ этой церкви до новодѣвичьяго монастыря.

Въ первыхъ числахъ февраля былъ мимоѣздомъ въ Москвѣ преосвященный *Іоанникій*, который изъ ректоровъ петербургской д. академіи назначенъ былъ на саратовскую епархію, откуда потомъ переведенъ въ Нижній Новгородъ. Онъ останавливался на саввинскомъ подворьѣ. И вотъ ради этого гостя преосвящ. Леонидъ дѣлаетъ и меня участникомъ своей братской трапезы. 6-го числа онъ писалъ мнѣ:

«Не соизволите ли откушать у меня сегодня вмѣстѣ съ преосвященнымъ *Іоанниемъ*? Если да, то въ третьемъ часу ожидаю васъ.»

Отъ 22-го числа я получилъ отъ его преосвященства записку такого содержанія:

«Не могу понять, гдѣ мой экземпляръ «чтеній общества любителей духовнаго просвѣщенія»: не одолжите ли вашего? Мнѣ очень нужно для отчета.»

Вслѣдъ затѣмъ 24-го преосвященный пишетъ:

«Не потрудитесь ли наскоро написать въ немногихъ строкахъ общій взглядъ на состояніе духовенства и паствы мѣстностей, вами осматрѣнныхъ? Изъ отчета вашего—этого извлечь нельзя, такъ какъ о паствѣ нигдѣ не говорится. Я внесъ бы это писаніе въ проектъ епархіальнаго отчета. За сѣмъ стоять дѣло, которое хотѣлось бы къ вечеру представить.»

То и другое требованіе его преосвященства было мною исполнено.

Кстати здѣсь замѣчу. Между нами съ преосвященнымъ Леонидомъ были раздѣлены труды: я обозрѣвалъ епархію, а онъ составлялъ общіе ежегодные отчеты о состояніи московской епархіи, причемъ ему требовались мои краткіе отчеты по обозрѣнію церквей, представляемые мною митрополиту. Въ послѣдней своей запискѣ преосвященный замѣчаетъ, что въ первомъ моемъ отчетѣ по обозрѣнію епархіи ничего не говорится о паствѣ. Но это произошло частію отъ моей еще неопытности, а частію отъ того, что я, по своей привязанности къ археологическимъ занятіямъ, при посѣщеніи церквей, послѣ осмотра святыни и разсмотрѣнія церковныхъ документовъ, болѣе всего обращалъ вниманіе на предметы древности. Меня занимала, напримѣръ, архитектура той или другой церкви; меня восхищали древнія иконы, древнія священныя и церковныя утвари

и надписи на нихъ, старинныя книги и рукописи и проч. Въ первую поѣздку мою по епархіи, между многими достопримѣчательностями, усмотрѣна была мною въ церкви села Ознобишина, подольскаго уѣзда, замѣчательная картина, мѣрою въ длину около 4-хъ, а въ вышину около 2-хъ аршинъ. На ней изображенъ праведный *Иовъ*, сидящій на огромной черепахѣ и держащій въ правой рукѣ четыре верви, коими онъ какъ бы влечетъ за собою четырехъ своихъ друзей, стоявшихъ позади его въ нѣкоторомъ разстояніи; непосредственно же за нимъ стоитъ діаволъ; а впереди — шесть человѣческихъ фигуръ (можетъ быть, дѣти Юва) составляютъ какъ бы хороводъ и представляются пляшущими. Картина эта, по отзыву академика Кузнецова, очень древняя и стоить не менѣе трехъ тысячъ рублей.

Въ мартѣ 1864 г. прибылъ въ Петербургъ изъ Америки делегатъ нью-іоркской конвокаціи, пасторъ *Іонгъ* (*Young*), съ полномочіемъ отъ нѣкоторыхъ тамошнихъ епископовъ вступить въ сношенія съ старѣйшими русскими іерархами по дѣлу соединенія церквей. Іонгъ пожелалъ быть въ Москвѣ и видѣть здѣшняго знаменитаго митрополита Филарета, котораго катихизисъ, переведенный на англійскій языкъ Блакмеромъ, сдѣлался популярною книгою въ Америкѣ. О его поѣздкѣ въ Москву преосвящ. Леонидъ былъ предваренъ письмомъ отъ князя С. Н. Урусова, который въ это время исправлялъ должность оберъ-прокурора св. синода. Іонгъ прибылъ въ Москву 27-го марта и оставался здѣсь до 3-го апрѣля. Его пребываніе въ Москвѣ преосвященный описалъ въ

своемъ дневникѣ. И вотъ что здѣсь, между прочимъ, записано:

«Марта 27-го. Въ домово́й мое́й церкви совершалъ я литургію преждосвященныхъ даровъ (съ поставленіемъ діакона), въ присутствіи делегата нью-іоркской конвокаціи Іонга; послѣ обѣдни Іонгъ былъ у меня. Онъ человѣкъ лѣтъ 35-ти, невысокій, легкій станомъ, русый, съ бородкой, безъ усовъ, съ веселымъ взглядомъ, въ однобортномъ короткомъ черномъ сюртукѣ съ стоячимъ воротникомъ. По небрежной позѣ—республиканецъ, въ словѣ онъ остроуменъ, какъ англичанинъ, хотя и говорливъ, какъ французъ.

— 28-го ч. . . . «Сегодня Іонгъ стоялъ у меня всенощное бдѣніе; потомъ пришелъ ко мнѣ, вынулъ изъ бархатомъ обложенной трубки окружныя грамоты отъ нѣкоторыхъ епископовъ американскихъ къ епископамъ восточной церкви. Грамоты писаны по-латинѣ, на печатяхъ латинскія митры. Содержаніе грамотъ: желаніе мира и союза съ уважаемою церковію восточною.

— 29-го ч. «Четвертое воскресенье великаго поста. Владыка назначилъ пріемъ пастору Іонгу сегодня въ 6 ч. вечера.—Отъ 6 до 8½ ч. въ его гостиной происходилъ разговоръ, исполненный интереса. Участниками и свидѣтелями разговора были, кромѣ митрополита и пастора Іонга, епископы—дмитровскій и можайскій, графъ А. В. Бобринскій и М. М. Сухотинъ. Говорено было о XXXIX членахъ англиканской церкви, о Filioque въ символѣ вѣры, объ иконопочитаіи, о переводѣ англиканской литургіи на русскій языкъ, и проч. Владыка еще назначилъ собраніе въ четвергъ, въ 6 ч. вечера.

Апр. 1. «Мы съ преосвященнымъ Саввою утро провели надъ извлеченіемъ вопросовъ изъ сущности XXXIX членовъ. Вышло 12 вопросовъ, которые я и представилъ владыкѣ. Онъ сказалъ: не надо вдругъ озадачивать ихъ; я извлеку нѣсколько, и, можетъ быть, иначе ихъ выражу.

— 2-го ч. «Сегодня довольно рано утромъ владыка прислалъ составленные имъ вопросы:

1) Какъ можно достигнуть того, чтобы извѣстные 39-ть членовъ не были препятствіемъ къ соединенію церквей?

2) Какъ можетъ быть согласено ученіе американской епископальной церкви объ исхожденіи св. духа съ ученіемъ восточной церкви?

3) Исполнѣ ли доказана непрерывность апостольскаго іерархическаго рукоположенія въ американской церкви?

4) Достоверное церковное преданіе признаетъ ли американская церковь вспомогательнымъ руководительнымъ началомъ для изясненія свящ. писанія и для церковныхъ чиновъ положеній и дисциплины?

5) Какое воззрѣніе американской церкви на ученіе церкви восточной о седмичномъ числѣ таинствъ?

«Я тотчасъ переслалъ ихъ графу А. В. Бобринскому для перевода (на англійскій языкъ) и сообщенія Іонгу.

«Въ 6 ч. вечера мы опять собрались ко владыкѣ и просидѣли до 10-го. Іонгъ давалъ предварительные отвѣты на 5-ть вопросовъ, предложенныхъ владыкою...

«Послѣ продолжительной бесѣды, владыка въ заключеніе пожелалъ мира церкви американской и изъявилъ увѣренность, что церкви, стремящаяся къ соединенію умомъ, соединены сердцами.

— 3-го числа. «Предъ самой литургіей преждосвященныхъ посетилъ меня пасторъ Іонгъ для прощанія. . . . Онъ изъявилъ желаніе, чтобы на грамоты американскихъ епископовъ были отвѣты нѣкоторыхъ старѣйшихъ архіереевъ русскихъ. . . . Онъ настаивалъ на томъ, что въ настоящее время необходимо устроить русскую православную церковь въ Нью-Йоркѣ.»

4-го апрѣля Іонгъ оставилъ Москву и возвратился въ Петербургъ, условившись съ преосвящ. Леонидомъ, какъ владѣвшимъ знаніемъ англійскаго языка, вести взаимную переписку.

На другой день преосвящ. Леонидъ передалъ влады-

къ желанія Ionга, высказанныя имъ при прощаніи съ преосвященнымъ дмитровскимъ.

Отъ 6-го числа владыка писалъ преосвященному:

«Надобно пожалѣть, преосвященнѣйшій, что достопочтенный пресвитеръ Іоаннъ (Ionгъ) благовременно не открылъ вамъ своей мысли, которую открылъ предъ своимъ отбытіемъ. Теперь не можетъ быть вскорѣ исполнено то, что желалъ бы я исполнить по долгу уваженія и братолюбія.

«Граматы высокоочтимыхъ епископовъ американской церкви написаны по совѣщанію и обращены къ восточной іерархіи въ Петербургѣ. Я выступилъ бы изъ своихъ предѣловъ, если бы отвѣчалъ одинъ безъ совѣщанія.

«Новое затрудненіе представляетъ мысль, чтобы я писалъ къ высокопочтеннѣйшему епископу президенту, который не писалъ; можетъ быть, въ его молчаніи заключается мысль, чтобы и наше слово не восходило непосредственно къ нему.

«Я просилъ высокопреосвященнаго новгородскаго сообщить мнѣ, что положено будетъ въ совѣщаніи іерархіи въ Петербургѣ: но отвѣтъ конечно опоздастъ.

«Ваше преосвященство одолжили бы меня, если бы сіе оправданіе мое сообщили почтенному пресвитеру прежде, нежели онъ оставитъ Петербургъ.»

Преосвященный Леонидъ, по совѣту графа Вобринскаго и съ соизволенія владыки, немедленно отправилъ письмо это подлинникомъ, при своей краткой запискѣ, въ Петербургъ, къ Ionгу; и вотъ что получилъ отъ него въ отвѣтъ отъ 10-го апрѣля:

«Его *лордстоу*, Леониду, викарному епископу московскому.

«Возлюбленнѣйшій епископъ!

«Едва имѣю время сказать, что письмо, которымъ вы меня почитали, я исправно получилъ вчера и приложенное къ нему письмо митрополита.

«Все весьма удовлетворительно.

«Митрополитъ петербургскій принялъ (меня) съ такою искренностію, которой я не смѣлъ ожидать. Онъ пригласилъ меня въ сундукъ, гдѣ имѣлъ я честь представиться нѣкоторымъ членамъ. Онъ кажется, глубоко и горячо заинтересованъ.

«Письмомъ вашего митрополита, относительно нашихъ свиданій здѣсь чрезвычайно довольны.

«Болѣе чѣмъ щедро вознагражденъ я за путешествіе въ Россію, и питаю твердыя надежды на полный успѣхъ этого предпріятія, которое да будетъ пріятно небу!

«Мы сію минуту отправляемся на станцію.

«Вполнѣ вамъ преданный Ionгъ.»

Между тѣмъ, пока все это происходило, встрѣтилось новое, немаловажное дѣло, въ которомъ преосвящ. Леонидъ принялъ самое живое, сердечное участіе.

Московскій генераль-губернаторъ М. А. Офросимовъ конфиденціально писалъ отъ 4-го апрѣля высокопреосвященному митрополиту:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архинастарь! Въ мартѣ минувшаго года, по всеподданнѣйшему докладу г-на министра Императорскаго двора, Государь Императоръ, въ видахъ усиленія сборовъ дирекціи Императорскихъ театровъ и въ томъ вниманіи, что публичныя увеселенія и зрѣлища для простаго народа повсемѣстно въ Имперіи допускаются во всю недѣлю св. пасхи, Высочайше разрѣшить изволилъ: русскіе спектакли на с.-петербургскихъ театрахъ, по окончаніи великаго поста, начинать съ четверга означенной недѣли.

«Нинѣ директоръ театровъ вошелъ съ представленіемъ о дозволении открывать и въ Москвѣ русскіе спектакли также съ четверга св. недѣли.

«Вслѣдствіе сего Его Величество изволилъ повелѣть генераль-адъютанту графу Адлербергу снестись со мною—не встрѣчаю ли

я какого либо прелатства къ разрѣшенію изъясненнаго представленія графа Борха.

«Предварительно сообщенія г. министру Императорскаго Двора моего отзыва, долгомъ считаю о вышеизложенномъ сообщить на благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства, покорнѣйше прося почитать меня доставленіемъ вашего заключенія по сему предмету.»

Владыка, предварительно отвѣта на эту конфиденціальную бумагу, потребовалъ мнѣнія по этому предмету отъ преосвященнаго дмитровскаго. И вотъ что писалъ преосвященный Леонидъ его высокопреосвященству:

«Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь и отецъ! Ни въ книгѣ правилъ, ни въ уставѣ не обрѣтено мною опредѣленія о равночестности дней пасхальной седмицы; но едва ли и нужно было такое опредѣленіе, когда мысль церкви совершенно ясна. По уставу, преимущественно предъ прочими днями седмицы сіяетъ только день недѣльный, а всѣ прочіе совершенно равны. Не только обычная череда богослуженій дневныхъ, но и чины молебныхъ пѣній и отпѣванія усоншихъ одинаковы. Если благословенное Богомъ веселіе христіанскаго брака церковь почитаетъ несомвѣстнымъ съ святинею сихъ дней, то что сказать о суетной забавѣ театровъ съ ихъ современнымъ языческимъ безнравственнымъ направленіемъ? Балаганная увеселенія подъ новинскимъ терниномъ, но, конечно, если бы потребовалось и на оныя согласія церковной власти, едва ли можно было и ихъ одобрить, хотя въ пользу ихъ говорятъ то, чего не могутъ сказать о театрахъ, именно, что народъ рабочій только и свободенъ что на свѣтлой недѣлѣ, а балаганы его преимущественно забавляютъ. Вѣрный духу церкви св. Тихонъ посмотрѣлъ не на то, что народный праздникъ совершался единожды въ годъ, а на языческій его характеръ, и возсталъ на него. Если Богъ благословитъ русскую церковь учрежденіемъ епископскихъ съездовъ, то я увѣренъ, что изъ среды епископовъ раздается много голо-

совъ противъ безнравственнаго характера общественныхъ увеселеній, покровительствуемыхъ правительствомъ.

«Въ ожиданіи сего учрежденія, которое только вашей мудрости можетъ быть устроено, всѣ заботы о св. церкви, по общему убѣжденію всѣхъ православныхъ, лежать исключительно на васъ; это нами слышится почти ежедневно. Борьба только что начинается, т. е. борьба открытая, съ воинственными криками, въ родѣ недавно раздававшихся: «православіе есть преграда къ процвѣтанію Россіи». Вашему пастырскому сердцу тяжела необходимость войны междоусобной въ нѣдрахъ церкви: но православнымъ радостно, что есть за нихъ Боецъ, который ихъ и св. церковь не выдастъ. Мнѣ кажется, что когда діаволь оскорбленъ былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ готовностію гражданъ почитать день Господень, то онъ задумалъ *отставить* всѣ праздники *Божіи* и напалъ прямо на величайшій по святинѣ своей и по общему къ нему уваженію, — праздникъ пасхи; но будучи хитръ, напалъ на одну его часть, которая незнающимъ характера праздника могла показаться менѣе священной; діаволь же, должно быть, предъусмотрѣлъ, что, нарушивъ святиню послѣднихъ дней седмицы, онъ безъ труда ниспровергнетъ и одинаковыя по значенію другіе дни ея, пощадивъ до времени первый день до окончанія вечерней его службы. Тогда уже не далеко будетъ и до исполненія мысли о замѣненіи большей части праздниковъ церковныхъ праздниками патріотическими, національными.

«Ради Господа, простите, владыко святей, многоглаголаніе мое: но оно отъ возмущенія духа. Судите: если я, наихудшій изъ служителей и синовъ церкви, такъ смущаюсь происходящимъ: что должны чувствовать мужи *по сердцу Божію*, не только на стражѣ дома Божія стоящіе, но и стрегомные? Общая надежда на васъ однихъ.»

Вслѣдъ за тѣмъ сдѣланъ былъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ на запросъ генераль-губернатора такой отзывъ:

«Конфиденціальнимъ отношеніемъ вашего высокопревосходительства, отъ 4-го сего апрѣля, № 537, требуется отъ меня мнѣніе, не встрѣчается ли прешатетвія въ недѣлю пасхи театральныя представленія въ Москвѣ начать съ четверга сей недѣли.

«Въ книгѣ апостольскихъ и церковныхъ правилъ, кароагенскаго собора, въ правилѣ 72-мъ сказано: «подобаетъ просити (христіанскихъ царей) также и о семъ, да воспретится представленіе позорищныхъ игръ въ день воскресный и въ прочіе свѣтлыя дни христіанскія вѣры.

«Уже много нарушеній сего правила допущено: по крайней мѣрѣ оно сохраняется до нынѣ въ Москвѣ ненарушеннымъ для величайшаго изъ праздниковъ христіанскихъ, для недѣли святыхъ пасхи, которую православная церковь седмидневно празднуетъ, какъ одинъ день, и повелѣваетъ вѣрному народу великіе дни проводить въ церкви.

«И такъ изволите видѣть, что церковное правило обязываетъ меня смиренно просить Благочестивѣйшаго Государа Императора, чтобы во всю недѣлю пасхи театральныя зрѣлища оставались, какъ прежде, запрещенными.

«Можетъ быть, противъ сего представится возраженіе, что уже допущены въ дни пасхи нѣкоторыя народныя увеселенія на площади. На сіе отвѣтствовать должно, во первыхъ, что одно нарушеніе правила не служитъ оправданіемъ другому нарушенію; во вторыхъ, допущены на площадяхъ развлеченія безвредныя, прогулки и качели, прочее вралось по невниманію; театральныя же зрѣлища часто бываютъ неблагопрістойны такъ, что благорасположенные люди боятся допускать дѣтей видѣть оныя.

«Что касается до примѣра Петербурга, я поставляю предѣломъ моего сужденія о настоящемъ предметѣ предѣломъ вѣрной мнѣ епархіи, и обязаннымъ себя признаю свидѣтельствовать, что Москва—городъ, по преимуществу, русскій и православный, средоточіе-русскій,—особенно требуетъ охраненія древнихъ православныхъ обычаевъ, сохраняемыхъ въ ея населеніи. Московскій

народъ во дни пасхи ходитъ въ церковь не только къ богослуженію, но и между временами богослуженія посѣщаетъ древніе кремлевскіе храмы, цѣлуетъ святиню, разсматриваетъ древнія иконы и стѣнное писаніе, и по симъ книгамъ, писаннымъ вмѣсто буквъ лицами, продолжаетъ учиться благочестію, и потому получить непріятное впечатлѣніе, когда его въ сіи святые дни будутъ манить изъ церкви въ театръ.»

Такимъ архипастырскимъ отзывомъ отражено было отъ Москвы разрѣшеніе открывать съ четверга св. недѣли русскіе спектакли.

Съ мая мѣсяца продолжались наши съ преосвященнымъ Леонидомъ обычныя дружескія отношенія. 4-го числа онъ пишетъ мнѣ:

«Если вы расположены видѣть художественную выставку, то не угодно ли будетъ захватить за мною въ первой половинѣ четвертаго часа: такъ какъ въ 4 часа тамъ ожидаютъ.»

5-го іюля—память преп. Сергія—у меня въ высокопетровскомъ монастырѣ храмовой праздникъ въ зимней церкви. Я пригласилъ наканунѣ преосвященнаго и его родныхъ на праздничную трапезу. На это приглашеніе онъ отвѣчаетъ 4-го числа:

«Благодарю васъ усердно, и съ радостію принимаю приглашеніе. «Сестрамъ берусь передать приглашеніе, а братъ у троицы. «Преподобный Сергій да приметъ молитвы въ разныхъ храмахъ, единодушно въ честь его празднующихъ.»

9-го іюля преосвященный писалъ мнѣ изъ угрѣшскаго монастыря:

«Въ воскресеніе (12 ч.) предстоятъ два служенія. Прошу васъ пріять на себя честь служенія старѣйшаго въ Знаменскомъ.

«Что до успенскаго собора, то, право, не знаю, что сказать объ этомъ. Въ день казанской иконы Богоматери уже и облаче-

нія привезли изъ Москвы: но я не въ силахъ былъ даже готовиться къ служению.

«Владыка изволилъ предоставлять мнѣ, въ ваше отсутствіе, пригласить въ соборъ на служеніе митрополита месопотамскаго. Можно бы, кажется, сдѣлать нѣтъ это предложеніе его высокопреосвященству: для него, вѣроятно, будетъ это пріятно.»

Письмо это требуетъ нѣкотораго разъясенія:

Архіерейское служеніе 12-го іюля, въ воскресенье, въ успенскомъ соборѣ предполагалось, безъ сомнѣнія, по случаю какого нибудь царскаго дня: но въ знаменскомъ монастырѣ—по особенному случаю. Въ 1856 г., въ достопамятную эпоху торжественнаго коронованія Государя Императора, явилась мысль о возстановленіи и приведеніи въ первоначальный видъ древнихъ палатъ бояръ Романовыхъ, гдѣ родился первый русскій царь изъ благословеннаго дома Романовыхъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ. Палаты эти—каменные невысокія зданія, примыкавшія къ знаменскому монастырю, съ давняго времени принадлежали этой обители и отдаваемы были въ арендное содержаніе разнымъ жильцамъ. Древнее историческое значеніе этого скромнаго жилища давно было забыто, и только, благодаря любознательности и изыскаціямъ извѣстныхъ московскихъ археологовъ: князя М. А. Оболенскаго и И. М. Снегирева, приведено было на память потомства около 1856 г. Когда о семъ доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія, немедленно повелѣно было возвратитъ этому боярскому жилищу, по возможности, его первоначальный видъ. Года три производились работы, и наконецъ 22 августа 1859 г. совершено было, по особому чину, въ Высочайшемъ присутствіи,

митрополитомъ Филаретомъ обновленіе возстановленнаго древняго Романовскаго дома. При этомъ владыкою произнесена была слѣдующая весьма примѣчательная рѣчь:

«Благочестивѣйшій Государь! Осуществилась Твоя знаменательная мысль о домѣ Твоихъ предковъ. Онъ вызванъ изъ мрака забвенія, облеченъ древнимъ и древнеподрожательнымъ узоріемъ; окомятъ прошедшихъ вѣковъ смотреть на будущее, и призываетъ ихъ къ размышленіямъ.

«Вотъ скромный древній домъ, который можетъ считать своими потомками великолѣпные дворцы, и это потому, что въ немъ обитали: благочестіе, правда, любовь къ отечеству.

«Вотъ невысокія храмины, изъ которыхъ вышли высокоя души. Романовы доблестно дѣйствовали для отечества, великодушно страдали для отечества, и всеправедный Отецъ, изъ Него же всяко отечество на небесахъ и на земли именуется, судьбами Своими устроилъ то, что родъ Романовыхъ привился къ древнему роду царей и произвелъ отцевъ отечества.

«Сіи воспоминанія встрѣчать будетъ каждый сынъ Россіи, при возвращеніи на Романовскій домъ, и сердце его скажетъ ему: честь и слава Царю, чтущему доблестныхъ предковъ! Научимся отъ Него и мы чтить и хранить древнюю доблесть, которую можетъ украсить, но не замѣнить новый блескъ.»

Такъ какъ 12-е іюля—день памяти преп. Михаила Маленина—былъ днемъ тезоименитства царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича: то съ 1860 г. установлено ежегодно совершать въ этотъ день, въ знаменскомъ монастырѣ, литургію съ панихидою архіерейскимъ священнодѣйствіемъ.

Мое отсутствіе, о которомъ упоминаетъ преосвящ. Леонидъ въ своей запискѣ, было въ іюнь, для ревизіи, по порученію высокопреосвящ. митрополита, московской д. академіи.

Митрополитъ месопотамскій и амидскій, о которомъ тамъ же идетъ рѣчь, по имени *Макарій*, пріѣхалъ не очень задолго предъ тѣмъ въ Москву ради милостыни и имѣлъ пребываніе въ богоявленскомъ монастырѣ. Онъ недолго оставался въ Москвѣ: въ сентябрѣ слѣдующаго года онъ былъ уже въ Петербургѣ, и оттуда писалъ мнѣ, выражая свою благодарность за мое къ нему благо-расположеніе и напутственныя благожеланія и въ концѣ письма называя себя смиреннымъ странникомъ. Такъ какъ высокопреосвященный митрополитъ Макарій, прішедшій въ Россію съ отдаленнаго востока, по-русски говорить не могъ: то онъ при богослуженіи возгласы произносилъ по-арабски, или по-гречески.

По полученіи отъ преосвящ. Леонида вышеизложеннаго письма, я отвѣчалъ ему на другой день:

«На счетъ служенія въ воскресенье въ успенскомъ соборѣ будьте спокойны.

«Сегодня (10-го ч.) утромъ былъ у меня знаменскій архимандритъ и объяснилъ мнѣ, что онъ получилъ отъ первосвятителя въ скиту приказаніе совершить въ его обители обычное служеніе, вмѣсто воскресенья, въ субботу. Посему, съ помощію Божіею иза вашими молитвами, я надѣюсь отправить то и другое служеніе, т. е., и въ знаменскомъ монастырѣ и въ успенскомъ соборѣ. А вы до послѣдней возможности извольте пребывать на угрѣнѣ и пользоваться воздухомъ и купаньемъ.»

15-го іюля преосвященный Леонидъ поѣхалъ на праздниѣ въ свой саввинъ звенигородскій монастырь и обѣщалъ возвратиться 21-го числа; а я 17-го числа писалъ въ лавру къ митрополиту, извѣщая его высокопреосвященство о своемъ намѣреніи выѣхать изъ Москвы,

для обозрѣнія церквей, 23 или 24-го числа. Владыка отъ 20-го числа отвѣчалъ мнѣ:

«Пишете о предполагаемомъ вами путешествіи: но не сказываете, возвратился ли, или когда возвратится преосвященный дмитровскій.

«Соглашаюсь на ваше путешествіе: но Москва должна быть обезпечена въ ея требованіяхъ. 22-го дня одному изъ васъ надобно служить въ успенскомъ соборѣ, а другому въ церкви воспитательнаго дома. 27, 28 и 1-го августа также служенія архіерейскія. Впрочемъ можете предварительно узнать, намѣрено ли начальство воспитательнаго дома приглашать архіерея, что не позволило бы вамъ отлучиться. За симъ, если прочія служенія приметъ на себя преосвященный дмитровскій, вы можете предпринять путешествіе. Возвращеніе ваше должно быть не позже 7-го августа, по причинѣ, которой устранить не могу.»

Какая была эта причина, о которой упоминаетъ владыка, припомнить не могу.

Утромъ 22-го іюля преосвящ. Леонидъ извѣщалъ меня, что онъ 21-го, въ 10 ч. вечера, возвратился и готовится служить въ успенскомъ соборѣ, а я долженъ былъ служить въ церкви воспитательнаго дома ради тезоименитства Государыни Императрицы, подъ августѣйшимъ покровительствомъ которой состоитъ николаевскій сиротскій институтъ.

На другой день, 23-го числа, я выѣхалъ, согласно своему предположенію, въ епархію, для обозрѣнія церквей. Былъ, между прочимъ, въ отечественномъ городѣ приснопамятнаго митрополита Филарета — Коломнѣ; совершилъ поминовеніе о его родителяхъ и сродникахъ; посѣтилъ его родительскій домъ; ходилъ по руслу той

рѣчки, въ которой онъ въ дѣтствѣ своемъ собиралъ, какъ самъ рассказывалъ намъ, камешки; встрѣтилъ одно-го изъ его сверстниковъ, отъ котораго слышалъ рассказы о дѣтскихъ играхъ и забавахъ Василя Михайловича Дроздова и проч.

7-го августа, согласно приказанію владыки, возвратился я въ Москву.

14-го, августа въ навечеріи храмоваго праздника первопрестольнаго московскаго храма, въ успенскомъ соборѣ, послѣ малой вечерни совершается торжественный молебенъ Божіей Матери. Къ этому молебну обыкновенно собираются всѣ архіереи, пребывающіе въ Москвѣ, и все старшее духовенство. Въ 1864 году на этотъ праздникъ митрополита въ Москвѣ не было, или онъ былъ нездоровъ: по этому на молебнѣ предстоятельствомъ преосвященный архіепископъ Евгений, бывшій ярославскій и пребывавшій въ это время въ московскомъ донскомъ монастырѣ на покой. Преосвящ. Леонидъ писалъ мнѣ 14-го числа:

«Неблаговоите ли взять меня съ собою къ вечернѣ, если это не неудобно для васъ. Если да, то въ 2³/₄ я ожидаю васъ. Облеченіе: мантия и бѣлый большой омофоръ.»

Отъ 7-го ноября преосвященный, извѣщая меня о своей болѣзни, просилъ быть, вмѣсто его, на экзаменѣ по закону Божію въ военномъ александровскомъ училищѣ:

«Чувствую себя,—писалъ онъ,—нелучше, если еще не хуже; не могу дышать безъ боли въ боку. Посему всепокорнѣйше прошу васъ побывать въ александровскомъ училищѣ (10—12 ч.)»

Болѣзнь преосвященнаго не прекращалась и 10-го числа. Въ этотъ день онъ пишетъ мнѣ:

«Не окажете ли милости заѣхать ко мнѣ (въ какіе угодно часы), чтобы переговорить о ставленническомъ дѣлѣ по діаконской вакансіи въ кожевникахъ, которое, если соизволите, передамъ вамъ для доклада.»

17-го ноября—день преп. Никона, ученика Сергіева. Священно-архимандритъ сергіевой лавры частію ради праздника, а частію ради пріѣзда изъ Кіева, по пути въ Петербургъ, дорогаго гостя А. Н. Муравьева, устроилъ у себя праздничную трапезу, къ которой и мы съ преосвященнымъ Леонидомъ были приглашены. По этому случаю преосвященный пишетъ мнѣ:

«1) Такъ какъ владыка изволитъ праздновать день преп. Никона торжественно, то не будетъ ли благоприлично намъ явиться къ его столу въ скромно-свѣтломъ одѣяніи при маломъ отпущеніи онаго ленточкою, т. е. единою. 2) До вашего преосвященства просьба: мою карету возьметъ Андрей Николаевичъ, и потому отъ владыки (куда я съ нимъ вмѣстѣ пріѣду) не возьметъ ли меня съ содержаніемъ до вечера.»

1-го декабря—память праведнаго Филарета—день тезоименитства московскаго архипастыря. Такъ какъ владыка въ этотъ день никогда никого не принималъ, изъ опасенія крайняго утомленія отъ безчисленнаго множества посѣтителей: то мы, не обременяя его личнымъ поздравленіемъ, ограничивались церковною молитвою о немъ и учреждали въ честь его трапезу у себя. По этому случаю преосвященный Леонидъ, получивъ отъ меня поздравленіе съ великимъ именинникомъ, пишетъ мнѣ:

«Взаимно васъ привѣтствую съ днемъ тезоименитства общаго нашего архипастыря и отца и благодарю за привѣтствіе ваше; ибо этотъ день для меня не только день торжества, но и сердечныхъ благодареній Богу за все, что лично мнѣ ниспослано»

отъ Бога въ великомъ нашемъ первосвятителѣ, который *отъ воды взялъ меня и спасъ меня, можетъ быть, отъ воды многихъ и сильныхъ*

«Въ причинѣ вашего отказа новая для меня причина желать, что бы отказа не было: ибо своимъ и моимъ именемъ убѣдивъ вашего гостя, вы и его привлекли бы съ собою, что было бы великою радостію, что сдѣлало бы особенно пріятнымъ нѣшнюю трапезу уже по памяти того, что третій мѣсяцъ къ ряду начинаемъ мы вмѣстѣ, общими для всѣхъ праздниками. Но, впрочемъ, видя ваше вчерашнее нерасположеніе обѣдать сегодня на саввинскомъ и не желая свою уху сдѣлать дѣмьяновою ухюю, не настаиваю.»

Гость, воспрепятствовавшій мнѣ принять братское приглашеніе преосвященнаго, былъ ректоръ московской д. академіи, прот. А. В. Горскій.

15-го числа получилъ я отъ преосвященнаго Леонида записку слѣдующаго содержанія:

«Владиміръ Ивановичъ (Рахмановъ—врачъ, пользовавшій митрополита) пріѣзжалъ ко мнѣ съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы доклада или вовсе не было, или продолжался бы онъи полчася; ни то, ни другое не возможно: но я думаю взять какъ можно менѣ бумагъ.

«Болѣзнъ владыки серьезную В. И. приписываетъ всю сполна вечеру 13-го дня.

Вечеромъ 13-го декабря,—это было воскресенье,—происходило на троицкомъ подворьѣ экстренное засѣданіе тюремнаго комитета. Около этого времени владыка, по немощи своей, началъ отказываться отъ участія въ дѣлахъ этого комитета, предоставивъ преосвященному Леониду, какъ вице-президенту также тюремнаго комитета, замѣнить себя. Но въ это время возникли въ комитетѣ

какія то сильныя недоразумѣнія и пререканія со стороны одного изъ директоровъ, молодого образованнаго челоуѣка, (фамиліи его не помню). Члены комитета, будучи не въ состояніи разрѣшить эти недоразумѣнія, упростили владыку собрать у себя въ послѣдній разъ комитетъ и помочь ихъ дѣлу. Владыка не отказалъ въ этой просьбѣ: собралъ комитетъ. Засѣданіе продолжалось нѣсколько часовъ. Владыка, своею необъидимою діалектикою, ниспровергъ всѣ возраженія молодого и задорнаго директора, и дѣлу далъ законное направленіе. Но эта побѣда стоила ему не дешево: на другой день потребовалась для него врачебная помощь. Объ этомъ-то обстоятельствѣ и предварялъ насъ владычній врачъ Рахмановъ.

1865 года января 3 д. было въ чудовомъ монастырѣ молебствіе предъ избраніемъ въ общественныя должности московскаго дворянства. Молебствіе это совершались и при этомъ говорилъ рѣчь преосвященный дмитровскій. Рѣчь эта произвела такой эффектъ на дворянъ, что они отлитографировали на большомъ листѣ портретъ оратора и вокругъ онаго напечатали его краснорѣчивую рѣчь.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1864 г. новорукположенный епископъ екатеринославскій *Платонъ* (Троеспольскій), мимоѣздомъ чрезъ Москву, останавливался у меня въ петровскомъ монастырѣ. 4-го января преосвященный Леонидъ приглашалъ меня и моего гостя къ себѣ кушать. На это приглашеніе я долженъ былъ дать его преосвященству такой отзывъ:

«Гость мой съ раннаго утра отправился въ Кремль и въ другія мѣста, и неизвѣстно скоро ли возвратится. Между тѣмъ, я сдѣлалъ уже распоряженіе о приготовленіи трапезы у себя. Поэтому я затрудняюсь дать вашему преосвященству обѣщаніе, особенно за моего гостя, явиться къ вашей трапезѣ.»

По полученіи такого отзыва, преосвященный писалъ мнѣ:

«И не помышлялъ приводить васъ въ затрудненіе.

«Все дѣло въ слѣдующемъ:

«Преосвященный екатеринославскій не засталъ меня, я не засталъ его (31-го дек. въ 5 ч. пополудни); опасаясь вовсе съ нимъ не увидѣться. Поэтому: 1, желаю знать, долго ли онъ пробудетъ; 2, когда бы могъ я застать его; 3, полагаю, что всего удобнѣе сойтись у васъ или у меня за трапезою; 4, если бы ваши распоряженія не были еще сдѣланы, то мнѣ было бы пріятно пригласить васъ; 5, такъ какъ онѣ уже сдѣланы, то мнѣ пріятно бы было пріѣхать къ вамъ обѣдать; но какъ, 6, время возвращенія преосвящ. Платона изъ поѣздки (въ лавру) неизвѣстно, то, 7, чтобы не дѣлать напрасно затрудненій ни вамъ, ни себѣ, и отъ сего способа къ свиданію полагаю отказать себѣ.»

Отъ 8-го марта получена была мною отъ преосвященнаго Леонида записка такого содержанія:

«Итъ ли у васъ брошюры о памятникѣ—часовнѣ для бородинскаго монастыря; у меня ее не обрѣтается.

«Если есть, то, запечатавъ ее въ конвертъ на имя владыки, извольте послать ее къ нему теперь же.»

Брошюра, о которой здѣсь рѣчь, озаглавивается такъ: „Воспоминаніе въ 1865 г. бородинской битвы и о бородинскомъ памятникѣ въ Москвѣ, М. 1865 г.“.—Брошюра составлена и напечатана дѣйствительнымъ статскимъ (нынѣ тайнымъ) совѣтникомъ, *С. А. Масловымъ*. Брошюру эту г. Масловъ представилъ Великому Князю Николаю Николаевичу, и чрезъ него Государю Императору

и Государынѣ Императрицѣ, а также разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ отнесся по вопросу постройки памятника въ Москвѣ, въ видѣ часовни, въ память бородинскаго сраженія, къ оберъ-прокурору св. синода, а этотъ потребовалъ отзыва отъ московскаго митрополита.—По сему-то случаю и потребовалась для владыки означенная брошюра, которой у него не было.

Сущность отзыва высокопреосвященнаго митрополита заключалась въ слѣдующемъ:

«Проектъ представляетъ упрекъ Россіи въ пятидесятилѣтнемъ забвеніи почтить великій 1812 г. вполнѣ удовлетворительнымъ памятникомъ. По счастью, къ чести и достоинству отечества, упрекъ несправедливъ.

«На полѣ бородинской битвы есть уже государственный памятникъ, Благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ I-мъ воздвигнутый и открытый съ торжествомъ церковнымъ и воинскимъ. Есть также религіозный памятникъ—спасо-бординскій монастырь съ благолѣпнымъ храмомъ, созданный при споспѣшествованіи благотвореній отъ Высочайшихъ особъ и приношеній отъ частныхъ лицъ разныхъ сословій. Есть въ Москвѣ еще важнѣйшій памятникъ религіозный и вмѣстѣ царственный—храмъ Христа Спасителя, предпринятый Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ, воздвигнутый Императоромъ Николаемъ I-мъ и уже при благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ II-мъ внутреннимъ устройствомъ приготовляемый къ освещенію. Наконецъ, есть еще въ Москвѣ священный и величественный живой памятникъ, съ неоскудѣвающимъ благочестивымъ усердіемъ чтимый православнымъ народомъ. Это—крестный ходъ въ день изгнанія французовъ изъ Москвы, совершаемый со всею преимущественно чтимою святинею древнихъ храмовъ, всѣмъ соборомъ духовенства столицы, съ торжественнымъ

богослуженіемъ и обхожденіемъ кругомъ всего Кремля. Послѣ сего нельзя сказать, что чего нибудь недостаетъ и что нибудь еще нужно. И конечно излишне и неблагоуременно съ царскимъ храмомъ, уже созданнымъ, соперничествовать новымъ предпріятіемъ часовни, которая во всякомъ случаѣ весьма малое имѣетъ значеніе въ сравненіи съ храмомъ.

«Относительно того предположенія, что часовня привлечетъ народъ для поминовенія убиенныхъ на брани, должно замѣтить, что народъ привлекается къ часовнямъ по преимуществу вѣрою въ совершающіяся отъ чудотворныхъ въ нихъ иконъ благодатныя дѣйствія и исцѣленія.

«Что касается до поминовенія усопшихъ, оно по церковному преданію и обычаю, не совершается въ часовняхъ, а въ церквахъ, потому что важнѣйшая часть поминовенія принадлежитъ литургіи, которая въ часовняхъ совершаться не можетъ. Въ особенности же о положившихъ животъ свой на брани за вѣру, царя и отечество совершается ежегодно установленное церковное поминовеніе въ день усѣкновенія главы предтечи, 29-го августа.

«Предположеніе, чтобы при часовнѣ, предназначаемой въ пользу спасо-бородинскаго женскаго монастыря, жили монахини, для ея охраненія и ожиданія посѣтителей, и монахи изъ лужецкаго монастыря для совершения паннихидъ, признается неудобнымъ. Притомъ лужецкій монастырь, скудный братією, съ трудомъ отдѣляетъ іеромонаховъ на служеніе литургіи и въ спасо-бородинскій монастырь. Кромѣ того, для служащихъ въ часовнѣ потребовались бы келліи, а это сдѣлать едва ли было бы удобно на красной площади, гдѣ предполагается устройство часовни, тѣмъ болѣе, что на этой площади есть уже двѣ часовни при спасскихъ воротахъ.»

Такимъ образомъ патріотическая мысль С. А. Маслова объ устройствѣ въ Москвѣ въ память бородинскаго сраженія часовни, надѣлавшая столько шума, разсѣяна была безслѣдно.

10-го марта преосвященный Леонидъ писалъ мнѣ:

«Хотя двери ваши широко для всѣхъ отворены: однакожь Михаилъ Ильичъ Булацель, когда-то васъ посѣщавшій съ сыномъ своимъ Ваней, жаждетъ неотступно, чтобы я снова рекомендовалъ его вамъ, что симъ и исполняю. При немъ его двоюродный братъ, г. Шевичъ.

«До свиданія въ два часа.»

Булацель — богатый малороссійскій помѣщикъ и старый товарищъ преосвященнаго.

15-го числа получилъ я отъ преосвященнаго записку такого содержанія:

«Не былъ ли у васъ преосвященный, бывшій екатеринославскій (т. е. Леонидъ); у меня былъ, и мнѣ вѣхать слѣдуетъ; если и у васъ былъ онъ, не поѣхать ли вмѣстѣ и не хотите ли до обѣда, даже теперь же, пока ясно и не слишкомъ распустился снѣгъ?»

«Не хотите ли, чтобы вечеромъ у кого нибудь изъ насъ собратъ для чтенія записокъ Николая Васильевича: ибо долго не будетъ дня болѣе удобнаго.»

Преосвященный Леонидъ (Зарѣцкій), уволенный 14-го ноября 1864 года на покой, временно проживалъ въ синоновомъ монастырѣ. Здѣсь-то мы и посѣщали его съ преосвященнымъ дмитровскимъ. Изъ Симонова онъ вскорѣ перемѣщенъ былъ въ рязанскій ольговскій монастырь.

Упоминаемый въ запискѣ преосвященнаго Леонида Николай Васильевичъ — это въ свое время извѣстный поэтъ и писатель — Сушковъ — нашъ общій знакомый. Записки его, для чтенія коихъ приглашалъ меня преосвященный, касались жизни въ Возѣ почившаго Филарета, митрополита московскаго. Вскорѣ послѣ кончины великаго святителя, записки эти были напечатаны въ Москвѣ, 1868 г., подъ заглавіемъ: „Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго“. Въ краткомъ пре-

дисловіи къ своей книгѣ Н. В. замѣчаетъ, что въ 1863 г. впаало ему на сердце неодолимое желаніе собрать и сохранить возможно полныя свѣдѣнія о жизни м. м. Филарета. А онъ, будучи знакомъ съ почившимъ архипастыремъ съ 1828 г. и почти каждую недѣлю посѣщавши его, особенно въ послѣдніе годы его жизни, зналъ многое о немъ изъ устъ самаго владыки. По мѣрѣ составленія своихъ записокъ, Н. В. нерѣдко приглашалъ насъ съ преосвященнымъ Леонидомъ къ себѣ, или къ намъ прѣзжалъ и читалъ эти записки, прося насъ дѣлать на нихъ свои замѣчанія. И мы охотно исполняли его просьбу: исправляли его рассказы о нѣкоторыхъ фактахъ, которые намъ были болѣе извѣстны, чѣмъ ему; указывали неточности и неопредѣленности въ словахъ и выраженіяхъ. Наконецъ въ іюлѣ 1866 г., на пути уже моемъ въ Витебскъ, я долженъ былъ, по просьбѣ Н. В., держать послѣднюю редакцію его любопытныхъ записокъ. Авторъ этихъ записокъ скончался 7-го іюля 1871 года.

26-го марта преосвященный писалъ мнѣ:

«1) Доклада не будетъ, ибо назначено комитета тюремнаго собраніе.

«2) Молитесь о упокоеніи души дѣвицы-старницы Екатерины. Сегодня, въ 10 часовъ, отошла къ Господу Екатерина Васильевна Шереметева. Хорошо, если бы вамъ можно было сегодня вечеромъ совершить паннихиду, но я совершилъ бы завтра дневную, такъ какъ вечеромъ, кажется, въ 8, когда я буду въ комитетѣ.»

Екатерина Васильевна Шереметева, родная тетка графу Д. Н. Шереметеву по первой его супругѣ — 80-ти лѣтняя старлица, благочестивая и образованная. Ея всегда всегда была умная и назидательная.

Отъ 6-го апрѣля получена была мною отъ преосвящ. Леонида записка, въ которой онъ, между прочимъ, писалъ:

«По секрету, если только это еще секретъ: помолитесь, владыка святой, о здравіи и спасеніи Государя Наслѣдника. Вчера въ 8 ч. вечера изъ Ниццы (отъ 8 ч. утра) получена депеша, что онъ крайне опасенъ и просятъ молиться о немъ по всѣмъ церквамъ (чего безъ Высочайшей воли сдѣлать нельзя).»

Вслѣдъ за этою запискою получаю отъ преосвященнаго другую:

«Оба мы требуемся на подворье (т. е. тропцкое). Я отписалъ, что по отслуженіи литургіи прибуду. Поѣдете вмѣстѣ: я забѣду за вами. Вѣроятно, для совѣщанія по депешѣ изъ Ниццы.»

Вслѣдствіе телеграммы, полученной митрополитомъ Филаретомъ изъ Ниццы отъ Государыни Императрицы съ просьбою: помолиться о болящемъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, мнѣ поручено было владыкою совершить литургію въ успенскомъ соборѣ и затѣмъ молебень на кремлевской площади, противъ николаевского дворца.

22-го апрѣля преосвященный писалъ мнѣ:

«Вчера я простудился и врачъ, давъ пособіе, велѣлъ посидѣть дома. Сегодня экзаменъ въ николаевскомъ институтѣ, и я общалъ быть тамъ въ 11 часовъ.

«Если вамъ угодно, не изволите ли вы побывать тамъ; а если не очень угодно, то извольте извѣстить меня съ симъ посланнымъ, а я пошлю сказать просто: по нездоровью не могу быть — и дѣло кончено.

«Простите, что безпокою васъ.»

На это я отвѣчалъ:

«Служить за васъ я всегда готовъ съ полнымъ усердіемъ: не можетъ быть, въ николаевскомъ институтѣ желали собственно ва-

шего посѣщенія, а не моего; и потому называться мнѣ самому на посѣщеніе представляется не совсѣмъ приличнымъ. Посему не благоугодно ли будетъ вашему преосвященству извѣстить институтское начальство о томъ, что вы не будете на экзаменѣ по болѣзни; и если начальство, вслѣдствіе сего, расудитъ пригласить меня, я не откажусь.»

30-го апрѣля преосвященный запискою просилъ меня доложить его высокопреосвященству, что врачъ рѣшительно воспретилъ ему выходъ изъ дому, такъ какъ простуда упорствуетъ.

Іюня 13-го я получилъ отъ преосвящ. Леонида записку слѣдующаго содержанія:

«Вчера я ѣхалъ къ вамъ, но когда встрѣтился съ вами на улицѣ, то возвратился домой.

«Дома ли вы нынѣ? Если дома, то я приѣду къ вамъ часу въ семьмъ, чтобы поговорить о *заетра*. Я изъявилъ готовность служить на погребеніи кн. *Дадіана*: но сейчасъ директоръ 3-й гимназіи напомнилъ мнѣ, что завтра въ 3-й гимназіи экзаменъ сборный начальныхъ училищъ. Нельзя оффиціальному дѣлу предпочесть частное. Но и кн. *Дадіана* не хотѣлось бы пренебречь. Очевидно, что намъ надобно раздѣлить дѣла по рукамъ. При этомъ я долженъ сказать, что для меня рѣшительно одинаковъ и тотъ и другой трудъ, и прошу васъ сдѣлать выборъ, ничѣмъ не стѣняясь. Если же и то и другое для васъ неудобно, то и въ такомъ случаѣ не заботьтесь: я могу, послѣ служенія, побывать на экзаменѣ.»

Князь *Дадіанъ*, женатый на баронессѣ *Розенъ*, дочери бывшаго главнокомандующаго на Кавказѣ, извѣстенъ своею печальною судьбою, постигнушею его вслѣдствіе доноса на него Государю Императору Николаю, о его, будто бы, злоупотребленіяхъ по службѣ.

Въ іюлѣ едва мы не поссорились между собою съ преосвящ. Леонидомъ, — чего у насъ никогда не бывало.

И вотъ по какому случаю. Владыка митрополитъ въ письмѣ ко мнѣ изъ геосиманскаго скита отъ 19-го іюля, между прочимъ, пишетъ:

«Примѣчаю, что преосвященный дмитровский истощаетъ свое здоровье службою: поберегите его, взямая иногда отъ него и принимая на себя трудъ.»

Это меня нѣсколько оскорбило. Я писалъ владыкѣ:

«Въ словахъ вашего высокопреосвященства, побуждающихъ меня къ участію въ трудахъ преосвященнаго дмитровскаго, слышится мнѣ нѣкій упрекъ. Позвольте въ семь случаевъ принести предъ вами сновное оправданіе. Если въ послѣднее время чаще встрѣчалось имя преосвящ. Леонида въ газетныхъ извѣстіяхъ о совершеніи архіерейскаго служенія въ успенскомъ соборѣ, то въ то же время на мою долю доставалось совершать такіа служенія, которыя не подлежатъ газетной гласности, какъ напр. царскія панихиды и др. Но и въ тѣ дни когда преосвящ. Леонидъ служилъ въ успенскомъ соборѣ, я не оставался безъ служенія; и для меня равно утѣшительно совершать богослуженіе какъ въ соборѣ, такъ и въ петровскомъ монастырѣ; между тѣмъ, какъ преосвящ. Леонидъ предпочитаетъ служить въ соборахъ, между прочимъ, по причинѣ тѣсноты его домовою церкви; и потому, когда я предлагалъ ему, чтобы онъ предоставилъ мнѣ служить въ успенскомъ соборѣ 18-го числа, то онъ на сіе не согласился. Послѣ сего мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ служить въ петровскомъ монастырѣ. Что касается до частныхъ служеній, на которыя преосвященнаго дмитровскаго приглашаютъ, по его обширному знакомству, гораздо чаще, нежели меня, то здѣсь моя помощь для него, очевидно, неумѣстна. Простите, владыка святой, моему дерзновенному объясненію.»

На это владыка отвѣчалъ мнѣ отъ 28-го того-же іюля: «Вы оправдываетесь: но я не обвинялъ. Дѣло въ томъ, что преосвященный Леонидъ, какъ я замѣчаю, принимаетъ на себя иногда

труды не по силамъ. Въ семь никто не виновать: но если можно предусмотрѣть сіе и можно замѣнить его: на такіе случаи желаю я обратить ваше вниманіе.»

И предусматривалъ я непосильные труды моего возлюбленнаго собрата: но это ни къ чему не приводило. Разъ онъ вызвался служить въ университетской церкви, по случаю храмоваго праздника, 12-го января, хотя чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Я зналъ объ этомъ и предлагалъ ему уступить мнѣ это служеніе, но онъ не согласился. Ночью, между тѣмъ, болѣзнь его усилилась такъ, что утромъ онъ послалъ къ настоятелю университетской церкви, о. Сергіевскому, сказать, что онъ не можетъ служить. Сергіевскій въ 9-мъ часу, предъ самою литургіей, явился ко мнѣ съ просьбою отслужить, но я, разумѣется, долженъ былъ отказать въ просьбѣ, такъ какъ напился уже чаю.

1-го августа, предъ литургією, его преосвященство изволило писать мнѣ:

«Чрезвычайное желаніе совершить освященіе воды на рѣкѣ—врачебницѣ моей, заставило меня обѣщать совершить въ усненскомъ соборѣ нынѣшнее служеніе, хотя и чувствовалъ нездоровье. Цѣлодневное леченіе, казалось, успокоило меня и я хорошо провелъ ночь; но утромъ опять открылась болѣзнь, съ которою ѣхать изъ дому очень опасно. Если для васъ не составляетъ неудобства и затрудненія, то не соизволите-ли принять на себя это служеніе, а приготовившіеся къ служенію съ вами (разумеется въ петровскомъ монастырѣ) могутъ придти служить со мною, если мнѣ поможетъ Богъ.

«Впрочемъ, если для васъ неудобно, то я пойду на волю Божию, въ соборъ.»

Безъ сомнѣнія, просьба эта была мною исполнена.

На другой день, 2-го ч., я получилъ отъ преосвященнаго записку такого содержанія:

«Графъ проѣздомъ къ Троицѣ остановился въ Москвѣ, какъ онъ мнѣ говорилъ сегодня, лишь для того, чтобы познакомиться съ вами и со мною, и я полагаю, что отъ меня онъ проѣдетъ къ вамъ.

«На вопросъ мой, равно какъ и на вопросы бывшихъ въ то время у меня графа Александра Петровича (Толстаго) и князя Николая Ивановича (Трубецкаго), онъ отвѣчалъ: «это неизвѣстно.»

«Завтра, въ часъ, онъ ѣдетъ къ Троицѣ, гдѣ пробудетъ до четверга, оттуда проѣдетъ въ рязанскую деревню и ко времени прибытія Императора будетъ обратно въ Москву.

«Я не могу еще поправиться; выѣзжаю, съ разрѣшенія врача, навѣстить родныхъ и не думаю, чтобы скоро возвратилась обыкновенная сила желудка. Простите.»

Графъ, о которомъ здѣсь рѣчь, Дмитрій Андреевичъ Толстой,—новый тогда оберъ-прокуроръ св. сѣнода.

О чемъ были предлагаемы ему вопросы, на которые онъ отвѣчалъ неизвѣстностію, и мнѣ теперь неизвѣстно—забылъ.

Когда Дмитрій Андреевичъ возвратился въ Москву, преосвящ. Леонидъ писалъ мнѣ 17-го числа:

«Не благоугодно ли будетъ вамъ изъ собора показывать ко мнѣ, чтобы вмѣстѣ посѣтить графа Д. А.?»

Преосвященный прося меня, запискою отъ 7-го сентября, рукоположить на другой день ставленника, присланнаго отъ владыки къ нему, присовокупляя:

«Сегодня въ архангельскомъ соборѣ служенія не было; оно перенесено на завтра.

«Мнѣ нѣтъ труда совершить хиротонію, но свѣтскіе тяготятся задержками.»

«Впрочемъ, снова говорю, труда въ этомъ не нахожу, и вамъ себя сколько нибудь стѣснять не изъ чего.»

Служеніе въ архангельскомъ соборѣ, о которомъ упоминаетъ преосвященный, назначено было для совершенія поминаенія по новопреставленномъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, такъ какъ 8-го числа сентября былъ день его рожденія.

Для того чтобы избавить высшую свѣтскую публику отъ излишняго, десятиминутнаго, отягощенія, я, разумѣется, охотно принялъ на себя трудъ рукоположенія ставленника.

Преосвященный запискою отъ 14-го сентября извѣщалъ меня:

«По архипастырскому изволенію, старшее духовенство должно пріѣхать въ новаго генераль-губернатора. По сношенію съ княземъ, пріѣздъ будетъ въ 12½ часовъ въ домѣ генераль-губернаторскомъ. Я пригласилъ старшее духовенство ко мнѣ въ полдень.

«Почитаю долгомъ васъ о семъ увѣдомить.»

Новый генераль-губернаторъ, назначенный на мѣсто М. А. Офросимова, — это князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій, который и до нынѣ благополучно занимаетъ свой высокій постъ.

Сентября 30-го дня преосвящ. Леонидъ вступилъ со мною въ дружеское преніе о томъ, кому изъ насъ на слѣдующій день служить въ покровскомъ соборѣ, по случаю храмоваго праздника и крестнаго хода.

«Вамъ угодно оказать, — писалъ онъ мнѣ, — уваженіе къ моимъ правамъ на завтрашнее служеніе въ покровскомъ соборѣ: дозвольте мнѣ предпочесть ваши. Вы какъ будто хотите уступить служеніе

мнѣ; примите уступку отъ меня, примите какъ сердечный имянинный даръ и при немъ просьбу о молитвѣ за меня въ семъ храмѣ, да даруется мнѣ непорочно и свято до конца сохранить даръ, 20-ть лѣтъ тому, въ этомъ храмѣ, возложеніемъ преосвященныхъ рукъ великаго нашего святителя, мнѣ недостойному преподавннй.

«Уже отблаговѣстила Москва къ малой вечернѣ, по этому приношу вамъ поздравленіе съ вступленіемъ въ день вашего небеснаго молитвенника и въ новолѣтіе монашескаго житія.

«По приглашенію вашему быть всемѣрно постараюсь.»

11-го октября я получилъ отъ преосвященнаго двѣ записки, одну въ слѣдъ за другою. Въ первой онъ писалъ:

«Былъ у меня сейчасъ никола-явленскій благочинный съ приглашеніемъ на завтрашнее служеніе ламнахиды, литургии и молебна въ его церкви, по случаю открытія николаевского братства.

«Я послалъ телеграмму ко владыкѣ и какъ скоро получу отвѣтъ, извѣщу васъ, гдѣ служить повелѣно (будетъ) мнѣ и гдѣ вашему преосвященству: въ соборѣ или въ никола-явленской церкви. Во всякомъ случаѣ намъ обоимъ должно готовиться. Есть ставленникъ. Такъ какъ служеніе у Николая явленнаго менѣе погребальннй характеръ имѣетъ (и бѣлое облаченіе), то ставленника предполагаю отправить къ этому служенію. Я его къ вамъ посылаю на случай: если вамъ придется принять на себя это служеніе, то чтобы лице ставленника было вамъ извѣстно. О пѣвчихъ сдѣлано распоряженіе; первоіакона лучше взять своего: ибо неизвѣстно, приглашенъ ли соборный. Благочинному я дозволил, если напишетъ проповѣдь (ибо еще не писалъ), не представляя, сказать въ моемъ присутствіи, а вамъ сіе угодно ли допустить при вашемъ, или потребовать для предварительнаго прочтенія — воля ваша.

«Вообще, по причинѣ многихъ распорядителей, никакого распоряженія не вижу. Никто изъ чиновъ комитета меня не приглашалъ, не увѣдомлялъ, отъ владыки приказанія нѣтъ; между тѣмъ служе-

не, можно сказать, официальное, и владыкѣ известно, что оно должно быть совершенно архіереемъ. Не войти намъ въ это дѣло—можно подвергнуться ответственности. Охъ, плохо когда нѣтъ хозяина!.. Кажется, завтра мы будемъ имѣть его.

«О. Стефанъ ожидалъ, что я буду проповѣдь говорить; я отказался, и поэтому начнетъ писать. За распоряженіями къ вамъ явится по сему діаконъ. Приѣдъ въ 9½ часовъ.»

Вторая записка въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Благословите, преосвященнѣйшій владыко, мнѣ ѣхать въ соборъ, а вамъ да благословить Господь, во благо московской епархіи, открыть братство.»

Братство, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, составляетъ явленіе особеннаго рода. Вотъ его краткая исторія и сущность.

Въ годину народной скорби объ усопшемъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, люди имѣвшіе счастье лично знать его или имѣвшіе призваніе послужить великому дѣлу его воспитанія, собравшись на память почившаго Цесаревича, пожелали эту память навсегда въ первой живости сохранить въ своемъ сердцѣ, утвердивъ его на общемъ дѣлѣ благотворенія.

На мысль имъ пришло бѣдственное положеніе многихъ дѣтей священно-и-церковно-служительскихъ, которымъ родители не въ силахъ дать образованіе. Для доставленія способовъ къ образованію бѣднымъ дѣтямъ духовенства, предположено было, согласно 1-му пункту Высочайше утвержденныхъ 4-го мая 1864 г. правилъ о церковныхъ братствахъ, учредить, по благословенію епархіальнаго начальства, при одной изъ приходскихъ церквей московскихъ, церковное братство во имя святи-

теля Николая. Уставъ сего братства состоитъ, между прочимъ, изъ слѣдующихъ статей: 1) въ память почившаго въ Возѣ Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича учреждается въ Москвѣ, при церкви св. Николая явленнаго, что на арбатской улицѣ, братство во имя святителя Николая; 2) цѣлью сего братства будетъ попеченіе о нуждахъ воспитанія бѣднѣйшихъ дѣтей духовнаго сословія, обучающихся въ духовныхъ училищахъ московской, а буде представится возможность, то и другихъ епархій, и пр.

Утвержденіе устава братства послѣдовало 29-го сентября; а 12-го октября, въ день полугодоваго поминовенія въ Возѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича, братство было открыто, послѣ совершенія заупокойной литургіи съ молебномъ свят. Николаю, въ приходской церкви св. Николая явленнаго, на арбатской улицѣ.

Членами новооткрытаго братства соизволили быть Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Александръ Александровичъ, Великіе Князья — Владиміръ, Алексій, Сергій и Павелъ Александровичи и Великая Княжна Марія Александровна, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и Великая Княгиня Елена Павловна.

29-го октября преосвящ. Леонидъ извѣщаль меня:

«Сегодня такъ велико во мнѣ волненіе крови, что безъ совѣщанія съ Владиміромъ Ивановичемъ не рѣшаюсь ѣхать. Если же онъ дозволитъ, то приѣду попозднѣе, такъ какъ и докладная моя чреда то допускаетъ.»

Мы съ преосвященнымъ поочередно начинали свои доклады у митрополита.

19-го декабря съ Угрѣши преосвященный писалъ мнѣ:

«Знаю я, что сердобольный братъ мой просилъ ваше преосвященство служить за меня 21-го (день памяти св. Петра митрополита) въ успенскомъ соборѣ. По сему случаю долженъ сказать вамъ, что я за особенное утѣшеніе приму, если вы службу оставите за мною; ибо здѣсь мнѣ лучше, я надѣюсь отдохнуть и завтра возвратиться. Въ такомъ только случаѣ я отказываюсь отъ служенія, если вы по особому усердію намѣрены служить у мощей святителя. Если же предпочтаете исполнить долгъ настоятеля и служить въ монастырѣ, то я вполне готовъ. Прошу васъ сдѣлать рѣшеніе, а себя оставляю подчиниться оному. Примите просфору, о вашемъ здравіи вынутую.

«P. S. Если будете сегодня у владыки, примите трудъ представить ему просфору. Дорога меня исправила, ночная всенощная (въ 1 ч. пополуночи) поразстроила было нервы, но теперь, послѣ литургіи, чувствую себя добре.»

1866 годъ начался обычною чредою; сношенія наши съ преосвящ. Леонидомъ, и личныя и письменныя, продолжались по прежнему.

25-го марта, въ день Благовѣщенія Пресвят. Богородицы и вмѣстѣ—великій пятѣкъ,—преосвящ. Леонидъ совершалъ литургію въ чудовомъ монастырѣ, по случаю храмоваго праздника въ придѣлѣ алексѣевской церкви. Предъ литургіею онъ писалъ мнѣ:

«Думаю, что если Богъ благословитъ мнѣ отслужить въ Чудовѣ, то прилично будетъ, яко совершившему храмовый праздникъ, привѣтствовать настоятеля обители. Если вы разсуждаете, что особенность дней не препятствуетъ и вамъ быть сегодня на троицкомъ, и прикажете мнѣ заѣхать,—я готовъ. Думаю также, что по особымъ вашимъ подвигамъ можете и отдыхъ дать себѣ: владыка не взыщетъ, какъ вы это знаете. Впрочемъ все сіе принадлежитъ не моему, а вашему разсужденію.»

29-го числа, во вторникъ Пасхи, я получилъ отъ преосвященнаго записку слѣдующаго содержанія:

«Его высокопреосвященство ожидаетъ насъ сегодня къ 5-ти часамъ.

«Такъ какъ у меня праздниками бываетъ всенощная въ 7, то я приѣду къ пяти и благословите мнѣ докладъ начать, а вы, если угодно, въ 6, такъ какъ владыкѣ нужно отвлеченіе отъ однообразія дѣлъ, по его собственнымъ словамъ; можетъ быть онъ расположится поговорить съ вами, какъ вчера говорилъ со мною. Онъ былъ вчера на видъ очень удовлетворителенъ, и, по свидѣтельству Владиміра Ивановича, не служилъ въ Пасху потому, что безъ совѣта со врачомъ самъ себя сталъ укрѣплять къ служенію домашними средствами и разстроилъ себя.»

Главною причиною болѣзни, лишившей старца—святителя духовнаго утѣшенія совершить въ свѣтлый день Пасхи литургію, было крайнее изнуреніе силъ письменными трудами въ предшествовавшіе дни. Ему хотѣлось непременно предъ праздникомъ отправить въ св. синодъ дѣло по разсмотрѣнію московскимъ комитетомъ, въ коемъ я былъ предѣвателемъ, трудовъ с.-петербургскаго комитета по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній. Нашъ комитетъ давно уже представилъ владыкѣ свои записки, для представленія оныхъ синоду: но онъ не хотѣлъ быть простымъ передатчикомъ нашихъ записокъ; ему хотѣлось присоединить къ нимъ, по обыкновенію, и свои замѣчанія, а между тѣмъ время у него постоянно было занято другими важными дѣлами. И вотъ онъ рѣшился, наконецъ, употребить на разсмотрѣніе нашихъ, довольно обширныхъ, записокъ и на составленіе своихъ замѣчаній послѣдніе дни страстной седмицы: но эти

неблаговременные и усиленные труды лишили его последних силъ, такъ что онъ не въ состоянїи былъ въ первый день Пасхи служить, — и это лишеніе произвело въ немъ глубокую, сердечную скорбь: онъ со слезами жаловался намъ на оскудѣніе своихъ тѣлесныхъ силъ.

Утромъ, 5-го апрѣля, во вторникъ еоминной недѣли, получаю отъ преосвященнаго записку, которая поразила меня ужасомъ. Вотъ чтó онъ писалъ:

«Преосвященнѣйшій владыко! Деша генераль-губернатору: «Сегодня въ 4-омъ часу пополудни (т. е. вчера, 4 апр.) въ то время, когда Государь Императоръ, кончивъ прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвестный выстрѣлилъ на Его Величество изъ пистолета. Божіе провидѣніе сохранило драгоценные дни Августѣйшаго нашего Государя. Преступникъ задержанъ. Разслѣдованіе производится. Министръ внутр. дѣлъ Валуевъ.»

«Посему назначенъ сегодня въ полдень благодарный о сохраненїи жизни Государя молебенъ въ Чудовѣ. Ризница бѣлая. Можетъ быть, владыка и самъ придетъ.»

Въ назначенный часъ совершенно былъ собранъ молебенъ въ Алексіевской церкви чудова монастыря, при собранїи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ; а вслѣдъ затѣмъ отправленъ другой молебенъ на кремлевской площади, среди необозримой массы народа.

Вечеромъ, въ тотъ же день, мы были у владыки съ обычнымъ докладомъ, и общимъ совѣтомъ положили немедленно отправить въ Петербургъ депутацію отъ лица московскаго духовенства привѣтствовать Государя съ чудеснымъ избавленіемъ Его Величества отъ руки злодѣя. Депутатами избраны были: намѣстникъ троїцкой лавры,

архимандритъ Антоній и старѣйшій изъ московскихъ протоіереевъ, настоятель петро-павловской, на Басманной, церкви, Петръ Матвѣевичъ Терновскій. Имъ вручены были образъ для Государя и Государыни и письмо слѣдующаго содержанія:

«Благочестивѣйшій Государь! Благословенъ Богъ, вѣрный въ словесѣхъ Своихъ, недремлющею силою провидѣнія Своего исполнившій и нынѣ Свое древнее слово: *не прикасайтесь помазанникамъ Моимъ.*

«Сколько преступная, столько же безумная дерзость подняла противъ Тебя руку; но ее невидимо отразилъ Ангелъ (хотя видимо чрезъ человѣка), и Твоя жизнь и здравіе сохранены; а преступленію понушено сдѣлать только то, чѣмъ оно обличило само себя и повергло позору и правосудію.

«Благословенъ Богъ, совершившій надъ Тобю, Благочестивѣйшій Государь, Свое древнее слово: *не прикасайтесь помазаннымъ Моимъ.*

«Ужасъ вѣроподанныхъ и скорбь о томъ, что нашелся въ Россіи такой человѣкъ, умягчается только живѣйшею радостію о Твоемъ сохраненїи и благодарною къ Господу молитвою.

«Такъ, послѣ соборнаго благодарственнаго молебствія въ храмѣ святителя Алексія, невѣстившійся въ храмѣ, но наполнявшій Кремль народъ, просилъ, чтобы сіе молебствіе вторично совершенно было среди его, и оно вторично совершено тѣмъ же соборомъ со всеобщимъ умиленіемъ и радостію.

«Вмѣстѣ со мною, все вѣренное мнѣ московское духовенство, и, не колеблюсь сказать, вся московская церковь и ея народъ, всѣ искреннѣйше привѣтствуемъ Ваше Императорское Величество съ свѣтлымъ на Васъ знаменіемъ охраняющаго васъ провидѣнія Божія, не преставая взывать къ Богу: Господи, спаси царя!

«Святитель Алексій, который въ своемъ храмѣ, близъ своихъ святыхъ мощей, благословилъ Твое вступленіе въ православную церковь, чрезъ свой образъ, освященный на его мощахъ, да пре-

подасть Тебѣ охраняющее благословеніе Божіе, на грядущіе времена Твоей дражайшей жизни!»

Письмо это подписано было: митрополитомъ, архіеп. Евгеніемъ, двумя викаріями, 15-ю архимандритами, 1 игуменомъ, 1 протопресвитеромъ, 248 протоіереями и священниками и всѣми монашествующими и священнослужителями по московской епархіи (правосл. обзор. 1866 г. апр.—замѣтки, стр. 156).

По примѣру духовенства, поспѣшило отправить депутацию съ адресомъ въ Петербургъ и московское градское общество. Вотъ этотъ адресъ:

«Всемилодивѣйшій Государь! Ужасъ объялъ Твою вѣрооподданную Москву при страшной вѣсти о покушеніи на драгоценную жизнь Твою.

«Горячая молитва вознеслась ко Всевышнему, сохранившему Тебя и не допустившему на землѣ русской совершиться царубійству.

«Злодѣй намъ еще неизвѣстенъ; но кто бы онъ ни былъ, мы не признаемъ его за русскаго; русскій отвелъ направленный на Тебя ударъ. Благословляемъ руку, избранную Промысломъ для спасенія Твоей жизни и въ ней всѣхъ надеждъ Россіи.

«Да хранитъ Всевышній Тебя, возлюбленный Государь, на многія лѣта!»

Событіе 4-го апрѣля пробудило въ русскомъ народѣ самыя глубокія и живыя чувства радости о чудесномъ спасеніи жизни Помазанника—Царя. Всѣ спѣшили выразить эти чувства въ торжественной молитвѣ за Царя. Въ Москвѣ общенародныя молебствія ежедневно совершались на городскихъ площадяхъ и улицахъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Но мало сего: многіе положили сохранить чудесное избавленіе Помазанника Божія въ

памяти народа сооруженіемъ храмовъ и часовень, основаніемъ благотворительныхъ заведеній и учрежденіемъ ежегодныхъ молебствій съ крестными ходами. Последняя мысль усвоена была и св. синодомъ, и на осуществленіе ея испрошено было Высочайшее соизволеніе.

13-го мая преосвящ. Леонидъ писалъ мнѣ:

«Отъ о. намѣстника чудовскаго получено мною извѣщеніе, чтобы для высокопреосвященнѣйшаго кіевскаго (Арсенія) на станцію желѣзной дороги, къ десятому часу, высланы были лошади; но какъ мнѣ нужно ѣхать на служеніе, аще Богъ благословитъ, то не благоволите ли вы своихъ коней послать (я посылаю въ шорахъ), о чемъ прошу увѣдомленія.

«Если изволите у его в—ства кіевскаго быть, изясните, почему я медлю.»

Черезъ день, 15-го числа, снова пишетъ:

«Для владыки кіевскаго нужны кони завтра въ полдень. Мои будутъ далеко; ваши близко. О. намѣстникъ говоритъ: не найдете ли вы удобнымъ вашу четверню отъ заяцкой церкви прислать въ чудовъ. Владыка кіевскій съѣздитъ къ нашему пристыться и коней возвратитъ прежде, нежели они понадобятся вамъ для обратнаго пути. Парою катать его, думаю, неприлично, когда въ Москвѣ есть нѣсколько парадныхъ архіерейскихъ упряжей.

«Впрочемъ сіе представляется лишь на сужденіе ваше. Надобно, чтобы о. намѣстникъ своевременно зналъ отвѣтъ.»

26-го іюня, преосвященный Леонидъ, прося меня прислать коней для преосвящ. Гурія, чтобы ѣхать ему въ чудовъ на служеніе, въ то же время увѣдомлялъ, что онъ самъ отправляется въ саввинъ монастырь, куда собираются гости изъ Ильинскаго.

Преосвящ. *Гурій*, о которомъ здѣсь упоминается, из-

вѣстенъ своимъ многолѣтнимъ (окол. 20 лѣтъ) пребываніемъ въ пекинской миссіи. 5-го іюня 1866 г. рукоположенъ былъ во епископа чебоксарскаго, викарія казанскаго; съ ноября 1867 г. епископъ таврической.

„Гости изъ Ильинскаго“, т. е. Ея Величество Государыня Императрица съ младшими августѣйшими дѣтьми своими, Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами и Великою Княжною Марією Александровною.

Пресвященный Леонидъ извѣстенъ былъ Ихъ Величествамъ и прежде: но теперь онъ получилъ болѣе близкій доступъ ко Двору по слѣдующему случаю. Зимой 1865 г. Великій Князь Сергій Александровичъ проводилъ, по совѣту врачей, нѣсколько недѣль въ Москвѣ. Въ это время ему внушено было, или онъ самъ пожелалъ видѣть архіерейское служеніе. Вслѣдствіе сего, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, покойный митрополитъ поручилъ пресвященному Леониду отслужить въ чудовомъ монастырѣ, въ присутствіи Его Высочества. Послѣ литургіи благовѣрный князь, въ сопровожденіи своего воспитателя, посѣтилъ пресвященнаго, и съ этого времени между ними началось знакомство, которое не прекращалось до послѣдняго времени, какъ увидимъ далѣе.

По этому знакомству, пресвященный Леонидъ посѣщалъ Великаго Князя и въ Ильинскомъ, близъ Москвы, гдѣ съ нѣкотораго времени, въ лѣтнюю пору, изволила имѣть иногда по нѣсколько недѣль пребываніе Государыня Императрица, и отсюда-то въ іюлѣ 1866 г. Ея

Величество изволила расположиться, вѣроятно, по приглашенію пресвященнаго, посѣтить древнюю саввинскую обитель — любимое убѣжище царя Алексія Михайловича.

3-го іюля исполнилось, какъ было уже выше сказано, 45-ть лѣтъ святительскаго служенія на московской кафедрѣ въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета. Желая ознаменовать это достопамятное событіе выраженіемъ признательныхъ чувствъ московской паствы къ своему великому архипастырю, пресвящ. Леонидъ составилъ адресъ, который 2-го числа прислать ко мнѣ для прочтенія и, если я пожелаю, для подписанія. Хотя въ это время я утвержденъ уже былъ на полоцкой кафедрѣ, но поелику указа о семъ еще не получилъ, то я оставался еще въ званіи викарія московскаго, и потому не могъ лишиться себя участія въ общемъ выраженіи чувствъ къ московскому архипастырю. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ заключался адресъ, составленный пресвящ. Леонидомъ:

«Высокопресвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!»

«Старшее духовенство московское, а въ его лицѣ и все духовенство московской епархіи, выразило желаніе, чтобы въ день 45-лѣтія архипастырскаго вашего высокопресвященства служенія въ первопрестольномъ градѣ, повергли мы предъ вами тѣ чувства сыновней признательности и преданности къ вамъ, которыми оно преисполнено.

«Мы не можемъ принять на себя быть истолкователями чувствованій отдѣльныхъ лицъ и семействъ, тѣмъ или другимъ способомъ облагодѣренныхъ вами: ихъ сердца глубины, Единому Сердцевѣдцу открытыя; знаемъ только, что ихъ много и что молитвенный пламень сихъ сердець возносится къ Богу и горитъ предъ Его престоломъ за благодѣтеля.

«Но мы можем свидетельствовать о его общей синовней, всёю открытой, благодарности къ вамъ за блага, простираемыя вами на всѣхъ въ совокупности. Не говоря о всей общеполозной дѣятельности вашей, ограничиваемся указаніемъ только на тѣ блага, которыя въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ исключительно или преимущественно на духовенство московской епархіи излиты.

«Духовенство русское издавна отличается любовью къ просвѣщенію духовному, находя въ немъ, послѣ тайнодѣйствій и молявъ, наилучшее для себя оружіе. Два торжественно отпразднованные юбилея, академіи и семинаріи довольно показали, какъ много вамъ обязано духовное просвѣщеніе, въ теченіи болѣе, нежели 50-ти лѣтъ. И въ недавнее время открытіе общества любителей духовнаго просвѣщенія, улучшение и распространеніе училища для сиротъ—дѣвицъ духовнаго званія, усиленіе окладовъ содержанія наставниковъ—все сіе исполняютъ сердца благодарности къ вамъ и возносятъ ихъ къ Богу въ молитвѣ, да поддержать Онъ силы ваши на пользу духовнаго образованія въ эпоху всеобщихъ преобразованій.

«Духовенство наше представляетъ исключительный примѣръ селовія, которое, при неопредѣленности и вообще скудости содержанія, проходитъ множество трудныхъ и отвѣтственныхъ должностей, и за все сіе остается безпомощнымъ въ старости. Открытіе пріютовъ для священно-церковно-служителей престарѣлыхъ уже много слезъ горести отерло, слезъ умиленія извлекло и на васъ призвало много благословеній. Да подасть вамъ Господь Богъ силы къ укрѣпленію и развитію этихъ учреждений въ примѣръ другимъ!

«Московское духовенство со скорбію взирая, какъ близъ святыхъ московскаго кремля коренится древо раскола церковнаго, принося обиліе злыхъ плодовъ. Съ утѣшеніемъ видитъ оно теперь, что сама вѣрнія, плодovitыя вѣтви этого древа вашею рукою привиты къ благородной маслинѣ православія. Сей успѣхъ архинамѣстна поощряетъ и иныхъ дѣлателей. Да умножить Вертоградаръ

небесный лѣта жизни вашей, для дѣланія и руководства дѣлателей въ вертоградъ Христовъ!

«Високопросвѣщеннѣйшій владыко! Чего недосказали мы, то доскажутъ почтенные члены духовенства московскаго—даниловскій о. архимандритъ и кафедральный о. протоіерей, изъявившіе готовность быть всѣхъ насъ представителями.

«Въ тотъ часъ, когда изволите получить это письмо, въ чудовѣ монастырѣ старшее духовенство московское съ благочинными вознесетъ къ Богу молитвы благодарныя за храненіе вашей жизни и силу ея и просительныя о приложеніи вамъ лѣтъ живота для общаго нашего блага.»

Адресъ этотъ, подписанный двумя викаріями и старшимъ московскимъ духовенствомъ, отправленъ былъ въ троицкую лавру, гдѣ въ это время имѣлъ пребываніе вислокій юбиляръ.

На этотъ адресъ владыка изволил отвѣтствовать:

«Пресвященные отцы, Богомъ данныя мнѣ сотрудники!

«Угодно было вамъ купно съ братіями нашими, священнослужителями московской церкви, вспомануть мое сорокапятилѣтіе, и ознаменовать оное молитвою и словомъ благоволенія.

«Благодарю за молитву, какъ за дѣло милосердія къ моему смиренію, много мнѣ благопотребное.

«Что касается до слова благоволенія, не удостоиваю себя принять оное какъ заслуженное, а утѣшаюсь онымъ, ощущая въ немъ духъ церковнаго единенія и братолюбія въ окружающихъ алтарь Господень.

«Въ семь духѣ да сохранитъ Господь насъ всѣхъ, и будущихъ по насъ.

«Въ семь духѣ приносимыя вами о мнѣ молитвы, благодатію Божіею, надѣюсь, будутъ мнѣ благотворны.»

10-го іюля полученъ былъ мною изъ св. снуда указъ о бытіи мнѣ епископомъ полоцкимъ. Увѣдомляя объ

этомъ высокопреосвящ. митрополита, я, между прочимъ, спрашивалъ его высокопреосвященство, угодно ли будетъ ему приказать мнѣ продолжать исполненіе обязанностей по званію викарія впредь до назначенія мнѣ преемника. На это владыка отвѣчалъ, что, такъ какъ онъ не получилъ еще указа св. синода о моемъ новомъ назначеніи, онъ надѣется, что я, именуясь полоцкимъ, не откажусь продолжить свое ему содѣйствіе, какъ прежде, когда именовался можайскимъ. Вслѣдствіе сего, я продолжалъ исполнять всѣ обязанности, какія лежали на мнѣ по званію викарія. Продолжались посему безъ всякаго измѣненія и наши взаимныя съ преосвящ. Леонидомъ отношенія.

Отъ 20-го іюля онъ писалъ мнѣ:

«1) Не одолжите ли пару коней отвезти преосвящ. Макарія на станцію желѣзной дороги: мои только что пришли изъ Саввина, едва ноги таскаютъ. Если можно, то пришлите ихъ въ 3¼ ч.

«2) Вы, слышу отъ Савелларія, располагаетесь завтра служить для ставленниковъ; то гдѣ изволите: дома или въ вознесенскомъ?

«3) Завтра всенощное я могу отслужить; впрочемъ если угодно напитаться воздухомъ соборовъ—это отъ васъ зависитъ.

«4) Въ день 22-го не будетъ ли приличнѣе, чтобы въ воспитательномъ домѣ служили вы: тутъ бы вы и простились съ многими. Впрочемъ какъ угодно. Говорю не отъ лѣности: ибо въ соборѣ нужна же архіерейская служба въ этотъ день.

«Прошу принять просфору и пожаловать отвѣты на 4 пункта.»

Преосвящ. *Макарій* (Миролюбовъ), для котораго требовались кони, совоспитанникъ по московской академіи преосвящ. Леонида, изъ ректоровъ новгородской семинаріи 17-го іюля рукоположенъ былъ въ епископа балахнинскаго, викарія нижегородской епархіи.

На предложенные мнѣ его преосвященствомъ вопросные пункты я не замедлилъ дать слѣдующіе отвѣты:

«Я о. Савелларію говорилъ, что въ случаѣ рѣшительнаго отказа вашего преосвященства отъ завтрашняго служенія, я по необходимости долженъ буду служить. Но я чувствую крайнее угнетеніе и имѣю потребность въ нѣкоторомъ отдохновеніи. Поэтому я прошу бы ваше преосвященство принять на себя трудъ завтрашняго служенія.

«Ставленниковъ скопилось такъ много, что намъ обоимъ станеть ихъ на нѣсколько служеній. Препровождая на распоряженіе вашего преосвященства четыре ставленническія дѣла, столько-же оставляю у себя.

«Завтра во всенощной въ успенскій соборъ, если благословите, готовъ ѣхать и я.

«Что касается до служенія въ воспитательномъ домѣ, то смотритель сего дома говорилъ мнѣ, что тамъ ожидаютъ вашего служенія: поэтому мнѣ нѣтъ никакой надобности навязываться съ своими услугами. Для меня гораздо пріятнѣе будетъ отслужить въ этотъ день въ успенскомъ соборѣ.»

24-го августа я оставилъ навсегда дорогую для меня Москву и отправился чрезъ Петербургъ къ мѣсту моего новаго служенія. Наканунѣ я простился съ своимъ добрымъ другомъ и возлюбленнымъ братомъ, преосвященнѣйшимъ Леонидомъ. На память ему оставилъ я кушакъ, шитый золотомъ по малиновому бархату; а отъ него получилъ въ даръ бархатную же фіолетовую камилавку съ клубукомъ.

Въ Витебскъ прибылъ я 9-го сентября, и, по множеству на первый разъ встрѣтившихся тамъ дѣлъ, не

могъ скоро писать въ Москву къ моему другу. Между тѣмъ, 1-го октября въ день памяти моего постриженія въ монашество и вмѣстѣ въ день моего ангела, я получилъ отъ него и отъ его родныхъ коллективную поздравительную телеграмму.

На другой же день поспѣшилъ я принести его преосвященству искреннюю благодарность за его привѣтъ, столь дорогой для меня на чужбинѣ. При этомъ писалъ ему:

«Какъ бы въ вознагражденіе за лишеніе совершить въ первый разъ храмовый праздникъ въ благолѣпной, мною устроенной, домово́й церкви въ Москвѣ, Господь даровалъ мнѣ утѣшеніе совершить, въ день моего ангела, первое во вѣршной мнѣ епархіи освященіе храма и представьте — въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы! Храмъ этотъ, обращенный въ православную церковь изъ католическаго костела, давно уже былъ готовъ къ освященію: но мой предѣстникъ почему-то откладывалъ это освященіе, которое, такимъ образомъ, какъ бы нарочито подготовлено было къ моему прибытію и притомъ къ столь знаменательному для меня дню. Въ этомъ обстоятельствѣ я не могу не видѣть особеннаго устроенія промысла Божія. Но вотъ при этомъ что еще особенно примѣчательно. Не далѣе какъ 28-го ч. минувшаго сентября, т. е. за два дня до предполагаемаго времени освященія храма, я по милости холоднаго корридора, ведущаго изъ моихъ покоевъ въ соборъ, подвергся такой сильной простудѣ, какую рѣдко случалось испытывать и въ Москвѣ. Болѣзнь почувствовалъ я вечеромъ; за врачомъ послать не хотѣлось; принялъ самъ лечить себя обычными потогонными средствами: но несмотря на самыя сильныя приемы, не могъ добиться ни одной капли испарины. Лежа въ такомъ положеніи въ постелѣ подъ нѣсколькими теплыми одѣялами, я разсуждалъ о предстоящемъ освященіи храма и не зналъ что дѣлать, — откладывать далѣе освященіе было неудобно: сдѣланы всѣ приготовления; пріѣхали

изъ Риги участники въ благоураженіи храма. Поручить освятить храмъ архимандриту или протоіерею нельзя было, потому что не было ни одного готоваго освященнаго антиминса: и вотъ тутъ-то я почувствовалъ, что значить быть епархіальнымъ архіереемъ въ провинціи. Не зная, какъ вытти изъ этого затрудненія, я мысленно обратился съ молитвою къ Божіей Матери, преп. Саввы и преп. Сергію, и, вообразите, мнѣ тотчасъ же мелькнула мысль употребить еще одно, мною забытое, средство — горчичники. Какъ скоро это было исполнено, я тотчасъ же почувствовалъ испарину и освободился отъ сильнаго стѣсненія въ груди. На другой день я чувствовалъ себя лучше, на третій — былъ совершенно почти здоровъ, и такимъ образомъ вчера я могъ совершить освященіе храма. Не явная ли это милость и помощь Божіей Матери и угодниковъ Божіихъ — Саввы и Сергія!»

Въ отвѣтъ на это преосвященный Леонидъ писалъ мнѣ отъ 24-го октября:

«Собираясь отвѣчать вамъ, все откладывалъ въ ожиданіи, что накопиться могутъ запасы новостей для васъ интересныхъ; но какъ ожиданіе до нынѣ не сбывается, то пишу уже безъ всякаго умысла поражать васъ новостями.

«Владыка, какъ вы знаете изъ московскихъ вѣдомостей, возвратился въ Москву 5-го октября и пошла жизнь наша обычною любезною чередою. Вотъ и Андрей Николаевичъ въ своемъ полетѣ на зиму отъ юга къ сѣверу гоститъ у меня и кормитъ меня обѣдами у большаго и меньшаго владыкъ. Проѣхали младшіе Великіе Князья: дважды былъ я у нихъ принять ласково. Протѣжаютъ чрезъ Москву не московскіе и поднимаются изъ Москвы московскіе на свадьбу велико-княжескую. (*) Москва наполняется и времени все менѣе и менѣе въ моемъ распоряженіи. Благодаря усердію къ богослуженію преосвящ. Игнатія, я могъ, никого не обременяя, провести съ 6-го сентября до 27-го, ровно три не-

(*) Государя Наслѣдника Александра Александровича съ Датскою Принцессою Датмарою.

дѣли въ Саввинѣ и наслаждался вполне этимъ чуднымъ уединеніемъ. Былъ въ сосимовой пустынѣ и понималъ, почему вы были такъ расположены къ святой этой обители. Таковыхъ бо есть царствіе Божіе, и онѣ хранимы Богомъ для распространенія на землѣ даровъ благодати Божіей. Я не служилъ тамъ, но пробылъ 24 часа въ общеніи молитвы и бесѣды душеносныхъ съ матушкою и старшими сестрами. Тамъ хранится о васъ самая пріятная память, и онѣ сочли,—въ чемъ и не ошиблись,—что я пріѣхалъ къ нимъ взаимно васъ. И въ Москвѣ мы воспоминаемъ о васъ очень часто не только въ кругу родныхъ, но и со знакомыми. Ваша судьба всѣхъ интересуетъ и всѣ увѣрены, что вы выйдете, съ Божіею помощію, побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій, добудете долговѣчную въ странѣ славу своему высокому имени и вѣчную славу въ жизни за могилой.

«Мое письмо было въ началѣ прервано Струковымъ. (*) Онъ показалъ мнѣ виды жалкіе нѣбогда процвѣтавшихъ святыхъ—и говорилъ о вашемъ бытѣ.

«У насъ съ недѣлю снѣгъ и морозцы, но воздухъ для здоровья неблагоприятный. Въ первые дни по возвращеніи, не зная усталости, начинаю опять ее чувствовать и хворать; особенно больно то, что вечеромъ читать глаза отказываются.

«Простите; когда возможно, нишите, не ожидая на письма отвѣта, и я, когда возможно, буду къ вамъ писать, не ожидая отвѣта. Отъ церемонныхъ переписокъ вовсе отказываюсь, а сердечныя, безформенныя готовъ поддерживать.»

На это дружеское посланіе не было, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, съ моей стороны никакого отзыва. Между тѣмъ, въ это время происходила у меня самая дѣятельная переписка съ моимъ преемникомъ по Можайской каедрѣ, преосвящ. Игнатіемъ. Онъ постоянно и

(*) Д. М. Струковъ—художникъ, путешествовавшій не разъ по западному краю съ художественною цѣлю.

съ братскимъ усердіемъ исполнять разныя мои порученія: споспѣшествовалъ скорѣйшему отпуску изъ Москвы лицъ, которыя изъявили желаніе поступить на службу въ полоцкую епархію; доставлялъ мнѣ изъ московской консисторіи рѣшенныя дѣла, для образца малоопытнымъ членамъ полоцкой консисторіи; сообщалъ мнѣ всякаго рода свѣдѣнія—интересныя и полезныя; писалъ мнѣ почти еженедѣльно; поэтому и я не долженъ былъ оставаться у него въ долгу, хотя и не могъ отвѣчать на каждое его письмо.

Наконецъ въ послѣднихъ числахъ февраля 1867 года мой почтенный другъ, преосвященный Леонидъ, рѣшился возбудить меня отъ продолжительнаго молчанія. Онъ писалъ мнѣ отъ 26-го числа:

«Благословившись у святителей, въ Москвѣ находящихся, на предстоящую сорокалѣтнюю, остается просить прощенія, благословенія и молитвъ у васъ, далеко пребывающаго пространствомъ, но присущаго духомъ. Сіе симъ исполняю: простите, благословите, помяните предъ Господомъ мое недостойство.

«Послѣ того, какъ мы съ вами обмѣнялись письмами, водворилось между нами молчаніе. Не стѣуйте на меня, а я на васъ ни мало не претендую; знаю, какъ вы заняты; порученія вамъ исполняетъ вашъ аккуратный преемникъ, отъ него же вы получаете всѣ новости, какъ о Москвѣ, такъ и о людяхъ, бывшихъ въ близкихъ или недалекихъ съ вами отношеніяхъ, и мы отъ него о васъ узнаемъ. Стану ли говорить о себѣ, но и тутъ, вѣроятно, я предупрежденъ вашимъ корреспондентомъ. Да и что о себѣ говорить я стану? По отъѣздѣ вашему я былъ дважды въ Саввинѣ: въ сентябрѣ 21 день и въ декабрѣ дней 10-ть, потомъ разболѣлась нога и изъ за нее я просидѣлъ съ мѣсяцъ почти безвыѣздно: старался приберегать себя только для служебныхъ выѣз-

довь на подворье троицкое и въ Кремль. Глаза получают облегченіе отъ консервовъ. О владыкѣ вы знаете. Онъ возвратился изъ лавры съ освѣженными силами, и если въ январѣ захворалъ, то отъ себя: пересидѣлъ, особенно принимая своихъ 90 благочинныхъ и съ ними разбирая клировыя вѣдомости и полагая на нихъ резолюціи. Теперь, благодареніе Богу, лучше: сегодня, послѣ вечерни, мы видѣли его бодримъ и веселымъ. Онъ выѣзжалъ на дняхъ къ святинѣ; еще не служить, но приобщается по воскреснымъ днямъ. Работаетъ все по прежнему. Храни его Господи! Подумайте и посоветуйте, чтобы отъ епархіи приготовить къ 5-му августа. (*) Братъ и сестры мои—все по прежнему: благословите ихъ. Отецъ Стефанъ здравствуетъ. Матушка игуменія зосимовская посѣщала меня неоднократно. Она, и не она только, а очень, и очень многіе интересуются о васъ знать, и говорятъ съ почитательнымъ участіемъ.

«Да даруетъ вамъ Господь пость мирный и праздникъ невозмутимо радостный.

«Еще: простите.»

Не скоро могъ я отвѣтить моему другу на это посланіе. Наконецъ, собравшись съ силами, я написалъ ему въ послѣднихъ числахъ марта довольно длинное письмо. Вотъ чтó я писалъ, между прочимъ, его преосвященству:

«Прошу взаимно и у васъ прощенія, благословенія и молитвеннаго о мнѣ воспоминанія.

«Ваше объясненіе моего долговременнаго молчанія предъ вами отчасти справедливо. Дѣйствительно, мой достолюбезный приемникъ весьма много одолажаетъ меня и своимъ аккуратнымъ исполненіемъ моихъ порученій, и частыми братскими посланіями, естественно требующими отвѣтовъ и съ моей стороны. Чтó касается до служебныхъ занятій, то о нихъ и говорить нечего. Впрочемъ не

(*) Разумѣется день предстоявшаго 50-ти лѣтняго юбилея въ Бозѣ почившаго митрополита Фларета.

столько количество, сколько качество, или, точнѣе, злокачественность дѣлъ мучить и тяготить меня...

«Но главною причиною моего молчанія было то, что не хартією и черниломъ хотѣлъ бы я бесѣдовать съ вами, а усты къ устамъ. Въ теченіи полугодичнаго моего пребыванія въ Витебскѣ у меня столько накопилось горечи въ сердцѣ, что хотѣлось бы излить ее въ искренней, задушевной бесѣдѣ съ тѣмъ, кому я, въ продолженіи многихъ лѣтъ, привыкъ открывать всю мою душу, пользуясь взаимнымъ его довѣріемъ и откровенностью. Если бы описать подробно всѣ обстоятельства, всѣ привлеченія, всѣ столкновенія, какія довелось мнѣ испытать въ столь короткое время, то вышла бы очень пространная и печальная повѣсть. Но я не имѣю для сего довольно свободнаго времени. Если же вкратцѣ охарактеризовать вамъ мою жизнь на новомъ мѣстѣ служенія, то это есть ничто иное, какъ ежедневная борьба. Я не помню дня, когда бы я былъ совершенно спокоенъ.

«Есть, впрочемъ, или лучше—начинаетъ быть нѣчто и утѣшительное въ моемъ, по истинѣ, затруднительномъ положеніи. Меня, напр., утѣшаютъ нѣкоторые успѣхи въ отношеніи къ исправленію безпорядковъ по церковному богослуженію. Богослуженіе совершается теперь чинно и стройно; соборный клиръ мало по малу улучшается; недавно приобрѣлъ я двоихъ голосистыхъ діаконовъ; пѣніе, благодаря заботливости моего письмоводителя и ревности юнаго регента—питомца знаменитаго Багрецова, совершенствуется болѣе и болѣе; съ четвердесятиницы началъ я вводить пѣніе стихиръ съ канонархомъ: это, неслышанное здѣсь, пѣніе, многимъ очень понравилось; остается только завести столповое пѣніе, но это едва-ли удастся. Ризница и церковныя утвари, по милости московскихъ благотворителей, умножаются и приводятъ въ восхищеніе нашихъ богомольцевъ; число молящихся удвоилось и даже утроилось; вмѣстѣ съ тѣмъ начали значительно возрастать и сборные доходы, которые до моего прибытія въ Витебскъ были весьма скудны.

«Отношенія мои къ свѣтскому обществу день-о-го-дня улучшаются; между мною и высшимъ представителемъ свѣтской власти господствуютъ миръ и дружба; очень симпатичную натуру я нашелъ здѣсь въ вице-губернаторѣ Мезенцовѣ, старомъ пріятелѣ А. Н. Муравьева. Съ помощію Божию, я причудилъ мірскихъ властей стоять въ храмѣ Божию чинно и благоговѣнно, тогда какъ прежде, и даже въ началѣ моего здѣсь пребыванія, на это не слышкомъ много обращалось вниманія.

«Начинаю, наконецъ, мало по малу причащать свѣтскую публику къ соблюденію церковныхъ уставовъ, въ разсужденіи постовъ. Не очень расположено было къ постами и здѣшнее духовенство: но теперь не только сами остерегаются, но и другихъ побуждаютъ къ осторожности въ употребленіи пищи.

«Что касается до моей домашней жизни, то она, благодареніе Господу, устроилась теперь очень хорошо. Помѣщеніе мое не только просторно, но и благолѣпно. Въ день Благовѣщенія совершенно было молитвенное освященіе моего жилища, обновленнаго и украшеннаго новыми, великолѣпными обоями, присланными въ даръ однимъ изъ московскихъ благодѣтелей; къ свѣтлому празднику ожидаю изъ Москвы для залы новой мебели, одинаковой, якобы, съ мебелью саввинскаго подворья. Обновляется также и украшается моя лѣтняя резиденція. Загородный домъ не очень красивый въ архитектурномъ отношеніи, но довольно обширный и помѣстительный. Для вящаго благообразія этого жилища я приказалъ устроить на верху свѣтлицу съ двумя балконами. Но главное достоинство моего *фольварка*—это чистый и свѣжій воздухъ, коимъ вдоволь надѣюсь, если Богъ благословитъ, подышать лѣтомъ. Не малое также украшеніе моей дачи составляютъ: садъ съ вѣковыми липами, сосновая роща, прудъ съ ключевою водою и небольшая, но чистая и быстрая рѣчка; не говорю уже о лугахъ и поляхъ. Не правда ли, что въ этомъ отношеніи мое здѣшнее положеніе много лучше московскаго? И вообще, мое матеріальное положеніе здѣсь можетъ почитаться весьма удовлетворительнымъ, хотя соб-

ственно денежный складъ мой, сравнительно съ предмѣстникомъ, вдвое меньше.

«Я не возлагаю на ваше преосвященство тяготы часто писать ко мнѣ, такъ же, какъ и вы освободили меня отъ этой повинности въ отношеніи къ вамъ: но если задумается вамъ когда-либо на досугѣ писать ко мнѣ, то, пожалуйста, не озабочивайтесь собирать для меня новости политическія и великосвѣтскія: онѣ мало меня интересуютъ. Для меня важнѣе и интереснѣе новости іерархическія и вообще церковныя, которыя сообщались бывало и, безъ сомнѣнія, сообщаются и нынѣ на троицкомъ подворьѣ. Вотъ, если бы вы хотя нѣкую часть изъ этихъ новостей, время отъ времени, удѣляли мнѣ: этимъ весьма много обязали бы меня.»

На это посланіе отвѣта не было мною получено. Между тѣмъ, я началъ помышлять о личномъ свиданіи съ моимъ другомъ въ Москвѣ. Къ этому представлялся въ недалекомъ будущемъ очень благоприятный случай. 5-го августа 1867 года имѣло совершиться пятидесятилѣтне служенія въ епископскомъ санѣ высокопреосвященнаго Филарета, митроп. московскаго. Готовилась ознаменовать этотъ достопамятный день особеннымъ торжествомъ не только московская, но и всероссійская, и даже, можно сказать, вселенская церковь. Мнѣ становилось болѣе и болѣе извѣстнымъ, что многіе изъ епархіальныхъ преосвященныхъ предполагали или сами отправиться къ предстоящему юбилею въ Москву, или послать вмѣсто себя депутатовъ. Чтѣ оставалось дѣлать мнѣ?

Мнѣ, пріившему епископское рукоположеніе отъ епископа московскаго первосвятителя и 16 лѣтъ находившемуся подъ его отеческимъ покровительствомъ и руководствомъ, безъ сомнѣнія, болѣе, нежели кому либо иному, прилично и нравственно-обязательно было пред-

стать предъ лицомъ его высокопреосвященства, чтобы лично принести ему поздравленіе съ имѣвшимъ совершиться пятидесятилѣтіемъ его святительскаго служенія—событіемъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ отечественной церкви. Къ этому главному и сердечному побужденію—отправиться въ Москву—присоединялись у меня и другія немаловажныя побужденія, а именно: испросить у московскаго святителя разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній по дѣламъ епархіальнаго управленія и обратиться къ щедродательной Москвѣ съ просьбою о помощи бѣднымъ церквамъ вѣренной мнѣ полоцкой епархіи. Въ виду этихъ побужденій, я испросилъ у св. синода разрѣшеніе отправиться на 28 дней въ первопрестольную Москву: но какъ явиться туда, не получивши предварительно соизволенія на сіе отъ тамошняго архипастыря?—А писать объ этомъ заблаговременно и просить дозволенія явиться въ Москву, для привѣтствія съ торжествомъ юбилея, значило, завѣдомо, получить отрицательный отвѣтъ, какъ это и случилось съ однимъ изъ преосвященныхъ. Я употребилъ на этотъ разъ небольшую хитрость: послалъ къ московскому владыкѣ письмо за два или за три дня до моего выѣзда изъ Витебска. Получивъ въ лаврѣ мое письмо, владыка хотѣлъ мнѣ телеграфировать, чтобъ я не ѣхалъ въ Москву; но о. намѣстникъ увѣрилъ его, что это было бы напрасно: такъ какъ телеграмма не застала бы уже въ Витебскѣ автора письма.

Выѣхавши изъ Витебска 29-го іюля, чрезъ Петербургъ, я прибылъ въ Москву 2-го августа и остановилъ

ся, по приглашенію преосвящ. Игнатія, въ высокопетровскомъ монастырѣ. Въ тотъ же день поспѣшилъ я повидаться съ преосвященнымъ Леонидомъ, а 4-го числа мы оба отправились въ троицкую лавру, гдѣ имѣлъ пребываніе высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ и гдѣ на другой день, 5-го числа, имѣло быть совершенно знаменательнѣйшее церковное торжество. Къ этому торжеству собралось пять архіепископовъ и столько же епископовъ, не говоря уже о множествѣ другихъ духовныхъ лицъ, явившихся изъ разныхъ епархій въ качествѣ депутатовъ. Самъ юбиляръ въ день своего торжества, по немощи силъ, литургіи совершать не могъ, а только причастился св. Таинъ въ своей крестовой церкви; литургію же въ троицкомъ соборѣ благословилъ совершать троимъ своимъ викаріямъ—двумъ бывшимъ и третьему настоящему, а именно: высокопреосвященному архіепископу тверскому (Филовею), (нынѣ митрополитъ кіевскій), епископамъ полоцкому (Саввѣ) и дмитровскому (Леониду). Въ то же время въ успенскомъ лаврскомъ соборѣ литургію совершали: высокопреосвящ. Ниль, архіепископъ ярославскій и преосвященные: Григорій, еп. калужскій, и Никандръ, еп. тульскій. На молебнѣ въ томъ и другомъ соборѣ облачались и прочіе архіереи. Я не стану описывать здѣсь подробностей этого необычнаго торжества: онѣ въ свое время были описаны въ „православномъ обозрѣніи“ и другихъ журналахъ и газетахъ.

Между тѣмъ, какъ прочіе преосвященные на другой же день поспѣшили оставить лавру, я оставался здѣсь до вечера 7-го числа. Получивши отеческіе совѣты и

наставленія по нѣкоторымъ, мною предложеннымъ, вопросамъ, я въ то же время испросилъ у высокопреосвященнаго митрополита сборную книгу, для записи денежныхъ пожертвованій отъ московскихъ благотворителей. Въ эту книгу прежде всѣхъ благоволилъ внести свое имя самъ благосердый архипастырѣ: онъ записалъ отъ себя 300 руб. и столько же отъ московской каедры. По его примѣру сдѣлали возможныя пожертванія отъ своихъ обитателей и преосвященные викаріи не только деньгами, но и вещами. Такъ, отъ саввинскаго монастыря, по распоряженію преосвященнаго Леонида, пожертвовано 100 руб. и сверхъ сего, 11 священническихъ ризъ съ епитрахиліями, 4 набедренника, 20 поясовъ, 5 подризниковъ, 11 диаконскихъ стихарей, 12 орарей, 20 паръ поручей, 20 воздуховъ и 1 пелена.

Въ Москвѣ пробылъ я до 1-го сентября. Занятый сборами благотворительныхъ приношеній ежедневно, съ утра до ночи, я не такъ часто видѣлся съ преосвященнымъ Леонидомъ, какъ бы этого желалъ.

Во время пребыванія моего въ Москвѣ, проѣзжалъ черезъ столицу въ Ташкентъ бывшій виленскій генералъ-губернаторъ К. П. Кауфманъ. Такъ какъ мнѣ извѣстно было, въ свое время, что Константинъ Петровичъ принималъ не малое участіе въ моемъ назначеніи на полоцкую каедру: то я, проѣзжая въ сентябрѣ 1866 года черезъ Петербургъ въ Витебскъ, имѣлъ непремѣнное намѣреніе заѣхать въ Вильну, чтобы видѣться и познакомиться съ его высокопревосходительствомъ. Къ сожалѣнію, въ Динабургѣ я узналъ, что на эту пору Констан-

тина Петровича въ Вильнѣ не было: онъ выѣхалъ въ Минскъ. А затѣмъ скорѣ узнаю, что онъ изъ Минска вызванъ въ Петербургъ для другаго назначенія, и въ Вильну болѣе уже не возвращался. Поэтому, для меня весьма интересно было увидѣться съ г. Кауфманомъ, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ. Преосвященный Леонидъ писалъ мнѣ отъ 22-го августа:

«Константинъ Петровичъ Кауфманъ въ Москвѣ, въ квартирѣ директора александровскаго военнаго училища.

«Сегодня въ 10 час. вечера онъ выѣзжаетъ въ Ташкентъ.

«Онъ посѣтилъ меня; хотѣлъ быть вчера у васъ, но отложилъ, узнавъ, что вы въ лаврѣ.

«Собираюсь къ нему часовъ въ девять.»

Благодаря этому извѣщенію, я поспѣшилъ на саввинское подворье, и оттуда вмѣстѣ съ преосвященнымъ отправилъ къ Константину Петровичу, который встрѣтилъ меня очень радушно.

31-го августа, на канунѣ моего выѣзда изъ Москвы, я получилъ отъ преосвященнаго Леонида записку слѣдующаго содержанія:

«Думая, что ваше преосвященство возвратились поздно, я не отказался отъ приглашенія графини Анны Георгіевны (Толстой) быть у нея сегодня въ 7-мъ часовѣ. Если, по возвращеніи, вы не пожелаете быть у нея, то скажите, когда васъ могу видѣть—сегодня ли поздно, или завтра рано. Я готовъ и сегодня и завтра: но опасался быть помѣхою вашимъ сборамъ (т. е. въ путь).

«Передаю обѣщанное вамъ баронессою Елисаветою Сергѣевною (Деллеръ).»

Что передано было мнѣ преосвященнымъ отъ имени

баронессы—вещи ли какія нибудь, или деньги, — не помню.

Четырехнедѣльное пребываніе мое въ Москвѣ не только доставило мнѣ духовное утѣшеніе, но и принесло великую пользу для церквей полоцкой епархіи. Мною собрано было деньгами болѣе семи тысячъ рублей, и сверхъ того получено было отъ монастырей и приходскихъ церквей, а равно и отъ частныхъ лицъ, множество разнаго рода приношеній, какъ-то: иконъ, священныхъ утварей, ризничныхъ вещей, богослужебныхъ и другихъ книгъ, и проч. Цѣнность всѣхъ этихъ приношеній опредѣлить трудно: но тяжесть ихъ, при перевозкѣ изъ Москвы въ Витебскъ, оказалась свыше 300 пудовъ.

Оставивъ Москву 1-го сентября, 2-го утромъ прибылъ я въ Петербургъ, и отсюда 4-го числа писалъ къ московскому владыкѣ, принося его высокопреосвященству глубокую благодарность за его милостивое ко мнѣ и къ моимъ епархіальнымъ нуждамъ вниманіе и за ту щедрую помощь, какую оказала, съ его архипастырскаго разрѣшенія и по его благому примѣру, христоролюбивая Москва бѣдствующимъ церквамъ вѣрной мнѣ епархіи.

По возвращеніи въ Витебскъ 5-го числа вечеромъ, не замедилъ я написать и преосвященному Леониду. Вотъ что писалъ я его преосвященству отъ 12-го числа:

«Спѣшу принести вашему преосвященству искреннѣйшую благодарность за вашу братскую любовь и радушиное гостепрѣимство.

«Напутствованный вашею молитвою и благожеланіями, я благополучно прибылъ въ Витебскъ 5-го сего сентября. Послѣ столь

продолжительной разлуки съ своею паствою, я и самъ радъ былъ видѣться съ нею, и она встрѣтила меня съ необыкновенною любовью. Въ Динабургѣ на станціи встрѣтили меня всѣ тамошнія власти и предложили мнѣ, какъ страннику, трапезу. Въ Полоцкѣ встрѣтили меня архимандритъ и два члена консисторіи. Въ Витебскѣ, не смотря на мой довольно поздній прѣздъ (около 9-ти часовъ вечера), къ крайнему удивленію и утѣшенію моему, встрѣтили меня представители всѣхъ городскихъ сословій, начиная съ управляющаго губерніею, и притомъ съ своими семействами. При выходѣ моемъ изъ вагона, всѣ спѣшили принять отъ меня благословеніе и изъявляли искреннюю радость о моемъ благополучномъ возвращеніи. Да будетъ благословенъ Господь Богъ, благорасположившій ко мнѣ сердца моихъ добрыхъ пасомыхъ!

«Вчера при первомъ моемъ служеніи, по возвращеніи изъ Москвы, я почелъ священнымъ долгомъ соборнѣ вознести благодарственное ко Господу моленіе какъ о благополучномъ возвращеніи моемъ изъ путешествія, такъ и о полученіи обильныхъ приношеній отъ московскаго архипастыря и его богохранимой паствы на пользу бѣдствующихъ церквей вѣрной мнѣ епархіи.»

Извлеченіе изъ этого письма напечатано было, по распоряженію, конечно, преосвященнаго въ № 135 издаваемой И. С. Аксаковымъ газеты „Москва“.

Маститый юбиларъ не ранѣе, какъ чрезъ два мѣсяца послѣ своего юбилейнаго торжества, оставилъ любимую имъ обитель преп. Сергія. Въ прежніе годы, сколько извѣстно, такъ долго не оставался въ лаврѣ московскій владыка.

7-го октября, послѣ отсутствія почти четырехмѣсячнаго, высокопреосвященный митрополитъ, съ экстреннымъ поѣздомъ, возвратился наконецъ въ Москву. Мо-

сква на этотъ разъ устроила для своего глубоко-чтимаго архипастыря необычайную встрѣчу. При выходѣ изъ вагона, владыка встрѣченъ былъ московскимъ генераль-губернаторомъ и оберъ-полицеймейстеромъ. Викаріи, епископы Леонидъ и Игнатій, тутъ же поднесли ему просфору отъ имени духовенства. Въ воксалѣ (станціи) его высокопреосвященству представились: ректоръ семинаріи, архимандриты и протоіереи — члены консисторіи. Церкви, ближайшія къ пути, по которому митрополитъ слѣдовалъ въ свое троицкое подворье, производили звонъ. Народъ усердно привѣтствовалъ его по всему пути. На другой день обоими пресвященными викаріями съ архимандритами и членами консисторіи совершенъ былъ въ успенскомъ соборѣ благодарственный молебень о благополучномъ возвращеніи первосвященителя въ Москву.

На третій день, 9 числа, когда пресвященный Игнатій совершалъ въ успенскомъ соборѣ заупокойную литургію о почивающихъ тамъ патріархахъ всероссійскихъ, предъ пѣніемъ стиха „Тебе поемъ“ неожиданно вошелъ въ соборъ митрополитъ и, приложившись къ св. иконамъ и мощамъ, южною дверію вступилъ въ алтарь, и только что приложился къ престолу и сталъ на свое мѣсто, какъ служащій архіерей возгласилъ: „въ первыхъ помни Господи святѣйшій правительствующій синодъ и господина пресвященнѣйшаго митрополита московскаго и коломенскаго и священно-архимандрита Филарета, и проч. Изъ успенскаго собора владыка прошелъ въ архангельскій соборъ и чудовъ монастырь; былъ въ ивер-

ской часовнѣ, и въ заключеніе у генераль-губернатора. Народъ съ радостію и нетерпѣливостію слѣшилиъ принимать отъ него благословеніе.

10-го вечеромъ московскій владыка принималъ у себя кievскаго владыку—митрополита Арсенія, который ѣхалъ въ Петербургъ.

Обо всемъ этомъ писалъ мнѣ отъ 11-го числа пресвящ. Игнатій.

За тѣмъ, время отъ времени, доходили до меня въ Витебскъ благопріятныя извѣстія о состояніи здоровья московскаго святителя и о его обычныхъ трудахъ по дѣламъ епархіальнаго управления. Но 19-го ноября, въ 10 ч. вечера, я получаю изъ Москвы въ разъ три телеграммы: отъ бывшаго витебскаго губернатора В. Н. Веревкина, отъ казначея высокопетровскаго монастыря и отъ синодальнаго ризничаго.

Г. Веревкинъ извѣщалъ:

«Сегодня, въ 2 часа пополудни, окончилъ праведную жизнь высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій. Зная вашу преданную ему любовь, слѣгну сообщить сіе горестное для Россіи извѣстіе.»

Такого же содержанія и прочія двѣ телеграммы.

Никогда, никакое событіе въ моей жизни не производило на меня такого потрясающаго дѣйствія, какъ эта неожиданная вѣсть о кончинѣ великаго іерарха російской церкви. Тотчасъ же сдѣлано было мною распоряженіе о совершеніи на другой день заупокойной литургіи съ соборною предъ оной панихидою, въ которой

участвовало все витебское духовенство. Кафедральный соборъ былъ наполненъ молящимися гражданами.

Вслѣдъ за тѣмъ я поспѣшилъ выразить свои скорбныя чувства въ письмѣ къ московскому своему другу. 22-го ноября я писалъ преосвящ. Леониду:

«Въ минувшее воскресенье, 19-го числа, въ 10-ть часовъ вечера, какъ громовый ударъ, поразила меня нечаянная вѣсть о страшномъ событіи, совершившемся въ Москвѣ. Три телеграфическія депеши съ этою роковою вѣстію, одна вслѣдъ за другою, какъ три стрѣлы, пронзили мое сердце...

«И такъ, нестало нашего великаго, по истинѣ, вселенскаго учителя и святителя!... Горестная и незамѣнимая утрата!...

«Воображаю смятеніе Москвы, потрясенной тяжкимъ и неожиданнымъ событіемъ; постигаю и вашу сердечную скорбь при внезапной утратѣ великаго и мудраго наставника, руководителя, благодѣтеля и отца...

«Съ возмущеннымъ чувствомъ и со слезами на глазахъ рѣшился начертить сіи строки не съ тѣмъ, чтобы утѣшать васъ въ столь великой утратѣ, которая превыше всякаго земнаго утѣшенія, а чтобы излить предъ вами мою собственную сердечную скорбь...

«По истинѣ дивную кончину послать Господь своему вѣрному и неутомимому дѣлателью въ вертоградѣ церковномъ. Впрочемъ, по моему, по крайней мѣрѣ, предчувствію такой кончины и надлежало ожидать для сего безпримѣрнаго дѣлателя. Припомните мои рассказы о многократныхъ моихъ видѣніяхъ во снѣ еще въ бытность мою на должности синодальнаго ризничаго. Въ видѣніяхъ этихъ почившій нынѣ архипастырь представлялся мнѣ каждый разъ умирающимъ среди богослуженія, и потомъ воскресающимъ. И такъ, первая часть моихъ видѣній оправдалась: о, если бы осуществилась и другая!...

«Ваше преосвященство много обязали и утѣшили бы меня, если

бы, хотя кратко, описали мнѣ послѣдніе часы усопшаго перво-святителя и послѣдніи его съ вами бесѣды.

«Въ настоящіе плачевные дни не легкое бремя правленія кор-миломъ великой московской церкви всего тяжестію легло конечно на вашихъ раменахъ.—Да подтвердите васъ въ этомъ многогруд-номъ подвигѣ великій архіерей, Господь І. Христосъ.»

Въ отвѣтъ на это скорбное письмо преосвященный писалъ мнѣ отъ 18-го декабря:

«Дружественное, въ первые дни скорби пришедшее отъ васъ слово тронуло меня глубоко. Прежде нежели получить письмо ваше, я уже неоднократно воспоминалъ о вашихъ снахъ. Великій отецъ нашъ тѣломъ такъ незамѣтно истекавалъ, что я имѣлъ малодушіе страшиться смерти его внезапной, безъ всякаго ожиданія и приготовленія. Но Господь въ дальній этотъ путь не восхотѣлъ безъ себя отпустить того, кто былъ всегда вседушевно погруженъ въ страданія Христовы и изъ сея тайны почерпалъ свои силы.

«Москва отъ темени до пяты всецѣло объята была чувствомъ скорби: никогда не видала она такого многолюдства на улицахъ своихъ; никогда не былъ столь строенъ ходъ церковный, и едва ли когда—нибудь въ чему—либо такъ сочувственно, такъ единодушно (относились) во всѣхъ обществахъ, во всѣхъ домахъ.

«Я нахожу для себя помощь въ томъ, что дѣла, утравившись, (ибо не почитаю себя вправѣ содѣйствіемъ collega моего пользоваться), овладѣли всѣмъ моимъ временемъ, кромѣ часовъ бого-служенія и тѣхъ, въ которме, по истомленію, не могу работать. Ни къ прошедшему обратиться, ни въ лицо будущаго взглянуть немогда. Благодаренъ буду глубоко, если иногда достигать будетъ до меня ваше сердечное слово. Простите и подтвердите молитвою вашею святою.»

Еще не успѣлъ я отвѣтить на это братское посланіе, какъ снова получаю отъ преосвященнаго письмо и съ

нимъ священный даръ для вѣрнной мнѣ полоцкой епархіи. Даръ этотъ небольшой камень отъ скалы Гроба Господня, вдѣланный въ икону, на коей изображенъ Спаситель, почивающій во гробѣ. Въ письмѣ своемъ отъ 23-го января 1868 г. его преосвященство писалъ мнѣ:

«Очень долго былъ въ дѣлѣ образъ съ камнемъ отъ скалы Св. Гроба. Теперь онъ препровожденъ къ вамъ. Прошу принять, какъ благоговѣнно приносимый обителю и мною даръ церкви, вамъ отъ Господа вѣрнной. Св. преподобная Евфросинья да вознесетъ ко Господу о насъ, инокахъ саввинскихъ, святяги свои молитвы.

«Я погруженъ въ дѣла моего званія и радуюсь, что могу служить по мѣрѣ своихъ силъ владыкѣ моему и по успеніи его. Только вчера получилъ указъ о новоназначенномъ архинастырѣ. Это назначеніе даетъ надежду, что меня не спонять еще съ саввинскаго подворья. Впрочемъ полагаюсь во всемъ на Господа, благодарный ему за всѣ его дары.

«Господь да поможетъ вамъ въ вашемъ подвигѣ, видномъ не только для ангеловъ, но и для человѣковъ.»

Само собою разумѣется, что я поспѣшилъ немедленно принести его преосвященству искреннюю благодарность за столь священный даръ, который внесенъ былъ мною въ кафедральный соборъ. Вотъ что писалъ я по этому случаю преосвящ. Леониду отъ 5-го февраля:

«Съ чувствомъ благоговѣнія и съ глубокою признательностію къ вашему преосвященству принять мною и православными обителями града Витебска вашъ священный даръ. Драгоценный даръ этотъ навсегда будетъ служить памятникомъ духовнаго общенія церкви московской съ церковію полоцкой, и, въ частности, священнымъ залогомъ братскаго союза вашего преосвященства съ моимъ недостойнствомъ. Нетлѣнно почившій во гробѣ пречистой плотію своею и тридневно изъ него возсіявшій Го-

сподь Іисусъ Христосъ сторицею да воздастъ вамъ за вашу братскую ко мнѣ любовь!

«Привѣтствую васъ съ новымъ архинастыремъ и радуюсь, что сіе назначеніе пріятно для васъ и что имъ обезпечивается ваше личное спокойствіе. Но если новый владыка для васъ пріятенъ: то вы для него, въ свою очередь, не только полезны, но и необходимы. Нѣкогда вы, имъ призываемые, не разсудили итти къ нему на помощь: теперь онъ самъ идетъ къ вамъ, чтобъ воспользоваться вашею благопотребною для него помощію.

«Пока дѣла московскаго епархіальнаго управления состоятъ во власти вашего преосвященства, позвольте воспользоваться мнѣ вашимъ полномочіемъ. Въ прошедшемъ году, съ благословенія и разрѣшенія покойнаго владыки, изъ московской консисторіи было выслано мнѣ нѣсколько разнаго рода рѣшенныхъ дѣлъ, для разсмотрѣнія и наученія дѣлопроизводству моихъ почтенныхъ, но мало свѣдущихъ членовъ консисторіи: но, во 1-хъ, то были дѣла только 1-й экспедиціи моск. консисторіи, а во 2-хъ, съ недавняго времени, въ мою консисторію вступили два новыхъ члена, которые не видали тѣхъ дѣлъ. Посему, не благоволите ли разрѣшить г. секретарю 2 экспедиціи отобрать нѣсколько разнородныхъ дѣлъ, болѣе важныхъ и обстоятельнѣе разсмотрѣнныхъ, и препроводить ко мнѣ на непродолжительное время, для той же надобности, какъ и въ минувшемъ году? Безпорядки по консисторіи до сихъ поръ служатъ для меня источникомъ ежедневныхъ огорченій.»

День пасхи (31-го марта 1868) ознаменованъ былъ для насъ обоихъ монаршими наградами: преосвященному Леониду пожалованъ былъ знакъ ордена св. Владиміра 2-й степени, а я удостоенъ былъ сопричисленія къ ордену св. Анны 1-й ст. 13-го апрѣля я поздравлялъ преосвященнаго съ монаршею наградою и вмѣстѣ со днемъ его ангела (16-го числа). При этомъ я писалъ ему:

«Суждено и мнѣ наконецъ быть звѣздоносцемъ: но, признаюсь откровенно, при моихъ настоящихъ служебныхъ обстоятельствахъ, какъ ни дорога пожалованная мнѣ награда, но она не доставила моему духу и сердцу полного утѣшенія и успокоенія. Для меня требуются иного рода награды и поощренія: мнѣ нужны не вещи, а люди.

«Не прошло еще двухъ лѣтъ моего пребыванія на новой каеедрѣ, какъ уже смѣнилось у меня три секретаря консисторіи. Последний секретарь, явившійся ко мнѣ изъ Петербурга въ концѣ прошедшаго января, съ явными признаками неисклѣпной болѣзни, 10-го сего апрѣля скончался, оставивъ дѣла консисторіи въ томъ же положеніи, въ какомъ и нашелъ ихъ. Жду четвертаго секретаря и теряю всякую почти надежду на приведеніе въ должный порядокъ епархіальныхъ дѣлъ.

«Среди тягостнаго моего положенія мнѣ послано было однажды отъ Господа и нѣкое утѣшеніе. Въ послѣднихъ дняхъ свѣтлой недѣли меня посѣтили три добрыхъ купца изъ Москвы. Эти почтенные гости надолго оставили въ Витебскѣ добрую о себѣ память; всѣ они приняли на себя званіе почетныхъ блюстителей въ здѣшнихъ духовныхъ училищахъ. Посѣщеніе ихъ произвело въ городѣ необыкновенное впечатлѣніе: они были предметомъ общаго любознательства и разговоровъ; не только православные, но и евреи интересовались видѣть ихъ; и одинъ изъ богатыхъ евреевъ пригласилъ ихъ даже къ себѣ въ гости.»

Пресвященный, разумѣется, не оставилъ безъ отвѣта мои привѣтствія. 17-го апрѣля онъ писалъ мнѣ:

«Приношу усерднѣйшую благодарность вашему пресвященству за привѣтствіе, которое особенную цѣну получаетъ отъ сильной увѣренности въ его искренности. Письмо ваше было именнымъ мнѣ подаркомъ: оно пришло въ самый день моего тезоименитства. Скажу вамъ, что другимъ подаркомъ было первое письмо пресвященнѣйшаго новаго владыки нашего, отъ первыхъ чиселъ марта, изъ Посольска. Его здоровье удовлетво-

рительно и онъ изъ Иркутска надѣется выѣхать 30-го апрѣля, чтобы въ Москву прибыть въ послѣднихъ числахъ мая. Ожидая къ юрьеву дню Андрея Николаевича, который пишетъ мнѣ меланхолически: «иду на вы—въ послѣдній разъ;» ибо переселяется въ Кіевъ. (*)

«Благодареніе Богу, наша здѣшняя жизнь такова, какою вы знаете. Дѣлъ безмѣрно много, и если не удалаться иногда изъ города для работы, то рѣшительно нѣкогда заниматься бумагами консисторскими. Теперь только съ нѣкоторою ясностію вижу, что епархія московская есть центръ православія русскаго и, можетъ быть, въ настоящее время, вселенскаго. Дай Богъ, чтобы новому іерарху московскому досталось стать на высотахъ Платона и Филарета. Странить отвѣтственность; но множество и разнообразіе безконечное дѣлъ и отношеній пріятно занимаетъ душу, можетъ быть, потому, что дѣла дѣлаются не мною, а святителями отшедшимъ и грядущимъ.

«Всѣ мы искренно поздравляемъ васъ съ праздниками и съ красною лентою, вмѣсто краснаго яйца, тою, которая должна была, вмѣстѣ со звѣздою, давнымъ-давно украшать вашу одежду, какъ благоволеніе монарха и высшихъ іерарховъ—ваше сердце. Чувства, которыя вы высказываете, очень понятны. Господь да поможетъ вамъ ими же вѣсть судьбами.

«Позвольте мнѣ прислать вамъ небольшой кусокъ ленты аннинской и также владимірской, которыхъ у меня много, и изъ которыхъ послѣдняя мнѣ болѣе не нужна.

«Простите. Удивляюсь, какъ дали мнѣ спокойно написать эти строки и, пользуясь рѣдкимъ симъ затишьемъ, обращаюсь къ другимъ письмамъ, которыми я въ долгу.»

Присланные подарки дали мнѣ поводъ написать пресвященному 7-го мая слѣдующія строки:

«Русская пословица гласитъ: «не дорогъ подарокъ, дорога лю-

(*) А. Н. Муравьевъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, занималъ на петербургскомъ троицкомъ подворьѣ митрополитичъ покои, которые до назначенія новаго владыки оставались свободными.

бовъ.» Вопреки сей пословицѣ,— въ полученномъ мною 4-го сего мая подаркѣ для меня дорогѣ и ваша любовь, дорогѣ и самый подарокъ, потому что такихъ вещей, какъ орденскія ленты, и особенно широкія, въ нашемъ бѣдномъ и скудномъ Витебскѣ вовсе нельзя имѣть; да, правду сказать, на такія вещи не великъ здѣсь и запросъ. Аннинскихъ, напримѣръ, звѣздоносцевъ до настоящаго времени не было ни одного; да и по штату, видно, мало полагаются. Есть станиславскіе рыцари, но и тѣхъ только двое. И такъ усерднѣе васъ благодарю за даръ, который здѣсь имѣеть для меня сугубую цѣну.

«Съ 5-го числа я поселился въ своемъ прекрасномъ Залуческѣ и начинаю, съ Божіею помощію, оживать послѣ восьмимѣсячнаго затворничества и особенно послѣ довольно тяжкой болѣзни, какую пришлось мнѣ испытать на сихъ дняхъ вслѣдствіе сильной простуды на рѣкѣ въ день преполовенія. Послѣ должныхъ медицинскихъ пособій, теперь пользуюсь даровою врачебною силою благодѣтельной природы. Довольно было одного дня, проведеннаго мною въ загородномъ домѣ, чтобъ почувствовать спасительную перемѣну въ моемъ организмѣ и освѣженіе въ душевныхъ силахъ.

«Къ прежнимъ удовольствіямъ моей загородной жизни нынѣ присоединилось новое развлеченіе. На противоположномъ берегу рѣчки, прямо противъ оконъ моего кабинета, проведена новая смоленская желѣзная дорога. Съ ранняго утра и до поздняго вечера, почти ежечасно, мелькаютъ у меня передъ глазами паровозы съ разными тяжестями, потребными для устройства дороги. Среди глубокой тишины это движеніе составляетъ пріятное разнообразіе. Когда, Богъ дастъ, проведена будетъ желѣзная дорога отъ Москвы до Смоленска, тогда я прямо изъ Залуческа, не заѣжая въ Витебскъ, могу сѣсть въ вагонъ и явиться на саввинскомъ подворьѣ, меньше, чѣмъ черезъ сутки.»

Въ продолженіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, письменныхъ между нами сношеній не было; въ это время какъ я, такъ и преосвященный Леонидъ, были въ путеше-

ствіяхъ—я по епархіи, а онъ по окрестнымъ московскимъ обителямъ. Наконецъ, 24-го августа изъ скита на Угрѣшѣ преосвященный пишетъ мнѣ:

«Думалъ я сегодня, на утренней зарѣ, ѣхать съ Угрѣши, гдѣ провѣть три ночи, въ Москву, для совершения литургій въ успешномъ соборѣ: но, получивъ извѣстіе, что тамъ служить угодно преосвященному можайскому, остаюсь здѣсь еще на нѣсколько часовъ и изъ нихъ хочу отнять часть на бесѣду съ вами.

«Вотъ уже три мѣсяца прошло, какъ вступилъ новый архипастырь на кафедру Платона и Филарета, и почти три мѣсяца, какъ я пользуюсь полугодыкомъ послѣ полугодовыхъ «севастопольскихъ подвиговъ». Утвердивъ главную квартиру въ петровскомъ-разумовскомъ, я простираюсь въ разныя стороны, и къ западу—на Сторѣжи, и къ сѣверу—въ лавру, но чаще—къ юго-востоку—на Угрѣшу. Владыка далъ къ тому удобство, начавъ принимать доклады отъ дмитровскаго по вторникамъ, отъ можайскаго по пятницамъ. Конечно доклады продолжительнѣе: но думаю, что не только для удобства викаріевъ, но и для дѣла это лучше. Въ Москвѣ приходится бывать очень часто; но ѣзда не продолжительна и не скучна, а въ городѣ я провожу лишь столько времени, сколько необходимо для дѣла, дорожа каждой минутой. Не знаю, будутъ живы завтра и чтѣ мнѣ предстоитъ. Владыка получилъ указъ, взымающій его въ Петербургъ къ декабрю... Впрочемъ только бы помогъ Господь Богъ, а стоить послужить архипастырю такъ, чтобы въ отсутствіи онъ могъ быть покоенъ за епархію и безъ развлеченія предаться дѣламъ, которыя онъ задумалъ. Да подастъ ему Господь силы духа и тѣла! Теперь онъ въ лаврѣ и скоро поѣдетъ по епархіи.

«Братъ и сестры, а также и здѣшній хозяинъ мой о. архим. Пименъ просятъ вашего благословенія. Сестра Ушакова провела съ пользою и удовольствіемъ все лѣто въ Гансалѣ для морскихъ купаній. Другія двѣ—на своей дачѣ; братъ въ переѣздахъ по Москвѣ и окрестностямъ съ сельско-хозяйственными цѣлями. Сегодня

день отъезда вашего: помните ли вы, а мы никогда не забываем, и надѣюсь не забудемъ.»

Отвѣчалъ ли я и что отвѣчалъ на это письмо моего друга, не помню. Между тѣмъ получаю отъ него новое письмо отъ 7-го октября:

«Дня за три до дня св. Саввы вѣшерскаго,—писалъ мнѣ преосвященный,—выѣхалъ я за городъ, гдѣ должно было мнѣ пробить одну ночь: но случилось провести внѣ Москвы нѣсколько дней, въ томъ числѣ и Саввинѣ. Уже на второй или третій день послѣ того мы поздравили другъ друга съ дорогимъ витебскимъ нашимъ именинникомъ. Милыя звенигородскія трущобы таковы, что изъ нихъ не только телеграммы, едва ли и письма ходятъ.

«Благодаря той увѣренности, которую имѣю въ неизмѣнности вашего расположенія, я отложилъ писать къ вамъ до отъезда на Угрюшу, куда и хотѣлось, и надобно было по дѣлу вырваться ночи на двѣ.

«Вотъ и пишу вамъ и усерднѣйшее поздравленіе къ вамъ посылаю изъ скитской келліи. Желанія мои вамъ—они давно вамъ навѣстны.

«Новости наши: владыка пользуется краткимъ временемъ, ему остающимся, для обозрѣнія епархіи: былъ въ Вереѣ, въ Можайскѣ, въ Бородинѣ, въ Рузѣ, въ Волоколамскѣ, въ Воскресенскомъ, въ Саввинѣ и Звенигородѣ, въ Аносинѣ, въ Давыдовой, въ Серпуховѣ. Мнѣ, въ виду трудностей приходящаго зимняго времени, даетъ нѣкоторую свободу къ выѣздамъ. Благодаря Бога, я около четырехъ мѣсяцевъ ни разу не почевалъ въ Москвѣ, ни разу не обѣдалъ на саввинскомъ подворьѣ, и къ ряду 103 дня купался въ разныхъ проточныхъ водахъ. Владыка слушаетъ мой докладъ по вторникамъ, преосвящ. можайскаго по пятницамъ, и говоритъ много, откровенно и мудро. Смотря на монашество, какъ на существенное свойство православія, владыка говоритъ: «да, правда, что нужно его исправить и укрѣпить: оно ослабло, но потому, что христіанство въ обществѣ ослабло. Кто скажетъ мнѣ, что осла-

бѣвшее монашество уничтожить должно, тому я скажу: не нужно, по вашему, и ослабѣвшее христіанство уничтожить? О соборахъ рѣчь на его устахъ постоянно. Что-то Богъ дастъ, а время отбытія не далеко. Нужна общая молитва.»

На это письмо отвѣчалъ я 18-го числа того же октября:

«За привѣтствіе ваше,—писалъ я его преосвященству,—приняли у васъ мою искреннѣйшую благодарность: въ доброжелательствѣ вашемъ я вполне увѣренъ: оно засвидѣтельствовано и доказано многократными опытами. Не сомнѣвался въ вашемъ добромъ ко мнѣ расположеніи и на будущее время. Христосъ посрединѣ насъ и былъ, и есть, и да будетъ!

«Желалъ бы я, чтобы вы почаще уединялись въ угрюшскую пустыню и оттуда дарили бы меня пріятными и интересными посланіями.

«Ваше лѣтнее время—препровожденіе заслуживаетъ похвалу и одобреніе. Можно полагать, что вы чрезъ это достаточно укрѣпились для зимнихъ сессій на саввинскомъ подворьѣ, въ виду новыхъ, предстоящихъ вамъ, севастьянскихъ подвиговъ, по случаю отбытія въ Петербургъ первосвященителя. Любопытно будетъ мнѣ узнать, какая разница будетъ въ предстоящемъ вашемъ положеніи и въ вашихъ письменныхъ сношеніяхъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда покойный владыка временно оставлялъ Москву и поселялся въ лаврѣ.

«Не могу и я не похвалить себя за благоразумное препровожденіе истекшаго лѣта. Съ 5-го мая и по 27-е августа я пользовался не только воздухомъ и довольною прогулкою по полямъ и лугамъ моею, очень красивой, дачи, но и водою. По совѣту врача, я рѣшился начать купанье въ быстрой, ключевой водѣ рѣчки, протекающей предъ окнами моего загороднаго дома, и почувствовалъ отъ сего значительную пользу. Купанье мое продолжалось съ 22-го іюня по 14-е августа, по два раза ежедневно. Но тѣмъ не кончилось мое гидропатическое леченіе, я продолжаю его и теперь,

только въ иномъ видѣ, т. е. посредствомъ мокрой простыни. Думаю, что при этомъ водолѣченіи, болѣе или менѣе, притупится чувствительность моей кожи, и я менѣе буду подвергаться простудѣ, отъ которой до сихъ поръ такъ часто страдалъ.

«8-го числа было у насъ торжественное открытіе витебско-орловской желѣзной дороги. Между участниками въ торжествѣ, неожиданно для меня, оказался В. И. Романовскій, который передалъ мнѣ вашъ поклонъ и съ которымъ хотѣлось было мнѣ пообщиваться о Москвѣ, но, къ сожалѣнію, не удалось.»

Едва успѣлъ я отвѣтить на предъидущее письмо преосвященнаго Леонида, какъ получаю отъ него новое. 26-го ноября онъ пишетъ мнѣ:

«Какое собраніе впечатлѣній! Вотъ сегодня отпраздновали мы свѣтло въ первый разъ святителю Иннокентію, иркутскому чудотворцу; между тѣмъ какъ именинникъ уединенно празднуетъ на Перервѣ, куда путь очень дуренъ: ибо у насъ послѣ трехъ недѣль добраго начала зимняго настала оттепель. Вчера, предъ поздною литургіею, ибѣлъ я ланникъ надъ останками честнѣйшей игуменіи *Веры*. Съ желѣзной дороги гробъ поставленъ былъ въ алексѣевскомъ монастырѣ, откуда его и повезли въ зосимовскую пустынь. Очень жалко бѣдной старицы: миръ душѣ ея! Что-то будетъ съ обителію? Эти и подобныя впечатлѣнія на общемъ полѣ темномъ: печальнаго воспоминанія о томъ, что было въ прошломъ году въ эти самые дни. (*) День за днемъ, совершеніе за совершеніемъ проходитъ предъ очами мысленными, и сиротство какъ-то живѣе чувствуется. Память совершенна была торжественно. Въ Лаврѣ служили владыка и преосвященные Алексій (рязанскій) и Викторинъ (новорукоположенный еп. чебоксарскій, вигарій казанскій). Генераль-губернаторъ, князь Н. И. Трубецкой и другіе почтили могилу, между тѣмъ какъ въ Москвѣ совершенна память преосвящ. можайсина въ архангельскомъ, а

(*) Разумѣется дни погребенія въ Бозѣ починнаго святителя Филарета.

мною въ чудовѣ, гдѣ въ келліяхъ владыки былъ хорошій столъ съ зауконойною медвяною чашею, и—было сладко не въ устахъ только, но и на душѣ.

«О васъ перѣдко воспоминаемъ: владыка кievскій говоритъ, что, на сколько возможно, всегда готовъ оказать поддержку вамъ и вашему дѣлу. Онъ прибылъ сюда по рельсамъ отъ самаго Дибра и привезъ письмо отъ А. Н. Муравьева, которому, кажется, скучновато. Собирается издать письма владыки съ примѣчаніями. Помолитесь о болящей Татіанѣ: очень бѣдная болѣетъ.»

Смерть зосимовской игуменіи *Вѣры*, о которой упоминаетъ преосвящ. Леонидъ, приключилась ей необычнымъ порядкомъ: она скончалась въ вагонѣ на пути изъ Витебска въ Петербургъ, за пять минутъ до пріѣзда на петербургскую станцію. Еще въ іюлѣ она писала мнѣ, что во второй половинѣ августа она намѣрена поѣхать въ Петербургъ для свиданія съ братомъ своимъ, генераль-маіоромъ З. И. Верховскимъ, и оттуда непременно пріѣдетъ въ Витебскъ для свиданія со мною: но при этомъ, извѣщая, что одна изъ монахинь ея обители, выпросившись на двѣ недѣли для свиданія съ своею сестрою, тамъ заболѣла и умерла, выражала опасеніе и за себя. „Боюсь, писала она въ этомъ письмѣ, ежели и я не ворочусь въ обитель: а гдѣ-нибудь умру. Эта мысль возмущаетъ все отрадныя мысли быть у васъ и у брата, въ его сиротской семейкѣ (братъ ея былъ вдовъ).“ Но отъ 20-го августа игуменія извѣщала меня, что ея поѣздка должна отложиться на неопредѣленное время и что она, впрочемъ, надѣется, въ концѣ сентября или въ первыхъ числахъ октября отправиться въ Петербургъ, и оттуда напишетъ мнѣ о своемъ прі-

ѣздѣ въ Витебскъ. Однако-жъ прошелъ октябрь и даже половина ноября, а извѣстiя отъ матери игуменiи нѣтъ. Наконецъ, 13-го ноября, она пишетъ, что она три недѣли уже въ Петербургѣ и 15-го числа отправляется въ Витебскъ. Это не мало удивило меня. Какъ, подумалъ я, въ такую холодную пору и въ такой далекий путь рѣшается ѣхать немощная и болѣзненная старица? Однако-жъ 17-го числа явилась ко мнѣ эта почтенная гостыя, но явилась въ такомъ положенiи, что не могла сама войти ко мнѣ въ покои, ее внесли на рукахъ: къ ея хронической боли въ ногахъ присоединилася еще простуда, которую она получила въ дорогѣ. Пробывши у меня дня три, она съ тѣми же болѣзнями успѣшила возвратиться въ Петербургъ, не смотря ни на какiя убѣжденiя мои остаться на нѣсколько дней въ Витебскѣ, чтобы воспользоваться врачбною помощiю. 19-го числа она выѣхала изъ Витебека и 20-го, предъ самымъ уже Петербургомъ, на рукахъ своей келлейницы, отдала душу Богу. Братъ ея, Захаръ Ильичъ, предъувѣдомленный съ дороги телеграммою, встрѣтилъ ея бездыханное тѣло на станци. Въ петербургской покровской церкви совершено было отпѣванiе надъ тѣломъ усопшой игуменiи Вѣры, и за тѣмъ тѣло препровождено было чрезъ Москву въ зосимовскую пустынь, на мѣсто ея иноческихъ и начальственныхъ подвиговъ. Такова была кончина благочестивой и многострадальной игуменiи Вѣры!

Новый 1869 годъ началъ я благожелательнымъ привѣтствiемъ преосвящ. Леониду и, между прочимъ, писалъ ему:

«Желалъ бы я знать, какой порядокъ учредился теперь у васъ въ разсужденiи занятiй епархiальными дѣлами. Справедливъ ли слухъ, что вамъ будто бы предложено ежемѣсячно путешествовать въ Петербургъ съ докладами по дѣламъ?»

«Что слышно новаго изъ сѣверной столицы о дѣлахъ церковныхъ? Начинаются ли сужденiя по вопросамъ, какiе имѣлъ въ виду предложить св. синоду московскiй первосвятитель?»

«Кiевскому владыкѣ спасибо за доброе слово, хотя опытъ научилъ меня не слишкомъ много полагаться на князя и на сыны человѣческiе. Одинъ Господь и глава церкви моя надежда.

«Андрей Николаевичъ доброе задумалъ дѣло — изданiе писемъ приснопамятнаго святителя. Безъ сомнѣнiя, этихъ писемъ у него не малое количество, и всѣ онѣ конечно весьма интересны. Напечатанныя до сихъ поръ въ разныхъ журналахъ письма покойнаго владыки прочтаны мною не только съ удовольствiемъ, но нѣкоторыя и съ пользою для моей профессiи. Даниловскiй о. архимандритъ (Іаковъ) давно уже просилъ меня прислать къ нему, для напечатанiя, письма, какiя я получалъ отъ почившаго въ Возѣ святителя: но я до сихъ поръ этого не исполнилъ, частiю потому, что нѣкоторыя письма оглашать еще неблаго- временно, а другiя, если бы и могли быть напечатаны, то ихъ нѣкому у меня переписать, а самому заняться этимъ дѣломъ нѣтъ времени. Безъ сомнѣнiя и къ вашему преосвященству обращался съ подобнымъ предложениемъ: желательно бы знать, какой на это данъ вами отвѣтъ.

«Андрей Николаевичъ приглашаетъ меня будущимъ лѣтомъ къ себѣ въ гости, и даже выражаетъ увѣренность, что я непременно исполню его желанiе. Всею душою радъ бы я былъ побывать въ Кiевѣ, чтобы поклониться тамошней святынѣ, между которой особенно близка къ моему духу, по моему теперешнему служенiю, святыня мощей преп. Евфросинiи Полоцкой: но представляю это въ волю Божию и во власть обстоятельствъ времени.

«Между тѣмъ, на сихъ дняхъ получилъ я официальное при-

глашеніе, какъ членъ археологическаго общества, явиться на сѣздъ археологическій, имѣющей открыться въ Москвѣ 16-го будущаго марта. Прошу вашего братскаго совѣта и наставленія, не слѣдуетъ ли мнѣ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, какъ благоприятнымъ случаемъ еще разъ побывать въ Москвѣ, чтобы, во первыхъ, помолиться на могилѣ моего незабвеннаго рукоположителя, а, во вторыхъ, поблагодарить лично нѣкоторыхъ благотворителей бѣдныхъ церквей вѣрною мнѣ епархіи, и тѣмъ расположить ихъ къ дальнѣйшимъ благотвореніямъ. Моя побѣдка въ Москву въ 1867 г. имѣла чрезвычайно благотворныя послѣдствія для полоцкой епархіи.»

4-го марта преосвященный прислалъ ко мнѣ копию съ переписки его по случаю предложенія ему нижегородской каедрѣ. Въ письмѣ своемъ онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Вчитайтесь въ первое письмо: оно поучительно. Чтѣ до отвѣта моего, онъ сдѣланъ мною, кажется, благоразумно, тѣмъ болѣе, что и вы были того мнѣнія, что мнѣ не выдержать жизни въ провинціи. Въ дѣлѣ этомъ особенно тронула меня милость Государя Императора, который велѣлъ спросить меня: захочу ли принять каедрѣ, чего обыкновенно не дѣлается.

«Я писалъ потомъ владыгѣ, который очень милостиво отвѣтилъ на письмо мое, что готовъ бы, если Богъ изволилъ бы, всю жизнь остаться на этомъ мѣстѣ; но также прошу прямо сказать, если начну быть въ тягость. Такъ ли я во всемъ поступилъ?»

«Владыка пишетъ, что всеѣмъ, кому должно, все, чтѣ должно, сказалъ и ждетъ послѣдствій.

«Вотъ вопросы очередные: о соборахъ и округахъ, о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, о бытѣ и сословности духовенства, о мисіонерствѣ, о расколѣ, объ общежитіяхъ въ монастыряхъ, о монашествующихъ сестрахъ милосердіа, о движеніяхъ въ англійской церкви, объ епархіи въ калифорніи: но ннѣшнюю зиму, по

великому множеству текущихъ дѣлъ, ни однимъ серьезно не занимались. А. В. Горскій въ Петербургѣ былъ долго для засѣданій по академическому уставу: результатовъ никакихъ до нынѣ достигнуто.

«Владыка нашъ желаніемъ жаждетъ возвратиться въ пастѣ.

«Ректоръ московской семинаріи (*) взнемогъ отъ усиленныхъ трудовъ и просится на покой отъ ректорства.

«Надобно бы утвердить мысль, что человѣкъ на должности, хотя бы и монахъ, можетъ устать и потребовать отдыха, послѣ котораго снова возьмется за дѣло. А то сколько способныхъ людей гибнетъ на, такъ называемомъ, покоѣ, сколько бесполезно занимающихъ мѣста изъ опасенія, что ихъ навсегда отлучать отъ дѣла.

«Пресвящен. Евгенийъ живетъ въ своемъ донскомъ, въ совершенной потерѣ сознанія.

«Дѣла тянутся обыкновенно нитью. Успокоены ли на счетъ вашихъ?»

«Въ концѣ недѣли здѣсь будетъ супруга генерала Потанова. Не имѣете ли чего къ ней?»

«Я очень разстроилъ нервную систему: надсадилъ себя,—де-чусь, но продолжаю страдать.

«Въ теченіи 7—8-ми мѣсяцевъ московское общество потеряло трехъ вліятельныхъ членовъ: вн. Л. Н. Гагарина, котораго долго не забудутъ дворянство и земство; графъ С. Прок. Вобринской, пользовавшейся заслуженнымъ общимъ уваженіемъ по уму, опыту горькому въ жизни, возвышенной религіозной душѣ; вн. Вл. Ѳ. Одоевскаго, который почти внезапно скончался: нездоровилось ему два дня, на третій вечеромъ съ сваящ. Разумовскимъ 2 часа бесѣдовалъ о крѣпкахъ, ночью ими бредилъ, обезнамятѣлъ въ утру и умеръ. Онъ былъ добрый руководитель молодого поколѣнія, имѣлъ чистую душу. Есть опасность, что Москва по немногу будетъ пустѣть и превращаться въ рынокъ.

(*) Архимандритъ Никодимъ.

«Благословите и помолитесь о мнѣ Господу.

«Вратъ и сестра Ек. Васил. и другіе просятъ вашего благословенія. Простите.»

Переписка, съ которой копию преосвящ. Леонидъ препроводилъ ко мнѣ, заключала въ себѣ: 1) письмо къ нему оберъ-прокурора св. синода, графа Д. А. Толстаго; 2) отвѣтъ на это письмо, и 3) письмо преосвященнаго къ высокопреосвященному митрополиту Иннокентію.

Графъ Д. А. Толстой отъ 22-го января писалъ преосвященному Леониду:

«Ваше преосвященство, милостивый государь! По случаю открывшейся епископской ваканціи въ нижегородской епархіи и сильно распространившагося въ этой епархіи раскола, Государь Императоръ, желая, чтобы означенная каедрa была замѣнена особенно достойнымъ епископомъ, изволилъ вспомнить о вашемъ преосвященствѣ, полагая тѣмъ самымъ доставить вамъ самостоятельную дѣятельность и открыть возможность къ еще большей въ послѣдствіи.

«Предварительно же всякаго officialнаго направленія этого предположенія, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ изволилъ сообщить о немъ вашему преосвященству и просить вашего отзыва, для доклада Его Императорскому Величеству.

«Исполняя сію Высочайшую волю, долгомъ поставлю присовокупить, что, по словесному моему объясненію съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ московскимъ, со стороны его высокопреосвященства не встрѣтится къ тому препятствія, въ случаѣ согласія вашего преосвященства.

«Съ отличнымъ уваженіемъ и искреннею преданностію имѣю честь быть и проч.

На это преосвященный отвѣчалъ отъ 25-го числа:

«Милостивый государь, графъ Дмитрій Андреевичъ! Оставивъ военное поприще для монашества, я пошелъ не стезею мона-

стырскихъ послушаній, а степенями духовно-учебной службы изъ повиновенія водѣ моего втораго отца и благодѣтеля, блаженной памяти, преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго. Отъ его же преподобныхъ рукъ и омофоръ воспріять мною. Питая въ душѣ одно желаніе: служить св. церкви, служа ему помощникомъ, неоднократно отказывался отъ предлагаемыхъ епископскихъ каедръ. Господь благословилъ мое желаніе: не только послужилъ я ему до послѣдняго его издыханія и опустилъ въ могилу сокровище его тѣлесныхъ останковъ, но и сподобился и *недокончанная* имъ *исправити*, соответственно волѣ высшаго священноначалія. За тѣмъ, отъ всего сердца отозвался я на гласъ новаго архинастыря, призавшаго меня послужить ему, пока не ознакомился съ дѣлами и лицами новой паствы.

«Нинѣ слухъ мой оглашенъ отъ высоты престола помазанника Божія ниспешимъ гласомъ, одобряющимъ мое служеніе и призывающимъ къ новому. Благодарю Бога, благодарю Его помазанника! По совѣсти епископа и преданности вѣрноподданнаго не позволяють мнѣ къ слову: благодарю, присовокупить: *и принимаю*.

«Многими бывшими болѣзнями и изнурительными трудами отягощенный организмъ мой и духъ мой давно требуютъ продолжительнаго отдохновенія въ тишинѣ монастырской. Я нахожу силы къ продолженію настоящаго моего служенія: ибо оно только вспомогательное, и прохожу его тамъ, гдѣ и люди и обстоятельства близко мнѣ знакомы въ теченіи почти трехъ десятилѣтій. Иное дѣло — служеніе самостоятельное, въ мѣстѣ незнакомомъ, среди паствы, разстроенной, по словамъ вашимъ, сильнымъ вторженіемъ волковъ. На такое дѣло я не могу рѣшиться прежде, нежели обновлю силы отдохновеніемъ одного или нѣсколькихъ лѣтъ, если годами опредѣлена мнѣ будетъ жизнь земная. Посему, теперь ли, или чрезъ нѣкоторое время, повелѣно мнѣ будетъ оставить настоящее мое служеніе архіерейское, я прошу у Всемилостивѣйшаго Государя той милости, чтобы оставить меня настоятелемъ саввино-сторожевскаго монастыря, который подѣ

начальствомъ мнѣ состоитъ съ 1859 г., и съ каедрою викарія необходимо не связать. Если же окажусь сей милости недостойнъ: то дозволено было бы мнѣ, хотя на первое время, имѣть жительство въ никола-угрѣнскомъ монастырѣ.

«Васъ, сятельнѣйшій графъ, прошу убѣдительнѣйше, чтобы откровенно высказанное мною было представлено Его Императорскому Величеству, и Монархъ, всегда являвшій мнѣ свою высокую милость, могъ видѣть ясно, что храня епископскую совесть, я пребываю и въ чувствахъ величественно-вѣрнаго и глубоко-благодарнаго подданнаго.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію остаюсь и проч.»

Того-же 25-го января преосвящ. Леонидъ писалъ къ московскому митрополиту въ Петербургъ:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архинастырь и отецъ!

«Представляю вашему высокопреосвященству въ копіи письмо ко мнѣ г. сундальнаго оберъ-прокурора и мой отвѣтъ:

«Какъ изъ письма его видно, что съ вашей стороны препятствій къ увольненію меня не встрѣчается: то съ моею прошею васъ, владыко святей, отечески благословить меня на исполненіе давняго желанія удалиться на продолжительный отдыхъ въ монастырь и милостиво содѣйствовать къ тому, чтобы оставленъ былъ за мною савинъ монастырь. Не мало примѣровъ, что епископы и даже архимандриты—ректоры, удаляясь отъ дѣлъ, получали монастыри; я же не новаго монастыря прошу, а желаю остаться въ томъ, въ которомъ настоятельствую почти 10 лѣтъ. Съ нимъ каедрѣ епископа—викарія не связана: нѣбогда жили викаріи въ богоявленскомъ, которому и нынѣ, какъ вы сами изводите знать, приличнѣе быть архіерейскимъ домою, нежели монастыремъ. И мѣстность, и средства указываютъ на сіе назначеніе, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ подобномъ нынѣшнему.

«Впрочемъ и почившаго архинастыря, благодѣтеля моего, и

вашимъ примѣромъ, и своею вѣрою убѣждаюсь преклониться подъ крѣпкую руку Божию.»

Послѣдствіемъ этой переписки было то, что преосвящ. Леонидъ оставленъ былъ на своей дмитровской каедрѣ; а на нижегородскую епархію, откуда 21-го января 1869 г. переведенъ былъ архіепископъ Нектарій на каедрѣ Харьковскую, перемѣненъ епископъ уфимскій Филаретъ.

На письмо преосвящ. Леонида я отвѣчалъ отъ 7-го апрѣля:

«Что скажу вамъ о вашей корреспонденціи по поводу нижегородской каедрѣ? Прежде всего сердечно поздравляю васъ съ высокимъ вниманіемъ благостнѣйшаго монарха, вами однакожъ вполне заслуженнымъ. Вашъ отзывъ я признаю вполне основательнымъ и соответствующимъ вашимъ личнымъ обстоятельствамъ. Прежде давалъ я вамъ братскій совѣтъ не оставлять Москвы, основываясь на одномъ лишь наблюденіи, и притомъ кратковременномъ и случайномъ, надъ обстоятельствами жизни провинціальнаго архіерея; а теперь подтверждаю то же; утверждаясь на собственномъ, двухъ съ половиною-лѣтнемъ опытѣ. Если бы вы (буду говорить вамъ прямую истину), при вашемъ болѣзненномъ состояніи, при вашемъ пылкомъ характерѣ и при вашей впечатлительной натурѣ, поставлены были въ моихъ обстоятельствахъ: думаю, что вы не выдержали бы тѣхъ огорченій и затрудненій, какія суждено испытать мнѣ въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ. Развѣ только всемогущая Божественная благодать, по вашей крѣпкой и горячей вѣрѣ, сохранила бы и укрѣпила вашу жизнь и вашу силу.

«Чтобы дать вамъ хотя нѣкоторое понятіе о моемъ служебномъ положеніи, я сообщу вамъ нѣсколько словъ изъ одного письма, полученнаго мною въ началѣ текущаго года изъ Петербурга отъ одного благорасположеннаго ко мнѣ лица. Вотъ что между прочимъ, пишутъ мнѣ:

«Повѣрьте, преосвященнѣйшій владыка, что ваша заботливость и ваша дѣятельность цѣнятся во всей полнотѣ ихъ достоинства; не оставляется безъ надлежащей оцѣнки и злоба, которую они возбуждаютъ во врагахъ православія и Россіи; и если сообщаются на усмотрѣніе ваше доносы, внушаемые сею злобою, то вовсе не изъ вѣры въ клеветамъ, въ нихъ содержащимся, а изъ желанія не оставлять сіи клеветы въ безызвѣстности отъ васъ и для представленія вамъ случая обличать ихъ лживость и обнаруживать тѣхъ, отъ кого они исходятъ.

«Что доносамъ и клеветамъ, которые почти каждомѣсячно пишутся на меня въ Петербургъ и которые всегда составляли и составляютъ печальную особенность здѣшняго духовенства, наследованную имъ отъ почтенныхъ іезуитовъ, не даютъ вѣры въ Петербургѣ,—это конечно утѣшительно: но утѣшительно ли и отрадно ли для сердца читать эти доносы и гнусныя клеветы, и приятно ли употреблять для опроверженія этихъ доносовъ и клеветъ время, котораго едва достаётъ для исполненія ординарныхъ обязанностей служебныхъ? О полемикѣ, которую приходится мнѣ постоянно вести съ мѣстными властями и о борьбѣ, почти ежедневной, съ подчиненною мнѣ братіею я уже и не говорю.»

Въ іюлѣ 1869 года препроводилъ я къ преосвященному Леониду благословенную грамоту св. сѣнода, для врученія московскому кушцу изъ единовѣрцевъ Н. М. Аласину, за пожертвованіе 200 экземпляровъ изданныхъ имъ бесѣдъ инока Павла (Прусскаго) о глаголемомъ старообрядствѣ, и вмѣстѣ съ грамотою два экземпляра фотографическаго вида загородной дачи витебскаго архіерейскаго дома—одинъ для г. Аласина, а другой для его преосвященства. При этомъ, между прочимъ, писалъ я:

«Можетъ быть, не худымъ покажется на вашъ взглядъ мое загородное жилище и на картинѣ, а въ дѣйствительности оно еще лучше, потому что картина можетъ усаждать только взоръ, а

натура доставляетъ пріятное удовольствіе и прочимъ тѣлеснымъ чувствамъ, и не только тѣлеснымъ, но и душевнымъ.

«Дѣйствительно, мнѣ такъ пріятно лѣтомъ жить на дачѣ, что вовсе не хотѣлось бы оставлять её ни на одинъ день; а между тѣмъ долгъ службы требуетъ не только на день, но и на нѣскольکو недѣль оставить это пріятное жилище. На дняхъ думаю отправиться въ путь, для обзорѣнія епархіи, гдѣ не надѣюсь видѣть много пріятнаго.

«Изъ газетъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что вашу саввинскую обитель изволили посѣтить Высочайшія особы. Привѣтствую васъ съ столь утѣшительнымъ посѣщеніемъ. Наши грады и обители лишены этого счастья.»

Отъ 13-го августа преосвященный отвѣчалъ мнѣ:

«Порученіе исполнено. Нарочно приглашенному Н. М. Аласину выданы и письмо, и свидѣтельство, и астампъ съ видомъ вашей дачи. Очень, очень доволенъ.

«Благодарю за экземпляръ для меня. Долженъ радоваться за другихъ, когда не могу за себя: живу все лѣто въ Москвѣ; въ духотѣ, въ скорби, въ страшной тугѣ сердечной. Отъ дѣлъ въ великую безъ указанія Промисла бѣжать боюсь; хорошо, что ускользнулъ отъ Нижняго, но что далѣе? Что я? Ненужное надгробіе митрополита Филарета. Исторія не имѣетъ обратнаго хода; но бывають и такія исторіи, за которыми и впередъ идти не хочется. Только въ храмѣ утѣшеніе, да *иногда* въ доброй бесѣдѣ, особенно на дачѣ съ родными. Помню, какъ однажды (мы ѣхали изъ Новоспасскаго въ Кремль) вы говорили мнѣ: ненадобно заранѣе печалиться, а довольствоваться настоящимъ. Да, мы оба были справедливы: вы потому, что будущее предоставляли Богу; я потому,—что предчувствія сердца были сильны и тяжелы; оба потому, что очень любили настоящее. Мое земное, и вѣднѣе и духовное, все погребено въ лаврской филаретовской церкви. Впрочемъ, если эта сокровищница сохранить мнѣ что нибудь для неба, то я вознагражденъ съ лихвою за понесенные мною труды. Нерѣдко переносимъ

мыслию въ вамъ и, хотя за уголокъ приподнимаю завѣсу, однако вижу, какъ велики ваши труды, какъ много вы должны страдать за церковь Божію.

«Въ бытность здѣсь Высочайшаго Двора, я дѣйствительно принималъ въ Савинѣ Ея Величество съ В. К. Марією Александровною. Въ Ильинскомъ былъ принятъ Государынею, утѣшенъ былъ я благочестивымъ и разумнымъ глубоко словомъ о монастырѣ; слушалъ съ Нею первую паннихиду о Тат. Бор. Потемкиной; былъ у Великихъ Князей, которые воспитываются въ навигахъ благочестія. Въ Москвѣ обѣдалъ у Цесаревича и довольно говорилъ съ Нимъ и съ Цесаревною, въ которой замѣтны залюби Екаторины и Маріи Теодоровны—умѣнье дѣйствовать на сердца и готовность на благотворительность; дай Богъ видѣть въ ней и благочестіе православное иныишней русской Царицы. Слѣдъ огненный восторга всеобщаго оставленъ юною четою по всѣмъ берегамъ Волги и Дона. Вездѣ вниманіе ко всякому; кстати сказанное, кстати выслушанное слово, кстати посѣщенный домъ, и принятое или непринятое приглашеніе, угощеніе, и все это съ умомъ и чистосердечіемъ. Донцы въ восторгѣ неизъяснимомъ были, увидѣвъ подлѣ Царетвеннаго Молодца—Атамана свою юную Атаманшу на конѣ, въ женскомъ верховомъ платьѣ казачьяго (синяго) цвѣта, въ казачьей бараньей шапкѣ съ бѣлымъ султаномъ, смѣлаю, съ особеннымъ искусствомъ въ наѣздничествѣ. Дай Богъ, чтобы всѣ обстоятельства благоприятны были къ утверженію народа въ любви и преданности къ престолу, всегда, и въ наши злыя времена особенно.»

Письмо это получено было мною во время поѣздки моей по епархіи, въ г. Дриссѣ, гдѣ встрѣтилъ я исправника, А. Д. Павлинова, который называлъ себя двоюроднымъ братомъ преосвящ. Леонида. Не ранѣе второй половины октября могъ я отвѣчать на это столь интересное письмо; и вотъ что, между прочимъ, писалъ я его преосвященству:

«Письмо вашего преосвященства, отъ 13-го августа, отмывается какимъ-то таинственнымъ печальнымъ тономъ. Желалъ-бы я проникнуть въ ваше душевное состояніе и ближе узнать о вашихъ настоящихъ обстоятельствахъ, но, вѣроятно, этихъ свѣдѣній не могу я получить посредствомъ хартіи. Посему, думаю, не безполезно было бы устроить намъ гдѣ либо и какъ нибудь свиданіе, чтобы личнымъ, искреннимъ и откровеннымъ объясненіемъ взаимно облегчить тугу сердечную. По нѣкоторымъ даннымъ я могу отчасти догадываться о вашихъ нравственно-душевныхъ скорбяхъ.

«Что до меня, то и я, въ свою очередь, также не рѣдко *стнуа* *хожду*. На всѣхъ путяхъ жизни и службы, время отъ времени, болѣе и болѣе встрѣчается претензеней и столбоуеней. Съ высшими свѣтскими властями какъ туземными, такъ и виленскими, съ нѣкотораго времени веду открытую борьбу.

По газетамъ видно, что васъ не рѣдко посѣщаютъ въ послѣднее время знаменитые іерархи. Желалъ бы я знать, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ сербскій владыка. Мнѣ припоминается, что я видѣлъ его въ Москвѣ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда онъ, по окончаніи академическаго курса, путешествовалъ въ Петербургъ; а назадъ тому года два я имѣлъ честь получить отъ его высокопреосвященства письмо, въ которомъ онъ просилъ меня ходатайствовать предъ высшими свѣтскими властями объ одной, близко знакомой ему по Кіеву, здѣшней помѣщицѣ—католичкѣ, коей отецъ былъ однакожъ православный сербъ и находился на службѣ въ Кіевѣ въ то время, когда преосвященный Михаилъ былъ студентомъ академіи. Къ сожалѣнію, я не могъ удовлетворить въ просьбѣ его высокопреосвященству, не подвергая себя нареканію со стороны православныхъ, такъ какъ особа, о которой была просьба, ярая полька.

«По случаю кіевскаго юбилейнаго торжества, ожидалъ было и я на перепутьѣ къ себѣ почтеннаго гостя—литовскаго владыку: но, по слабости здоровья, онъ не рѣшился предпринять путешествія въ Кіевъ. У меня мало по малу начинается заочное зна-

комство съ этимъ добрымъ собесѣдомъ: но скоро ли увидимся лицомъ къ лицу, — Богъ вѣсть.»

Въ отвѣтъ на это я получилъ письмо отъ 5-го ноября слѣдующаго содержания:

«Матерь игуменія Митрофанія предложила мнѣ доставить къ вашему преосвященству мое письмо. Я написалъ его на двухъ листахъ и послалъ; чрезъ нѣсколько дней оно возвратилось отъ нея, и уже я не расположенъ послать его вторично.

«Если, дастъ Богъ, увидимся, то и наговоримся, а теперь скажу вамъ о себѣ слѣдующее. Купался я отъ 15-го июня до 6-го сентября; съ 6-го до 22-го провелъ въ Саввинѣ, для разбѣдовъ по приходамъ; но какъ ни весенній, ни лѣтній воздухъ не освѣжалъ меня, то чувствую уже, что недостаетъ мнѣ силъ, сколько вигарію московскому имѣть нужно. Поэтому живу и движусь кое-какъ. «Сподоби Господи день сей, вечеръ сей, ночь сію.» «Весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.» Вотъ расположенія, съ которыми и которыми живу. Владыка вполне милостивъ и снисходителенъ ко мнѣ. Есть слухъ, что на дняхъ получить указъ о пріѣздѣ въ снудъ на зиму. Его особенно заботить устройство церковныхъ дѣлъ въ Америкѣ (т. е. отошедшей отъ насъ съ Калифорніею).

«Сербскій владыка очень пріятное сдѣлалъ на меня впечатлѣніе. Отъ него дышетъ свѣжестью. Уменъ, краснорѣчивъ, пріятливъ, благосердеченъ, смиренъ, благочестивъ, полонъ дѣятельности, полонъ благихъ надеждъ.

«На обратномъ пути изъ Крыма, Государь Императоръ не сходилъ съ платформы; намъ съ вами пріятно, что милостивое Его обращеніе съ С. П. Шиновымъ очень оживило старичка, которому въ февралѣ должно исполниться 80 лѣтъ, но который почти таковъ же, какимъ вы его знали. Ему также передано, что Монархъ изволилъ отлично отозваться о его принципахъ и дѣйствіяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Н. В. Сушковъ сталъ еще болѣе enfant terrible и въ его домѣ также пріятно. Родные, по здо-

ровью, по прежнему. Братъ перемѣняетъ службу свою на службу инспектора училищъ московской губерніи. Ек. В. Ушакова преобразилась въ секретаря своей начальницы по конфиденціальной перепискѣ, радуется начальницу, а меня изумляетъ способностію соединять требованія канцелярн съ извѣстномъ литературнымъ. О. В. и Т. В. живутъ по прежнему.

«Для московской епархіи утверждено, чтобы 4 члена консисторіи служили безъ жалованья и избирались изъ архимандритовъ, и четыре съ жалованьемъ, изъ протоіереевъ. Требуютъ въ св. снудъ, для комисіи по пересмотру консисторскаго устава, одного члена консисторіи и одного наставника академіи (по каноническому праву).

«Очень тягочусь мыслию, что на мнѣ лежитъ долгъ предъ почившимъ архинастыремъ: собрать все, что знаю о немъ по 30-ти лѣтнему нахожденію моему подъ крыломъ этого орла, по волѣ Божіей, охранявшаго могущественно церковь и отлѣгившаго весьма безвременно для насъ, но конечно благовременно для него. Хочу, но руки не доходятъ.»

Въ 1870 г. письменныя сношенія наши съ преосвященнымъ Леонидомъ были очень ограниченны: но этотъ недостатокъ восполненъ былъ въ сентябрѣ и октябрѣ личною, живою бесѣдою, — о чемъ, впрочемъ, рѣчь будетъ впереди... А теперь я изложу письма, которыя были посланы мною къ моему другу въ январѣ и апрѣлѣ означеннаго года.

Въ первомъ письмѣ, отъ 10-го января, послѣ обычнаго привѣтствія съ наступившимъ новымъ годомъ, я писалъ преосвященному въ отвѣтъ на его предъидущее письмо, отъ 5-го ноября 1869 года:

«Душевно благодарю васъ, преосвященнѣйшій, и за краткое писаніе: но еще пріятнѣе было бы для меня получить ваше пространное посланіе, которое вы уже приготовили было, но удержали у себя. Если оно у васъ сохранилось, прошу прислать его мнѣ, какъ предназначенное для меня и потому составляющее какъ бы мою принадлежность. Личнаго свиданія ожидать долго да и неизвѣстно еще, состоится ли оно. Правда, мать игуменія кое что сообщила мнѣ о васъ, — что, можетъ быть, найдено мѣсто въ означенномъ посланіи: но, безъ сомнѣнія, въ немъ много заключается и такого, о чемъ игуменія вѣдать нельзя. Если мать Митрофанія, по возвращеніи изъ Петербурга, являлась къ вашему преосвященству, то конечно она изложила вамъ не краткую и не весьма утѣшительную повѣсть о моемъ житіи — быть.»

«Да, мое пребываніе на полоцкой кафедрѣ не можетъ быть названо мирнымъ и пріятнымъ. Съ перваго шага моего вступленія на эту кафедру и до послѣднихъ дней истекшаго года мнѣ довелось вести непрерывную брань съ разнаго рода врагами и противниками; въ особенности тяжело было для меня минувшій годъ. Въ настоящемъ году есть нѣкоторая надежда на перемиріе моихъ общественныхъ отношеній къ лучшему. — И вотъ, едва лишь наступилъ четвертый годъ моего пребыванія въ Витебскѣ, какъ я встрѣчаю уже четвертаго начальника губерніи, такъ же какъ четвертаго секретаря имѣю въ консисторіи. И надобно вамъ доложить, что въ замѣдномъ грабѣ отношенія епархіальнаго начальства къ гражданскому несравненно многосложнѣе и запутаннѣе, нежели во внутреннихъ губерніяхъ. Нужно ли созидать и исправлять храмъ Божій: безъ гражданскаго начальства ни начать, ни совершить этого дѣла нельзя, потому что денежные средства, отпускаемая на этотъ предметъ отъ казны, въ его рукахъ. Строить ли пужо вновь или исправлять разрушающуюся постройку того или другаго сельскаго причта: безъ гражданскаго начальства обойтись никакъ нельзя. Требуется ли въискать

съ прихожанъ въ пользу священника, такъ называемая, обработочная за землю деньги: надобно кланяться мировому посреднику, или, въ случаѣ неудовлетворенія съ его стороны, губернатору. — Раскольничьи ли наставники вторгаются въ православную паству, или есендамы — хищницы прелазятъ во дворъ овчій: нѣтъ иной защиты отъ этихъ лютыхъ волковъ, кромѣ власти полицейской. Хорошо, если эта власть сколько нибудь сочувствуетъ дѣлу православія: но, большею частію, случается видѣть противное.»

Во второмъ письмѣ отъ 14 апрѣля, послѣ привѣтствія преосвященнаго съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова и со днемъ его ангела (16-го числа), я писалъ ему:

«На сихъ дняхъ получены мною изъ вашей канцеляріи нѣкоторыя приношенія въ пользу церкви, ввѣренной мнѣ епархіи, какъ-то: священныя сосуды и двѣ перемѣны воздуховъ, изъ коихъ одна, съ вышитыми надписями, очень кстати употреблена была мною при литургіи въ в. четвертокъ. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно было имя жертвователя, или жертвовательницы этихъ вещей, дабы оное могло быть молитвенно вознесено предъ престоломъ Божиимъ. Если вашему преосвященству извѣстно имя жертвователя, прошу васъ покорнѣе передать ему мою искреннюю благодарность за приношеніе.

«Высокопетровскій о. казначей пишетъ мнѣ, что ваша сестрица Олимпиада Васильевна доставила ему, для пересылки ко мнѣ, шелковую матерію для напестольной одежды и 10 руб. деньгами на покупку принадлежностей къ этой одеждѣ. Приношу Олимпиадѣ Васильевнѣ мою душевную благодарность за ея благое дѣло благотворенія.

«Давно не получалъ я отъ вашего преосвященства вѣстей; но не сбѣую за это, зная, какое множество трудовъ и заботъ лежитъ теперь на вашихъ раменахъ.

«О себѣ скажу, что я нынѣшній годъ встрѣтилъ свѣтлый праздникъ необычнымъ порядкомъ. Вѣроятно, за многоглаголаніе и празднословіе въ теченіи четвредесятиницы, я осужденъ на молчаніе въ свѣтлую седмицу, когда, между тѣмъ, отъ избытка сердца естественно глаголати устами. Вслѣдствіе неосторожнаго употребленія холоднаго питія, я такую сильную болѣзнь получилъ въ горлѣ, что не могъ на страстной недѣлѣ читать евангелія и въ свѣтлый день пасхи съ величайшимъ затрудненіемъ, почти шопотомъ, могъ совершить утреню и литургію; отъ совершенія же вечерни долженъ былъ отказаться. Теперь, при помощи Божіей и при пособіи врача, начинаетъ мало по малу возвращаться мой голосъ.

«Между тѣмъ весна на дворѣ. Горю сильнымъ желаніемъ, какъ можно скорѣе, оставить городъ и удалиться въ пустыню, дабы тамо *часть Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.* Дѣйствительно приходится иногда впадать чуть не въ малодушіе среди разнообразныхъ огорченій и искушеній. Бури, воздвигаемыя на мою душу разными врагами, и внутренними и внѣшними, и своими и чужими, часто до глубины возмущаютъ мое сердце. Впрочемъ, съ новаго года, съ переменною нѣкоторыхъ обстоятельствомъ, я начинаю чувствовать себя много спокойнѣе, но на долго ли—незавѣстно.»

На это послѣднее письмо преосвященный Леонидъ отозвался мнѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«За письмо дружеское, полученное въ день моего ангела, отвѣтвую глубокою благодарностію, въ день моей хиротоніи (26-го числа).

«Наступилъ 12-й годъ моего епископскаго служенія. Благодарю Господа за неизреченную его милость и благодѣянія, на меня многообразно изливаемая; благодарю за утѣшенія, коихъ не заслуживаю, и за страданія, коихъ столь достоинъ.

«Въ нынѣшнемъ году 26-е апрѣля упало на день воскресный, на недѣлю жень муросиць, какъ и въ 1859 г., и я припомн-

наю живо всѣ подробности этого дня, начатаго мною съ исповѣданія грѣховъ моихъ предъ вами... О, какъ приумножились они съ тѣхъ поръ и какъ день этотъ начинается поднимать на меня свою главу изъ безднъ вѣчности! Помолитесь!

«Мы какъ будто сговорились съ вами. Съ дня воскресенія Лазарева я заболѣлъ отъ простуды и другихъ причинъ, и теперь едва освобождаюсь отъ болѣзни. Господь помиловалъ меня и болѣзнь воспрепятствовала мнѣ одно: читать четвероевангеліе въ первые три дня страстной недѣли. Всѣ же прочія службы сихъ и прочихъ дней совершалъ по прежнему, и въ оимину недѣлю заключилъ рядъ служеній литургією, даже съ проповѣдію. Лечение бросилъ съ четверга страстной, принявъ врачество въ таинствѣ елеосвященія, совершенномъ мною въ успенскомъ соборѣ. Въ день ангела моего имѣлъ я утѣшеніе возложить на почтеннаго Дмитрія Петровича Новскаго (протопресвитера успенскаго собора) знаки 1-й степ. Аннинскаго ордена въ моемъ храмѣ, предъ трапезою. Владыку ожидать надобно къ 11-му мая: дождемся ли—не знаю. Я нахожусь въ самыхъ живыхъ съ нимъ сношеніяхъ; но пишу съ полнымъ дерзновеніемъ подчиненнаго нелицемѣрствующаго.

«Болѣзнь и была причиною того, что я не писалъ о сосудахъ и воздухахъ. Это жертва вдовы генераль-лейтенанта Лужина, Натальи Алексѣевны. Если желаете помянуть тѣхъ, за кого даръ: помяните Іоанна и Екатерину, супруга и мать приносящей жертву.

«Вы собираетесь на дачу... Не смѣю завидовать, но могу сорадоваться вамъ... Пожалуйте обо мнѣ; еще и еще прошу, помолитесь обо мнѣ.

Съ давняго времени таилась въ моемъ сердцѣ мысль о путешествіи въ Кіевъ, для поклоненія тамошней святынѣ. Наконецъ я рѣшился осуществить эту завѣтную мысль, и въ половинѣ іюля 1870 г. обратился къ св. синоду съ просьбою о разрѣшеніи мнѣ отгулка на 28

дней, съ тѣмъ, чтобъ изъ Кіева проѣхать въ Москву.

Но кромѣ поклоненія святынь, меня влекло намѣреніе лично изяснить тамошнему владыкѣ усерднѣйшую просьбу о споспѣшествованіи къ исполненію давняго и общаго желанія православнаго бѣлорусскаго населенія относительно перенесенія мощей препод. Евфросиніи, княжны полоцкой, почивающей въ кіевскихъ пещерахъ, въ основанную ею полоцкую спасскую обитель.

Въ половинѣ августа получено было мною разрѣшеніе св. синода, и я 27-го числа, раннимъ утромъ, отправился въ путь. 29-го около полудня благополучно прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь провелъ я одиннадцать сутокъ: въ продолженіи этого времени имѣлъ я возможность поклониться всѣмъ кіевскимъ святынямъ, обозрѣть монастыри, соборы, достопримѣчательныя церкви, древніе историческіе памятники и проч.; два раза имѣлъ утѣшеніе служить: въ первый разъ въ пещерной благовѣщенской церкви, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи преп. Евфросиніи полоцкой; въ другой — въ кіево-софійскомъ соборѣ, въ день храмоваго его праздника, 8-го сентября, въ сослуженіи съ почившимъ въ Возѣ митрополитомъ Арсеніемъ.

Если цѣль моего путешествія въ Кіевъ не была достигнута вполне, такъ какъ высокопреосвященный митрополитъ Арсеній не подалъ мнѣ твердой надежды на успѣхъ ходатайства предъ св. синодомъ о перенесеніи мощей преп. Евфросиніи въ Полоцкъ: тѣмъ не менѣе моя поѣздка туда не осталась совершенно безплодною. Высокопреосвященный Арсеній далъ мнѣ, по крайней

мѣрѣ, обѣщаніе удѣлить, въ благословеніе полоцкой спасской обители и въ духовное утѣшеніе всей моей паствѣ, часть отъ нетлѣнныхъ мощей благовѣрной княжны полоцкой.

9-го сентября оставилъ я Кіевъ и, по пути къ Москвѣ, посѣтилъ Курскъ, гдѣ провелъ сутки въ дружественной бесѣдѣ съ преосвященнѣйшимъ Сергіемъ — моимъ наставникомъ, начальникомъ и предметникомъ по ректорской должности въ московской д. академіи.

12-го ч. прибылъ въ Москву и, по благосклонному приглашенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита, помѣстился въ настоятельскихъ покояхъ чудова монастыря. Въ это время преосвященнаго Леонида въ Москвѣ не оказалось; онъ былъ въ своей саввинно-звенигородской обители, откуда онъ 14-го числа писалъ мнѣ: «Завтра, во вторникъ, я возвратиться долженъ изъ Саввина. Могу ли просить васъ раздѣлить со мною трапезу въ среду или четвергъ, — какъ назначите? Постараюсь быть у васъ ранѣе сего, но на всякій случай прошу вашего слова.»

Братское желаніе его преосвященства, безъ сомнѣнія, было исполнено.

Въ Москвѣ пробылъ я на этотъ разъ три недѣли. Въ продолженіи этого времени я весьма часто видѣлся съ преосвященнымъ Леонидомъ — и у него на саввинскомъ подворьѣ, и у себя въ чудовской квартирѣ, и въ квартирѣ его родныхъ. Много было у насъ съ нимъ самыхъ дружескихъ, искреннихъ разговоровъ о разныхъ, болѣе или менѣе важныхъ, предметахъ. Въ Москвѣ случилось мнѣ провести и день своего ангела, 1-го октября. Наканунѣ этого дня, 30-го сентября, получилъ я отъ прео-

священнаго Леонида записку такого содержания: „Надѣюсь, что ваше преосвященство изволите пожаловать ко мнѣ завтра въ два часа. Сегодня же, если увижу васъ, буду очень утѣшенъ“. Надежда моего почтеннаго друга и брата не осталась тщетною: утромъ 1-го октября я обѣдалъ у него въ кругу его родныхъ, а вечеромъ онъ почтилъ меня своимъ посѣщеніемъ въ Чудовѣ.

Главнымъ побужденіемъ для меня быть теперь въ Москвѣ—служило желаніе исполнить священный долгъ молитвеннаго поминовенія почившаго въ Возѣ митрополита Филарета, моего рукоположителя и незабвеннаго благодѣтеля, на мѣстѣ его вѣчнаго покоища. Сыновній долгъ этотъ исполненъ былъ мною 24-го сентября: при гробѣ почившаго іерарха совершена была мною соборнѣ панихида, въ присутствіи преемника его, высокопреосвященнаго митрополита Иннокентія, который вмѣстѣ со мною наканунѣ этого дня прибылъ въ лавру къ празднику препод. Сергія, 25-го числа, и который удостоилъ меня сослуженія съ собою въ день праздника.

Продолжительнымъ пребываніемъ своимъ въ первопрестольной столицѣ я воспользовался, чтобы еще разъ, по примѣру 1867 года, пригласить московскихъ благодѣтелей къ пожертвованіямъ въ пользу церкви полоцкой епархіи. И на это приглашеніе многіе отозвались съ такимъ же усердіемъ, какъ и въ первый разъ.

3-го октября на смоленской станціи желѣзной дороги простился я съ своимъ добрымъ другомъ, не безъ надежды впрочемъ на новое, рано или поздно, свиданіе съ нимъ. 4-го числа возвратился я въ Витебскъ.

По возвращеніи въ Витебскъ, я поспѣшилъ напомнить письмомъ кievскому архипастырю объ исполненіи обѣщанія относительно отдѣленія части св. мощей преп. Евфросиніи и получивъ въ отвѣтъ, что по сему предмету сдѣлано уже его высокопреосвященствомъ надлежащее распоряженіе, послалъ въ Кіевъ для принятія святыни казначея своего архіерейскаго дома. Вечеромъ 1-го декабря привезена была драгоценная святыня изъ Кіева въ Витебскъ и на ночь оставлена въ ближайшей къ станціи желѣзной дороги богоявленской церкви, откуда на другой день съ торжественною процессією, въ которой приняло самое живое участіе все православное населеніе г. Витебска, она принесена была въ градскій успенскій соборъ, а отсюда потомъ съ такою же торжественностію препровождена была въ домовую архіерейскую церковь, гдѣ она и оставалась до мая слѣдующаго 1871 г., а въ маѣ, съ особенною торжественностію, перенесена была въ полоцкую спасскую обитель, для которой собственно она и была испрошена.

Торжественная встрѣча въ Витебскѣ испрошенной мною святыни обстоятельно была описана, и это описаніе, по моему распоряженію, было напечатано особою брошюрой.—Экземпляръ печатной брошюры препровожденъ былъ мною въ Москву къ преосвящ. Леониду. И вотъ что писалъ мнѣ по этому поводу мой московскій другъ:

«Не совсѣмъ здоровый и очень утомленный тѣломъ послѣ обычнаго крещенскаго торжества въ Кремлѣ, я прилечь, а братъ читалъ мнѣ, и, между прочимъ, книжку съ описаніемъ витебскаго

праздника 2-го декабря. До слезы на рѣсницахъ этотъ разсказъ меня тронулъ. Благодарю съ вами Господа, поклоняюсь благовѣрной преп. Княжѣ-Инокѣ, покровительницѣ вашихъ мѣстъ и, простирая къ вамъ обѣ руки, обнимаю васъ отъ всей души, не находя для поздравленія словъ достаточныхъ. Осмѣливаюсь только у порога вашего внутреннего святилища стать и въ радостномъ трепетѣ созерцать издали, что происходило и доселѣ происходитъ въ вашей душѣ. Какое благотворное въ чисто духовномъ смыслѣ событіе въ паствѣ вашей, какое торжество православію въ вашей странѣ и какъ прекрасно устроенный праздникъ! Сорадуюсь вамъ, на сколько есть во мнѣ сердца, поздравляю вседушевно и желаю, чтобы изъ этого сосуда благодати Божіей изліяніе многоразличныхъ даровъ Божіихъ продолжалось годы и вѣки неоскудно, къ утверженію вѣры, ко спасенію людей Божіихъ.

«Многая, многая, многая лѣта архипастырю полоцкому и витебскому, съ такимъ явнымъ благословеніемъ Божіимъ трудящемуся на поприщѣ, трудностей котораго міръ не понимаетъ и утѣшеній котораго ему не дано вкушать.

«Да будутъ труды ваши благоуспѣшны и утѣшенія отъ нихъ да преисполняютъ душу вашу здѣсь и да преизливаются въ вѣчность.

«Простите. Усталъ, и работы еще не мало прежде, нежели отойти ко сну съ мыслію о завтрашнемъ служеніи. 6-го января 1871 г. (9 ч. вечера).»

Не скоро могъ я отвѣчать, по своимъ служебнымъ тяжелымъ обстоятельствамъ, на это сочувственное посланіе моего друга. Наконецъ, 14-го апрѣля я почелъ долгомъ принести поздравленіе преосвященному Леониду со днемъ его ангела и при этомъ, между прочимъ, писалъ ему:

«Братски-сочувственное посланіе вашего преосвященства, отъ

6-го января, доставило мнѣ душевное утѣшеніе. Вы пишете, что при слуханіи описанія торжественной встрѣчи въ Витебскѣ кievской святыни явилась на рѣсницахъ вашихъ слеза, разумѣется, умилненія...

«Въ будущемъ маѣ предстоитъ мнѣ продолженіе прекраснаго торжества, начатаго въ декабрѣ. Св. синодъ разрѣшилъ мнѣ перенести часть мощей преп. Евфросиніи съ торжественною процессією чрезъ веси и селенія, лежащія на пути изъ Витебска къ Полоцку. Надѣюсь, что это возбудитъ въ нашихъ бѣдныхъ, но весьма набожныхъ бѣлоруссахъ, сильный религиозный энтузіазмъ. Помолитесь преосвященнѣйшій владыка, чтобы Господь далъ мнѣ утѣшеніе благоуспѣшно совершить доброе дѣло, во благо и душевное назиданіе вѣрной мнѣ паствы.

«Изъ Полоцка думаю предпринять путешествіе въ самые отдаленные уголки моей епархіи, въ рѣжницкѣй и люцинскѣй уѣзды. Не удастся ли даже, можетъ быть, посѣтить имѣніе нашего общаго знакомаго, А. А. Кирѣва, и освятить построенную тамъ на казенный счетъ церковь.

«Со времени открытія желѣзной дороги чрезъ Витебскъ, меня нерѣдко стали посѣщать мимоѣздомъ старше знакомые. На первой недѣлѣ поста, именно въ понедѣльникъ, совершенно неожиданно пожаловалъ ко мнѣ новопожалованный дѣйствительный тайный совѣтникъ М. К. Цеймеръ, который, безъ сомнѣнія, съ вами видѣлся и передалъ вамъ мой поклонъ. Онъ обѣщалъ мнѣ прислать списокъ съ имѣющейся у него лѣтописи Витебска, и, спасибо, честно исполнилъ свое обѣщаніе. На сихъ дняхъ я получилъ отъ его высокопревосходительства этотъ интересный для меня даръ: но не могъ еще оцѣнить его по надлежащему, такъ какъ списокъ на польскомъ языкѣ, котораго я не разумѣю.»

Мое путешествіе въ Кіевъ въ 1870 г. и мои восторженные разсказы въ Москвѣ о кievскихъ святыняхъ, о тамошнихъ священныхъ древностяхъ и о живописномъ мѣстоположеніи матери городовъ русскихъ возбудили же-

ланіе побывать въ Кіевѣ въ обоихъ московскихъ викаріяхъ. И вотъ, въ концѣ іюня 1871 г. сначала отправляется туда младшій викарій—преосвященный Игнатій. Очень довольный своимъ путешествіемъ, онъ, по возвращеніи изъ Кіева, благодарилъ меня и писалъ мнѣ:

«Благодарю васъ за мысль о Кіевѣ. Послѣ вашихъ разсказовъ о кіевской святинѣ, во мнѣ мало по малу начало укрѣпляется стремленіе къ Кіеву. Наконецъ въ праздниѣ св. Петра и Павла, послѣ литургіи, я пустился въ Кіевъ въ сопровожденіи игумена давидовскаго.»

Въ послѣднихъ числахъ сентября предпринялъ путешествіе въ священный градъ Кіевъ и старшій викарій—преосвященный Леонидъ. Онъ прибылъ туда утромъ 1-го октября и, вспомнивши о витебскомъ именинникѣ, телеграфировалъ ему со станціи желѣзной дороги. Телеграмма заключалась въ слѣдующихъ словахъ:

«Усердно поздравляю возлюбленнаго именинника, надѣюсь помолиться о васъ сего утра предъ святынею кіевской.»

Въ тотъ же день А. Н. Муравьевъ, поздравляя также съ ангеломъ, извѣщалъ меня о прибытіи въ Кіевъ московскаго гостя.

«Наконецъ,—писалъ онъ,—явился и московскій труженникъ. Вхожу въ соборъ софійскій при концѣ службы, чтобы показать его посѣтителю; говорятъ въ алтарѣ мнѣ: сейчасъ вышелъ отсюда таинственный монахъ, простоявши всю обѣдню, и сказался богомольцемъ московскимъ, incognito, прямо съ чугуни. Догадывались, что Льво-образный (*Λεωνίδης*); а вотъ получаю приглашеніе на трапезу съ нимъ къ владыкѣ, но еще не видалъ за-летнаго гостя, дождавшагося морозовъ даже и въ Кіевѣ.»

16-го декабря писалъ я преосв. Леониду, препровождая къ нему новую брошюру съ описаніемъ торжествен-

ной процессіи перенесенія части мощей препод. Евфросиніи изъ Витебска въ Полоцкъ:

«Вмѣсто праздничнаго дара, прошу принять отъ меня прилагаемую при семъ брошюру съ описаніемъ продолженія того торжества, коего начало описано было въ прежней брошюрѣ, которая пропала на васъ доброе впечатлѣніе.

«Въ будущемъ году, если Господь благословитъ дожить, предстоитъ у насъ новое торжество, которое также будетъ имѣть свое мѣстное значеніе. Среди будущаго лѣта мы надѣемся привести къ окончанію возобновеніе кафедральнаго собора, начатое въ 1868 г. Изъ іезуитскаго костела выходитъ величественный православный храмъ. Не будетъ конечно въ немъ такого великолѣпія, какимъ блистаютъ московскіе храмы, въ родѣ, напр., пятницкаго; но для здѣшней мѣстности и нашъ храмъ будетъ служить великимъ украшеніемъ. Что касается до архитектурнаго достоинства, то въ этомъ отношеніи нашъ храмъ могъ бы занять далеко не послѣднее мѣсто въ столицѣ. Съ церковнымъ торжествомъ, по случаю предстоящаго освященія кафедральнаго собора, у насъ должно быть соединено и торжество гражданское: въ 1872 г. исполнится сто лѣтъ со времени воссоединенія Бѣлоруссіи съ Россією.

«Простите, что до сихъ поръ не поблагодарилъ я васъ за братскій привѣтъ, присланный мнѣ 1-го октября изъ святаго града Кіева. Хотѣли: желалъ бы я знать, благополучно ли совершили вы свое путешествіе въ Кіевъ, полюбился ли вамъ славный градъ князя Владиміра (не говоря о его святинѣ), усладились ли ваше сердце красотой горъ кіевскихъ и проч.? Жаль впрочемъ, что вы избрали для своего путешествія не весьма благоприятное время года. Въ этомъ отношеніи и мое пребываніе въ Кіевѣ, а въ особенности преосвященнаго можайскаго, много выгодило было вашего.»

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1872 г. препроводилъ я къ преосвященному Леониду благословенную грамоту св. синода, для врученія московскому купцу П. Г. Цу-

рикову, за пожертвованіе имъ 800 руб. на устройство иконостаса въ вербилловскомъ монастырѣ полоцкой епархіи. При этомъ писалъ я его преосвященству:

«Благодареніе благочестивой Москвѣ: какъ много благодѣяній оказала она моей бѣдной епархіи въ теченіи пяти-лѣтняго моего адбѣ пребыванія. Да воздастъ ей за сіе Господь сторицею!

«Давно и я не писалъ къ вашему преосвященству, а еще давнѣе не получалъ отъ васъ ни одной строки. Видно, что вы или очень много заняты, или часто недугуете. Не откажитесь утѣшить меня хотя нѣсколькими строками.

«Въ послѣднее время мнѣ пришло на мысль привести въ нѣкоторый порядокъ мой частный архивъ. При этомъ многое множество оказалось вашихъ дорогихъ писемъ и записочекъ, начиная съ пятидесятихъ годовъ. Я не успѣлъ еще привести ихъ въ хронологическій порядокъ: надѣюсь и это сдѣлать, когда переселюсь въ загородный домъ. А не далеко и время этого переселенія...

«Но еще ближе 16-е число—достопамятный день тезоименитства вашего преосвященства. Нынѣшній годъ день этотъ какъ для васъ, такъ и для всего христіанскаго православнаго міра озаренъ необычайнымъ духовнымъ свѣтомъ всерадостнаго торжества. Примите же мое раннее, искреннее привѣтствіе съ сугубымъ для васъ празднествомъ. Апр. 7 д. 1872 г.»

Эти краткія строки вызвали слѣдующее пространное посланіе изъ Москвы:

«Начинаю бесѣду съ вами въ священную и страшную ночь великаго пятка. Не знаю причины, почему не могу уснуть. Между прочимъ, можетъ быть, и дѣйствіе полной луны, которая тихо и свѣтло катится по безоблачному небу; можетъ быть и притокъ электричества въ воздухъ, ибо послѣ всеночной, ок. 9 часовъ, я видѣлъ сильный блескъ молніи. Сверкнуло и теперь, въ половинѣ третьяго, термометръ на 10 гр. тепла. Но и не очень сожалѣю о снѣ въ ночь безсонную для Ока духовнаго міра, какъ наимено-

валъ Господа Іисуса Христа почившій нашъ владыка. То съ одной, то съ другой колокольной летятъ торжественные звуки. Православные пастыри и вѣрныи народъ въ храмахъ духомъ слѣдуютъ за своимъ Спасителемъ отъ сіонской горницы, празднично-усланной нестремными коврами по винограднымъ садамъ, чрезъ глубокую долину іосафатову съ ея сумрачнымъ потокомъ, въ густолиственный садъ геосманскій; оттуда опять на Сіонъ, на мраморо-стѣнный проавліонъ и авліонъ презрѣнныхъ преемниковъ святаго брата Моусея и, жажда видѣти кончину, предупреждаютъ историческое время, и, сущей тьмѣ, они внимаютъ нечестивому опредѣленію архіерейскому: «повниенъ есть смерти», которое послѣдовало возсіявшу солнцу,—солнцу, которому должно было въ этотъ день, не дойдя до своего запада, померкнуть отъ часа стараго до часа девятаго. Они не останавливаются: стража утренняя отпираетъ ворота Іерусалима; слѣдуютъ они за Іисусомъ къ дому пилатову, съ аркою чрезъ улицу, что между крѣпостію и храмомъ; перебѣгаютъ въ дворецъ Прода Антипы, возвращаются, слышать, какъ съ лиеостротона этотъ коротко-остриженный, обрѣтый римлянинъ, въ бѣлой тогѣ съ алою обшивкой, то, умывая руки, говоритъ, что онъ неповниенъ въ крови праведника сего, то ставитъ его на одну доску съ Вараввою, то хочетъ пощадить его, какъ неопаснаго претендента на царскую власть, или страшится посягнуть на Лице божественное, какъ могла языческа, суевѣрная голова понять Сына Божія, то наконецъ при крикахъ: «нѣси другъ кесаревъ», предастъ его, да распнется. Христосъ изъязвленный, измученный, уже не въ препрядѣ, а въ одеждахъ своихъ; ибо слѣдуетъ исполниться писанію: «раздѣлили иматій Мой межъ собою и охитонѣ Моемъ метнули жребій». Шумная толпа народа, его сожженные въ совѣсти вожди, около осужденнаго Іисуса подъ крестомъ; сотинъ *Корнилій* (?) на конѣ едва успѣваетъ наблести порядокъ въ тѣснотѣ узкихъ улицъ. Учениковъ не видно, кромѣ Іоанна; но «Пречистая грядетъ», съ оружіемъ въ сердцѣ, которое за 33 года пригѣтилъ Симеонъ, и съ нею жены ученицы и дще-

ри Иерусалима. Вот съ утреннихъ полевыхъ работъ идущій, почтенный Симонъ киринейскій неожиданно встрѣчается съ этимъ жалостнымъ шествіемъ, и неожиданное благое иго креста Христова, первообраза всѣхъ крестовъ, возлагаетъ на рамо сего избранника сада благочестиваго магната іудейскаго Іосифа, а это противное возвышеніе—мѣсто позорнѣйшей казни... Стучать гвозди, крестъ возносится, хулы проносятся; слова благодатныя со креста; послѣдняя царственная милость друга мытарей и грѣшниковъ разбойнику сораспятому, послѣдній взоръ любви и слово—матери и другу, и наконецъ «совершилася»; глава прелонена, «предаде духъ». Земля потряслася; «воистину Божій сынъ бѣ сей», проповѣдывалъ съ своего ратнаго коня, какъ съ нѣкоей каедры, языческій воинъ, будущій мученикъ Христовъ; народъ расходится, біа себя въ перси; злодѣи—священники и книжники торжествуютъ; «одинъ человекъ погибъ, а не весь народъ»; они, слѣдовательно, предусмотрительные забавители народа, и какъ хорошо, что, при столькихъ хлопотахъ, не осквернились, не вошли въ языческую преторію, могутъ съ спокойною совѣстію и радостнымъ сердцемъ ѣсть пасху... Нѣтъ радованія нечестивымъ, и совѣсть убійцы не знаетъ мира. Пилать не столько грѣшентъ, но и тотъ въ смущенія, въ досадѣ и на себя и еще болѣе на нихъ—нечестивцевъ. «Не пиши на крестѣ: царь іудейскій».—«Какъ бы не такъ, многого захотѣли: еже писашъ, писашъ». И что же? Можетъ быть, его слабодушіе удовлетворилось на время; думалъ, что ошибка поправлена, сила римской власти показана, уважена, восстановлено и уваженіе къ закону и суду. Но да не остануть (на крестахъ) тѣлеса въ субботу. Исполнилось и послѣднее пророчество: «возрять на нь, его же прободоша». Тѣло намащено, погребено въ новозсвѣщенной гробовой шецерѣ Іосифа... Муриносицы сидятъ дома, ждутъ ночи и разсвѣта единой отъ субботы...

«Владыко мой возлюбленный! Какъ замечтался я перомъ, исписавъ листъ и ничего не сказавъ новаго... Давно кончилось пѣніе

пѣтуховъ—птицы этой ночи; скрылась луна, бѣлѣетъ утро, только звонъ колоколовъ не прекращается, даже, напротивъ, все гуще и гуще въ тихомъ воздухѣ разносится! Простите меня, пожалуйста. Но мнѣ было такъ сладко съ старымъ другомъ провести часть этой ночи въ Иерусалимѣ, за тысячи верстъ, за тысячи лѣтъ! Я даже не сожалѣю, что я не въ ярко освѣщенномъ успенскомъ соборѣ, а въ безмолвной келли предъ лампадою, которая съ другими иконами и вами дарованный мнѣ Сергіевъ образъ озаряетъ; что не въ служебныхъ я одѣяніяхъ, со свѣщомъ въ рукѣ, а въ распоясанномъ черношерстяномъ рабочемъ хитонѣ моею, съ перомъ въ рукѣ, съ бумагой подъ перомъ и рукою. Когда придетъ это письмо къ вамъ, впечатлѣнія будутъ иныя и у васъ и у меня. Дай Богъ, чтобы мирно-радостны были онѣ. Въ лучахъ праздника, пронизшихъ въ душу, да утонуть, поглощены да будутъ свѣтомъ всѣ мраки служебныхъ и другихъ неприятностей, невзгодъ.

«Ваше порученіе исполнено немедленно; вчера получилъ посылку; сегодня въ 4 часа утра келійникъ мой, на особой подводѣ, отправился въ село ивановское, но не къ купцу 1-й гильдіи и почетному гражданину, а къ *потомственному дворянину* (еще съ прошлаго лѣта) Павлу Григорьевичу Цурикову; приѣхалъ въ благовѣстѣ къ обѣдѣ, въ 9 часовъ; по литургии вручилъ ваши послышки; въ 6-ть былъ въ Москвѣ обратно съ письмомъ, которое увѣдомляетъ о полученіи.

«Что новаго? Владыка возвратился; зрѣніе, слава Богу, не только не хуже, даже получше. Писалъ изъ Петербурга, и съ подворья пишетъ неутомимо. Въ недѣлю Ваій служилъ въ Чудовѣ, а въ успенскомъ совершалъ умовеніе ногъ. Ничего не желаю, какъ того, чтобы надолго стало его зрѣніе, а съ тѣмъ надолго продолжилось и на престолѣ московскомъ сидѣніе, съ условіемъ терпѣть теперешняго дмитровскаго на его епископскомъ, для немногихъ развѣ завидномъ, сѣдалищѣ.

«За дѣла почти не принимались по случаю страстныхъ дней,

да надобно сказать, что, благодареніе Богу, ихъ довольно приготовлено было и отправлено въ Петербургъ, пока тамъ былъ владыка.

«Я учусь исторіи. Ёзжу на лекціи Соловьева. Шло все прекрасно, по широкому раздолью; теперь корабль входитъ въ узкость; какъ-то знаменитый профессоръ проведетъ его. Эти лекціи—прелюдія къ выставкѣ. Взглянуть бы вамъ на Кремль: и окруженъ и увѣчанъ деревянными высокими шалашами всякихъ формъ и величинъ. Еще время выставки далеко не пришло, а думаю какъ бы оно поскорѣе прошло.

«Про училища скажете пусть преосв. Игнатій.

«Меня радуешь нѣкоторый успѣхъ въ развитіи общежительства.

«Инокіи изъ раскольниковъ дѣйствуютъ неумоимо на своемъ поприщѣ.

«Въ больницахъ не только монахини, но и монахи служатъ, хотя не въ большомъ числѣ, но съ большимъ усердіемъ.

«Открытіе Островскаго дома призрѣнія—истинное благодѣяніе для сельскаго духовенства. Архим. Пименъ подвизается тамъ неумоимо. Богоявленскій монастырь богатѣетъ. Донскій, покровскій—безъ настоятелей.

«Миссіонерское дѣло—могъ бы дѣйствовать въ немъ съ истинною пользою только владыка нашъ. Люблю дѣло, но не общество. Люди хороши, да способъ занятій неспособный, по крайней мѣрѣ, для меня, давно извѣрившагося во всякую коллегіальность. «Дѣла дѣлаетъ человекъ, а не люди»,—незабвенныя слова незабвеннаго владыки къ незабвенному профессору Теодору Александровичу (Голубинскому).

«Мои родные по своимъ мѣстамъ; средняя сестра очень все болѣзненна. Васъ привѣтствуютъ.

«Мирствуйте и въ молитвахъ припоминайте иногда.»

«Москва. Апр. 14, великій пятокъ. 1872 г. (5 часовъ утра).»

Ошибочно назвавъ въ этомъ пространномъ письмѣ Римскаго сотника *Корнилиемъ* вмѣсто Логгина, преосвя-

щенный на другой же день успѣшилъ исправить эту ошибку.

«Вотъ сія «суббота прелобаслоевна»,—писалъ онъ мнѣ,—возсіяла. Радость воскресенія да возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ взаимною любовію о Христѣ Исусѣ.

«Простите, что безконечное съ мечтою безсонной ночи письмо не удержалъ у себя. Умъ, недовольно слѣдившій за воображеніемъ, допустилъ на стражу креста поставить Корнелія вмѣсто Логгина, и многое допустилъ. Лучше бы его уничтожить—это письмо; если возупорствуете, перемѣните стражей.

«Господь да дастъ намъ разумѣніе о всемъ.

«Благословите и не лишите иногда молитвъ вашего послушника—Леониды. Апр. 15 д. 1872 г.»

Въ маѣ праздновался въ Россіи двухъ-сотъ-лѣтній юбилей со дня рожденія Императора Петра I, а въ Москвѣ къ этому дню приготовлена была политехническая выставка. Къ этому времени собралось въ Москву, со всѣхъ сторонъ, великое множество народа. Удостоили своимъ посѣщеніемъ древнюю столицу и Царскія особы. Въ день открытія выставки совершено было парочитое церковное торжество. Имѣя все это въ виду, я писалъ преосвящ. Леониду отъ 18-го іюля:

«Между тѣмъ, какъ вы, столичный обитатель, утѣшаетесь торжественными церковными процессіями, наслаждаетесь лицезрѣніемъ царственныхъ особъ, внимаете бесѣдамъ мудрыхъ и ученыхъ мужей, я—витебскій отшельникъ—мирно пребываю въ своемъ деревенскомъ тихомъ уединеніи, наслаждаюсь чистымъ и благоуханнымъ воздухомъ, бесѣдуя съ природою и изрѣдка съ живыми существами, время отъ времени являющимися ко мнѣ изъ града обительнаго.

«При всѣхъ однако пріятностяхъ загородной жизни, терплю я нынѣшнимъ лѣтомъ одно, немаловажное лишеніе — лишеніе купанья. Выстротечная, но мелководная нынѣшнею весною, Лучеса, на берегу коей расположена моя вилла, до сихъ поръ загромождена дѣсомъ, который ежегодно сплавляется по ней въ Двину, и потому нѣтъ возможности устроить купальню. Впрочемъ это лишеніе я вознаграждалъ обычнымъ домашнимъ употребленіемъ воды изъ той же рѣчки.

«За немѣнимъ возможности ежедневно пользоваться живою бесѣдою съ людьми, ко мнѣ близкими и образованными, я обратился къ собѣдванію съ мертвыми хартіями, которыя впрочемъ дышутъ для меня самыми живыми и разнообразными чувствами.—Вздумалось мнѣ еще зимою привести въ порядокъ мой домашній архивъ и пересчитать письма, какія сохранились у меня отъ родныхъ и знакомыхъ. А писемъ этихъ оказалась не одна тысяча; нѣкоторыя изъ нихъ относятся еще ко временамъ моей юности, т. е. къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ. Сколько въ этихъ искреннихъ и задушевныхъ письмахъ сохранилось для меня радостныхъ и печальныхъ воспоминаній! Сколько въ нихъ интереснаго для меня и поучительнаго! Подлинно, пересчитывая ихъ, я, по слову псалмопѣвца, поминую дни древнія и поучаюсь. Всего болѣе сохранилось у меня дружественныхъ писемъ и записокъ отъ вашего пресвященства (ок. 200). Материаломъ, заключающимся въ этихъ письмахъ, я думаю со временемъ воспользоваться для составленія мемуаровъ о моей жизни, исполненной, какъ вамъ извѣстно, не малыхъ приключеній.

«Извините, что поздно отвѣчаю на ваше пространное, духовно-совершительное посланіе—плодъ всеночнаго бодрствованія. Братское посланіе это, содержащее въ себѣ исторію страстей Христовыхъ, получено мною въ день преславнаго Его воскресенія. Среди свѣтлыхъ дней пасхи едва успѣлъ я прочитать его. На ѳоминной недѣлѣ я началъ уже помышлять о переселеніи за городъ, и 1-го мая поселился на дачѣ. Вскорѣ за тѣмъ предстоитъ поѣздка въ

Полоцкъ на праздникъ преп. Евфросиніи, а потомъ въ другіе уѣзды для обычнаго посѣщенія и обозрѣнія церквей. Нынѣ былъ я, между прочимъ, въ велижскомъ уѣздѣ, примыкающемъ къ Смоленской епархіи. Здѣсь увидѣлъ я совсѣмъ иное, нежели въ большей части прочихъ уѣздовъ моей епархіи; здѣсь совсѣмъ иной духъ и въ народѣ и духовенствѣ; здѣсь, однимъ словомъ, вѣетъ уже русью, и я какъ будто побывалъ во Владимірѣ или въ Москвѣ. Возвратившись изъ поѣздки, нашелъ, по обычаю, не малую вучу пакетовъ и консисторскихъ произведеній, разсмотрѣніе коихъ потребовало отъ меня не малаго конечно времени.»

На это письмо пресвященный не замедлилъ дать мнѣ отвѣтъ. 27-го того же іюля онъ писалъ мнѣ изъ своей саввино-звенигородской обители:

«Отшельнику витескому отшельникъ звенигородскій бьетъ челомъ и шлетъ глубокую, искреннюю благодарность за письмо, отъ котораго вѣетъ благоуханіемъ той сельской природы, среди которой живетъ и которая во всякомъ его лѣтнемъ письмѣ является такою свѣженькою.

«Владыка нашъ чрезъ оберъ-прокурора спрашивалъ Государя Императора, не надобно ли ему оставить кафедру по причинѣ потухающаго зрѣнія. Государь изволилъ сказать: «нѣтъ надобности: дѣла не стоятъ, а по епархіи, для обозрѣнія, могутъ ѣздить викаріи». Въ силу этихъ словъ и совершаются нами объѣзды. Я сдѣлалъ двѣ поѣздки по епархіи, одну въ концѣ мая—возвратился къ открытію выставки; другую въ концѣ іюня. Теперь въ Саввинѣ съ 17-го, какъ настоятель. Аще Богъ позволитъ, въ началѣ августа переѣду въ разумовское, гдѣ опять имѣю лѣтнюю резиденцію по дружественности Александра Алексѣевича (Зеленаго), который, сдавая Петру Александровичу Валуву министерство, сказалъ ему шутя, что сдаетъ его и съ арендными статьями, какова, напр., его дача въ петровскомъ разумовскомъ.

«Отвѣтствую на ваше письмо по статьямъ.

«Не все, что вижу в Москвѣ, можно назвать общественною дѣятельностію; большею частію,—это суматоха. Вы замѣтили, съ какимъ успѣхомъ вышли мы изъ труднаго положенія при открытіи выставки. Настъ привели къ пристани собственно встрѣчать ботикъ. Показался ботикъ, ближе, ближе.... О, радость! На немъ нѣтъ никого, а сіяетъ икона Богоматери, бывшая въ походахъ съ Петромъ I-мъ. Отъ М. Н. Каткова пришли за матеріалами для описанія духовной части праздника; я сѣлъ къ столу и написалъ: «когда войска отдали честь ботику, церковь колокольнымъ звономъ и проч. (не помню) чествовала икону, сіявшую на ботикѣ, въ знаменіе того...» Не знаю, кому пришла счастливая мысль поставить на ботикѣ икону, а дѣйствительно весь сммслъ шествія ботика перемѣнился для внимательнаго. Свѣтскіе, почтенные люди, глумясь, не безъ основанія говорили намъ: какъ же будете припѣвать ботику-то: «преподобне» или «мучениче»? Послѣ газетной этой статьи нѣто уже не глумился, а она появилась на другой же день. И нынче, какъ въ прежніе разы, видѣлся съ Н. П. Игнатьевымъ. Этотъ дипломатъ вполнѣ оправдываетъ отзывъ о немъ нашего владыки покойнаго. Его умъ, находчивость, твердость и глубокая преданность церкви даютъ ему право на благодарность отечества и молитвы церковныя.

«Изъ царскихъ особъ Государь, Великій Князь Сергій Александровичъ, навѣстивъ меня въ тотъ проѣздъ чрезъ Москву, не засталъ дома; въ нынѣшній (16-го іюля) пригласилъ меня обѣдать за-просто. Съ нимъ протоіерей Рождественскій: это хорошо и для великихъ князей и для народа. Д. С. Арсеньевъ самъ воспитанъ въ благочестіи и заботится о развитіи благочестія въ великихъ князьяхъ. Дай Господи! Сергій Александровичъ не только мнѣ сказалъ, но поручилъ мнѣ и братія сторожевской передать нѣкоторыя весьма пріятныя слова. Онъ очень выросъ; но въ этомъ стройномъ высокомъ гусарѣ мнѣ все видится милое дитя, которому я застегиваю русскую шубку, на проводахъ съ Саввина подворья, чтобы не простудилось. Это было въ тотъ годъ, какъ

онъ, ради здоровья, проводилъ въ Москвѣ осень и начало зимы. Онъ помнитъ все: какъ со мною видался, какъ онъ посѣщалъ обитель нашу, а я—Ильинское и т. д. Значить, мірскія впечатлѣнія не вытѣсняють впечатлѣній церковныхъ и вѣщественныхъ—духовныхъ. Дай-то Богъ!

«Мудрость и ученость теперь на выставкѣ, гдѣ я былъ только для обзорнія севастопольскаго отдѣла, по приглашенію А. А. Зеленаго. Герой войны самъ объяснял ея подробности—это интересно; и постановка предметовъ превосходная. Особенно заняла бы васъ модель, во всю дѣйствительную величину, со всѣми мельчайшими подробностями, до плѣсоки на стѣнахъ,—модель церкви въ ингерманскихъ пещерахъ и семейнаго владыища оттуда же... Такъ незамѣтно очутился я тамъ же, гдѣ и теперь, по словамъ вашимъ, находитесь,—посреди мертвыхъ... Вполнѣ сочувствую вамъ. Когда я здѣсь бываю, вижу около себя жизнь двойную: монастырскую, которая рядомъ вѣковъ связываетъ меня съ преп. Саввою и вѣкомъ его. Однажды прикоснувшись къ этой почтенной древности мыслию, я отдаюсь всецѣло воспоминаніямъ и живу въ XIV и XV вѣкѣ. Совершенно ничтожная жизнь нынѣшняго ничтожнаго Звенигорода нисколько не заслоняетъ древняго историческаго города и изъ тумана вѣковъ довольно ясно выступаетъ въ красѣ своихъ аксамитовъ и полнотѣ своихъ характеровъ и Юрій Дмитріевичъ и Анастасія Юрьевна и вся ихъ семья княжеская; пока воображеніе возсоздаетъ ихъ дворцы на горѣ подлѣ собора, мысль хочетъ проникнуть въ ихъ душу, гдѣ примѣчашь противоположности рѣзкія, которыя примирялись какъ-то, а какъ, еще не понимаю. Для историческихъ монографій нѣтъ у насъ,—да, увн! едва ли еще и могутъ быть,—ни Тацитовъ, ни Прескоттовъ, ни Вальтеръ-Скоттовъ. Мысль о мемуарахъ привѣтствую отъ всей души. Только желалъ бы, чтобы авторъ позабылъ на этотъ разъ пошибъ академическій, былъ менѣе классикомъ, болѣе романтикомъ, или лучше дѣнисателемъ, вѣрнымъ исторической истинѣ, не пренебрегающей ни-

какою чертою, какъ бы ни была она мела, если только она даетъ игру физиогноміи, рельефность предмету. Исторія—изображеніе жизни, жизнь вся—драма, вся—поэзія. Ея назидательность, ея мораль не въ словахъ, а въ разительномъ истинномъ сопоставленіи событій. Такъ, по крайней мѣрѣ, я смотрю. Иначе не умѣю смотрѣть на исторію. Задача трудная, и вотъ почему не дерзаю приступить къ тому, что никогда не престану почитать своимъ долгомъ—мемуары объ отношеніяхъ моихъ къ митрополиту Филарету, моему второму отцу.

«Такъ какъ этимъ мемуарамъ естественно было бы предпослать и дать имъ въ проводники то, что составило бы моей собственной жизни памятникъ, то и вышло бы нѣчто похожее на ваше предпріятіе. Писемъ у меня много (*), хотя всѣ едва ли не самыя интереснѣйшія, какъ думаю, уничтожены по вниманію къ лицамъ писавшимъ. Есть памятные записки, отрывочно веденныя. Сожалѣю, что мало сохранилось дѣловыхъ бумагъ, во множествѣ изшедшихъ изъ рабочей моей въ теченіи 13-ти лѣтъ настоящаго моего служенія. Если взять съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, писать искренно, не стѣсняя себя ни въ широту, ни въ глубину, но, разумѣется, писать съ талантомъ историка и изяществомъ литератора: то выйдетъ, я увѣренъ, нѣчто столь разнообразное и своеобразное, столь картинное и драматическое, столь романтически-занимательное и религіозно-назидательное, что возбудитъ общее вниманіе. Но ни времени, ни терпѣнія, ни умѣнія нѣтъ у меня. Сколько уже листовъ, листовъ валяются у меня тамъ и самъ съ началомъ, прологомъ моихъ записокъ. На всякомъ листикѣ вариантъ одной и той же трогательной сцены. Монастырскій храмъ, чудотворная икона, предъ нею молодая прекрасная женщина въ горячей, слезной молитвѣ поручаетъ свое 2-хъ-лѣтнее болящее дитя, его жизнь, его судьбу, угодишку, предъ ликомъ моего молится. Этотъ монастырь—Сергіева пустынь близъ Петербурга; этотъ уго-

(*) Отъ починаго до 360, считая и резолюціи на моихъ письмахъ, а собственно около 250 писемъ и записокъ.

никъ преп. Сергій; эта женщина—Анна Иваловна, которую мы знали вдовой—старушкой, а Степанъ Алексѣевичъ—дѣвнцей красоты необыкновенной; а это дитя, слѣдовательно, азъ, мнѣхъ Леонидъ, мірскимъ именемъ Левъ, Васильевъ сынъ. Затѣмъ, кое-что еще, и опять тоже; чрезъ нѣсколько лѣтъ опять за тоже. Поразительно живо воспоминается мнѣ первый вывозъ меня, дитяти, въ большой свѣтъ, въ одинъ изъ блистательныхъ домовъ Петербурга двадцатыхъ годовъ. Это подъ искуснымъ перомъ могло бы быть интересною страницей. Судьба превосходной семьи полна трогательнаго драматизма. Съ 1828 г. и слѣдъ ея простылъ для меня, какъ будто бы не существовала. Что же бы вы думали? Въ Вѣлгородѣ случайный вопросъ открылъ мнѣ ее. Я увидѣлъ внучку и правнучку почтенной г-жи Глѣбовой; это дѣти и внуки ея дочери,—старушки, которую я помню очень живо 17-ти-лѣтней дѣвушкой. Я не видалъ ее, но вступилъ въ переписку: это самый ранній свидѣтель моей жизни. А вводныя-то лица! Общій для моихъ и вашихъ записокъ колоссъ—Филаретъ московскій. Потомъ, соименники его: кievскій, черниговскій, Григорій новгородскій, архим. Мазарій; а дружеское гнѣздышко подъ крышкою дома великаго Никона, а старцы, какъ Иларій, а лавра съ ея Антоніемъ, а милая Висанія, а дивныя плеяды академіи. Переступимъ за черту церковную. Развѣ не довольно потребуютъ труда личности, какъ Слѣпцовъ (читали ли вы въ «Русск. Вѣстникѣ» статью: Н. П. Слѣпцовъ,—прочитайте), Савельевъ, нѣкоторые типичные старцы, пріятели моихъ родителей; а мои наставники, товарищи въ пансіонахъ: англійскомъ, французскомъ, особенно въ горномъ институтѣ, а плаванье въ товариществѣ, изъ котораго вышли: министръ Зеленый, товарищъ министра (морскаго) Лесовскій, воспитатели великихъ князей, сыновъ царевыхъ—Посыетъ, Богъ, адмиралы—боевые, ученые, Керны, Бутаковы. Наконецъ не мало свиданій и даже продолжительныхъ бесѣдъ съ Высочайшими Особами. Мнѣ выпалъ жребій быть представленнымъ и говорить съ Ихъ Величествами и всѣми Ихъ Ав-

густѣйшими дѣтьми и нѣкоторыми другими членами царственнаго дома; съ нѣкоторыми бесѣдоваль неоднократно, и не мало, и серьезно, однихъ принималъ какъ гостей, у другихъ самъ былъ гостемъ, говорилъ имъ рѣчи, писалъ письма. Какую галерею женщинъ—христіанокъ могу я представить и въ черныхъ расахъ и въ свѣтской одеждѣ, скромной, бѣдной и пышной, блистательной, но все искренно-преданныхъ Господу Иисусу Христу, самоотверженныхъ, духовно-мудрыхъ, страдающихъ, борющихся, трудящихся, побѣдно-выходящихъ изъ общей битвы жизни—однѣ зримо для немногихъ, другія видимо для всѣхъ. Наше положеніе въ обществѣ имѣетъ ту невыгоду, что предъ нами многіе маску надѣваютъ; но я не хочу и дѣла имѣть съ масками. Хочу лучше своею выгодною стороною пользоваться и хранить память наставительную о тѣхъ, которые открываютъ душу свою въ той глубинѣ, до которой ни чей глазъ не доходитъ. А какое множество такихъ: трудно, даже невозможно припомнить всѣхъ. Думалъ я и о формѣ; думалъ что естественнѣе и живѣе повѣствовать въ порядкѣ хронологическомъ, по періодамъ; думалъ, что отчетливѣе, яснѣе, по предметамъ; думалъ предварительно надѣлать очерковъ биографическихъ; многое думалъ и ровно ничего не сдѣлалъ. Иногда думалось: пусть бы кто нибудь вызвалъ меня на трудъ письменныхъ воспоминаній. Ждалъ и наконецъ дождался. Послѣ 30-ти лѣтъ молчанія отозвался ко мнѣ товарищъ по воспитанію, потомъ гвардеецъ, теперь полтавскій помѣщикъ, отецъ и дѣдъ Г. А. Раговичъ, потомъ Кл. Н. Стремоухова, рожденная Глѣбова, о которой я упоминалъ. Оба желаютъ, чтобы я рассказалъ имъ о себѣ все, что произошло со мною съ тѣхъ поръ, какъ разстались. Съ нимъ разстался я въ 1840 г., съ нею въ 1828 г.: тутъ чуть не вся моя жизнь. Но день за день, то некогда, то лѣнь, то не умѣю взяться: такъ и не начиналъ. Дайте примѣръ: не вразумлюсь-ли?...

«Но когда же я кончу? Давно пора. Безъ ¼ часа полночь и наступитъ 28-е, памятное намъ обоимъ по ходамъ и служеніямъ

въ новодѣвичьемъ монастырѣ. У насъ дожди очень препятствуютъ полевнымъ работамъ, но вчера и сегодня погода превосходная. Новая луна показалась и скрылась за горизонтъ. Ночь черная, но теплая; даже на такой высотѣ, какъ мои кельи, тихо и тепло; окна открыты; въ глубокой тѣмѣ блещутъ звѣзды. Покойной ночи и долгожданнаго и мирнаго житія.»

26-го ноября предположено было торжественное освященіе витебскаго кафедральнаго собора, возобновленнаго на сумму, отпущенную изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ количествѣ около 70 т. рублей. Я почелъ долгомъ пригласить къ этому духовному торжеству моего возлюбленнаго московскаго друга. По этому поводу я писалъ ему отъ 16-го ноября:

«Если бы ваши обязанности дозволили вамъ предпринять путешествіе до града Витебска и принять участіе въ предстоящемъ торжествѣ освященія нашего кафедральнаго храма: это доставило бы мнѣ великое душевное утѣшеніе. Къ сожалѣнію, торжеству нашему не совсѣмъ благоприятствуетъ погода: но ни раньше не было возможности совершить освященіе, ни далѣе откладывать неудобно, по причинѣ испытанныхъ мною въ теченіи трехъ зимъ затрудненій въ отиравленіи торжественныхъ богослуженій.

«Приношу вашему преосвященству искреннюю благодарность за привѣтственную телеграмму въ 1-й день октября.

«Пространное и весьма интересное посланіе ваше отъ 27-го іюля изъ саввинскаго уединенія обязываетъ меня къ соответственному посланію: но для сего требуется уединеніе въ залуческую пустыню, которое, впрочемъ, теперь для меня невозможно; а городской шумъ и неотступная дѣла весьма неблагоприятствуютъ пространнѣмъ письменнымъ собесѣдованіямъ. Впрочемъ постараюсь, рано или поздно, уплатить вамъ лежащій на мнѣ долгъ дружбы.»

На мое приглашеніе преосвящ. Леонидъ не замедлилъ отвѣтить. Вотъ что писалъ мнѣ отъ 25 того-же мѣсяца:

«Вседушевно поздравляю васъ съ торжествомъ церкви древле-православнаго Витебска; духомъ вамъ соприсутствую; исполняю съ пренабыткомъ ваша духовныя радости; искренно сожалѣю, что не могу, по приглашенію вашему, быть у васъ сослужбникомъ и гостемъ въ этотъ благознаменательный день праздника вашего града стольнаго и сердца вашего архиепископскаго.

«Чтобы кто либо изъ епископовъ московскихъ былъ въ этотъ день въ Витебскѣ, который со всею страшною тягучею нѣкогда къ московскому митрополичьему престолу,—это желаніе я понимаю. Вы знаете, какъ я сознаю необходимость живаго между епископами общенія для оживленія церковно-народнаго быта; но это возможно было бы только при полуофициальномъ сношеніи вашимъ со владыкою московскимъ.

«Что касается до понятнаго сердцу желанія вашего, чтобы изъ людей, изстари вамъ преданныхъ, были около васъ свидѣтелями вашего богоблагословеннаго успѣха, то остается одно повторить вамъ увѣреніе, что между особенно сочувствующими вамъ стоитъ издали взирающій и радующійся, не видя видящій—вашего преосвященства, смиренный послушникъ *Леонидъ*, еп. дмитровскій.»

Торжество освященія соборнаго храма, подобно какъ и прежнія церковныя торжества, по случаю встрѣчи въ Витебскѣ и перенесенія въ Полоцкъ части мощей преп. Евфросиніи, было, по моему распоряженію, подробно описано, и это описаніе напечатано особою брошюрой. По выходѣ брошюры изъ печати, я немедленно послалъ преосвященному Леониду нѣсколько экземпляровъ, при слѣдующемъ письмѣ отъ 12-го марта 1873 года:

«Препровождая для вашего преосвященства и для присныхъ вамъ три экземпляра книжки съ описаніемъ торжества освященія нашего кафедральнаго храма, приношу вамъ сердечную благодарность за ваше искреннее сочувствіе моей духовной радости и за вашу братскую готовность раздѣлить со мною эту радость.

«Что скажу о себѣ? Минувшій годъ, по справедливости, можетъ быть названъ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ, однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ моей жизни. Въ теченіи его мнѣ довелось испытать столько огорченій, и при томъ преимущественно отъ людей, ко мнѣ близкихъ, сколько я никогда не испытывалъ. Впрочемъ, къ концу года Господь даровалъ мнѣ и нѣкоторыя утѣшенія.

«Начало текущаго года ознаменовалось для меня очень важными переменами въ нѣкоторыхъ обителяхъ моей епархіи: одинъ изъ настоятелей-архимандритовъ удаленъ изъ епархіи, а двое переселились въ вѣчность. Нужно избирать новыхъ настоятелей, а у меня и для казначейской должности нѣтъ ни одного благонадежнаго монаха. Такова во всемъ скудость бѣлорусскаго края! Помогите мнѣ, преосвященнѣйшій: нѣтъ ли у васъ въ виду хотя бы одного добраго старца, если не для настоятельской, то для казначейской должности.»

5-го апрѣля, въ великій четвергъ, преосвященный отвѣчалъ мнѣ:

«Принужденъ былъ бросить давно начатое письмо, которое продолжать было трудно по его содержанію. Оно вошло въ предметъ серьезный, заговорило о *судѣ церковномъ*, а серьезно продолжить его рѣшительно не было времени; ибо нижнѣйшій постъ ускользнулъ въ многихъ дѣлахъ, изъ коихъ нѣкоторыя были очень тяжки.

«Съ великимъ утѣшеніемъ думалъ я о васъ, яко обновителѣ и освятителѣ древняго храма. Мы понимаемъ другъ друга въ этомъ отношеніи, ибо пережили одинаковыя дни.

«Пишу вамъ и нынѣ, въ глубокой вечеръ великаго четвертка. Сегодня сподобилъ меня Господь въ соборѣ усенія совершить и вечерю тайную и мироосвященіе. Съ чувствомъ вспоминаю васъ и ваше быдое въ этотъ, трудный бывало, но, вѣроятно, припоминаемый для васъ день. Все было по древнему чину. Была и хиротонія и та по древнему порядку. Долго, дѣтъ 20 служившій диаконъ поставленъ въ пресвитера въ тотъ же приходъ, яко излюбленный прихожанами и архипастыремъ одобренный. Былъ въ соборѣ и причастникъ божественной трапезы отъ мірскаго чина. Кто бы вы думали? А. Н. Муравьевъ, на эти дѣѣ великія седмицы прибывшій въ Москву.

«Какъ бы хотѣлъ, чтобы письмо это явило меня вамъ не изъ послѣднихъ поздравителей съ великимъ днемъ!»

Получивъ это братское посланіе 8 числа, въ первый день пасхи, я не успѣлъ еще отвѣтить на него, какъ получаю отъ моего друга, 11-го числа, телеграмму, которою поздравляетъ меня съ Монаршею наградою—орденомъ св. Владимира 2-й степени. 14-го числа отвѣчалъ я преосвященному на то и другую:

«Братское посланіе ваше,—писалъ я ему,—имѣлъ я утѣшеніе получить, согласно вашему желанію, тотчасъ по выходѣ изъ храма отъ литургии въ свѣтлый день праздника. Да утѣшить васъ за сіе воскресшій Господь своимъ небеснымъ утѣшеніемъ!

«Желалъ бы и я, въ свою очередь, съ этими строками явиться къ вамъ въ нарочитый день вашего ангела, и, на ряду съ многочисленными почитателями вашими, принести вамъ мое душевное поздравленіе, съ искреннимъ пожеланіемъ вамъ на новое дѣто вашей иноческой жизни новыхъ и великихъ милостей отъ Господа.

«Начатый и неоконченный вами трактатъ о судѣ церковномъ меня очень заинтересовалъ. Покорнѣйше прошу васъ непременно окончить его и прислать мнѣ, какъ мою уже собственность. Для меня это тѣмъ интереснѣе, что, какъ слышно, по этому

вопросу будутъ требовать мнѣній отъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ не къ кому обратиться за совѣтомъ и потому вашъ взглядъ на означенный предметъ можетъ послужить для меня, въ потребномъ случаѣ, опорой и руководствомъ, хотя, можетъ быть, и въ отрицательномъ смыслѣ.

«Если это письмо застанетъ Андрея Николаевича въ Москвѣ, то покорнѣйше прошу поздравить его отъ меня съ праздникомъ и запросить его превосходительство, не изволитъ ли онъ за что-либо гнѣваться на меня, такъ какъ я, вопреки его обычаю, очень давно не получалъ отъ него отвѣта на мое къ нему письмо.

«Въ великій четвертокъ я возстановилъ прекратившійся, по случаю возобновленія кафедральнаго собора, обрядъ умовенія ногъ. Это умиленное зрѣлище привлекло въ храмъ множество народа не только православныхъ, но и римскихъ католиковъ.

«Праздникъ Христовъ встрѣтилъ я нынѣ, по милости Божіей, въ такомъ мирномъ настроеніи духа, въ какомъ давно уже не встрѣчалъ. Главная причина сего въ измѣненіи къ лучшему моихъ служебныхъ обстоятельствъ. Все прежде мятежное, окрестъ меня, или исчезаетъ, или начинаетъ мало-по-малу утихать и умиротворяться. Пора, пора наконецъ мнѣ отдохнуть и успокоиться....

«За привѣтственную телеграмму приношу вашему преосвященству искреннѣйшую благодарность. На другой день, послѣ моей отвѣтственной вамъ телеграммы, я имѣлъ счастье получить знаки Монаршаго ко мнѣ вниманія, при копіи съ Высочайшей грамоты, которая въ особенности для меня утѣшительна и которую, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени вы прочтаете въ газетахъ.

«У насъ давно уже началась весенняя погода, которая сильно манитъ меня за городъ. Въ концѣ этого мѣсяца я думаю уже переселиться въ свое мирное, уединенное Залучесье.»

18-го сентября преосвящ. Леонидъ былъ въ борисоглѣбскомъ женскомъ *Аносинъ* монастырѣ, звенигород-

скаго уѣзда, и служилъ здѣсь литургію по случаю совершившагося пятидесятилѣтія со дня открытія этой обители, основанной, въ 1823 г., вдовою, княгиною Евдокією Николаевною (въ монашествѣ Евгенією) Мещерскою. Въ концѣ литургіи пресвященный произнесъ слово, примѣчательное по изложеннымъ въ немъ историческимъ воспоминаніямъ, между прочимъ, о почившемъ въ Бозѣ митрополитѣ Филаретѣ. Печатный экземпляръ этого слова былъ присланъ мнѣ отъ него въ даръ. Позволяю себѣ выписать нѣсколько строкъ изъ этого замѣчательнаго слова:

«Быль сентябрскій день, и пасмурно было небо, и пожелтѣлый листь хрустѣлъ подъ ногами; но въ вашей обители было свѣтло и радостно, какъ будто въ праздникъ весело-разцвѣтающей весны. Даже здѣсь, въ самомъ храмѣ, обычная тишина и степенность измѣнились въ какое-то благоговѣйно-веселое движеніе, похожее на жужжаніе пчелъ въ ульѣ. Среди множества остроконечныхъ наглавниковъ черницъ бѣлѣлъ клубокъ митрополита Филарета. Въ тѣ дни великій іерархъ, оставивъ Москву, съ своими тамъ ежедневными заботами о паствѣ московской, о паствѣ всероссійской, о паствѣ вселенской, посѣтилъ здѣшнія мѣста, чтобы на мѣстѣ подвига уединенныхъ молитвъ препод. Саввы освятить храмъ, и своимъ благословеніемъ насадить при немъ пустынное общежительство, а здѣсь посѣтитъ свое старое духовное насажденіе и видѣтъ, *како втория* своимъ святымъ обѣтамъ инокини *пробывають* и преуслѣвають въ общей молитвѣ, общемъ трудѣ, взаимной о Христѣ любви. (*) Не взирая

(*) Событіе, воспоминаемое въ словѣ, состояло въ слѣдующемъ:

Въ верстѣ отъ обители преп. Саввы звенигородскаго, въ оврагѣ есть пещера, обогранная преп. Саввою. Усердіемъ П. Г. Цурикова, надъ пещерою построена каменная церковь съ келліями. 2-го сентября 1863 г. владыка Филаретъ освятилъ ее и благословилъ въ келліяхъ поселить монаховъ на правлахъ обще-

на изнеможеніе, онъ сначала прибылъ освѣтить благословеніемъ мира домъ той благочестивой четы, которая отъ полноты души христоролюбивой, льетъ щедроты на ту и другую обитель, и саввинскую и аносинскую,—и оттуда простерся сюда, ибо хотѣлъ, чтобы всѣ были утѣшены, *ни въ чемъ же лишены*. И прибылъ онъ сюда безъ всякой пышности, съ тѣмъ однимъ величіемъ, которое было такъ ему свойственно и которое въ немъ являлось особенно тогда, когда отлагалъ онъ весь блескъ, усвоенный его высокому сану, и являлся, какъ и на этотъ разъ, въ черной шерстяной одеждѣ инока, сіяя не звѣздами и алмазами, а младенческою улыбкою очей, которыя, не смотря на его возрастъ, еще сохранили свой необычайный свѣтъ, въ которыхъ горѣла его сильная душа, свѣтили его глубокій проникающій умъ—этотъ путеводный огонь, столько времени освѣщавшій пути для корабля церкви. Мы помнимъ, какъ здѣсь благоговѣйно молился онъ съ вами, съ какою отеческою любовію благословилъ каждую изъ васъ и какъ снисходительно бесѣдовалъ съ вами въ игуменской келлѣ о первоначальныхъ судьбахъ обители. Тутъ узнали мы, что еще, не будучи московскимъ архіереємъ, въ качествѣ синодальнаго члена, обратилъ онъ вниманіе на дѣло будущей аносинской обители, благопріятствовалъ ему и, когда былъ рукою Господнею поднятъ на высокой свѣщникѣ церкви московской, то не замедлилъ отъ свѣта своего затѣлить въ здѣшней пустыни тотъ священный огонь, который, благодареніе Господу,

жителства. Онъ пробылъ въ обители съ 1-го числа до 4-го. Утромъ, 4-го, онъ поѣхалъ (въ сопровожденіи пресвященнаго Леонда) къ П. Г. Цурикову и, пробывъ у него краткое время, заѣхалъ въ Аносно (въ 4-хъ верстахъ отъ Цурикова на пути къ Москвѣ), и отсюда, въ то же утро, поѣхалъ далѣе въ Москву.

Ровно чрезъ годъ (въ 1863 г.), въ то же самое время, былъ и я, какъ выше было написано, въ саввинскомъ монастырѣ, праздновалъ въ новооткрытомъ общежитіи годовщину, въ присутствіи устроителя онаго, П. Г. Цурикова, затѣмъ посѣтилъ его домъ и былъ, по пути къ Москвѣ, въ Аносинскомъ монастырѣ, гдѣ провелъ часа два или три въ бесѣдѣ съ почтенною игуменією и старшими сестрами.

не угасалъ въ теченіи 50-ти лѣтъ, и напротивъ все болѣе и болѣе разгорался, и освѣщая, и согрѣвая, и утѣшая сердца, ищущія свѣта правой вѣры и огня истинной любви. Хотя были признаки, что день его уже не далекъ отъ своего заката; но такъ какъ еще очень и очень ярко надъ небосклономъ церковнымъ сіяло это великое свѣтило, то мы и мечтали еще долго и долго наслаждаться тихимъ свѣтомъ его вечерней славы... Мы мечтали, а онъ прямо говорилъ, что «въ этихъ мѣстахъ онъ послѣдній разъ и что если предстоитъ ему оставлять иногда Москву, то развѣ для посѣщенія его возлюбленной сергіевой лавры». Какъ нѣкогда ап. Павелъ при прощаньи съ ефесскою церковью, словами: *и нынѣ вотъ я знаю, что уже не увидите лица моего.* (Дѣян. 20, 25), исполнилъ скорбію сердца, такъ и архипастырь нашъ; ибо имѣли мы много опытовъ, что глаголь его не возвращается тощъ. Онъ не преподавалъ намъ тогда никакихъ завѣтовъ, но мы внимали ему, смотрѣли на него, какъ смотреть и внимаютъ предъ тѣмъ, какъ разстаться съ отцемъ навѣки. Та любовь во взорѣ, въ голосѣ, съ которою благословилъ онъ быть общежитію при нещерѣ преп. Саввы, съ которою взиралъ на общежитіе аносинское, съ которою благодарилъ общаго нашего благодетеля, показывали намъ, какъ его радуется, что отъ начала его святительства въ Москвѣ не переставали одни усовершенаться, другія возникать и колоситься и созрѣвать нивы общаго монашескаго житія. Отъ юности чтилъ онъ монашество,—истинное монашество, какъ лучшій цвѣтъ христіанства, и самую свойственную для него почву находилъ въ общежительствѣ, которое и поощрялъ всемѣрно. Поэтому, охраненіе, усовершеніе и распространеніе того, что сдѣлано имъ для монашества общежительнаго, былъ его завѣтъ его духовному потомству. Того, что онъ сдѣлалъ, сказали мы,—а что онъ сдѣлалъ? Между этими двумя гранями — учрежденіемъ вашей обители въ 1823 г. и нашего скита въ 1862 г., вотъ сколько общежительныхъ обителей возникло подъ его рукою, — и не благословлены

ли онѣ Богомъ? Онъ учредилъ два скита при лаврѣ: геесиманскій и Параклитъ; чрезъ общежительный уставъ обновилъ и въ новой жизни возродилъ Угрѣшу, создалъ миссіонерское общежительство въ Гуслицахъ, далъ самостоятельность монастырю Бобреневу. Его рукою насажены цвѣтущія теперь общежительства женскія: среди верейскихъ болотъ—одигитріевское, на крови падшихъ за отечество—бородинское, на мѣстѣ старинныхъ боярскихъ жилищъ—влахернское, крестовоздвиженское. Въ то же время онъ усердно поддерживалъ прежнія общежительства на Пѣсноши, въ Верлюкахъ, въ Голутвинѣ, въ пустыняхъ: давидовой, екатерининской, женское въ Серпуховѣ. Но особенно видна душа этого истиннаго любителя монашества въ дѣлѣ устроенія вашего монастыря. Приснопамятная основательница борисоглебской обители была по духу мудраго архипастыря и смиренномудраго инока Филарета московскаго...»

Въ послѣднихъ числахъ того же сентября преосвящ. Леонидъ посѣщалъ другую женскую обитель — флоравскую общину, для которой въ 1866 г. составленъ былъ мною, по порученію, блаженной памяти, митрополита Филарета, проектъ правилъ. Цѣлю посѣщенія было освященіе въ этой общинѣ храма. Изъ общины преосвященный отправился, для отдохновенія, въ свою любимую Угрѣшу, откуда 1-го октября писалъ мнѣ:

«Только вечеромъ возвратился изъ подольскаго уѣзда, гдѣ былъ на освященіи храма въ женской общинѣ. Потому и не привѣтствовалъ телеграммой дорогаго имянинника. Письмо придетъ тоже не скоро; но я утѣшаюсь, что, по кр. мѣрѣ, оно начато въ день вашнхъ имянинъ. Теперь десятый часъ. Съ кѣмъ вы въ эту минуту, не знаю; но я съ вами одинъ на одинъ. Хотя родныхъ я не видалъ, нѣкоторыхъ съ мѣсяцъ, но знаю, что если и отъ ихъ имени буду васъ привѣтствовать, то это будетъ имъ очень приятно. По этому соединенными голосами поздравляю васъ съ анге-

домъ. Сегодня, когда, по чину архіерейскаго служенія, совершалъ я проскомидію, подходилъ, въ свою очередь, и почтенный іподіаконъ Алексѣй Егоровичъ (Списковъ), и я слышалъ, какъ онъ произнесъ ваше имя, а по окончаніи службы поздравилъ меня, что все меня тронуло.

«Я еще не водворился въ городѣ. Съ 17-го іюня перенесъ за черту Москвы мою резиденцію и до сихъ поръ не вносилъ ее обратно, хотя изъ разумовскаго выѣхалъ 24-го, но въ Москвѣ побывалъ только проездомъ на Угрѣшу, гдѣ состою даже и до нынѣ.

«Вчера очень усталось, прекратилъ письмо, а сегодня сію минуту случай въ Москву, и потому прѣсѣбаю письмо и прошу вашего святительскаго благословенія и молитвъ.»

Въ декабрѣ преосвящ. Леонидъ пожалованъ былъ отъ черногорскаго князя Николая орденомъ князя Данила 1-го во 2-й степени, между тѣмъ какъ высокопреосвященный митрополитъ московскій въ это же время получилъ знаки того же ордена 1-й степени. Когда я прочиталъ объ этомъ извѣстіе въ газетахъ, я не мало былъ удивленъ такимъ извѣстіемъ, и по этому поводу въ мартѣ 1874 г. писалъ преосвященному:

«Съ утѣшеніемъ, хотя и не безъ удивленія, узналъ я изъ газетъ о пожалованіи вамъ и московскому первосвятителю знаковъ черногорскаго ордена князя Данила. Примите мое искреннее поздравленіе съ такимъ лестнымъ вниманіемъ къ вамъ православнаго князя Черной горы: но благоволите, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить мнѣ, какъ это случилось и по какому поводу дарованъ вамъ черногорскій орденъ. Это очень меня интересуетъ. А притомъ желалъ бы я знать, какой видъ имѣетъ пожалованный вамъ знакъ и на какой онъ лентѣ.

«Простите, что такъ давно я не писалъ вамъ: то дѣнь, то недосугъ. Теперь, слава Богу, я немного удосужился. Недавно свалилъ съ плечъ одну тяжелую работу, а теперь раздѣлался и съ

другою. Разумѣю отзывъ о проектѣ духовнаго суда и епархіальный отчетъ за минувшій годъ.

«Отзывъ о проектѣ мною сдѣланъ въ отрицательномъ смыслѣ. Я ограничился, впрочемъ, разборомъ почти одной только 6-й статьи проекта, въ которой заключается сущность дѣла: но пришлось однакожъ написать не менѣе 30-ти листовъ. Нѣкоторые изъ владыкъ, какъ пишуть въ газетахъ, возбуждаютъ въ своихъ отзывахъ вопросъ о созваніи по настоящему дѣлу всероссійскаго собора церковнаго въ Москвѣ. Дѣло доброе и желательное: но сомнительно, чтобы это было допущено.—Неизвѣстно ли вамъ, какъ смотрятъ на дѣло церковно-судебной реформы высшіе петербургскіе іерархи...»

Велѣдъ за наградою отъ властителя иноземнаго, хотя и единовѣрнаго, преосвящ. Леонидъ удостоился получить драгоценный даръ отъ своего августѣйшаго монарха: 31-го марта 1874 г. ему всемилостивѣйше пожалована была золотая панагія, украшенная алмазами. 16 апрѣля, въ день ангела его преосвященства, я привѣтствовалъ его телеграммою и поздравлялъ съ Монаршимъ даромъ.

Въ отвѣтъ на мои привѣтствія преосвященный писалъ мнѣ отъ 25-го апрѣля:

«Отцы сказали: въ молитвѣ говори: «благодарю, прости, благовослови». Подъ этими тремя словами будетъ и мое къ вашему преосвященству обращеніе; ибо не къ одной только молитвѣ могутъ быть во главу поставлены слова сін.

«Благодарю васъ отъ всей души за письмо ваше, вызванное вопросомъ: не можетъ ли извѣстное лицо быть перемѣщено въ андрониковъ монастырь, и отвѣтствую скорѣе, чтобы перейти къ другимъ предметамъ? 1) Нѣтъ никакого предложенія о перемѣщеніи нынѣшняго архимандрита. 2) На замѣщеніе настоятельскихъ вакансій виваріи не имѣютъ никакого вліянія, какъ не имѣ-

ли и въ ваше время, и это превосходно для моей совѣсти; ибо однажды, по волѣ архипастыря, я вошелъ въ такое дѣло и не перестаю сожалѣть объ этомъ.—До здѣ настоящаго вѣка.

«Благодарю за поздравленіе съ черногорскимъ орденомъ и тѣмъ болѣе, что онъ для меня очень пріятенъ, какъ свидѣтельство о томъ, какъ мужество, на крѣпкой вѣрѣ утвержденное, сдѣлало маленкій народъ княжествомъ столь значительнымъ, что властитель его становится въ рядъ государей европейскихъ и съ величайшими вѣнценосцами обмѣнивается орденовыми знаками, и притомъ это православный Государь, первый и единственный послѣ всероссійскаго монарха. вмѣсто требуемаго вами описанія орденовыхъ знаковъ, я собирался сдѣлать для васъ свой портретецъ, на которомъ вы увидѣли бы на груди моей подобіе созвѣздію, называемому у астрономовъ тригольникомъ, но не собрался, не по лѣности только, но и по недосугамъ. То, что отъ лѣности, должно быть наказано и наказывается тѣмъ, что вмѣсто употребленія времени на другія рѣчи съ вами, употребляю его на требуемое вами описаніе. Орденъ учрежденъ въ 1852 г., княземъ Данииломъ 1-мъ, въ ознаменованіе побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ турками, и раздѣляется имъ на четыре степени, точно такъ, какъ наши ордена св. Георгія и св. Владиміра; слѣд. вторая, полученная мною, состоитъ изъ звѣзды на лѣвой сторонѣ груди и изъ креста на шеѣ. Звѣзда серебряная изъ 16-ти лучей, 8-ми гладкихъ и 8-ми зернистыхъ, въ среднѣй крестъ той же величины, что шейный, равноконечный, голубой съ бѣлыми каймами, а средина алая съ бѣлою каймою и золотою монограммою: Д. 1.; шейный крестъ точно того же вида; на обратной сторонѣ, въ сердцевинѣ его надпись: «за независимость Черногоріи, 1852». Надъ вѣстомъ золотая княжеская корона. Лента бѣлая, съ узкими каймами, алая цѣпта.

«По какой причинѣ украшены этимъ орденомъ митрополитъ московскій, его викарій и протоіерей романовскій? На это отвѣтъ. Славянскій комитетъ просилъ отъ богатства московскихъ ризницъ

удѣлить что либо на Черногорію. Владыка поручилъ мнѣ этимъ распорядиться. Отъ юности любилъ я восторженно этотъ славный народъ и почиталъ себя счастливымъ, когда поручено мнѣ было быть, такъ сказать, приставомъ при епископѣ черногорскомъ въ бытность его въ Москвѣ и когда потомъ въ Москвѣ же представлялся я князю Николаю I. Особенно же сблизился я съ черногорскимъ владѣтельнымъ домомъ чрезъ двоюроднаго брата князя-го Божицара, примѣчательнаго юношу, который, получивъ полное образованіе въ Парижѣ, сохранилъ вопліи любовь и преданность родной странѣ. Онъ предсѣдатель сената и очень любимъ при нашемъ дворѣ. Онъ жилъ въ Москвѣ довольно долго, и я нѣрѣдко выдался съ нимъ, сопровождалъ его и изрѣдка переписываюсь. Чрезъ него и консула Юнгина я довольно ознакомился съ нуждами этой, столь же славной и симпатической, сколько и бѣдной, страны. Естественно, что я хотѣлъ особенно тщательно исполнить порученіе владыки и обратился къ пятиницкому благочинному. Василій Ивановичъ превзошелъ мои ожиданія. Всякой утвари и ризъ собралъ онъ много и образовалъ изъ всего собраннаго выставку, удивившую меня и тѣмъ болѣе славянскій комитетъ. Говорятъ, что владѣтельный князь, обозрѣвая все это богатое и изящное собраніе, бывъ тронутъ до слезъ, сказалъ: «я сзумѣю отблагодарить»,—и пожаловалъ владыкѣ 1-ю, мнѣ 2-ю, а протоіерею 3-ю степень ордена кн. Данила. Владыка, по своему, можно сказать, нѣжному вниманію къ моему недостоинству, усугубилъ мнѣ значеніе этого пожалованія, распорядившись такъ, чтобы знаки ордена могъ я возложить на себя въ самый день Рождества Христова. Съ тою же любовію дѣйствуя, сообщилъ онъ особое для меня значеніе и пожалованной мнѣ, по его представленію, брилліантовой панагіи. По возвращеніи отъ утрени изъ усненскаго собора, въ самый день пасхи я получилъ отъ него телеграмму съ извѣстіемъ о пожалованіи, а по возвращеніи отъ литургіи и самую панагію, наканунѣ вечеромъ ему присланную и въ тотъ же часъ отправленную имъ ко мнѣ съ секретаремъ его. Притомъ надобно

сказать, что старецъ, уволивъ секретаря до пятка, оставался *одинъ*; ибо прот. Гавриилъ Нв. лежалъ больной. Можете представить, какъ все это тронуло меня. Спаси его Господи и даруй мнѣ служить ему вѣрно!

«Другаго рода утѣшеніе имѣлъ я во дни пребыванія здѣсь Государа. Подъ сѣнію московскихъ чудотворцевъ, все было такъ благополучно, мирно, свѣтло, многое радостно, иное трогательно, что конечно останется навсегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Преподробно все я описалъ въ письмахъ ко владыкѣ: въ извлеченіи пускаю это описаніе по избраннымъ. Форма описанія такова, что для печати, думаю, негодится. Скажу здѣсь хотя то, что у мощей св. Петра митрополита я сказалъ рѣчь великой княгини (Маріи Александровны) и отъ имени чудотворцевъ освѣщилъ ее златою иконою путною, и тутъ же этою же иконою, по моему предложенію, благословилъ ее державный ея родитель. Кроме Его дѣтей, никого не было въ тѣсномъ придѣлѣ, и минута была восхитительная. На свадебномъ обѣдѣ, благодаря молвѣ, вѣроятно, отъ милостивой ко мнѣ Цесаревны, о моемъ англійскомъ языкѣ, со мною благоволили говорить, и очень благосклонно, принцы—прусскій, датскій и всѣ три англійскіе. Познакомился я тутъ и съ деканомъ Стенлеемъ, и, кажется, былъ съ нимъ и довольно внимателенъ, и остороженъ, какъ въ это первое, такъ во второе и послѣднее свиданіе. При дворѣ онъ очень милостиво принять, и Государь изволилъ послѣ обѣда вторично ко мнѣ подойти, чтобы спросить, ознакомился ли я съ Стенлеемъ. Впрочемъ тутъ же говорилъ о своей предполагаемой побѣдѣ въ лавру. Тамъ, какъ на дняхъ связывалъ мнѣ о. намѣстникъ лавры, Государь сказалъ о. Антонію въ соборѣ: «хочу идти на могилу преосв. Филарета, Я любилъ его, какъ отца роднаго!»... Когда вошелъ въ Филаретовскую церковь, трижды въ землю поклонился и долго стоялъ у гробницы на колѣняхъ съ преклоненною главою. Да будутъ эти минуты благоплодны для церкви и для души царевой!

«Въ Лаврѣ былъ я на дняхъ по случаю диспута Н. Н. Суббо-

тина. Свѣтскіе оппоненты дѣлили преніе, кажется, изъ одной части долго говорить съ такимъ специалистомъ. Рѣчь его превосходна, но содержаніе въ газетахъ передано не такъ, чтобы дать о ней ясное понятіе.

«Теперь о другомъ, о домашнемъ. Братъ на нестерпимо тяжелой службѣ своей простудился сначала поста и не можетъ хорошенько оправиться. Екат. Вас. въ обители трудится въ разнообразныхъ послушаніяхъ, а главное въ обученіи южныхъ славянокъ. Олимп. Вас. и Тат. Вас. болѣе всего хвораютъ и учатъ меня терпѣнію и другимъ добродѣтелямъ, въ примѣръ своему. Всѣ васъ любятъ, почитаютъ, вспоминаютъ.

«Прошу вспомнать, что 26-го апрѣля 15-ть лѣтъ, какъ отпустилъ меня въ тайнствѣ покаянія, вы сопровождали меня къ тайнству хиротоніи епископства, и прошу продолжать сопровождать меня своими святительскими молитвами въ трудномъ, какъ сами знаете, пути сего служенія.

«Благословите. Уже второй часъ за полночь, а въ 5-ть разбудать, а тамъ послѣ литургіи экзаменъ и т. д.

«P. S. Утро 25-го. Простите, зарпортовался я (говоря по солдатски) такъ, что и забылъ благодарить васъ за дорогую память о 16-мъ апрѣлѣ. Не отвѣчалъ телеграммою, воспріять рѣшительное намѣреніе на другой же день писать письмо, и увы! Сіе намѣреніе, какъ и многія другія, не исполнилось. Благодарю *сердечно*, и это вы знаете.—Наки благословите. Прогѣли мы утреню св. Марку евангелисту и уже слышу—часы начинаются, а я вбѣжалъ въ келью изъ храма, чтобы сіе приписать. Простите.»

Когда пресвящ. Леонидъ дѣлалъ эту приписку, онъ и не воображалъ еще, что у него на саввинскомъ подворьѣ произойдетъ въ тотъ же день вечеромъ и на слѣдующій—утромъ. А произошло вотъ что:

„Часовъ въ семь вечера началось въ домашней церкви саввинскаго подворья всенощное бдѣніе, которое

было совершено преосвященнымъ Леонидомъ соборнѣ.

„Въ концу богослуженія, келліи преосвященнаго наполнились посѣтителями, собравшимися его привѣтствовать... По выходѣ преосвященнаго изъ церкви въ келліи, онъ былъ привѣтствованъ А. Н. Стрекаловой, которая была избрана представительницею отъ всѣхъ пожелавшихъ принести ему въ знакъ ихъ благорасположенія серебро-позлащенную умывальницу.

„Въ гостинной у стола, на которомъ стоялъ этотъ драгоценный подарокъ, С. М. Сухотинъ прочелъ отъ лица всѣхъ участвовавшихъ въ приношеніи рѣчь, въ которой, по поводу совершившагося пятнадцатилѣтняго служенія преосвященнаго въ званіи московскаго викарія, выражены были общія живыя чувства преданности и признательности за его заслуги для московскаго общества.“

Выслушавъ рѣчь, преосвященный, видимо тронутый, отвѣчалъ:

«Внимая этой глубокотрогательной для меня рѣчи, я слышу слово: *воспоминаніе*, и скажу, что въ эти минуты вечера, столь для меня отраднаго, я невольно воспоминаю два другіе знаменательные для меня вечера.

«На дняхъ сорокъ лѣтъ исполнится какъ въ ясный и холодный майскій вечеръ, на кронштадтскомъ рейдѣ, впервые спустился я по трапу подъ палубу воинаго фрегата, и первые звуки, коснушіеся моего слуха, были не боевые клики, а радостное пасхальное пѣніе: *Христосъ воскрес!* Моряки молились.

«Былъ другой вечеръ: тому 37 лѣтъ, также холодный и ясный мартовскій вечеръ въ Петербургѣ. Я въ первый разъ представлялся, блаженной памяти, митрополиту Филарету московскому: великій іерархъ благоволилъ бесѣдовать со мною.

«Первый изъ этихъ вечеровъ полагалъ начало моеи жизни общественной на поприщѣ военномъ, къ которому готовило меня воспитаніе и которое однако было непродолжительно; второй—положилъ начало тому направленію моеи жизни, къ которому не была я приготовлена ничѣмъ, кромѣ тайнаго влеченія сердца и по которому даровалъ мнѣ Богъ слѣдовать до нынѣ.

«Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи тридцати лѣтъ, былъ я при митрополитѣ Филаретѣ, какъ при великомъ, вѣрникомъ кораблѣ привязанная къ нему утлая ладья.

«Руководимый его разумомъ, согрѣваемый его любовію, я искалъ одного: быть послушнымъ орудіемъ его священнои воли, находя въ ней для себя спокойствіе и отраду, безопасность и благонадежность для будущаго земнаго и небеснаго. Я былъ принятъ имъ и приведенъ сначала въ лавру троицкую, къ свѣту двойнаго свѣтильника, горящаго предъ гробомъ Сергіевымъ—свѣтильника жизни иноческой и свѣтильника науки духовной, и потомъ, изъ тишины монастырской изведенъ имъ къ должностямъ начальственнымъ въ шумъ царствующаго града, гдѣ вотъ уже двадцатый годъ я жительствую. Всегда и во всемъ видѣлъ я въ великомъ іерархѣ великаго учителя, у котораго хотѣлось навсегда быть ученикомъ, хотя, быть можетъ, я только любовался, а не пользовался его свѣтомъ. По крайней мѣрѣ незабвенны для меня въ его словѣ и примѣрѣ какъ уроки вѣрнаго храненія канонѣвъ святой православной церкви со всѣми отце—преданными ея уставами, такъ и уроки уваженія къ духу евангельской любви, выражаемому въ жизни и дѣлахъ членѣвъ церкви Христовой, общественныхъ и частныхъ. Какъ многіе годы не оставая Москвы, онъ давалъ направленіе важнѣйшимъ дѣламъ, можно сказать, всей вселенской церкви; такъ многіе годы, почти не выходя изъ келліи, онъ, можно сказать, воспитывалъ возлюбленную ему паству московскую для дѣлъ и жизни христіанской, сочувствіемъ, совѣтомъ, покровительствомъ. Я позволю себѣ смѣло сказать, что тотъ отсвѣтъ христіанской мысли, христіанскаго чувства, который такъ радуется

душу въ большей части нашихъ московскихъ общественныхъ благотворительныхъ начинаній и учреждений, есть слѣдствіе непрерывнаго духовнаго общенія московскаго свѣтскаго общества съ архипастырями московскими и вообще съ духовенствомъ,—общенія, которому начало положено еще митрополитомъ Платономъ, которое развито, укрѣплено и упрочено митрополитомъ Филаретомъ, пріято и поддержано ихъ знаменитымъ преемникомъ. Поэтому то, что въ дорогихъ для меня сейчасъ высказанныхъ словахъ, упомянуто о моемъ участіи въ жизни и разныхъ полезныхъ предпріятіяхъ московскаго общества, составляетъ для меня не трудъ, за который меня надобно бы хвалить, а отдыхъ и наслажденіе, за которое я обязанъ благодарностію тѣмъ, кто мнѣ доставляетъ случай, хотя сколько нибудь, прикасаться сочувствіемъ или дѣйствіемъ къ обстоятельствамъ жизни частной, или къ дѣламъ, составляющимъ честь и украшеніе и вѣнецъ жизни московскаго свѣтскаго общества. Сколь неожиданное, столь и утѣшительное для меня нынѣшнее собраніе въ моихъ келліяхъ того, что составляетъ цвѣтъ возлюбленной Москвы, потому наводитъ меня на воспоминаніе двухъ вечеровъ на утренней зарѣ моей жизни, что сегодняшній вечеръ, по своему значенію для меня, какъ награда за все, что не своею силою, а милостію Божіею, могъ я сдѣлать одобрительнаго и какъ поощреніе къ тому, чего общество въ правѣ отъ меня потребовать, будетъ радостно озарять и направлять вечеряющій день моей жизни, въ ожиданіи, по общему христіанскому упованію, разсвѣта дня невечеряющаго.»

На другой день, 26-го числа, послѣ литургіи и молебна, преосвященный снова увидѣлъ въ своихъ поклояхъ множество поздравителей. Прежде всѣхъ намѣстникъ чудова монастыря поднесъ его преосвященству, отъ имени высокопреосвященнаго митрополита Иннокентія, образъ Нерукотвореннаго Спаса и вручилъ ему собственноручное письмо владыки. Затѣмъ привѣтство-

вали его прочія духовныя лица. Наконецъ старшина купческаго сословія, д. с. с. В. М. Востанджогло, изъяснилъ въ краткихъ словахъ, что московское купечество въ ознаменованіе торжественнаго дня 15-ти-лѣтняго архипастырскаго служенія его преосвященства, положило препровождать къ нему, въ продолженіи одного полнаго академическаго курса, по 300 р. для пособія тремъ студентамъ м. д. академіи, и, сверхъ сего, тутъ же поднесъ ему изящную золотую панагію, украшенную брилліантами, изумрудами и рубинами, цѣною до 6000 р.

Послѣ частныхъ отвѣтовъ на привѣтствія поздравителей, преосвященный обратился ко всему обществу съ слѣдующими словами:

«На берегу финскаго залива есть монастырь, именуемый Сергіева пустынь, и въ немъ, принесенная нѣкогда изъ троицкой лавры, чудотворная икона преп. Сергія. Предъ этою иконою молодая женщина положила своего большаго двухлѣтняго младенца, съ горячею мольбой: или прекратить его жизнь, если она на зло обречена, или исцѣлить его и принять подъ свой святыи покровъ.

«Преподобный внялъ молитвамъ юной, пламенно-вѣрующей души: младенецъ выздоровѣлъ и преподобный болѣе пятидесяти пяти лѣтъ, можно сказать, не отпускаетъ его отъ себя, такъ какъ этого младенца вы видите во мнѣ.

«Въ сѣверной столицѣ рожденный и воспитанный для борьбы съ морскими бурями и опасностями войны, я успѣлъ довольно рано оставить оружіе тѣльное, чтобы перевоспитать себя для духовной брани, въ обители, гдѣ самъ преп. Сергіи почиваетъ въ благоуханіи святыни нетѣльныхъ мощей своихъ. Когда же священной и державной волѣ благоугодно было назначить мнѣ высшее служеніе церковное, мнѣ суждено вмѣстѣ съ тѣмъ всту-

пить подъ кровь ученика Сергіева, преп. Саввы сторожевскаго, и впервые издали завидѣвъ златые верхи этой дивно-прекрасной обители, почему-то сказало сердце: здѣ покой мой, здѣ вселюся.

«Въ благосклонной рѣчи, сейчасъ выслушанной мною, мнѣ приписано въ заслугу, что я неоднократно отклонялъ отъ себя честь быть самостоятельнымъ епископомъ. Подъ небеснымъ освѣщеніемъ такихъ подвижниковъ, какъ преподобные Сергій и Савва, легко мнѣ было убѣдиться, что и для меня быть викаріемъ такихъ святителей, каковы Филаретъ и Иннокентій, — гораздо полезнѣе, нежели быть гдѣ-либо самостоятельнымъ архіереемъ, подобно тому, какъ сподвижникъ Сергія и Саввы, архимандритъ Симонъ, убѣдился, что для него спасительнѣе быть послушникомъ въ пустынѣ Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ.

«Отъ юнаго возраста воспитавшись въ послушаніи, я шель куда указывалъ мнѣ путь благодѣтель мой, въ Возѣ почившій архипастыръ московскій, и такъ дошелъ я до дня, въ который открылась для него могила. Тогда я думалъ, что настало время заключиться въ обители сторожевской, для укрѣпленія въ себѣ спасительной памяти смертнаго часа. Благая воля преемника Филарета удержала меня до времени, и то благоволеніе и надежное руководство, та любовь, отечески нѣжная, которая я нашелъ въ новомъ архипастырѣ, чье имя славно и въ старомъ и въ новомъ свѣтѣ, дѣлаютъ мнѣ и трудъ легкимъ и время незамѣтнымъ. Невѣрится, что я служу въ настоящей своей должности гораздо долѣе, нежели кто-либо изъ монаховъ предшественниковъ.

«Благое слово добрыхъ сердець даетъ значеніе тому, что я люблю Москву и москвичей. Но развѣ есть истинно-русскій человекъ, который могъ бы не любить Москвы — колыбели русской славы, сердца русской жизни? Развѣ есть русскій, чьи очи могли бы насытиться видомъ Москвы съ высоты времени, чей слухъ могъ бы послушаться звуками ея колоколовъ въ полунощи Свѣт-

лаго Христова Воскресенья или другаго великаго праздника? И гдѣ могъ бы я найти, при исполненіи обязанностей моего званія, содѣйствіе духовенства болѣе просвѣщенное и благонамѣренное, болѣе вѣрное завѣтамъ протеческаго благочестія, болѣе готовое въ несенію благаго ига послушанія? Гдѣ могъ бы я найти столь проникнутое церковностію свѣтское общество, чтобы оно съ духовенствомъ такъ сближалось и соединялось въ единое тѣло духовное, и образовало бы церковь Божію въ истинномъ значеніи слова? Гдѣ могъ бы, наконецъ, найти такое теплое сочувствіе и отъ духовенства и отъ всѣхъ сословій, такое поощреніе для себя, какими пятнадцать лѣтъ пользуюсь и какія такъ особенно глубоко меня трогаютъ и улаждаютъ въ эти для меня незабвенные дни, которые да будутъ и днями благословенія для всѣхъ благожелательныхъ душъ, почтившихъ меня не по мѣрѣ моихъ заслугъ и достоинствъ, а по мѣрѣ своей любви великодушной? Воздавая за все хвалу въ троицѣ славимому Богу, повергаясь предъ святинею моего милостивѣйшаго архипастыря, съ такою любовію привѣтствующаго и благословляющаго меня нынѣ св. иконою Спасителя нашего, я приношу смиренно и сердечно благодарность всѣмъ и каждому изъ васъ, призывая на васъ Божія благословенія, земныя и небесныя, и благословляю тѣ минуты, въ которыя выражалъ я рѣшимость не разставаться съ занимаемою мною должностію. Наконецъ прошу вашихъ молитвъ на продолженіе моего служенія, пока, аще Богъ изволитъ, не осуществится предсказаніе сердца и преп. Сергіемъ воспріятый въ младенствѣ не обрѣту подъ старость вселенія на покой временный и вѣчный, подъ кровомъ обители его ученика, свят. игумена сторожевскаго.» (*)

Не только Москва, но отчасти и Петербургъ отозвался на юбилейное празднество, происходившее 26-го апрѣ-

(*) Подробности этого необычайнаго юбилейнаго празднества описаны и напечатаны въ № 109 „Москов. Вид.“ 1874 г. и въ № 20 „Моск. Епарх. Вид.“ того же года.

ля на московскомъ саввинскомъ подворьѣ. С.-петербургскій горный институтъ не задолго предъ тѣмъ праздновалъ свой столѣтній юбилей и въ числѣ своихъ почетныхъ гостей имѣвшій московскаго викарія, епископа дмитровскаго Леонида, какъ своего бывшего питомца, теперь, въ свою очередь, самъ посѣщилъ на юбилей къ этому достойнѣйшему питомцу съ почтительнымъ коллективнымъ адресомъ. Составленный институтомъ по сему случаю адресъ предварительно былъ напечатанъ и препровожденъ къ юбиляру въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ былъ доставленъ мнѣ въ Витебскъ отъ самого юбиляра. Вотъ содержаніе этого адреса:

«Пресвященнѣйшему Леониду, епископу дмитровскому, викарію московскому:

«Горный институтъ почтительнѣе приноситъ вашему преосвященству искреннѣйшее поздравленіе, по случаю совершившагося пятнадцатилѣтняго достославнаго служенія вашего въ епископскомъ санѣ. Праздникъ, устроенный въ Москвѣ въ честь вашу, пресвященнѣйшій владыко, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и праздникъ горнаго института — вы его питомецъ!... Между именами воспитанниковъ этого заведенія, прославившихъ себя и мѣсто своего воспитанія, между тѣми именами, которыми институтъ нашъ вправѣ гордиться, имя вашего преосвященства записано неизгладимыми чертами. Но и по многимъ другимъ воспоминаніямъ оно дорого и родственно ему: горный институтъ не забудетъ тѣхъ чувствъ, которыя вы благоволили ему выразить съ такою любовію въ достопамятную для него эпоху — во время его столѣтняго юбилея. Къ торжественному дню института вы нарочно прибыли въ С.-Петербургъ, чтобы совершить богослуженіе въ церкви близкаго вашему сердцу заведенія, въ которомъ провели вы нѣкогда золотые годы юности. При свя-

тительскомъ предетательствѣ вашего преосвященства, наши теплыя молитвы были вознесены ко Всевышнему и низвели на праздникъ нашъ осѣненіе Его благодатію. Равномѣрно, горный институтъ началъ второе столѣтіе своего существованія съ вашего архипастырскаго благословенія — не счастливое ли это для него предзнаменованіе!... Узъ, связующія горный институтъ съ вами, досточтимый архипастырь, неразрывны; онѣ основаны на горячей любви, братской привязанности, благородной признательности и глубокомъ уваженіи.

«Горный институтъ, привѣтствуя васъ сегодня съ живѣйшимъ участіемъ, выражаетъ сердечное желаніе, чтобы ваше преосвященство еще многія и долгія лѣта продолжали достославное служеніе вашей церкви, Государю и отечеству.

«26-го апрѣля 1874 г. С.-Петербургъ.»

Узнавши изъ газетъ о происходившемъ на московскомъ саввинскомъ подворьѣ, 26-го апрѣля, празднествѣ, не замедливъ и я обратиться къ досточтимому юбиляру съ своимъ братскимъ, сердечнымъ поздравленіемъ. 7-го мая писалъ я преосвященному Леониду:

«Пресвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель!

«Послѣ торжественныхъ привѣтствій, принесенныхъ вамъ въ 26-й день минувшаго апрѣля — достопамятный день вашей святительской хиротоніи, усердными и благочестивыми сынами и дщерями московской паствы, примите и мое братское, всеусерднѣйшее поздравленіе съ совершившимся пятнадцатилѣтіемъ вашего ревностнаго, истинно — пастырскаго служенія св. церкви въ санѣ епископскомъ. Да хранитъ васъ во здравіи на многія лѣта великій архіерей и пастыреначальникъ Господь Иисусъ Христосъ и да даруетъ вамъ свою благодатную помощь къ продолженію вашего многопользнаго служенія московской церкви, къ облегченію трудовъ ея маслитаго архипастыря, къ утѣшенію и назиданію вѣр-

нихъ сыновъ ея, которые такъ торжественно и такъ любвеобильно засвидѣтельствовали предъ лицомъ всей Россіи ваши высокія достоинства и ваши заслуги для московской церкви. По истинѣ, только древлепрестольная Москва можетъ такъ цѣнить и вознаграждать заслуги общественныхъ дѣятелей.

«Съ чувствомъ сердечнаго умиленія читалъ я въ московскихъ вѣдомостяхъ описаніе торжества 25 и 26 апрѣля на саввинскомъ подворьѣ. При этомъ я мысленно перенесся въ знакомые и, могу сказать, родственные мнѣ покои саввинскаго подворья и какъ бы лично присутствовалъ при всемъ, что тамъ происходило. Отраднo видѣть и слышать, что и нынѣ, среди общаго охлажденія религіознаго духа, достоинства и заслуги служителей Христовой церкви имѣютъ еще не мало цѣнителей и читателей. Честь и слава Христолюбивой Москвѣ!..»

«Но я подумалъ при этомъ, что едва-ли кому нибудь, изъ присутствовавшихъ васъ 26 числа, такъ памятно, какъ мнѣ, вступленіе ваше на поприще епископскаго служенія. Я очень живо помню и первую вѣсть, принесенную вами мнѣ въ синодальный домъ, о вашемъ назначеніи на дмитровскую кафедру, и составленіе вами въ моленной патріарха Никона рѣчи для произнесенія при нареченіи васъ во епископа, и самый чинъ нареченія, и отвѣтъ на вашу рѣчь незабвеннаго святителя, и приготовленіе для васъ архіерейской мантии, и сопровожденіе васъ съ троицкаго подворья въ успенскій соборъ къ хиротоніи, и проч. и проч. Памятны для меня и ваши первые труды въ санѣ епископа и водвореніе ваше на саввинскомъ подворьѣ, и ваше введеніе меня въ должность ректора московской семинаріи. Незабвенно для меня и ваше братское руководство на первыхъ шагахъ моего вамъ сослуженія въ званіи втораго викарія; приснопамятны для меня и наши съ вами путешествія на троицкое подворье, нерѣдко въ одной каретѣ. Вообще, взаимныя наши отношенія составляютъ для меня до нынѣ предметъ самыхъ утѣшительныхъ воспоминаній. Сохраню о васъ и до гроба искренне-благодарное воспо-

минаніе. Надѣюсь, что и вы не лишите меня вашей доброй памяти и вашего братскаго расположенія.

«На память совершившагося пятнадцатилѣтія вашего святиТЕЛЬскаго служенія и въ залогъ взаимнаго молитвеннаго общенія нашего, прошу принять отъ меня препровождаемая вмѣстѣ съ симъ чѣтки, или, по древнему, *вервицу*.

«Душевно благодарю васъ за удовлетвореніе моему любопытству относительно черногорскаго ордена и за ваше дорогое посланіе, преисполненное интересныхъ свѣдѣній. Благоволите и впредь утѣшать меня на чужбинѣ такими братскими посланіями.

«Желалъ бы я выслушать вашу повѣсть о путешествіи вашемъ въ сѣверную столицу на юбилейный праздникъ учебнаго заведенія, давшего вамъ первоначальное образованіе, и о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія вы оттуда вынесли.»

Въ отвѣтъ на мое поздравленіе преосвящ. Леонидъ прислалъ мнѣ письмо на трехъ листахъ; и вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 25-го мая:

«Тѣмъ утѣшеніемъ, которое доставлено мнѣ письмомъ вашимъ дружескимъ, могъ ли я не подѣлиться съ родными моими? Письмо это гостило у сестеръ, и только нынѣшнимъ вечеромъ возвратилось: вотъ почему отвѣтствую не ранѣе.

«Торжество, сколько скромное по отсутствію всякой формальности, столько блистательное по составу общества; сколько смутившее меня и внезапностію и размѣромъ, столько утѣшившее и умиллившее меня искренностію, радушіемъ, дружественностію, почтительностію безъ принужденія, простотою безъ фамильярности,—это торжество прежде всего и болѣе всего свидѣтельствовало о достоинствахъ Москвы.

«Много есть въ Россіи епархій, много архимандрій достойнѣйшихъ, долго служившихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ (разумѣю кафедры самостоятельныя); но гдѣ и кому изъ нихъ дано такое свидѣтельство, каковымъ Москва выискала худѣйшаго мѣстнаго викарія, не въ награду, ибо не за что; а конечно—въ

поощрение?... Вина не въ недостаткѣ достойныхъ архіереевъ въ русской церкви, а въ томъ, что Москва одна въ Россіи.

«Думаю, что изъ прочитаннаго вами въ этомъ письмѣ васъ удивляетъ мое *смущеніе отъ внезапности*, а между тѣмъ это вѣрно. Разъ и два доходили до меня слухи, но столь слабые, столь неопредѣленные, что ихъ слѣдовало оставить какъ бы безъ вниманія, чтобы не сдѣлать себя смѣшнымъ, или не навлечь на себя порицанія за напоминаніе о себѣ. Господь былъ такъ милостивъ ко мнѣ, что даже отводилъ мой взоръ отъ газетъ, въ которыхъ печаталось о приготовленіяхъ. Этихъ извѣстій, говорить, было не мало; но чему и повѣрить трудно, мнѣ одно только понало въ московскихъ вѣдомостяхъ: «насъ извѣщаютъ, что 26-го апрѣля исполнится 15-тъ лѣтъ, какъ висарій... вступилъ въ эту должность». Меня огорчили слова: *насъ извѣщаютъ*, и я тотчасъ поѣхалъ къ Мих. Никифоровичу (Каткову) для объясненій: къ счастью, онъ тогда былъ въ Петербургѣ, и я принужденъ вложить въ ножи свой мечъ.—Послѣ Субботинскаго диспута услышалъ, что настоятели монастырей хотятъ быть у меня 26-го, и, если не измѣняетъ память, кто-то справлялся, не уѣду ли я куда на этотъ день, и получилъ отвѣтъ: будетъ, что всегда бывало: свечера всенощная, утромъ литургія съ благодарнымъ молебніемъ. 25-го келейникъ указалъ мнѣ мѣсто въ русск. вѣдомостяхъ, гдѣ сказано, что духовенство собирается этотъ день отпраздновать, и послѣ того я могъ изъ словъ архим. Пимена догадаться, что мнѣ хотятъ (кто-то) панакію подарить. По обычаю, я выходилъ на *величаніе* и замѣтилъ во время каждаго, что въ церкви молящихся болѣе обыкновеннаго, и мелькнулъ предо мною С. М. Сухотинъ со звѣздою и въ бѣломъ галстухѣ. Я сталъ догадываться. Повторяющійся стукъ экипажей у подъѣзда давалъ знать о предстоящемъ еще яснѣе... Стою предъ престоломъ въ мантии и облаченіи, духовенство окрестъ, чтобы, какъ перѣдѣо дѣлаю, самому и отпустить сказать. Читаютъ канонъ, я опустилъ голову, на сердцѣ непокойно; стою и думаю. Съѣха-

лись; слѣдовательно будутъ привѣтствовать: что же я отвѣчу?... Хотѣлъ быть примѣчательный въ жизни моей вечеръ, и вдругъ живо и ярко развернулись предо мною двѣ картины: вечера на морѣ—во время всенощной молитвы моряковъ, и другого вечера, предъ всенощной, въ келліяхъ митрополита Филарета, въ троицкомъ подворьѣ въ Пб.—Душа моя смотрѣла на эти картины во всѣ глаза, но едва ли еще находила связь между тѣми вечерами и этимъ вечеромъ. Но вотъ служба окончилась. Вхожу въ келліи: онѣ наполнены и переполнены. Фраки и бѣлые галстухи, нарядные женскіе туалеты... Приглашаютъ меня, а не я приглашаю, въ гостиную.—У оконъ столъ, свѣча и С. Михайловичъ (Сухотинъ) съ бумагою въ рукѣ. Хочется взглянуть, что на столѣ, дабы найти, можетъ быть, въ самомъ предметѣ тему для отвѣта. Скоро все объяснилось; рѣчь выслушана, брошенъ взоръ на столъ, на умывальницу, но что же далѣе?—Мгновеніе, другое,—какъ благодарить? Молчаніемъ или словомъ?—Ухватился я за слово: *воспоминаніе*, и оно меня приподняло. Я сталъ говорить; помню, что говорилъ много и скоро. Потому всѣ меня обругали; потому я сталъ осматриваться, какъ гдѣ усадить... Поговорю съ тѣмъ, съ другимъ... Густая толпа стала, между тѣмъ, рѣдѣть, дѣлиться на группы. Усѣлись и тамъ, и тутъ и повсюду; носили келейники подать чай. Не повѣрите, владыко, какая была пріятная минута; ибо я видѣлъ какъ бы большое—большое семейство родныхъ, на минуту съѣхавшееся, пронизанное однимъ чувствомъ, полное радунія, любви, отгертого, веселящегося, свѣтлое. Было много добрыхъ словъ, но никакихъ преувеличеній и приторностей.—Были упоминанія о сказанномъ мною. Михаила Никифоровича особенно пріятно остановило на себѣ мѣсто, гдѣ сказалъ я, что первые звуки на военномъ фрегатѣ, огласившіе меня, были звуки молитвенные, и онъ выразилъ желаніе, чтобы я воспроизвелъ сказанное мною. Собраніе не было продолжительно, но тѣмъ глубже запечатлѣлось оно въ моей душѣ. Я опасался за нервы свои, такъ какъ весь пред-

шествующій день я былъ боленъ отъ желчи и утомленъ отъ ежедневныхъ экзаменовъ, присоединившихся къ другимъ занятіямъ. Опасеія оказались напрасны. Крыло ангела моего навѣяло сонъ; угромъ оно же освѣжило мысль, такъ что и приготовленіе къ служенію могъ я совершить безъ особаго труда и благо- временно.

«Въ описаніи было упомянуто облаченіе изъ золотого глазета съ омофоромъ изъ серебряной ткани, которыя на мнѣ были въ самый день хиротоніи моей. Для полноты я скажу, что на мнѣ было чрезъ XV лѣтъ все то же самое, кромѣ рясы, мантии и клобука. Облаченіе золотое, подаренное къ посвященію кн. Валер. Мих. Голицынымъ, омофоръ, поручи, судоуль—подарокъ митрополита, mitra монастырская, полукафтаны изъ матеріи, подаренной владыкою, кушакъ бисерный, подарокъ отъ мамънки, крестъ, паннагія, даже часы родителя. Церковь была полна. Послѣ молебна я вошелъ въ келліи, исполненныя посѣтителями; еще болѣе было тѣсноты, нежели вчера. Я о стипендіи не имѣлъ предварительно ни малѣйшаго понятія; конечно былъ глубоко тронутъ этимъ способомъ выраженія ко мнѣ добрыхъ чувствъ и успѣлъ сказать нѣсколько словъ благодарности; но смѣшался, когда тотчасъ за этимъ то же лице начало читать другой адресъ и, какъ я думалъ, отъ того же купеческаго сословія; старался схватить заключающіяся въ немъ мысли... Но пока я прикладывался къ паннагіи, поднесенной А. Н. Ферапонтовымъ, и искалъ, кому ее передать, ибо надѣтъ не могъ, имѣя на себѣ (по окончаніи литургіи) жалованную, эти два представителя: Вас. Мих. и Андрей Николаевичъ исчезли, т. е. глаза мои не могли ихъ найти, и я оставилъ такой богатый даръ безъ слова благодарности. Это замѣшеніе произошло отъ того, что когда представители отъ духовенства: отецъ чудовскій намѣстникъ, посланецъ отъ лавры и мой намѣстникъ подошли, вдругъ слѣдующій архимандритъ отступилъ и уступилъ мѣсто Вас. Михайловичу, а въ слѣдъ за Вас. Михайловичемъ опять подступилъ быстро. Впрочемъ тутъ всякое настоя-

щее смущеніе окончилось для меня; ибо въ числѣ привѣтствій было и милостивое привѣтствіе отъ владыки. Разумѣется, я ничего о немъ не зналъ и смущался мыслями: отклонить общее движеніе было невозможно и несправедливо, но и принимать такое торжественное выраженіе добрыхъ расположеній безъ вѣдома и соизволенія начальства было неудобно. Какъ же скоро принялъ я отъ владыки присланную икону съ его на оборотѣ надписью и печатью, и прочиталъ его самое милостивое письмо, какъ гора упала съ плечь, всѣ облака разбѣжались. Была только одна забота: кого изъ быстро смѣняющихся предо мною лицъ избрать жертвою, т. е. предъ кѣмъ сказать общее благодарное слово, которому тому давалъ адресъ почтеннѣйшихъ гражданъ московскихъ. Послѣ настоятелей и послѣ нѣкоторыхъ другихъ, подходить о протоіерей Михаилѣ Измайловичѣ (Богословскій). Не знаю, какъ случилось, но я вдругъ сталъ говорить, къ нему устремивъ взоръ и отъ него обращаясь къ другимъ. Вышло встаети: онъ духовный и одинъ изъ почетнѣйшихъ. Надобно сказать, что свечера я набросалъ было остоны для отдѣльныхъ рѣчей, но отъ утомленія не прочиталъ написанное и, кажется, совсѣмъ забылъ объ ихъ содержаніи: они меня не связали, а потомъ пошли въ каминъ. Я говорилъ многимъ, и нѣкоторымъ довольно много, напр. А. П. Гильденштуббе, какъ бывшій «солдатъ», предводителю—какъ бывшій дмитровскій «помѣщикъ»; попечителю, головѣ... Нѣкоторые пріѣзжали особо и пріемъ длился очень долго, до самого обѣда. Нѣкоторые въѣхавъ на дворъ, утрачались многочисленности экипажей и возвращались; другіе пріѣзжали наканунѣ или въ слѣдующіе дни..

«У меня обѣдало человекъ 18-ть: пресвященныи, оба прѣтв: усупенскій и архангельскій, настоятели монастырей, Пав. Гр. Цуриковъ, нашъ неизмѣнный, и братъ съ младшей сестрой.

«Вечеръ провелъ я у сестры Ушаковой, куда и подарки свои возплъ. Такъ прошесть этотъ необмысленный день, могу сказать, Богомъ ниспосланныи мнѣ по тишинѣ и сладости пріятныхъ и

трогательных впечатлений. Они стояли в ряду дней, занятых экзаменами, и мне некогда было войти в это море ощущений,— что, может быть, и здоровее для внутреннего человека. Но вот сотрудник редакции моск. вѣд. и мой благодетель (*) потребовал, чтобы я возобновил тексты рѣчей. Я думал, что это легко. Взялся, попробовал и сначала—отчаявался; ибо ничего вспомнить не умѣлъ, как будто ничего не говорил. Но, видно, Богу угодно было. Призвавъ Его помощь, уединившись, обживив тѣло чаемъ, я въ одинъ вечеръ воспроизвелъ обѣ рѣчи, и такъ, что, по отзыву слышавшихъ, сохранена послѣдовательность, полнота и слово—выраженіе, особенно въ первой.—Во вторую я перевелъ изъ первой какую-то мысль съ ея семействомъ.

«Вотъ вамъ и все о праздникѣ моемъ, послѣ котораго я понимаю, что значитъ благодарное къ Богу и къ ближнимъ чувство пріемлющаго награду нравственную, въ единомъ гласѣ отъ многихъ сердецъ выраженную. Я очень доволенъ, что я ничѣмъ не способствовалъ, ничѣмъ и не препятствовалъ этому празднику. И совѣтъ чиста для чистой радости, и никто не огорченъ въ своемъ благорасположеніи моимъ противодѣйствіемъ, которое (если бы я обнаружилъ его) принято было бы за угловатое жеманство, или грубое лицемѣріе. Вы видите въ этихъ именахъ все, что есть самаго независимаго по положенію, состоянію и мнѣнію своему въ Москвѣ. Придайте моск. д. академію, которая не состоитъ со мною даже ни въ наутинныхъ служебныхъ отношеніяхъ, да еще горный институтъ, коего адресъ я получилъ тому два дня. Къ книжечкѣ о 25 и 26 апрѣля я присоединилъ и экземпляръ этого адреса, который присланъ мнѣ въ бархатномъ синемъ переплетѣ съ изящными золотыми надписями и съ подписями начальства, членовъ совѣта, профессоровъ, преподавателей, служащихъ.

«Помолитесь, чтобы я сумѣлъ возблагодарить Господа и чтобы не поставилъ меня за сіе съ тѣми, которымъ скажете: воспріяли есте благая въ животѣ вашемъ.

(*) Вас. Ив. Котель.

«За вызовъ описать пребываніе въ Петербургѣ я очень вамъ благодаренъ. Жаль, что по давности память откажетъ мнѣ въ послѣдовательности и подробности. Только, если сумѣю это сдѣлать, то не иначе, какъ по водвореніи въ петровскомъ-разумовскомъ, куда надѣюсь перебраться въ воскресенье (26-го мая); погода хочется, кажется, поправляться. Статью о пребываніи Государя Императора въ Москвѣ (въ январѣ) можете прочесть и возвратить. Другой экземпляръ взять у меня, кажется, для двора, а здѣсь многіе хотятъ читать. Или пошлю его къ вамъ, или подожду вашихъ соображеній: когда вы выйдете въ епархію и надолго ли, чтобы напрасно рукопись не лежала. Прекрасныя чѣтки ваши употребилъ немедленно и приношу вамъ искреннюю благодарность: вашу молитвенную силу да передадутъ они мнѣ по любви, съ которою мнѣ вручаете ихъ. Вашъ поясъ «бархатъ алъ, шить золотомъ» ношу въ праздникъ зимнимъ временемъ.

«Письмо это писано урывками. Я съ экзамена на экзаменъ, кромѣ другихъ дѣлъ. Нѣкоторые превосходны, особенно гдѣ учить молодой протоіерей П. А. Смирновъ. Есть и другія подѣла. Напримѣръ, вчера 6-ть часовъ, неразгибая спины, сидѣлъ съ архитекторомъ надъ распредѣленіемъ сюжетовъ для иконъ, безчисленныхъ, въ храмѣ Спасителя, а послѣ того 4 часа сидѣлъ на докладѣ, а всего болѣе 12-ти.

«Помните князя Николая. Сегодня въ 5 ч. утра скончался кн. Н. И. Трубецкой. Последняя болѣзнь длилась годъ. Страданія были неизвѣрныя, безропотное терпѣніе; давно особоровался, приобщался очень часто, въ маѣ триады, въ послѣдній разъ вчера и угасъ тихо—тихо. Лежитъ и улыбаются. Помолитесь объ архим. Пименѣ. Послѣ болѣзни безнадежной оправился чудомъ благодати Божіей, вошелъ во всѣ свои должности. Вчера упалъ съ лѣсовъ со втораго этажа, ушибъ бокъ, ссадилъ голову. Не знаю, что теперь.

«Владыка получилъ печатный экземпляръ отъзвонъ архіерей-

снихъ о судебномъ проектѣ. Кромѣ двухъ, всё противъ. Вашъ очень хвалить и не разъ въ нему возвращался: спаси васъ Господи!

«Благословите: пора окончить; ибо иначе не уйдетъ письмо до понедѣльника. Погода превосходная. Хочется за городъ. Разумное ожидаетъ меня, но когда вырвусь—невѣдаю.

«Родные всё просятъ благословенія вашего. Братъ въ отъѣздѣ.»

Получивъ, 28-го мая, столь интересное посланіе своего друга—юбиляра, я поспѣшилъ немедленно отвѣчать ему, и вотъ что писалъ я, отъ 3-го іюня:

«Печатное описаніе вашего юбилея читалъ я съ умиленіемъ, а письменное ваше повѣствованіе объ этомъ праздествѣ читалъ и перечитывалъ съ удивленіемъ. И нельзя не дивиться тому, съ какимъ мужествомъ вы встрѣтили внезапное нашествіе на васъ поздравителей и съ какимъ блистательнымъ усиліемъ вышли вы изъ достославнаго сраженія съ искренними, единодушными привѣтствіями столь многихъ и разнообразныхъ поздравителей. Радовался и радуюсь за васъ, восхищаюсь за Москву: *Другъ жениховъ, стоя и послушавъ его, радостно радуется за гласъ жениховъ.* (Іоан. 3, 29).

«Великую честь дѣлаетъ и горному институту его прекрасный поздравительный адресъ, присланный вашему преосвященству. А мнѣ, между тѣмъ, позвольте напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи прислать мнѣ описаніе вашего путешествія въ Петербургъ, на юбилейный праздникъ института. Да нельзя ли вмѣстѣ съ тѣмъ доставить экземпляръ вашего воспоминанія о кадетской жизни генерала Слѣнцева. Съ тѣхъ поръ, какъ я, бывши нѣкогда вашимъ жильцомъ въ знаменскомъ монастырѣ, причинилъ вамъ сильное огорченіе (думаю единственное во все время моего съ вами дружества) газетнымъ извѣстіемъ о кончинѣ П. П. Слѣнцева, живо интересуюсь всѣмъ, что пишется объ этомъ славномъ кавказскомъ героѣ. Въ прошедшемъ году я съ особеннымъ интересомъ прочиталъ о немъ нѣсколько страницъ въ книгѣ, издан-

ной въ Петербургѣ по поводу 50-ти-лѣтняго юбилея школы гвардейскихъ подпорпорщиковъ.

«Благоволите также, если можно, поспѣшить доставленіемъ мнѣ статьи о пребываніи Государя Императора въ Москвѣ: я немедленно возвращу ее вамъ. Поѣздка моя по епархіи предполагается не ранѣе второй половины іюля, или даже августа. Признаюсь, если бы не служебный долгъ, я вовсе не желалъ бы лѣтомъ оставлять своей скромной, но тѣмъ не менѣе, во всѣхъ почти отношеніяхъ прекрасной дачи. Вотъ уже 6 недѣль, какъ я пользуюсь здѣсь загороднымъ воздухомъ, хотя и не всегда теплымъ, но всегда чистымъ, а въ настоящую пору и благоуханнымъ отъ разцвѣтшихъ сиреней. Годъ отъ году, раньше и раньше, выезжаю изъ города; прежде я переселялся на дачу не раньше 1-го мая; въ прошедшемъ году переѣхалъ 23-го апрѣля, а нынче—21-го числа.

«Пользуясь уединеніемъ и меньшимъ, сравнительно съ прежними годами, количествомъ служебныхъ дѣлъ, я съ ревностію продолжаю заниматься приведеніемъ въ порядокъ моего частнаго архива; и это занятіе доставляетъ мнѣ немалое удовольствіе и даже пользу—приведеніемъ на память былого, перѣдео добраго и пріятнаго. *Поминаю дни первыя... и—поучаюсь.*

«Утѣшительно слышать одобрителное слово вашего первосвятителя о моемъ отзывѣ касательно судебного проекта.

«Если не случилось вамъ прочитать въ № 5 «вольниск. епарх. вѣдомостей», за текущій годъ, отзывъ о судебномъ проектѣ преосвященнаго вольнскаго (Агаангела), то я рекомендовалъ бы вамъ непременно прочитать его.»

Преосвященный Леонидъ не замедлил, по моей просьбѣ, выслать мнѣ свое описаніе пребыванія Государя Императора съ высоко-новобрачною четою и другими августѣйшими особами въ Москвѣ, съ 23-го по 27-е января 1874 г. Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ

я это описаніе и позволилъ себѣ даже выписать нѣсколько строкъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Помѣщая здѣсь эти строки.

Преосвященный, при встрѣчѣ Государя въ успенскомъ соборѣ, поднесъ Его Величеству икону Спасителя съ слѣдующими словами:

«Говоритъ премудрый: *выдавый дщерь будетъ сотворивый дѣло велико.* Церковь московская приносъ Вашему Императорскому Величеству всеусердѣйшее поздравленіе съ радостнымъ событіемъ въ августѣйшемъ домѣ Вашемъ, просить Бога, да будетъ сіе дѣло вашего родительскаго изволенія *велико* и въ сердечномъ счастья дщери царевой, и въ радости родительскихъ вашихъ сердецъ, и въ плодахъ сближенія двухъ великихъ народовъ.»

Затѣмъ, вручая при мощахъ св. Петра великой княгинѣ Маріи Александровнѣ небольшой золотой складень (вышиною 2¹/₂ вершка) съ изображеніями на внутренней сторонѣ владимірской Божіей Матери и четырехъ московскихъ святителей, и съ надписями на наружной: „М. 5-го октября 1853 г. и 11-го генваря 1874 г.“, преосвященный сказалъ:

«Благовѣрная Государыня! Богу угодно было, чтобы какъ августѣйшій родитель вашъ произошелъ на свѣтъ въ Москвѣ, въ домѣ св. Алексія митрополита, такъ вы родились въ день посвященный памяти великихъ святителей и чудотворцевъ московскихъ. Въ дѣтственномъ сердцѣ вашемъ рано загорѣлась къ нимъ святая вѣра. Она зажгла здѣсь эту неугасимую лампаду. (*) Она привела васъ сюда въ эти дни, великіе въ вашей жизни. Съ этою вѣрою примите, какъ бы изъ рукъ самаго первопрестольника Петра,

(*) Лампада, висѣвшая предъ мощами св. Петра, принесена въ даръ Ея Высочествомъ въ Іюль 1861 г., въ память Ея первой исповѣди (въ лаврѣ у покойнаго митрополита Филарета).

эту *икону путную* и, гдѣ бы ни были вы, благовѣрная, вспомните, внявъ на нее, что всюду—всюду вы подъ покровомъ святыхъ московскихъ чудотворцевъ. И ваше рожденіе въ день святителей, и внутренній голосъ вашего вѣрующаго сердца даютъ вамъ *знаменіе во благо*, что Господь Своимъ угодникамъ: Петру, Алексію, Іоанъ и Филиппу заповѣсть о Тебѣ сохранилъ Тя во всѣхъ путехъ Твоихъ.»

Сѣвши за столъ, Государь изволилъ сказать преосвященному Леониду очень громко: „сегодня опять были мы въ чудовѣ вмѣстѣ съ нею (т. е. в. кн. Марією Александровною); вчера она не успѣла. Молились. Я надѣюсь, что московскіе угодники сохранять ее“.

Послѣ обѣда великая княгиня подошла къ преосвященному, взяла за руку и съ глубокимъ чувствомъ сказала: „Какъ я благодарна вамъ за вчерашнее вниманіе ко мнѣ. Я была глубоко тронута. Благодарю васъ.“

„Ваше высочество, — отвѣчала на это преосвященный, — мы радуемся вашему счастью; просимъ Бога, чтобы оно было непоколебимо на всю вашу жизнь. Я долженъ вамъ сказать, что монахи моего монастыря молятся о васъ оособо, по порученію великаго князя Сергія Александровича.“ — „Да, я знаю, и очень благодарна.“ — „Позвольте мнѣ эти слова передать имъ?“ — „Я васъ прошу, а также примите поклонъ отъ Сергія Александровича. Онъ велѣлъ вамъ много кланяться. Онъ васъ такъ любитъ и мы говоримъ о васъ. Вы старые знакомые.“ — „Да, съ 1865 г., когда его высочество жилъ осенью въ Москвѣ, и въ нынѣшнюю осень, когда вы еще не изволили возвращаться изъ Крыма, я былъ въ Петербургѣ такъ милостиво принять имъ.“ — „Я знаю.

О, какъ онъ любить Москву! — „Вѣроятно, ему сюда хотѣлось съ вами?“ — „Да, очень, очень.“ — „Позвольте просить ваше императорское высочество передать великому князю мою глубочайшую благодарность, за память.“ — „Съ удовольствіемъ: ему будетъ пріятно...“

Вмѣстѣ съ рукописнымъ описаніемъ пребыванія въ Москвѣ Высочайшихъ гостей, преосвященный прислалъ мнѣ въ даръ, съ своею надписью, печатное произведеніе свое о генералѣ Слѣпцовѣ, подъ заглавіемъ: „воспоминаніе о кадетской жизни генерала Николая Павловича Слѣпцова, — *Леонида*, еп. дмитровскаго. Спб. 1874 г.“

Возвращая рукопись, я писалъ преосвященному, отъ 17-го іюня:

«Съ искреннею благодарностію возвращаю вашему преосвященству рукопись съ описаніемъ пребыванія Государя Императора въ Москвѣ. Съ живѣйшимъ интересомъ читалъ и перечитывалъ я эту рукопись и даже нѣкоторыя страницы выписалъ для себя, — за чтѣ, я увѣренъ, вы не будете сѣтовать на меня.

«Читая ваше описаніе, я думалъ про себя, что послѣ покойнаго владыки, едва ли кто другой могъ принять въ храмѣ такое множество высокихъ гостей и затѣмъ держать себя среди ихъ во дворцѣ съ такимъ тактомъ и съ такимъ достоинствомъ, съ какимъ все это исполнили вы. Вашъ священный даръ для великой княгини какъ нельзя болѣе приличенъ и знаменателенъ. Ваши рѣчи Государю и высокопоздравочной дышутъ живымъ чувствомъ и проникнуты глубокимъ смысломъ. Обращенія къ вамъ за трапезою слова Государя отрадно для русскаго православнаго сердца. Бесѣда съ вами великой княгини, послѣ стола, очень трогательна. Упомянутая вами лампада надъ мощами св. Петра, принесенная въ даръ ея высочествомъ въ іюль 1861 г. въ память первой ея исповѣди, оживила въ моей памяти это

последнее событіе. Оно совершилось на моихъ глазахъ (въ то время я былъ ректоромъ академіи). Я очень хорошо помню, какъ всѣ заняты были въ лаврѣ тѣмъ необыкновеннымъ случаемъ, что царственная отроковица приносила свою первую исповѣдь предъ необыкновеннымъ духовникомъ — митрополитомъ. На другой, послѣ сего, день, я имѣлъ утѣшеніе участвовать въ совершеніи литургии, за которою юная исповѣдница съ своимъ, еще болѣе юнымъ, братомъ, Сергіемъ Александровичемъ, сподобилась причаститься Св. Таинъ отъ рукъ своего перваго духовника.

«Чтеніе вашей брошюры о Н. П. Слѣпцовѣ также доставило мнѣ истинное утѣшеніе. Какой, въ самомъ дѣлѣ, идеальный типъ былъ этотъ Н. П. Слѣпцовъ! Теперь только я получилъ о немъ полное и вѣрное понятіе. Оказывается при этомъ, что въ прошедшемъ году, въ юбилейномъ изданіи гвардейскихъ подпрапорщиковъ, я читалъ страницы о Слѣпцовѣ, принадлежащія перу г. Циммермана, которыя перепечатаны у васъ на стр. 65 и слѣд. Вы рекомендовали мнѣ, въ прошедшемъ году, прочесть статью о Слѣпцовѣ, напечатанную въ «Русск. Вѣстн.»: но я не могъ тогда найти ее. Теперь я поручилъ о ректору семинаріи непременно отыскать эту статью и доставить мнѣ. Такъ я заинтересованъ личностію героя Слѣпцова. И — чтѣ особенно отрадно видѣть въ этомъ героѣ — это его христіанскую, искренно-благочестивую настроенность души и его высокое безкорыстіе.

«Докторъ *Лужинскій*, находившійся при Слѣпцовѣ до послѣдняго издыханія, и упоминаемый у васъ на 66-й стр., мнѣ лично извѣстенъ: онъ родной племянникъ преосвящ. архіеп. Василія, человекъ добрый и простой. Мы съ нимъ не разъ имѣли бесѣду о достопадной кончинѣ Николая Павловича.

«Подполковникъ *Мезенцовъ*, одинъ изъ лучшихъ друзей покойнаго Слѣпцова, какъ пишется у васъ на стр. 71-й, — былъ родной братъ моего добраго пріятели Н. П. Мезенцова, котораго я нашелъ въ Витебскѣ вице-губернаторомъ и который, въ

крайнему моему огорченію, скончался нынѣ, на второй день пахи, въ Вильнѣ, въ званіи уѣзднаго предводителя дворянства г. Ленеда, витебской губерніи. Мезенцовыхъ было четыре брата и двѣ или три сестры, и всѣ они добрые христіане и благородные люди. Одна изъ сестеръ даже игуменія кашинскаго монастыря—старица весьма благочестивая, пользующаяся особеннымъ вниманіемъ преосвященнѣйшаго Филоея.

«Простите и благословите. А повѣсть о вашемъ путешествіи въ сѣверную Пальмиру все-таки за вами.

«Роднымъ вашимъ усердно кланяюсь.»

Въ послѣднихъ числахъ сентября, именно 27-го ч., писалъ мнѣ пресов. Леонидъ изъ петровскаго-разумовскаго:

«Благодаря загородному уединенію, надѣюсь въ нынѣшнемъ году явиться, хотя въ этомъ листѣ бумаги, незадолго до васъ, поздравителемъ со днемъ вашего ангела. Поздравляю васъ душевно и, съ наилучшими желаніями имениннику, простираясь въ будущее, пріятно погружаюсь въ освѣжительныя волны прошедшаго, вижу и день вашего постриженія.... и за тѣмъ сколько-нибудь дней, проведенныхъ вмѣстѣ, встаютъ въ моей памяти, смотря на меня съ ласковою улыбкой!

«Знаю, что вы скажете: этихъ дней мнѣ не описывай; безъ тебя знаю ихъ и помню, а почему до сихъ поръ не вижу описанія, котораго отъ тебя требовалъ, — дней, проведенныхъ въ Петербургѣ? Склоняю повинную голову, зная, что ее и меч не счесть. Потомъ, чтобы не теряться въ извищеніяхъ, я скажу, что имѣю одну надежду. Наступаетъ октябрь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тѣ дни, на которые надала моя побѣда. Можетъ быть, они оживятъ воспоминанія.

«Ваше письмо было для меня самымъ трогательнымъ поощреніемъ; не наградою, ибо награждать меня незачто: испытать я многократно, что въ этихъ случаяхъ Богъ помогаетъ, а чело-

вѣтъ самъ по себѣ ничего не сдѣлаетъ. Конечно, постъ и молитва—путь, которымъ и зло адское отступаетъ отъ насъ, и небесная благодатная помощь приходитъ къ намъ; но какой я постникъ, какой молитвенникъ?

«Быль ко мнѣ въ писаніи своемъ неизреченно милостивъ высокопреосвященный казанскій, благоволившій написать ко мнѣ послѣ 26-го апрѣля; я же, неключимый, писалъ къ нему лишь на дняхъ, и то по письму, требовавшему отвѣта. Видно, что живая душа его томится отъ этой изолированности, разобщенности архіереевъ. Но какъ я пособлю его горю? Самостоятельный архіерей можетъ писать что хочетъ, какъ самъ за себя отвѣтствующій, а я не могу: ибо все, что о церковныхъ дѣлахъ знаю, отъ владыки своего узнаю. За что буду ставить его въ непріятное положеніе своею откровенностію? Что приводится мнѣ писать въ Казань, то предварительно владыкѣ прочитываю и тогда посылаю смѣло. А конечно, писать то было бы о чемъ.

«Творимъ церковное поминовеніе о 3-хъ іерархахъ: Никодимѣ, Нилѣ, Веніаминѣ.

«Веніаминъ (*) вовсе не знаю. Никодимъ (**) неожиданно воспріялъ почестъ посмертную. Пріѣхавъ въ Дмитровъ къ сестрѣ, женѣ протоіерея градскаго. Погостилъ, поболѣлъ, приобщился и скончался. Я совершалъ погребеніе, и оно было великодушно: все духовенство градское и окрестное, монахи и монахини, всенародное множество, прекрасная погода, 700-лѣтній соборъ, въ которомъ онъ и погребенъ за клиросомъ придѣла,—все это было наградою за невознагражденную на землѣ службу архіерейскую. Нилъ былъ примѣчательный администраторъ; онъ не любилъ почившаго нашего архимонастыря, и чаялъ его престола. (***)

(*) Веніаминъ (Карелинъ), еп. рижскій, сконч. 24-го августа 1874 г. Онъ окончилъ курсъ въ московской духовной академіи, въ 1848 г.

(**) Никодимъ (Казанцевъ), еп. енисейскій, съ 6-го апр. 1870 г. уволенъ на покой и пребывалъ въ никола-перервинскомъ монастырѣ, моск. епархіи.

(***) Пресвицъ. Нилъ, архіеп. ярославскій, бывши въ августѣ 1867 г. на юбилей почившаго въ Бозѣ митрополита Филарета, посѣтилъ Москву и оттуда

какъ мы отъ самаго почившаго слышали: но да приметь его Господь за то, что не уничтожалъ приходовъ, если они сами себя еще не уничтожали.

«Погода чудная. Полдень. Иду гулять въ садъ или въ поле. Благословите.»

Когда писалъ это письмо преосвященный Леонидъ, думалъ ли онъ, что будетъ преемникомъ, хотя и не непосредственнымъ, архіепископа Нила, на кафедрѣ ярославской?...

Письмо это было послѣднее ко мнѣ въ Витебскѣ. 7-го декабря я переѣзженъ былъ на харьковскую кафедру.

Такъ какъ преосв. Леонидъ, не смотря на мои просьбы и свои неоднократныя обѣщанія описать мнѣ свое путешествіе, въ октябрѣ 1873 г., въ Петербургъ, на столѣтній юбилей горнаго института, гдѣ онъ получилъ свое главное свѣтское образование, — ни просьбъ, ни обѣщаній не исполнилъ, то я изложу здѣсь о его путешествіи въ сѣверную столицу и объ участіи его въ юбилейномъ торжествѣ тѣ свѣдѣнія, какія мною найдены въ январско-февральской книжкѣ „Горн. Журн.“ за 1874 г.

непросилъ у его высокопреосвященства соизволеніе совершить въ московскомъ усенскомъ соборѣ, наканунѣ храмоваго праздника Успенія Пресв. Богородицы, молебенъ и въ чудной монастырѣ, 15 авг., литургію. Я былъ въ это время также въ Москвѣ, и послѣ праздника отправлялся въ тропскую лавру, чтобы проститься со владыкою. Когда я рассказывалъ при этомъ митрополиту, какъ преосв. Нилъ праздновалъ въ Москвѣ праздникъ, владыка сказалъ: „Да, онъ поѣхалъ, чтобы рекомендовать себя Москвѣ на мое мѣсто.“ Архіен. Нилъ скончался 21-го юни 1874 г.

Наканунѣ юбилея, 20-го октября 1873 г., послѣ литургіи въ институтской церкви, совершенной настоятелемъ исаіевскаго собора, протоіереемъ П. А. Лебедевымъ, соборнѣ съ двумя другими священниками, отслужена была преосвященнымъ *Леонидомъ*, епископомъ дмитровскимъ, панихида объ упокоеніи державной основательницы заведенія, императрицы Екатерины II-й и прочихъ лицъ, принимавшихъ благое участіе въ дѣятельности заведенія.

Литургія и молебствіе въ первый день праздника, 21-го числа, совершены были преосвященнымъ Леонидомъ, въ сослуженіи съ предѣтелемъ учебнаго комитета при св. синодѣ, протоіереемъ І. В. Васильевымъ и 5-ю еще протоіереями и священниками.

По окончаніи молебствія, всѣ присутствовавшіе въ церкви послѣдовали въ конференцъ-залъ, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ. Его императорское высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій пригласилъ преосвященнаго Леонида занять за главнымъ столомъ мѣсто подлѣ него.

Во второй день юбилея, 22-го числа, происходилъ въ конференцъ-залѣ института публичный актъ. По прочтеніи заступавшимъ мѣсто министра финансовъ, тайнымъ совѣтникомъ А. К. Гирсомъ, Высочайшей грамоты на имя горнаго института, директоръ института Н. И. *Кокшаровъ* обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, заключаются слѣдующія слова: „Наше старѣйшее учрежденіе — Императорская академія наукъ, наши университеты, наши ученія об-

щества и учебныя заведенія, наше дворянство, городское общество и проч. прислали къ намъ своихъ достойныхъ представителей или адреса; бывший питомецъ горнаго института, преосвященнѣйшій епископъ дмитровскій, викарій московскій, отецъ Леонидъ, благоволилъ пріѣхать къ намъ изъ Москвы, чтобы благословить въ день вѣковаго праздника то заведеніе, въ которомъ онъ провелъ юные годы своей жизни и гдѣ получилъ первоначальное образованіе.

„Многими, для института весьма важными и драгоценными, подарками почтили его нѣкоторыя изъ нашихъ учреждений и лицъ: преосвященнѣйшій отецъ *Леонидъ* приносить въ даръ нашей церкви св. евангеліе и въ память его и нашего храбраго сотоварища, генерала Слѣпцова, положившаго животъ за царя и отечество, — покровъ для престола...“

23-го октября, — читаемъ въ „Горн. Журн.“, на стр. 257-й, — кончилось официальное празднованіе столѣтняго юбилея горнаго института. Во время этого празднованія у многихъ явилось невольное, непреодолимое желаніе провести еще хотя нѣсколько времени, въ обществѣ преосвященнаго Леонида, который, одушевленный любовью къ институту, рѣшился пріѣхать изъ Москвы для священнодѣйствія въ теченіе всѣхъ праздниковъ, и, еще разъ, выразить его преосвященству уваженіе, благодарность и признательность. Многие, разставаясь, и можетъ быть надолго, съ высокимъ архипастыремъ, желали насладиться его бесѣдой, и, въ его наставленіяхъ, почерпнуть новыя силы, новую энергію для пред-

стоящихъ трудовъ и заботъ. Какое-то родственное чувство тянуло къ преосвященному, съ которымъ многие изъ бывшихъ на юбилей провели лучшіе годы своей юности, и, можетъ быть, даже жизни. Желанію этому суждено было исполниться: преосвященный соблаговолилъ принять предложенную ему трапезу, и 25-го октября въ конференцъ-залѣ горнаго института собрался тѣсный кружокъ его товарищей, друзей и почитателей.

За обѣдомъ, горный инженеръ В. А. *Полетика*, отъ лица присутствовавшихъ, обратился съ слѣдующею рѣчью къ преосвященному:

„Преосвященнѣйшій владыко! Когда въ день корпуснаго юбилея я подошелъ принять ваше благословеніе, вы, не выдавши меня болѣе 40 лѣтъ, припомнили однакожъ обстоятельства, при которыхъ я былъ опредѣленъ въ корпусъ и соблаговолили сказать мнѣ, что слѣдили съ участіемъ за моею дѣятельностію и радовались моимъ успѣхамъ. Если вы принимали такое живое участіе въ скромной долѣ каждаго изъ вашихъ воспитанниковъ, то на сколько же большее участіе должно было пробуждать въ каждомъ изъ насъ прохожденіе вами вашего достославнаго поприща? — Какъ ни исключителенъ случай, чтобы молодой человекъ, получившій высшее техническое образованіе и блистательно начавшій свѣтскую карьеру, добровольно разставаясь съ міромъ и отбѣлся въ монашескую рясу, но ваше постриженіе, для вашихъ корпусныхъ товарищей, не представляло ничего неожиданнаго. Они всѣ припоминали, что между ихъ сверстниками были двое, которые съ ранняго юношества не могли помириться съ мыслию — посвятить себя горному дѣлу: *Слѣпцовъ* спалъ и видѣлъ военную службу; *Краснопѣковъ* постоянно мечталъ о монашеской жизни. И этимъ раннимъ призваніемъ Господь благословилъ совершиться. Послѣ блистательныхъ военныхъ подвиговъ, ставши кумиромъ кавказской

арміи, на полѣ битвы, честно и славно сложили свою буйную голову *Смтцовъ*. Изъ смиренной монашеской келліи *Краснотьковоъ* призванъ на святительскую каедру.

«Замѣчательна общая черта, однаково принадлежащая этимъ двумъ, повидимому, столь противоположнымъ характерамъ. Какъ оба они, *Смтцовъ* и *Краснотьковоъ*, бывши въ горномъ корпусѣ, не могутъ приурочить себя къ горной наукѣ, такъ точно они оба, оставивши горный корпусъ, не могутъ оторвать отъ него своего сердца. Было же, значитъ, въ горномъ корпусѣ что-то особенно привлекательное, что такъ неразрывно привязывало къ нему его питомцевъ.

«Мы все знали, преосвященный владыко, какія чувства сохранили вы къ горному корпусу, и потому только рѣшились выразить вамъ наше общее желаніе, чтобы празднованіе столѣтняго юбилея института начать съ вашего архипастырскаго благословенія. Исполнивши наше желаніе, которое было несомнѣнно такъ же и желаніемъ вашего сердца, вы сдѣлали дорогой подарокъ вашимъ корпуснымъ товарищамъ.

«Ничто не могло настолько оживить въ ихъ памяти все прежнее значеніе нашего корпуса, какъ торжественное богослуженіе, для котораго облеклись вы въ святительскія ризы, въ томъ самомъ храмѣ и можетъ быть на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ за 40 лѣтъ предъ симъ вы молились въ кадетскомъ мундирѣ.

«Отъ глубины души благодаримъ васъ за ваше посѣщеніе и просимъ васъ, какъ друга нашего и какъ нашего архипастыря, еще разъ благословить всемъ намъ дорогой питомникъ, да процвѣтаетъ онъ и разрастается съ честію и славою въ долготу дней!»

На эти слова преосвященный *Леонидъ* отвѣчалъ:

«Для рѣчей епископа мѣсто въ храмѣ Божиемъ, но та любовь, съ которою произнесенъ вашъ горячій привѣтъ, даетъ мнѣ рѣшимость говорить и здѣсь, за честной, дружеской трапезой.

«Вы произнесли слово: *благодарность*. Великій архипастырь

церкви московской, всероссійской, вселенской, митрополитъ Филаретъ написалъ мнѣ однажды: *благодарность къ Богу за полученные отъ Него дары есть сосудъ, въ который благодать Божія полагаетъ новые.*

«Вы начали свой праздникъ благодарностью къ Богу за принятые отъ Него дары въ теченіи столѣтней жизни института. Вы продолжали свой праздникъ благодарностью къ тѣмъ, которые, въ теченіи столѣтія, способствовали процвѣтанію заведенія, и эта благодарность, по выраженію Карамзина, есть память сердца и — прибавлю: выраженіе благородства сердца.

«Вы призвали меня быть участникомъ въ благодарныхъ вашихъ молитвахъ и сдѣлали свидѣтелемъ благодарности вашей къ бывшимъ и настоящимъ дѣтелямъ института.

«Благодарю Бога за дарованное мнѣ утѣшеніе, и васъ за то, что такъ обязательно пригласили и дружественно меня приняли.

«Во всю мою жизнь пошу я въ сердцѣ благодарное чувство къ заведенію, гдѣ никогда, ни отъ кого изъ начальниковъ, наставниковъ, воспитателей не слыхалъ я ни одного слова противъ религіи, нравственности, правительства. Напротивъ, все эти лица старались укрѣпить и возрастить все, что было добраго посяно во мнѣ домашнимъ воспитаніемъ. Я счастливъ не только тѣмъ, что въ эти дни нахожусь въ этихъ стѣнахъ, въ вашемъ дружескомъ кругу, но и тѣмъ, что и въ васъ нахожу живыми и дѣйствующими тѣ же благородныя начала и стремленія.

«Въ новомъ столѣтїи горнаго института да послужатъ они, въ васъ и преемникахъ вашихъ, во благо новымъ поколѣніямъ на всехъ путяхъ науки и жизни.»

Слова преосвященнаго были приняты всеми присутствующими восторженнымъ образомъ.

Послѣ рѣчи преосвященнаго *Леонида*, профессоръ спб. университета *А. В. Савитовъ* обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

«Милостивые государи! Все собрались сюда, чтобы в рождественной, по мѣсту воспитанія вашего, семьѣ вспомнить прошлое былое, вспомнить о вашихъ юныхъ дняхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почтить вашего высокаго гостя, святителя русской церкви, преосв. Леониды, бывшаго когда-то вашимъ сотоварищемъ, одноклассникомъ.

«Одинъ я, вѣроятно, здѣсь пришлецъ среди васъ, удостоенный однако чести быть вмѣстѣ съ вами въ настоящую минуту.

«Но вашъ высокій гость и старый товарищъ, слѣдовательно близкій къ вамъ человекъ, и мнѣ не чужой.

«Назадъ тому почти тридцать лѣтъ, когда я проходилъ суровую школу бурсы, я имѣлъ честь быть ученикомъ Льва Васильевича *Краснополькова*, нынѣ преосвященнаго *Леониды*. Если вамъ дорогъ горный корпусъ, какъ колыбель вашего воспитанія, то и для меня дорога виаанская пустыня, гдѣ я впервые встрѣтилъ человека, который былъ не похожъ на другихъ, который своею ласкою, вниманіемъ и любовію къ природѣ невольно вынуждалъ къ себѣ привязанность и глубокое уваженіе. Съ преосвященнымъ Леонидомъ всегда было о чемъ говорить, всегда хотѣлось его слушать, отъ него поучаться. Его живое назидательное слово сильно врѣзывалось въ молодое сердце и потому уже не забывалось никогда. Его опытный свѣтлый взглядъ на отношенія людей другъ къ другу; его безпредѣльная преданность волѣ Божіей и просвѣщенный, трезвый взглядъ на духъ христіанства; его уваженіе къ установившимся обычаямъ, даже къ мелочамъ житейскимъ, были такимъ неисчерпаемымъ источникомъ для назиданія, что я и послѣ, когда уже сдѣлался самостоятельной личностію, въ случаѣ недоумѣній, нерѣдко обращался къ преосвященному Леониду. Мало того, скажу болѣе: преосвященный Леонидъ рѣшилъ судьбу моей жизни, помогъ мнѣ сдѣлаться тѣмъ, чтѣ и теперь, научилъ меня, еще въ юности моей, любить природу и науку. Позвольте же мнѣ, милостивые государи, принести вамъ мою искреннюю благодарность за то, что вы дали мнѣ случай выразить ту дань признательности, которую я всегда былъ и буду одушевленъ къ особѣ его преосвященства.»

Преосвященный Леонидъ пожелалъ, послѣ обѣда, посмотреть нѣкоторыя комнаты института и при этомъ осмотрѣ много разъ вспоминалъ тѣ мѣста, гдѣ проводилъ свои юношескіе годы.

На другой день, 26-го числа, преосвященный Леонидъ, желая почтить память своего бывшаго товарища по воспитанію и друга, генерала Слѣпцова, доставилъ составленную имъ статью „воспоминанія о кадетской жизни генерала Слѣпцова“, при слѣдующемъ письмѣ къ директору горнаго института:

«Милостивый государь Николай Ивановичъ!

«Желали вы, чтобы записалъ я слова, вчера сказанныя мною въ отвѣтъ Василію Аполлоновичу (Полетигѣ). Трудно уловляются моею памятію слова, внезапно вылившіяся изъ души моея; однако, чтобы исполнить обѣщаніе, я сдѣлалъ попытку, и мнѣ кажется, что я повторяю сказанное довольно вѣрно. Вы найдете ихъ на особомъ къ этому письму приложенномъ листѣ. (*) Здѣсь же, въ этомъ письмѣ, позволяю себѣ къ произнесенному вчера присовокупить слѣдующее:

«Въ привѣтствіи, краснорѣчивомъ и сердечномъ, которымъ, чрезъ многоуважаемаго Василія Аполлоновича, вы и достойные сотрудники и сослуживцы ваши меня удостоили, мое скромное имя поставлено было рядомъ съ славнымъ именемъ *Смичкова*, моего незабвеннаго товарища и друга.

«Его съ нами не было здѣсь. Уже 22 года какъ смертію храбрыхъ отошелъ онъ въ иной лучшій міръ, котораго, думаю, былъ онъ достоинъ по вѣрѣ и дѣламъ; но мнѣ вѣрится, что духъ вождя *безъ страха и укоризны* былъ съ нами и въ эти дни, былъ здѣсь, гдѣ нѣкогда почеркалъ онъ начатки своихъ нравственныхъ силъ.

(*) Слова преосвященнаго, о которыхъ здѣсь рѣчь, помѣщены выше.

«Десятого декабря 1851 г., на берегах р. Гехи, чеченская пуля прекратила дни молодого генерала. Два человека, друг другу незнакомые, но равно пораженные внезапной его кончиной, успели набросать на бумагу свои о немъ воспоминанія; писали они въ одно и то же время, но одинъ на Сунджѣ, прославленной ратными подвигами Слѣпцова, другой въ тихихъ окрестностяхъ сергѣевской лавры. Тотъ огненными чертами изобразилъ характеръ боевой жизни Слѣпцова и живописалъ христіански—геройскую его кончину,—этотъ собралъ, какъ умѣлъ, какія нашель въ своемъ воспоминаніи давнихъ дней черты кадетской жизни Слѣпцова въ горномъ корпусѣ. Оказалось, что тѣ и другія черты въ сущности сходны, слѣд. съ подлинникомъ вѣрна, и жизнь генерала Слѣпцова является свѣтлоостройною рѣкою, которой устье на боевыхъ поляхъ Чечни, а истокъ—подъ кровлею горнаго корпуса.

«Въ прилагаемой рукописи вы найдете ту и другую статью о Слѣпцовѣ съ нѣкоторыми приложеніями. Статья о кадетской жизни его писана мною въ началѣ 1852 г.

«Въ этой рукописи есть нѣчто неспособное для печати, пока живы тѣ, чьи встрѣчаются тамъ имена, но чтобы прекрасныя черты этого, поистинѣ, необыкновеннаго человека не исчезли отъ исторіи съ утратою рукописи, я прошу васъ принять эту рукопись и, если найдете ее къ чему нибудь пригодною, сохранить ее въ библіотекѣ института или инымъ способомъ. Память достойнаго воспитанника есть достояніе училища.

«Миръ Божій и всѣ его присножизненные плоды да будутъ съ вами и ведемъ—общимъ трудомъ, общою любовію, соединенными съ вами.»

Рукопись преосвящ. Леонида была однакожь, по распоряженію институтскаго начальства, вскорѣ напечатана, подъ заглавіемъ: „воспоминанія о кадетской жизни генерала Николая Павловича Слѣпцова—Леонида еп. дмитровскаго, спб. 1874 г.“.

Экземпляръ печатной брошюры присланъ былъ мнѣ отъ автора съ собственноручной его надписью, въ июлѣ того же 1874 г.

Получивъ новое назначеніе и простившись съ полоцкою паствою, которую суждено было мнѣ управлять около 8½ лѣтъ, 4-го января 1875 г. я оставилъ Витебскъ. Прямый путь изъ Витебска въ Харьковъ лежалъ, для меня, чрезъ Смоленскъ, Орель и Курскъ: но я разсудилъ прежде, чѣмъ явиться на новую кафедру, побывать въ обѣихъ столицахъ. Въ сѣверной столицѣ желалъ я быть затѣмъ, чтобы получить нѣкоторыя, потребныя для меня, свѣдѣнія и наставленія по дѣламъ епархіальнаго управления; а въ древлепрестольную Москву влекло меня чувство дружбы и признательности къ многочисленнымъ благотворителямъ церкви моея прежней полоцкой епархіи.

По пути въ Петербургъ, я останавливался на два дня, ради великаго праздника Крещенія Господня, въ Полоцкѣ, и отсюда писалъ въ Москву къ преосвященному Леониду. Поздравивъ его преосвященство съ новымъ годомъ, я продолжалъ:

«Оставивъ 4-го числа навсегда Витебскъ и стремясь къ новому, мнѣ указанному мѣсту служенія—Харькову, я рѣшился направитъ свой путь чрезъ обѣ столицы, чтобы, съ одной стороны, нѣсколько освѣжиться отъ предшествовавшихъ тяжелыхъ трудовъ, а съ другой—запасть новыми силами и нѣкоторыми свѣдѣніями для предстоящей дѣятельности въ новомъ, мало мнѣ извѣстномъ краѣ. Въ Полоцкѣ я остановился на два дня, чтобъ въ послѣдній

разъ поклониться здѣшной святынь и въ первый разъ принять молитвенное участіе въ храмовомъ праздникѣ одной изъ здѣшнихъ обитателей (Богоявленскомъ монастырѣ). Завтра (6 ч.) вечеромъ, отправляюсь отсюда въ Петербургъ на непродолжительное время, а оттуда, если Богъ благословитъ, на болѣе продолжительный срокъ явлюсь въ первопрестольный градъ Москву, куда сильно влекутъ меня разныя чувства: и чувство религиозное (поклоненіе святынь), и чувство дружбы и наконецъ чувство признательности къ благодѣтелямъ и благотворителямъ церкви оставляемой мною полоцкой епархіи.

«Въ особенности же влечетъ меня въ Москву желаніе повидаться съ вашимъ преосвященствомъ и побесѣдовать съ вами о многомъ и многомъ подушѣ.

«И такъ, до пріятнаго свиданія. Помолитесь о мнѣ Тому, Кто есть единый, истинный и живой Путь, да благоустроитъ Онъ путь мой къ вамъ.»

7-го января вечеромъ пріѣхалъ я въ Петербургъ, и по милостивому соизволенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита дано было мнѣ на этотъ разъ помѣщеніе въ невской лаврѣ. Въ Петербургѣ пробылъ я до 13-го числа и, получивъ, отъ кого слѣдуетъ, желаемыя мною свидѣнія и наставленія, отправился въ Москву, куда и прибылъ благополучно 14-го числа. По благосклонному приглашенію высокопреосв. митрополита, я имѣлъ помѣщеніе такъ же, какъ и въ 1870 г., въ чудовомъ монастырѣ. По прибытіи въ Москву, поклонившись святынь, я посѣщилъ прежде всего повидаться съ моимъ другомъ—преосв. Леонидомъ. Въ Москвѣ пробылъ я 10 сутокъ и каждый день, съ утра до вечера, или я посѣщалъ моихъ благотворителей и многочисленныхъ знакомыхъ, или они были у меня. Съ преосвя-

щеннымъ же Леонидомъ я видѣлся почти ежедневно, или у него, на саввинскомъ подворьѣ, или въ другихъ домахъ, куда насъ вмѣстѣ съ нимъ приглашали къ обѣду или на вечеръ. Между прочимъ, мы посѣщали съ нимъ, вечеромъ, 16-го числа, алексѣевскій монастырь, гдѣ, подъ руководствомъ его сестры Е. В. Ушаковой, воспитывалось нѣсколько дѣвицъ, южно-славянокъ. Съ удовольствіемъ слушали мы ихъ національное пѣніе. При дружескихъ свиданіяхъ много мы съ преосвященнымъ разсуждали, о многомъ братски, искренно и откровенно бесѣдовали. Показывалъ онъ мнѣ и свои дорогие юбилейные дары. Вечеръ наканунѣ моего выѣзда изъ Москвы провелъ я у его преосвященства, и онъ, провожая меня, ввелъ въ алтарь своей домовою церкви, гдѣ на престолѣ приготовлена была икона преп. Саввы звенигородскаго, которою онъ и благословилъ меня въ путь. Могли ли мы при этомъ оба вообразить, что наше здѣсь прощаніе было прощаніемъ навсегда... Но, съ другой стороны, неутѣшительно ли то, что это братское прощаніе было въ храмѣ, у св. престола, съ священнымъ изображеніемъ угодника Божія — ученика Сергіева?...

Оставивъ Москву 24-го января, я прибылъ въ Харьковъ, къ новой своей духовной пастырь, 28-го ч. Черезъ двѣ съ половиною недѣли по водвореніи своемъ въ Харьковѣ, я писалъ въ Москву къ преосвященному Леониду отъ 14-го февраля:

«Въ лицѣ вашего преосвященства приношу всей Москвѣ мою искреннѣйшую, сердечную благодарность за оказанное мнѣ истин-

но-родственное радушіе и гостепрѣимство. Такого приѣма, какой мнѣ оказанъ Москвою, я не могъ и ожидать. Да воздасть ей великодаровитый Господь за все, что она мнѣ воздала какъ въ послѣдній мой проѣздъ, такъ и во все время моего пребыванія на полоцкой каедрѣ.

«Напутствованный вашею братскою любовію и вашею молитвою предъ престоломъ вашего домового святилища, я благополучно совершилъ путь отъ Москвы до Харькова. На этомъ пути я имѣлъ перепутья и ночлеги въ Серпуховѣ, Тулѣ и Курскѣ. Въ Серпуховѣ праздновалъ я 33-хъ-лѣтнюю годовщину моей пресвитерской хиротоніи и творилъ молитвенную память по случаю 56-й годовины смерти моего родителя: это было 25 числа. На другой день, въ воскресеніе, слушалъ я въ тульскомъ кафедральномъ соборѣ литургію, которую совершалъ епископъ архіепископъ Никандръ. Послѣ обѣдни путешествовали мы съ нимъ по городу и посѣщали духовно-учебныя заведенія; затѣмъ бесѣдовали весь день о разныхъ важныхъ матеріяхъ, касающихся дѣлъ церковныхъ. На слѣдующій день рано утромъ прибылъ въ Курскъ, гдѣ встрѣченъ былъ преосв. Сергіемъ съ необычайною радостію. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего посѣщенія, въ надеждѣ слышать отъ меня о с.-петербургскихъ и другихъ новостяхъ. Я провель у него ровно сутки, и мы почти безъ умолку бесѣдовали съ нимъ; но для него и этого было мало: онъ усиливался удержатъ меня еще сутки. Но Харьковъ, соскучившись долгимъ ожиданіемъ моего прибытія, выслалъ въ Курскъ на встрѣчу мнѣ депутата—каедральнаго о. ключаря, который не позволилъ бы мнѣ долѣе оставаться въ Курскѣ, если бы я и захотѣлъ удовлетворить желанію его преосвященства.

«Наконецъ, 28-го числа, въ 3 ч. пополудни, прибылъ я въ бого-спасаемый градъ Харьковъ, гдѣ на станціи желѣзной дороги встрѣченъ былъ городскими властями, духовными и свѣтскими. Я не буду изображать вамъ подробно мое вступленіе на новую каедру: оно описано въ харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ,

которыя я велѣлъ выслать вашему преосвященству и гдѣ вы позволите прочитать это описаніе. Но я буду описывать вамъ то, чего нѣтъ въ газетахъ.

«Начну съ описанія мѣстности Харькова. Городъ расположенъ на неровной мѣстности: большая часть городскихъ улицъ лежитъ въ ложбинѣ между двухъ небольшихъ горъ. Общій видъ города очень красивъ; улицы большею частію прямыя и широкія, на подобіе петербургскихъ; есть много зданій обширныхъ и изящныхъ по архитектурѣ. Есть, впрочемъ, въ городѣ и недостатки. Главный недостатокъ въ отсутствіи приличной рѣки. Правда, протекаютъ чрезъ городъ двѣ рѣки, но каждая изъ нихъ не болѣе московской Яузы.

«Каедральный соборъ двухъ-этажный. Въ верху устроена теплая церковь, невысокая и необширная; нижняя довольно просторная: но во всякомъ случаѣ здѣшній соборъ далеко уступаетъ витебскому. За то колокольня громадная, выше Ивана Великаго и колоколь въ тысячу пудовъ. Приходскія церкви, которыя я успѣлъ уже все осмотрѣть, благолѣпны и богаты утварями и ризницею.

«Архіерейскій домъ въ самомъ почти центрѣ города, на довольно возвышенномъ мѣстѣ. Видъ изъ нѣкоторыхъ покоевъ моихъ на городъ очень живописенъ, — чего не было у меня въ Витебскѣ. Помѣщеніе весьма обширное и удобное, покои вдвое почти выше витебскихъ; мебель съ избыткомъ и въ приличномъ видѣ.

«При архіерейскомъ домѣ монастырь съ братією до 50-ти чело-вѣкъ. Здѣсь, между прочимъ, живутъ на покоѣ три старца—архимандрита, изъ коихъ одинъ, 80-ти лѣтъ, родитель покойнаго моего предмѣстника. При домѣ четыре церкви, изъ коихъ одна при архіерейскихъ покояхъ; въ нихъ каждый день бываетъ по двѣ, по три, а иногда и по четыре литургіи: такъ усердно граждане къ церкви! Главный предметъ, привлекающій къ нашимъ церквамъ богомольцевъ,—это чудотворная икона Озерянской Божіей Матери, которая находится здѣсь въ зимніе мѣсяцы, начиная съ октября, а 22-го апрѣля переносится въ куряжскій мо-

настырь, находящийся отъ города въ 9-ти верстахъ, которому она прежде и принадлежала.»

На это письмо преосвященный отвѣчалъ мнѣ 10-го апрѣля:

«Опять бесѣдую съ вашимъ преосвященствомъ въ ночь страданій Господнихъ. Письмо ваше такъ обрадовало меня, что я долго не находилъ, что писать вамъ, какъ выразить утѣшеніе, ощущаемое мною теперь, когда изъ вашихъ словъ почерпнулъ убѣжденіе, что вы обрѣли покой, но покой небездѣйственный. Потому мнѣ казалось, что должно на подробное письмо ваше отвѣчать письмомъ длиннымъ, и когда я задаю себѣ такую задачу не въ уединеніи монастырскомъ, а въ столицѣ, то всегда почти кончается тѣмъ же, чѣмъ теперь, то есть, я совсѣмъ запаздываю и долженъ просить (и прошу) прошенія.

«Владыко святыи! Поможетъ вамъ Богъ дѣйствовать, какъ дѣйствовали до нынѣ,—несомнѣнно, что любить васъ будутъ, какъ до нынѣ любили. Не зналъ я, а потому не могъ задержать васъ на день 33-хъ-лѣтія. Да приумножитъ Господь лѣта жизни вашей, а духомъ да пребудете вы въ мѣрѣ исполненія возраста Христова! Радуюсь, что бесѣдовали съ епископами. Если бы архіереи пользовались даже малымъ просторомъ для взаимныхъ свиданій на пользу церкви, недостатокъ *соборности* былъ бы значительно восполняемъ и приготовленъ былъ бы возвратъ нашей церкви къ древнѣйшему и единому истинному порядку управленія.

«Хотѣлось мнѣ видѣть васъ въ Витебскѣ; любопытень я взглянуть на васъ и въ Харьковѣ, который такъ привлекательно вы описываете: но если не въ Иерусалимѣ, то уже никакихъ дорогъ не желаю себѣ, кромѣ тѣхъ, кои ведутъ въ возлюбленную обитель савинскую—что на сторожѣхъ. Преподобный Савва не проведетъ ли меня, хотя и зѣло противящагося, по стезямъ, ему вѣдомымъ, въ горній Иерусалимъ—царство небесное!—Сотворите о семъ молитву, почитаемый и возлюбленный архинастырь!

«Сегодня сподобился я совершить мѣроосвященіе, причемъ ви-

дѣлъ вашего ученика и преемника дѣйствующимъ въ мантии съ зелеными скрижалями, да поможетъ ему Господь! Въ одинъ и тотъ же день бывший богоявленскій архимандритъ (Никодимъ) поставленъ во епископа, а о. Иосифъ въ его богоявленскомъ монастырѣ—во архимандрита. Слава Господу, владыка возвратился бодръ, на другой день служилъ и обоихъ викаріевъ своихъ посѣтилъ, и меня грѣшника удостоилъ милостивымъ словомъ.

«Примите, владыка, изъ глубины исходящее поздравленіе съ великимъ днемъ пасхи. Да зрѣть на васъ Господь Іисусъ Христосъ милостивымъ окомъ; да радуется взоръ Его душу вашу, и радости вашей да не возьметъ отъ васъ никто и ничто! Простите.»

13-го мая писалъ я въ отвѣтъ на это письмо его преосвященству:

«Вчера переселился я изъ душнаго и пыльнаго города въ загородную пустынь и спѣшу описать вамъ мое новое, мирное и уединенное жилище, зная какъ сильно вы любите деревенскую жизнь.

«Моя дача, именуемая *всѣхсвятское* (по домово́й церкви во имя всѣхъ святыхъ), находится отъ городского дома на полчаса ѣзды, т. е. на разстояніи около 5-ти верствъ. Все пространство, занимаемое дачею, десятинъ до 15-ти, за малымъ исключеніемъ, открыто деревьями, частью плодовыми—яблонями, грушами, сливами и др., а большею частью простыми, но весьма разнообразными, какъ-то: дубами, липами, тополями и проч. Есть не мало сосновыхъ деревьевъ, которыя здѣсь составляютъ рѣдкость (а объ еляхъ и въ поминѣ итъ).

«Домъ на дачѣ деревянный съ мезониномъ и съ небольшою, но благодивною церковію. Домъ очень помѣстительный: въ немъ болѣе десяти комнатъ.

«Мѣстоположеніе дачи довольно красивое, но далеко не можетъ равняться съ мѣстностию витебской дачи. Главный недостатокъ здѣсь въ водѣ. Были когда-то пруды и даже съ лебедями: но отъ напора воды прорвалась плотина; вода ушла, и теперь видны

только ямы съ мутною грязною водою, оставшеюся на днѣ бывшихъ прудовъ. Къ счастью, эти лужи за оградой сада.

«Такимъ образомъ, послѣ семилѣтняго пользованія прекраснымъ купаньемъ въ Витебскѣ, здѣсь я лишень этого, не только приятнаго, но и полезнаго для меня удовольствія. Есть правда и здѣсь возможность купаться въ рѣкѣ, но для этого нужно совершать путешествіе версты за двѣ или больше. Припоминая, впрочемъ, ваши путешествія для купанья на фили и на угрѣшу, я не долженъ приходить въ отчаяніе. По вашему примѣру, можетъ быть, и я рѣшусь дѣлать двухверстныхъ поѣздки, если того потребуетъ нужда. Посмотримъ....»

«Благодѣтельная Москва, ущедрявшая меня своими дарами въ бѣдномъ Витебскѣ, не оставляетъ и здѣсь, въ богатомъ Харьковѣ. На прошедшей недѣлѣ я получилъ изъ первопрестольнаго града отъ В. М. Бостанджого «съ товарищи»—слѣдующіе дары: мантию, саккосъ съ принадлежностями и 6-ть полныхъ священническихъ и діаконскихъ облачений. Послѣднія облаченія изъ бѣлага газета, а саккосъ—*аксамитный*—парча очень богатая и красивая.

«За вашу вазидательную бесѣду со мною въ ночь страданій Господнихъ душевно благодарю васъ.

«Прошу влнаться всѣмъ вашимъ приснымъ.»

Прошло лѣто и вся почти осень, а я не получилъ отъ своего добраго друга ни одной строки. Наконецъ 14-го ноября, какъ бы въ вознагражденіе продолжительнаго молчанія, я получаю отъ него цѣлую тетрадь — письмо на шести почтовыхъ листахъ. Вотъ содержаніе этого пространныаго посланія:

«Въ январѣ предвѣщенный врачами исходъ болѣзни дорогаго нашего наставника Александра Васильевича Горскаго въ октябрѣ послѣдовалъ.

«Можетъ быть, вы имѣете подробное и хорошее описаніе обстоятельствъ его кончины и погребенія; но думаю, что, по располо-

женію вашему въ почившему, вы прочитаете съ терпѣніемъ то, что выйдетъ здѣсь изъ подъ моего безъ-искусвеннаго пера.

«Въ воскресенье, 12-го октября, день крестнаго хода около кремля, совершивъ въ своей домашней церкви раннюю литургію, я отправился въ усненскій соборъ. Пресвящ. Игнатій совершалъ литургію, а владыка слушалъ ее. Приложась къ престолу, я подошелъ благословиться у владыки и услышалъ изъ устъ его: «вчера, въ 11 часу вечера Александра Васильевича Горскаго не стало». Предъ освященными святыми дарами въ усненскомъ соборѣ была первая моя молитва о приснопамятномъ моемъ учителѣ. Подъ впечатлѣніемъ этой великой утраты, облакался я въ саккосъ малиноваго бархата и совершалъ торжественно—благодарственное крестное хожденіе, въ которомъ отъ собора до нверской часовни принималъ участіе владыка и до боровицкихъ воротъ генераль-губернаторъ.—Подъ ногами былъ сибѣ хорошо скрѣпленный морозомъ, и потому несмѣтнымъ «московскимъ народамъ» удобно было и ожидать ходъ и слѣдовать за нимъ. Вечеромъ того же дня пріѣзжалъ ко мнѣ инспекторъ д. академіи С. К. Смирновъ съ приглашеніемъ на погребеніе, и при этомъ разсказалъ, что Александръ Васильевичъ еще 28-го іюня соборовался и прочелъ со всею академіей; потомъ нерѣдко пріобщался св. таинъ, болшею частію, въ будни, послѣ ранней литургіи. Послѣдній разъ имъ самимъ совершена была литургія въ троицннъ день, въ селѣ Ахтыркахъ, гдѣ онъ проживалъ тогда. Не такъ ли и слѣдовало богослову и обитателю лавры троицкой?—Онъ таялъ, но долго не терялъ надежды на исцѣленіе, и замѣтивъ, что на его долю отнесено 4 лекціи въ недѣлю, замѣтилъ Виктору Дмитріевичу Кудряцеву: «я большой человекъ, довольно съ меня и двухъ».—Наконецъ эта надежда стала угасать и въ окружающихъ и въ немъ самомъ. Въ субботу, 11-го октября, утромъ онъ пріобщался св. таинъ, а вечеромъ, въ 11-мъ часу, онъ велѣлъ снять съ себя обувь (валеные сапоги) и велѣлъ vesti себя. Находился онъ въ большомъ кабинетѣ, гдѣ пріудоблены были для него кресла, въ

конхъ онъ и ночи проводилъ. Келейный его сталъ его удерживать; но онъ сазавъ: «я не люблю многлюдства, ведите меня отсюда, домой, домой»,—съ этими словами онъ быстро поднялся и безъ сторонней помощи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но въ дверяхъ изъ этой залы въ среднюю, гостиную, сталъ опускаться; его успѣли подхватить и тутъ же усадить въ кресла. Онъ сталъ тихо кончатся... Нѣсколько минутъ и—увѣрились, что его не стало!.

«Въ понедѣльникъ, при выходѣ моемъ изъ церкви въ келли отъ заутрени, я встрѣтилъ эконома троицкаго подворья, который доложилъ мнѣ, что владыка сегодня уѣхалъ въ лавру и сегодня же возвратится къ 4-мъ часамъ, а мнѣ приказываетъ ѣхать въ лавру въ 4 часа. Послѣ ранней литургіи, съ подворья же получаю двѣ бумаги: одна—резолуціе ювадыки передаваемое мнѣ отношеніе къ нему владыки новгородскаго, который, «не получая по настоящае время проекта новаго росписанія приходовъ, церквей и причтовъ московской епархіи, снова обращается къ его высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою принять мѣры къ скорнѣйшему составленію упомянутаго проекта и къ доставленію таковаго въ главное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства, а о причинахъ замедленія его увѣдомить».—Какъ видно изъ этого отношенія, здѣсь получается уже не въ первый разъ такое побужденіе; но тѣмъ не менѣе это посланіе толкнуло во мнѣ кровь, и я особенное значеніе придалъ собственноручному ко мнѣ посланію нашего архиепископа:

«Преосвященнѣйшій владыко! Я завтра въ 7-мъ часовъ отправляюсь въ лавру и въ 4 думаю возвратиться въ Москву. Неблагоудобно ли будетъ вашему преосвященству принять на себя трудъ отправить литургію въ академической церкви и послѣ оной чинъ отпѣванія, и для сего отправиться въ лавру въ 4 часа пополудни. Н. М. Московскій. Октября 12 дня.

«Я подумалъ: гдѣ искушеніе, тамъ и избытіе. — Двѣ бумаги: одна возмутительная для духа моего,—другая указывающая путь къ умиротворенію духа; ибо въ эту трудную минуту жизни ве-

детъ меня къ источнику, изъ котораго почерпнулъ я силы отъ первыхъ дней моей жизни, ведетъ меня къ преп. Сергію, покровителю моему съ тѣхъ поръ, какъ я, больной ребенокъ, положенъ былъ къ его чудотворной иконѣ матерію моею и врученъ ему отъ нея.—Притомъ ведетъ меня воля архиепископа,—ведетъ на погребеніе того, кто краснорѣчивымъ словомъ два года училъ меня искать въ примѣрахъ вѣковъ прошедшихъ наставленія для дѣйствованія въ обстоятельствахъ современныхъ намъ, въ отцахъ сыновне искать опоры немощи своей!

«Простите, Владыко, бьетъ полночь, наступаетъ пятница, докладный день, пора въ постель. Посылаю первый листъ (*) съ тѣмъ, что будутъ и слѣдующіе, если этотъ угоденъ вамъ будетъ. Благословите вашего смиреннаго послушника. Сегодня ожидаемъ преосвященныхъ рязанскаго (*Алексія*) и старорусскаго (*Никодима*). Ночь на 17-е октября 1875 года.»

«Съ четырехчасовымъ поѣздомъ я отправился. Ник. Вас. Павловъ, по предупредительности своей, прибылъ нарочно отправить меня, и дано мнѣ отдѣльное удобное помѣщеніе, гдѣ посѣтили меня, также отправившіеся на погребеніе, Вас. Ив. Коптевъ, а потомъ графы Толстые Дм. Никол. и Мих. Влад. — Первый и послѣдній такъ и остались со мною. Мих. Влад. передалъ, что, по слухамъ, въ академіи ректоромъ быть или Кудрявцеву или Смирнову, но Кудрявцевъ откажется. По обычаю, принятому по смерти владыки, я выхожу въ Лаврѣ изъ кареты у Филаретовской церкви, чтобы молитвою о благодѣтелѣ земномъ начать молитвенное пребываніе въ обители моего небеснаго благодѣтеля—молитвенника. Въ вечернемъ сумракѣ Троицкаго собора ярко озарена была огнями только рака преподобнаго, предъ которою богомольцы слушали молебень. Духовное родство между преподобными Сергіемъ и Саввою, слѣдовательно и между ихъ обителями, есть для меня неизсякаемый источникъ думъ и утѣшеній. Узнавъ, что можно видѣть о. намѣстника, я поспѣшилъ къ

(*) По этотъ листъ не былъ присланъ отдѣльно, а вмѣстѣ съ послѣдующими.

нему.—Провели меня чрезъ залу, гостинную, образную, въ баню, гдѣ направо въ комнатѣ, довольно просторной съ окнами къ сѣверу и западу (на Кокуево), увидѣлъ я почтеннаго старца, одѣтаго въ шелковый черный кафтанъ, но подъ одѣломъ лежащаго отъ особенно сильной боли въ ногѣ. Голова его совершенно свѣжа, корпусъ, кажется, крѣпокъ, языкъ не развязанъ, не ясно слово, а ноги какъ илети. Не лишилъ я себя утѣшенія войти въ храмъ пренод. Никона и въ келлію Сергія прежде, чѣмъ войти въ палаты митрополитичьи, гдѣ нашель инспектора съ двумя профессорами—Кудрявцевымъ и Субботиннымъ. Прочитавъ съ ними молитву о усопшихъ, я пригласилъ ихъ въ гостинную, и мы условились о всемъ, что касалось погребенія. Такъ какъ всенощное я отслужилъ въ Москвѣ предъ отъѣздомъ, чтобы здѣсь быть свободнѣе въ дѣйствіяхъ, то предоставилъ имъ совершить всенощную въ академической церкви, куда уже вынесено было тѣло, а самъ принялся за чтеніе правила. Зная, мои отношенія къ благодѣтелю моему почившему и что воспоминанія мои, связанна съ нимъ и съ Лаврою, восходятъ къ 1840 году, вы можете представить, какими чувствами наполнена была душа во все время пребыванія моего въ митрополитскихъ келліяхъ, кои его высокопреосвященство благосклонно мнѣ предоставилъ. Какъ скоро извѣщенъ я былъ, что всенощное окончилось, тотчасъ сѣлъ въ карету, которая привезла меня къ бакалаврскому корпусу. Церковь была наполнена академическими и посторонними. Въ тѣсномъ алтарѣ ея я нашель каедральнаго о. протоіеря, архимандрита Знаменскаго и др. Мы совершили соборнѣ паннихиду; студенты пѣли. Все было въ порядкѣ...

«Я взялъ съ собою двухъ іеродіаконовъ и облаченіе бѣлое, по условію; прочее духовенство было въ голубыхъ. Погребеніе отъ выноса предъ литургією до опущенія въ могилу продолжалось около 7-ми часовъ. Еще въ академической церкви послѣ литіи студентомъ сказана очень почувствованная рѣчь. Пошли чрезъ ректорскія комнаты; въ гостинной была литія, другая у дверей

Филаретовской церкви, гдѣ на паперти сидѣлъ о. намѣстникъ.

«Въ трапезѣ поставили тѣло, и мы начали литургію. Между сослужащими были архимандритъ знаменскій и протоіерей каедральный. Въ причастіи архим. Михайлъ говорилъ проповѣдь, вамъ уже извѣстную. Предъ отпѣваніемъ и послѣ онаго говорилось рѣчи,—доцентомъ и студентами. Студенты показали много усердія, приготовившись къ пѣнію тщательно, исполнѣ изучили чинъ священническаго погребенія, которое совершенно было безъ пропуска; даже всѣ входящіе въ него псалмы были явственно прочитаны, канонъ прочитанъ мною, стихиры по 6-й пѣсни ректоромъ вноанской семинаріи, а на «Хвалитѣхъ» имъ мною попеременно.

«Много было іереевъ въ облаченіи по обѣ стороны гроба и всѣ съ народомъ, наполнявшимъ обширный трапезный храмъ, молились, думается мнѣ, отъ искреннаго сердца. Всѣ простоявъ съ почившимъ, и, при звонѣ колокольномъ, двинулись изъ храма западными дверями. Я направилъ шествіе къ алтарю троїцаго собора, гдѣ и совершена эктенія обѣ усопшемъ. Какъ шествуя къ послѣдней на земли литургіи, почившій останавливался предъ Филаретовскимъ храмомъ, якобы испрашивая благословеніе у святителя, предъ лицемъ коего столько лѣтъ служилъ: такъ теперь предъ Троицкимъ соборомъ остановился, якобы благодареніе воздавая пренодобному Сергію за столько лѣтъ жительства въ его св. обители. Отсюда направился онъ домой, обычнымъ путемъ между Успенскимъ соборомъ и колокольною, въ академическій садъ. Тамъ, на лѣво, подлѣ самой рѣшетки, уготована ему могила между деревьями, лѣтомъ дающими густую тѣнь. Во всю жизнь почтительный сынъ, восхотѣлъ онъ лечь при ногу своей родительницы; ибо отъ этой могилы къ западу, за самую рѣшетку, могила его матери на, такъ называемомъ, Смоленскомъ кладбищѣ. Надъ открытымъ еще гробомъ сказалъ очень развязно краткую рѣчь студентъ изъ сербовъ на родномъ своемъ языкѣ. По чину монастырскому прочиталъ я молитву, подлѣ елеемъ помзанія

тѣло по покрывавшему его савану, поспалъ землею, крыша гроба закрита, и съ послѣднимъ молитвословіемъ сталъ спускаться гробъ въ могилу. Брошена послѣдняя горсть земли; я протѣснился, поднялся на ректорскую лѣстницу, снялъ въ канцеляріи малое облаченіе, мантию, шубу, и тогда, вынувъ часы изъ за пояса, увидѣлъ, что было безъ 10-ти минутъ четыре, а изъ келліи на служеніе вышелъ въ девять.

«Внутреннія ректорскія комнаты были запечатаны, а три переднія заняты были столами, накрытыми для гостей. Обычное пѣніе надъ кутією, а послѣ обѣда надъ чашею медовою, и между ними обѣдъ, хорошо приготовленный, и обычное возглашеніе вѣчныхъ памяти за киселемъ. Мы сидѣли въ залѣ — кабинетѣ, я на переднемъ концѣ стола къ стѣнѣ средней комнаты, къ окну, гдѣ такъ живо помнится мнѣ сидящій среди книгъ другъ и начальникъ почившаго, преосвящ. Филаретъ Черниговскій. Подлѣ меня были каедральный протоіерей и Вас. Ив. Кошчевъ. Приятно, что было довольно посвящено минутъ изъ обѣденнаго часа воспомнаніямъ о почившемъ, и всемъ конечно было по сердцу возглашенное къ концу обѣда ректоромъ виванской семинаріи приглашеніе открыть подписку для сооруженія памятника и образованія стипендіи при академіи.

«Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я вышелъ изъ академіи. Поблагодарить хозяина зашелъ я на могилу: она уже была заровнена землею. Легкій морозецъ сковывалъ снѣгъ, всюду покрывшій землю, и приятно было освѣжить себя прогулкою; но усталость гнала домой. Былъ шестой часъ въ половинѣ.

«Мы съ вами, владыко святой, оба были студентами академіи, — я учащимъ, а вы и начальствующимъ въ ней; и потому для васъ не нужно истолкованіе тѣхъ чувствъ, коими преисполнена была въ этотъ день душа моя и во входѣхъ, и во исходѣхъ, въ академіи и изъ академіи.

«Я шель быстрымъ шагомъ, наконецъ я дома. Первымъ дѣломъ было сбросить тяжелую суконную рясу, хитонъ и лечь въ по-

стель: очень болѣли и голова и ноги. Обыкновенно четверти часа довольно бываетъ на отдыхъ; теперь я и въ часъ съ четвертью едва—едва поотдохнулъ. Въ 7-мъ часовъ я поднялся, чтобы принять секретаря академическаго правленія, пришедшаго, по моему слову, съ подписнымъ листомъ. Будь я въ состояніи, не пожалѣлъ бы итысячи рублей для учрежденія, съ коимъ соединяется память моего дражайшаго наставника; но и ихъ нѣтъ у меня да приумножить Богъ Своимъ благословіемъ и десятую часть этой суммы, данную мною въ общій сборъ, и въ первый день уже значительно выросшій; ибо сотенныхъ вкладовъ я замѣтилъ не мало, одинъ и въ полтора ста рублей. Поговорилъ я съ этимъ, кажется, образованнымъ молодымъ человѣкомъ, потомъ съ благочиннымъ Лавры, которому объявилъ, что желаю остаться до утра, согласно милостивому предложенію владыки, и за тѣмъ оставался въ одиночествѣ весь вечеръ, изъ коего удѣлилъ время, необходимое для всенощнаго бдѣнія, которое совершилъ вдвоемъ съ моимъ іеродіакономъ. Едва ли не въ первый разъ, по кончинѣ владыки Филарета, здѣсь—въ его кабинетѣ, совершена по немъ зауспокойная литія. Нервная боль въ головѣ не унималась до ночи. Я искалъ лекарства въ чашкѣ чернаго кофе, но помогло, я думаю, уединеніе. Разумѣется, все мои занятія ограничивались въ этотъ вечеръ набросанными въ памятную книжку строгами. Остальное время я, не уставая, ходилъ по залѣ, — этой воспитательной залѣ, гдѣ все мнѣ нравится — и этотъ крутой коробовый сводъ, съ темными на концахъ его иконами въ золотыхъ широкихъ овалахъ, и глубокая огня расстрелинкой архитектуры дома, и эта древняя съ высокими точеными синьгами мебель, и эти портреты, безъ системы сюда собранные, царственныхъ особъ и іерарховъ, гдѣ позадумаетесь, примѣтивъ, что подлѣ Ивана грознаго болѣзненный, слабый Теодоръ Алексѣевичъ помѣстился, гдѣ приглядываясь къ энергическому лицу 32-лѣтней Екатерины II, невольно станешь сравнивать его съ лицомъ 65-лѣтней Екатерины II. И если не современный, то

старинный портрет преп. архимандрита Діонисія, и—эти анекдотическіе: вѣтаецъ съ поджатыми ножками и монахъ—экономъ, выглядывающій въ окно,—все даетъ или мысль, или пріятное воспоминаіе. Я ходилъ и не находился, насчиталъ 25 аршинъ длины и 12 ширины и около 2 аршинъ въ толщинѣ стѣнъ.

«Боль нервная прошла, но всё впечатлѣніи дня и усталость произвели такое нервное возбужденіе, что, хотя въ 12 часу легъ въ постель, не могъ заснуть до третьяго. Въ пять я пошелъ въ Филаретовскую церковь, гдѣ слушалъ за упокоеніе души почившаго владыки литургію, превосходно отпавленную, а потомъ совершилъ соборно—паннихиду по немъ. Послѣ молебна, выслушавшаго у мощей преп. Сергія, я навѣстилъ о. намѣстника. Въ томъ же шелковомъ черномъ кафтанѣ сидитъ онъ на постели, свѣсивъ ноги, а въ головахъ кровати стоятъ послушникъ и читаетъ евангеліе. Онъ обнялъ меня съ глубокимъ чувствомъ и со словами: «благодѣтель мой!» которыхъ я конечно ничѣмъ не заслужилъ. Можетъ быть, это относитъ онъ къ обращенію моему съ нимъ; но какъ же бы могъ я обращаться съ нимъ, если не съ особою почительностію, — я, который въ 1840 г. пришелъ къ нему, уже тогда знаменитому въ общемъ мнѣніи и всѣми читаемому, — пришелъ ничего незначащимъ юношей и былъ имъ принятъ покровительственно? Конечно, но пріѣздъ нынче въ лавру, я тотчасъ посѣтилъ къ нему; конечно, какъ у начальника мѣста, я просилъ благословить мнѣ то и то, предвѣщавъ о всѣхъ моихъ входахъ и выходахъ; когда онъ сидѣлъ въ Филаретовской церкви, при выносѣ гроба въ транеу, я зашелъ обнять его; замѣтивъ на маломъ входѣ, что онъ въ алтарь, я велѣлъ на сугубой эктениі сказать о немъ прошеніе, по проскомидіи поднесъ ему просфору; онъ благословился приобщиться св. таинъ; надѣлъ ризы и подходилъ съ прочими архимандритами пріять св. тѣло и св. кровь; послѣ я подходилъ къ нему поздравить и спросилъ, ненадобно ли, для облегченія ему, поскратить чинъ отиѣванія, или совершить по чину. Онъ отвѣ-

тилъ: «совершите по чину, я прощусь и уйду».—Это утреннее посѣщеніе не было продолжительно, но мы довольно поговорили. Съ уваженіемъ и любовью вспоминалъ объ Александрѣ Васильевичѣ, и я узналъ, что за четыре года, когда о. намѣстникъ былъ отчаянно боленъ, а у протоіерея Горскаго больна была мать, добросердечный сынъ, дѣля время между служебными занятіями и матеріею, находилъ когда посѣтить раза по два въ день и о. Антонія.—«Могъ ли я думать, что переживу его»,—сказалъ онъ и извѣстилъ меня съ радостію, что владыка предложилъ ему устроить домашнюю церковь въ этой же башнѣ, рядомъ съ его келліею. Она будетъ во имя Покрова и ничего не будетъ стоить лаврѣ, такъ какъ есть уже благодѣтели.—Зная, что хочу быть въ скиту, онъ сказалъ: «войдите въ Ею келліи, помолитесь, сядьте на его кроватку».—Нѣсколько разъ обнимались мы и я оставилъ его съ мыслию, что нынѣ примѣромъ терпѣнія и злостраданія онъ управляетъ лаврою не менѣе, какъ прежде правилъ его крѣпостію разума и непреклонностію воли.

«Крытыя парныя сани ожидали меня; другіи для сопровождающаго меня благочиннаго лавры. Поѣхали въ скитъ. Крупный леденистый снѣгъ осмалъ и кололъ лицо такъ, что надобно было закрываться, а закрываться не хотѣлось. Всѣ мѣста родня, хочется посмотрѣть. Вотъ рождественская церковь, гдѣ по цѣлой недѣлѣ, за отсутствіемъ іерея, духовника матушки, я служилъ, пріѣзжая для того изъ Визаніи; пріѣду въ холодную ночь, ударю въ ясакъ и сяду на скамью, пока придутъ отворить церковь. Вотъ домъ гдѣ матушка съ дочерьми жила. Здѣсь любовь ея и милыхъ сестеръ не давали заскорюзнить сердцу въ новой чуждой мнѣ средѣ, и своимъ примѣромъ учили меня тихой преданности провидѣнію. Изъ ихъ высокихъ оконъ любовались мы лаврою и широкимъ кругозоромъ, теперь уже не мало измѣнившимся отъ сосѣдства желѣзнодорожной станціи и умноженія населенія. Площадь, на которую выходилъ ихъ домъ, застроена;

виоанская улица протянулась далеко въ поле, чуть не до перелѣска скитскаго.—Я былъ въ келліяхъ, исполнилъ наставленіе о. намѣстника, входилъ въ успенскую церковь, гдѣ ибкогда служилъ за череднаго іеромонаха въ присутствіи митрополита Филарета. Отсюда строитель скитскій повелъ по плотинѣ чрезъ прудъ, уже затянутый льдомъ и покрытый снѣгомъ, въ нещерную обитель. «Другая лавра»,—сказалъ мнѣ благочинный лаврскій когда мы приближались къ длинному, каменному, двухъ-этажному корпусу съ св. вратами посреди. Войдя внутрь зданія мы тотчасъ спустились по лѣстницѣ въ примачную подземную, довольно широкую церковь, озаренную отъ мѣстной черниговской иконы Богоматери, богато украшенной, съ многими предъ нею горящими лампадами. Предъ иконою были молящіяся. Для меня отслуженъ былъ молебенъ и дана мнѣ икона, снимаюъ съ чудотворной. Бывалъ я въ этой церкви, но гораздо прежде помѣщенія въ ней иконы черниговской, привлекающей множество богомольцевъ, такъ что молебны почти непрерывны, какъ говорили мнѣ. Все здѣсь металлическое и сирости нѣтъ. Истиннымъ утѣшеніемъ было для меня, что сподобился приложиться къ новоявленной святинѣ. Все впечатлѣнія отъ этого мѣста святаго были для меня очень пріятны: и устройство храма, и стройное служеніе, и вѣра молящихся. «Шомолитесь, владыко, о дѣвицѣ Зоѣ»,—сказали мнѣ трогательнымъ голосомъ родители, подводя дочь, страждущую припадками надучей болѣзни. И сколько въ эту лечебницу стекается таковыхъ и подобныхъ! При выходѣ моемъ благочинный лаврскій доложилъ, что о. намѣстникъ сейчасъ прислалъ сюда верховаго предложить мнѣ посѣщеніе Виоаніи. Разумѣется, я принялъ приглашеніе. Сани стояли у воротъ и не надобно было повторять путь чрезъ плотину, сколько было обледенѣлому снѣгу. Сквозь обезлиственныя вѣтви легко было обозрѣть обширныя постройкія этихъ широко-облегающихъ берега пруда отдѣльныхъ частей монастырскаго учрежденія, т. е. собственно: скита, нещерь и пустыньки. Я смотрѣлъ и думалось:

давно ли, кажется, то время, когда покойная матушка жила въ посадѣ, и тотъ пасмурный лѣтній день, когда я, въ мірской еще одеждѣ, выѣхавъ отъ нея верхомъ на прогулку, заѣхалъ въ корбухинскій лѣсъ, и чтобы не возвращаться тѣмъ же путемъ, распрашивалъ встрѣчныхъ крестьянъ о дорогѣ, и лѣсною тропой по той мѣстности, гдѣ теперь скитъ, а тогда была глушь древесная, выѣхалъ въ поле и на конецъ Переславской улицы.

«Бду. Вотъ ферма, теперь скитскій скотный дворъ, а когда-то практическое примѣненіе теоріи сельско-хозяйственной науки, которая такъ безплодно заѣвдалась въ умахъ семинаристовъ по капризу графа Киселева. Вотъ и храмъ села Глинкова, владимірской губерніи. Въ глубинѣ оврага между ними рѣчка, въ холодныхъ бочагахъ которой я испортилъ простудюю свои ноги, думаю, значительно укрѣпилъ свой организмъ вообще.—Вотъ жалкіе остатки слободки, гдѣ жилаи женатые наставники семинаріи. Мѣщане домовладѣльцы перебрались въ посадъ, оживленный въ отношеніи къ городскому быту желѣзною дорогой; остались лачуги бѣднѣйшихъ.

«Наконецъ и монастырь Спасовиоанскій. Я уже не думалъ когда либо видѣть его, и если бы не приглашеніе о. намѣстника, то конечно не поѣхалъ бы сюда, не смотря на все желаніе поклониться предъ гробницею блаженнаго памяти Платона митрополита.

«Изящная мысль этого великаго іерарха и вмѣстѣ поэта не была понята и поддержана, напротивъ, вскорѣ послѣ его смерти, ее начали по частямъ погребать, чтѣ было для меня, пока жилъ я въ Виоаніи, источникомъ безплодныхъ, но глубокихъ сожалѣній. Жалко мнѣ было, что семинарскія первоначальныя постройки спорчены и забыты безъ нужды. Этотъ замокъ съ башнями имѣлъ передній фасъ къ пруду, гдѣ тогда и дорога пролегалла. Задній фасъ составлялъ ровъ съ подъемнымъ мостомъ. Если бы нужно было расиространить зданіе, можно было бы на ближайшей береговой возвышенности построить точно такой же замокъ и соединить его съ старымъ—проектъ, совершенно одобренный

архитектором Быковым; но что же сдѣлалъ ректоръ о. Аганитъ? Перевернулъ фасады, и замокъ очутился на заднемъ, а впереди на мѣсто рва поставили пошлое одноэтажное зданіе — столовую и подлѣ домъ двухъ-этажный, годный для города подлѣ казарму, но здѣсь убивши всю красоту платоновской постройки. Въ монастырѣ, при этихъ маленькихъ голландскаго вкуса постройкахъ, которыя выставляли небольшую, но красивую, стройную кораблевидную церковь, взгромоздили казначейскій двухъ-этажный корпусъ, и отяготили храмъ корридоромъ окружившимъ его. Этотъ одинъ корпусъ такъ убилъ Виванію, что художникъ Брюловъ, племянникъ Карла Брюлова, плавалъ со мною на лодочкѣ по всему пруду, ища точки, съ которой снять бы видъ виванскаго монастыря, и не нашелъ: отовсюду видны нѣтъ казначейскій корпусъ. Много порчи было въ наше время, но далеко еще было до позднѣйшихъ колоссальныхъ посягательствъ на Виванію. Я слышалъ о нихъ и потому не хотѣлъ видѣть испорченной Виваніи, да и нынче я стараюсь не глядѣть на новизны тамъ, гдѣ это было можно, чтобы не изгладилось ими прежнее впечатлѣніе. Замѣтилъ я, что вмѣсто прежней, конечно, вовсе некрасивой, но платоновской колокольни, надъ вратами, возвышается большая въ византійскомъ стилѣ колокольня. Церковь платоновская, особенно верхняя, въ запущеніи, даже полнѣ обдупилась, и подкрашена, и все грязновато. По крайней мѣрѣ, уголокъ, гдѣ гробница митр. Платона, остался безъ измѣненія. Тутъ я выслушалъ о немъ литію. Въ минуту, когда я выходилъ изъ церкви, мнѣ предложено войти въ новый храмъ. Пошли. Внутри я нашелъ обширность, почти великолѣпіе, свойственное церкви или столичной, или большой обители. На одномъ изъ трехъ престоловъ нижней теплой церкви совершалась въ это время литургія. Холодная верхняя была тоже посѣщена и тоже впечатлѣніе совершенно ненужной раскошной постройки. Монастырь бѣдный и всѣ зданія придуть въ упадокъ, а памятникъ Платонова нѣтъ какъ нѣтъ. Всего больше, что безъ малѣйшей нужды уничтожили домовую архіерейскую церковь, гдѣ Платонъ служилъ, мо-

лился, читалъ апостолья на литургіи, гдѣ митр. Филаретъ былъ во діакона посвященъ. Слышалъ я, что при какомъ то случаѣ Государь Императоръ, узнавъ о разрушеніи этой достопамятной церкви, выразилъ неудовольствіе и вмѣстѣ желаніе, чтобы она была восстановлена. Впоследствии, сколько помню, когда церковь была восстановлена, Государь, въ милостивомъ разговорѣ со мною, упоминалъ объ этомъ случаѣ. Безъ такого ходатая оригинальный иконостасъ — рѣшетка былъ бы отданъ въ какую нибудь сельскую церковь. Теперь онъ стоитъ новопозащенный; но церковь уже новая; надъ поломъ жилыхъ комнатъ поднята на три ступени; размѣры ея и въ высоту, и въ ширину, и въ длину — другіе. Даже имя другое, а св. Духу посвящена верхняя новая церковь. Въ покоемъ, кромѣ искаженной, бывшихъ при мнѣ, нѣтъ новыхъ. Только желѣзный переплетъ зеркальнаго потолка въ маленькой комнатѣ отзолоченъ, невѣдомо для чего.

Меня срѣтилъ и сопровождалъ іеромонахъ С. . . . , а казначей былъ въ тѣни. Этотъ С. . . . , и вамъ извѣстный, изъ такъ называемыхъ «благородныхъ», воспитывался въ землемѣрномъ училищѣ, рано вступилъ въ виванскій монастырь, оказывалъ ревность къ монашескому подвигу, точность къ соблюденію устава. Въ мое время о. С. порученъ былъ сборъ на ризу къ иконѣ Богородицы, что надъ гробомъ преп. Сергія. Онъ конфузился. О. Варлаамъ, впоследствии игуменъ Давыдовой пустыни, научилъ его, какъ съ тарелкою подходить къ богомольцамъ и просить. Наука эта далась юношѣ. Онъ собралъ на икону, потомъ на мѣстныхъ иконы, потомъ на ризницу, и наконецъ на огромный храмъ. Для удовлетворенія этому *безкорыстному* сребролюбію (ибо С. самыхъ строгихъ и честныхъ правилъ человекъ) поправъ историческій памятникъ, о чемъ, въ послѣднее время жизни, владыка очень сожалѣлъ въ разговорахъ со мною, хотя и освящалъ верхнюю церковь, и это былъ послѣдній изъ освященныхъ имъ храмовъ(*), какъ сказалъ мнѣ С. Не повернулся языкъ мой ни на похвалу, ни на благодарность. Молча про-

(*) Это было въ іюлѣ 1866 года.

стился я и поехал обратно при звонѣ знакомыхъ мнѣ колоколовъ съ прибавленіемъ новыхъ. Быстрымъ взглядомъ окинулъ я милую картину виванскихъ прудовъ, живописныхъ и подъ зимнимъ теплымъ покрываломъ.

«Надобно было навѣстить инспектора С. К. Смирнова, и я опять вошелъ въ тотъ домикъ съ садомъ къ оврагу Кончурн, гдѣ когда-то бывалъ у Важенковыхъ: очень небогатая, но очень благотворительная чета, всегда находившая возможность успокоить бѣдныхъ богомольцевъ, и воспитывать и замужъ выдавать дѣвицъ. Оба умерли, онъ въ лаврѣ. — Сергій Константиновичъ былъ не женатый при мнѣ, а теперь другую дочь въ замужество отдаетъ. Онъ говоритъ много о рвеніи студентовъ послужить памяти Александра Васильевича, котораго они точно любили и называли за глаза не иначе, какъ: *папаша*. Они на похоронахъ держали себя очень прилично; не только тогда пѣли усердно и боялись чтобы не замѣстили ихъ на влрсоѣ монахами, но и потомъ изъявили желаніе продолжать поочереді еженеовно за ранними заукойными о немъ обѣдями въ академической церкви.

«Въ столовой, гдѣ обѣдалъ я у владыки, между прочимъ, въ день, когда на меня или крестъ магистерскій возложить, или набедренникъ, нынче я обѣдалъ одинъ; ибо, по моему заказу, изготовлена была писарная уха и ишенная каша, не—то, чѣмъ можно лакомить гостей... Но уже часъ пополудни. Пришли Сергій Константиновичъ, Викторъ Дмитріевичъ и Николай Ивановичъ проститься со мною. Едва успѣлъ я обѣгать къ преп. Сергію и спѣшилъ на станцію, гдѣ все эти три лица меня уже ожидали. Чаеніе исполнилось: отрада и миръ даны преп. Сергіемъ, и въ этихъ чувствахъ я оставилъ лавру.

«Лавра простилась со мною своимъ чуднымъ колокольнымъ звономъ. Такъ были сильны и пріятны впечатлѣнія, что совершенно уединенно сидя въ вагонѣ, я несосучился, и путь показался мнѣ очень короткимъ. На все было смотрѣть мнѣ пріятно—и на Хотьковъ историческій и неврасивый, и на красивую деревянную цер-

ковь близъ пушкинской станціи, рѣдко удачную постройку въ русскомъ вкусѣ, и на сельскіе домики въ чащѣ лѣсной, даже на покрытую водою по льду поверхность Краснаго пруда. — Подъ мелкимъ дождемъ, вмѣсто давнишняго снѣга, пріѣхалъ я къ владыкѣ, и первое его слово было: «схоронили сокровище!»

«Эти слова такъ многозначительны, что мнѣ остается представить вамъ надъ ними размышлять, и, извинившись въ длиннотѣ письма, которое желательно, чтобы пришло къ вамъ, въ Харьковъ, ранѣе 19-го, т. е. сорокаого дня, просить себѣ вашихъ святыхъ молитвъ. — Москва. 1875 г. съ 10-го на 11-е ноября, полночь.»

На столь пространное дружеское посланіе я отвѣчалъ его преосвященству вкратцѣ. Вотъ что писалъ я ему отъ 10-го декабря:

«Св. Василій Великій въ письмѣ къ другу своему Мелетію, архіепископу антиохійскому, между прочимъ, пишетъ: «когда беру въ руки письмо твое, прежде всего смотрю на его мѣру, и чѣмъ болѣе оно избыточествуетъ величиною, тѣмъ для меня любезнѣе. (Письма св. Василія Великаго въ русскомъ переводѣ, стр. 153).

«Братское посланіе вашего преосвященства, полученное мною 14-го ноября и занимающее шесть почтовыхъ листовъ, думаю, было бы любезно для сердца и вселенскаго святителя... Искренно, душевно благодарю васъ, преосвященнѣйшій владыко, за такое пространное и весьма интересное для меня посланіе.

«Читая и перечитывая это посланіе, я какъ бы самъ вмѣстѣ съ вами путешествовалъ въ лавру, поклонялся тамошней святынѣ и гробу незабвеннаго святителя, присутствовалъ при отпѣваніи и погребеніи досточтимаго Александра Васильевича, бесѣдовалъ съ достопочтеннымъ старцемъ—о. намѣстникомъ, посѣщалъ скитъ и Виванію, раздѣлялъ вашу скорбь и негодованіе за искаженіе оригинальнаго тина монастырскихъ и семинарскихъ зданій, воспоминалъ о вашей достолюбивѣйшей матушкѣ, и проч. и проч.

«Да, кончина Александра Васильевича для московской академіи

утрата невознаградимая: трудно его замѣнить; никакого пѣною не купишь такое сокровище... Кто же однако будетъ его преемникомъ? Если кто либо изъ женатыхъ, то какъ-то странно будетъ видѣть начальника академіи, живущаго не въ академіи; а жить такому въ стѣнахъ лавры конечно не позволять.

«На устройство памятника покойному и на учрежденіе въ память его стипендіи послать и я отъ себя должную ленту.

«Вы пишете, что отношеніе новгородскаго владыки къ вашему, по дѣлу о новомъ росписаніи приходоѡвъ, переданное или предъявленное вашему преосвященству, *толкнуло въ васъ кровь*. Но если бы вы знали, сколько мнѣ, въ теченіи восьмилѣтняго пребыванія моего на полоцкой кафедрѣ, доводилось испытывать подобныхъ толчковъ, да еще гораздо посильнѣе: то вы успокоились бы. Само собою разумѣется, что высшему началству нельзя не спрашивать у подчиненныхъ, почему не исполняются его приказанія. У меня, въ настоящее время, всего болѣе производится дѣлъ по конексторіи, именно по жалобамъ прихожанъ на стѣнительное для нихъ перечисленіе отъ родныхъ приходоѡвъ къ чужимъ. Такъ слышно и по другимъ епархіямъ, гдѣ успѣли осуществить предполагаемую реформу.»

Редакторъ „харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“, протоіерей І. Чижевскій, перепечатавши сначала въ редактируемыхъ имъ вѣдомостяхъ отдѣльныя корреспонденціи изъ Витебска, помѣщавшіяся въ разныхъ, болѣею частію, петербургскихъ газетахъ, о моемъ прощаніи съ полоцкою паствою, поревновалъ собрать все эти корреспонденціи и присоединивъ къ нимъ нѣкоторыя другія свѣдѣнія о моей дѣятельности на полоцкой кафедрѣ, а также обстоятельства моего вступленія на ка-

федрѣ харьковскую, напечатать все это, конечно, не безъ моего вѣдома и согласія, отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: „прощаніе преосвящ. епископа Саввы съ полоцкою паствою и вступленіе его на харьковскую кафедру, Харьковъ, 1876 г.“ Экземпляръ этой книги я препроводилъ къ преосвящ. Леониду и просилъ его произнести объ этой книгѣ свой правдивый и безпристрастный судъ и сказать мнѣ, по сушей правдѣ, не погрѣшилъ ли я, допустивши напечатать такую книгу?

Вотъ какой судъ произнесъ о допущенной мною къ напечатанію книгѣ мой досточтимый другъ:

«На предложенный вами вопросъ, — писалъ онъ мнѣ отъ 9-го марта 1876 г., — отвѣтъ простой: не вы себя прославляли, а любовь благодарныхъ вамъ. Думаю, что вашей скромности полезно было претерпѣть нѣкоторое стѣсненіе отъ нападеній любви преданныхъ вамъ людей. Почему? По духу вѣра. Все болѣе и болѣе расширяется пронасть между пастырями и паствою. Формальность, съ каждымъ днемъ также умаляющая свое значеніе, одна наполняетъ эту пустоту. Какъ же въ такое время не отradio видѣть живую связь взаимной любви между пастыремъ и стадоѡмъ; какъ же не желать, чтобы сколь возможно шире по пространству и времени распространялись объ этомъ отрадномъ явленіи извѣщеніе вѣрное, полное, живое. Благословенъ Богъ! Да благословитъ Онъ усилъхомъ предпріятіе благонамѣренныхъ почитателей вашихъ! Благодарю васъ за экземпляръ и за дружественное письмо.

«Какъ живо, въ январѣ, мы воспоминали прошлогоднее свиданіе съ вами! Обтягивая праздничный кафтанъ вашимъ златошвейнымъ поясомъ, взявъ въ руки ваши дымотоназевыя четки, я говорилъ: «въ прошломъ году, въ это время, мы имѣли утѣшеніе видѣть дарителя; нынче утѣшился мыслию, что также

близки мы къ его сердцу, какъ его памятниа вещи къ чувствамъ нашимъ вѣшнимъ». Мои чувства сердца суть чувства моихъ родныхъ. Братъ и три сестры — всѣ съ любовью и почтеніемъ воспоминають о васъ.

«Пресвященный Гурій, возвращающійся въ многостраданіяхъ, повѣдаетъ вамъ многое. Кромѣ того, что онъ скажетъ, не имѣю ничего пріятнаго для обрадованія, ни такого, что хотя и не пріятно, но назидательно. Или ужъ надобно писать книги, а мнѣ и читать книгъ недосужно. Впрочемъ за это неудобство, т. е. за переполненность времени моего занятіями непрестанно благодарю Господа.

«Что въ Москвѣ? Общество *преисполнено* негодованія противъ разрѣшенія театральныхъ зрѣлищъ въ постъ; но и театры *преисполнены* зрителями!..

«Послѣ пятимѣсячной превосходной зимы и санной ѣзды, настало ненастье, морзя вьюги, дожди, туманы, слякоть и все-совершенное по городу бездорожье. Сегодня на зарѣ было чистое небо съ краснымъ солнышкомъ, а въ 8 часовъ туманъ такой, что едва что либо можно было различить до половины моего двора. Теперь и небо туманно и солнце свѣтитъ: отраженіе вѣка!..

«Читаю, что знакомка моя, леди Stanlay, супруга декана, скончалась, и королева была на погребеніи. Она, по крайней мѣрѣ, не оставила во мнѣ того не пріятнаго впечатлѣнія, какое оставилъ ей супругъ. На англійскомъ появилась книга Life of Iesus, Farrar—а (Жизнь Иисуса), илбнительная по силѣ поэтическаго и описательнаго таланта, который, какъ нельзя болѣе, кстати является здѣсь на помощь учености и начитанности ея автора, и я думалъ, что сестра Ушакова послужитъ дѣлу перевода послѣднихъ дней земной жизни Спасителя нашего къ посту; но читая далѣе и далѣе, я получилъ отвращеніе отъ книги по ея лютеранскимъ нечестивымъ сужденіямъ и умалчиваніямъ о догматахъ, каковы, приснодѣвство, евхаристія.

«Негдѣ болѣе писать, да и некогда... Простите и благословите.»

Это было послѣднее письмо отъ преосвящ. Леонида, епископа дмитровскаго, викарія московскаго. Въ послѣднихъ числахъ мая дошелъ до меня слухъ, что преосвящ. Леонидъ назначенъ на ярославскую епархію, на мѣсто переведеннаго въ Житомиръ высокопреосвящ. архіеп. Дмитрія, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Слухъ этотъ не показался мнѣ невѣроятнымъ; тѣмъ не менѣе онъ не мало удивилъ меня. Наконецъ удостовѣрившись изъ газетъ о дѣйствительности этого событія, я почелъ долгомъ привѣтствовать моего высокочтимаго друга съ новымъ назначеніемъ. 12-го іюня я писалъ ему:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь! Отъ полноты преданнаго вамъ сердца привѣтствую васъ съ возведеніемъ на высшую степень іерархическаго служенія православної Христовой церкви. Да даруетъ вамъ Пастыреначальникъ Господь Иисусъ Христосъ благодатную помощь и духовную мудрость право править слово истины и созидать душевное спасеніе вѣтренной вамъ пасты!..

«И такъ пришло время и надъ вами исполниться апостольскому слову: *яко не имамъ здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ*. Изъ первопрестольнаго града вамъ указанъ державною волею путь къ иному граду.

«Позвольте однакожъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, братски спросить васъ, какимъ образомъ совершилось ваше новое назначеніе на ярославскую кафедру: было ли по прежнему предварительно требовано ваше на сіе согласіе, или нѣтъ, и кому собственно принадлежитъ первоначальная мысль объ этомъ назначеніи?

«Я питаю себя приятною надеждою, что ваше высокопреосвященство и на новомъ мѣстѣ вашего архинастырскаго служенія сохраните ко мнѣ ваше прежнее доброе расположеніе.

«Ярославль мнѣ нѣсколько знакомъ; въ немъ я былъ въ 1861 году въ качествѣ ревизора тамошней семинаріи. Но съ того времени, безъ сомнѣнія, многое измѣнилось и, вѣроятно, къ лучшему. Въ Ярославль есть у меня знакомые до сихъ поръ. Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ, между прочимъ, законоучителя демидовскаго лицея, протоіерея А. П. Л...ва, какъ моего добраго товарища и совоспитанника по академіи. Это — человѣкъ въ высшей степени кроткій и благонравный.»

Въ тотъ самый день, какъ я отправилъ въ Москву это привѣтственное посланіе, получаю изъ Москвы отъ новаго ярославскаго владыки краткое письмо отъ 9-го іюня слѣдующаго содержанія:

«Знаете вы, какая *внезапность* постигла меня и влечетъ еще далѣе отъ васъ мѣстомъ, но не духомъ любви. Прошу: помолитесь. Помню слова ваши, что въ провинціи и полгода не просидѣть мнѣ благополучно, и становите мнѣ страшно. Въ мои годы, при моихъ силахъ, можно продолжать, но не начинать новое дѣло. Дайте совѣтъ, если имѣете его; вы служили и служите въ другихъ мѣстностяхъ; но думаю, что много есть общаго въ бытѣ... На мѣсто мое — преосвящ. Никодимъ. Желаніе, чтобы... (далѣе—слова нельзя разобрать), движетъ рукою, а голова пуста или переполнена, и писать болѣе не въ силахъ. Родные мои васъ просятъ о благословеніи.»

Подъ этимъ письмомъ высокопреосвящ. Леонидъ именуетъ себя еще епископомъ дмитровскимъ: вѣроятно, въ это время указъ изъ св. синода о бытіи ему архіепископомъ ярославскимъ въ Москвѣ еще не былъ полученъ.

Пока преосвящ. Леонидъ оставался въ Москвѣ, я не желалъ обременять его своею корреспонденціею; но когда мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ оставилъ Москву и водворился уже въ Ярославль, я обратился къ нему съ отвѣтомъ на его посланіе отъ 9-го іюня. Вотъ что писалъ я его высокопреосвященству отъ 24-го іюля:

«Краткое и грустію проникнутое посланіе ваше отъ 9-го іюня я получилъ 12-го числа, въ тотъ самый день и даже часъ, какъ отправилъ къ вашему высокопреосвященству мое привѣтственное письмо, и прочиталъ оное съ сердечнымъ сочувствіемъ.

«Я не спѣшилъ отвѣчать на ваше посланіе потому, что зналъ, что ваша душа и ваше сердце въ послѣдніе дни въ Москвѣ и въ первые—въ Ярославль, до того переполнены были разнообразными мыслями и чувствами, что вамъ было не до моихъ писемъ. Теперь, вѣроятно, вы нѣсколько уже поуспокоились и посмотрѣлись на новомъ мѣстѣ служенія; и потому я рѣшился начать съ вами братскую бесѣду.

«Прежде всего позвольте привѣтствовать васъ съ благополучнымъ вступленіемъ на новую, вѣтренную вамъ каеедру.

«Съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ я по газетамъ за послѣдними событіями вашего пребыванія въ Москвѣ и за вашими движеніями къ новому мѣсту служенія. Едва ли кто изъ московскихъ викаріевъ оставлялъ Москву съ такою торжественностію и при такомъ общемъ изъявленіи добрыхъ и признательныхъ чувствъ, какими напутствованы были вы. (*) И въ этомъ должно заключаться для васъ не малое уже утѣшеніе. Притомъ Ярославль—не Витебскъ, и ярославская епархія—не полоцкая епархія. Знаю, что переходъ для васъ изъ Москвы куда бы то ни было гораздо ощутительнѣе, чѣмъ былъ для меня: но что же дѣлать? Нельзя же было цѣлымъ вѣкъ оставаться викаріемъ; на-

(*) Прощаніе Москвы съ высокопреосвящ. Леонидомъ описано въ ЖМ 27 п 28 „моск. епарх. вѣд.“ за 1876 г.

добно же было рано или поздно начинать и вам самостоятельную жизнь и самостоятельное дѣйствование.

«Но для васъ самостоятельная дѣятельность на поприщѣ свѣтительскаго служенія, послѣ столь продолжительнаго приготовленія подъ руководствомъ такихъ великихъ и мудрыхъ іерарховъ, какъ Филаретъ и Иннокентій, не должна быть особенно затруднительна. И на ярославской каедрѣ вы, какъ я полагаю, не много встрѣтите новаго, чего бы вы уже не видѣли и о чемъ не разсуждали въ Москвѣ.

«Не могу я понять, почему, до сихъ поръ, при старѣйшей и знаменитѣйшей изъ архинастырскихъ каедръ—ярославской иѣтъ викарія. Уже-ли въ такой епархіи не имѣется для сего матеріальныхъ средствъ? Мнѣ кажется, вашему высокопреосвященству, при вашемъ непостоянномъ здоровьѣ, необходимо имѣть ближайшаго помощника, не столько конечно для письменныхъ консисторскихъ дѣлъ, хотя и это не маловажно, сколько для церковныхъ службъ. Только одного при этомъ надобно желать, чтобы викарій былъ единомысленъ съ вами и благопокорливъ.

«Скажите же, высокопреосвященнѣйшій, какъ вы устроились и устрояетесь на новомъ мѣстѣ жительства? Кто съ вами и при васъ изъ московскихъ присныхъ, или преданныхъ вамъ слугъ? Ваше новое положеніе меня очень интересуетъ.»

На другой день, послѣ отправления этого письма, я получилъ отъ высокопреосв. Леонида, изъ Ярославля, отъ 20-го іюля краткую записку слѣдующаго содержания:

«Осмѣливаю утрудить васъ просьбою. Прикажете справиться, дѣйствительно ли близъ Харькова, въ селѣ Основѣ, есть очень бѣдная больная А. А. Т..... Если это вѣрно, то будьте милостивы выдать ей посылаемые 23 р., которые у меня случились изъ денегъ, данныхъ мнѣ на бѣдныхъ: слѣдовательно не мое благовореніе.

«Помогите моей духовной скудости молитвою.

«Не могу писать; ибо пишу между правиломъ и благовѣстомъ. «За все Богу благодареніе, щедрому и многомилостивому.»

По надлежащемъ разслѣдованіи, чрезъ благочиннаго, о личности и положеніи Т., я отвѣчалъ его высокопреосвященству 1-го августа:

«По порученію вашему, я розыскалъ Т., въ пользу которой вы изволили прислать мнѣ 23 рубля.

«Оказалось, что это — моя старая знакомая. Она писала мнѣ еще въ 1868 г. изъ Тобольска, въ 1872 и 74 гг. изъ Петербурга, и каждый разъ получала отъ меня небольшое пособіе. Теперь же, находясь такъ близко отъ меня, она ни разу не обращалась ко мнѣ за пособіемъ, изъ опасенія, разумѣется, что ея мнимая болѣзнь будетъ изобличена. Испрашиваніе денегъ отъ архіерея, которые находятся подальше, кажется, составляетъ ея спеціальную профессию.

«По разслѣдованіи открылось, что Т. замужемъ болѣе уже 20-ти лѣтъ, но документовъ о бракѣ не имѣется, и что она не помнитъ гдѣ и когда вѣнчана. Вообще, по мнѣнію мѣстнаго протоіерея, Т. личность темная и подозрительная.

«Слѣдуетъ ли послѣ сего такой личности вручать такую значительную сумму, какая вами прислана? Не лучше ли раздать эти деньги дѣйствительно нуждающимся, или отослать въ пользу страдалцевъ—болгаръ?

«Буду ожидать вашего распоряженія.»

Ярославскій владыка отвѣчалъ мнѣ 26-го августа на мои письма къ нему отъ 12-го іюня и отъ 24-го іюля:

«Дивитесь вы и, можетъ быть, дружески меня осуждаете за молчаніе. Доношу вашему преосвященству: болѣзнь причиною. Сильное въ теченіи двухъ мѣсяцевъ душевное напряженіе съ простудами истомленнаго тѣла произвело нѣсколько болѣзней, (*)

(*) Невралгія, индигестія, лихорадка, геморрой: началось съ іюля, успылось съ 9-го августа.

которыя къ ночи на успеньевъ день низложили меня на одръ, съ котораго лишь по немногу встаю. (*)

«Благодарю за дружескія посланія: ущедрите меня ими и давайте наставленія, дѣлайте замѣчанія.

«На вопросы отвѣтствую: со мною перешли мой монастырскій казначей іеромонахъ Павелъ и послушникъ—чтець, да на время келейный, получившій въ Москвѣ мѣсто.

«Что я нашель здѣсь? Домъ архіерейскій не бѣдный, не худа и братія; но запущенность въ хозяйствѣ и управленіи всесовершенная. Нѣтъ во всей епархіи церкви грязнѣе моихъ; объ уставѣ ниже слышали. Въ духовенствѣ Ярославля нашель нѣсколько почтеннѣйшихъ людей; съ худыми (если они есть) еще не знакомился. Дѣло о приходахъ получило до меня санцію и возвращено къ исполненію. Лучше, гдѣ за него не брались; но здѣсь оно лучше, нежели гдѣ либо во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. Въ 1869 г. приходское духовенство епархіи имѣло капиталъ въ 191 тысяччу, а теперь до 1.250.000. Норма для самостоятельнаго прихода 500, а не 1000 душъ. За недостающую до нормы сотню душъ—капиталъ съ процентами во сто рублей, или земля съ доходомъ во сто рублей.

«До нынѣ дѣлами консисторіи занимаюсь одинъ, изрѣдка призываю членовъ.

«Пріюта для заштатныхъ, для вдовъ и сиротъ, можно сказать, никакого.

«Расколъ заботить; но еще не узналъ его. Единовѣріе въ дурномъ состояніи.

«Висарія не вижу нужды имѣть и откуда взять.

«Быдъ я въ Рыбинскѣ и Романово-Ворисоглѣбскѣ, гдѣ удивительно красивая церковь XVIII вѣка... Были у меня братъ (со мною прѣхалъ, а уѣхалъ 1-го августа), двѣ сестры Олимпиада и Татіана Васильевна (къ самой болѣзни моей).

(*) Сдѣлать успіе и быть въ соборѣ на молитвѣ за возлюбленнаго Монарха (т. е. въ день коронаціи).

«Бывали и другіе знакомые изъ Москвы, а иныхъ и сестру Ушакову ожидаю.

«Государю Императору благоудно было, чтобы надзоръ за церковностію иконописанія въ храмѣ Спасителя остался за мною.

«На мое пріѣзженіе получилъ я еще въ лаврѣ такую телеграмму отъ сердечно любимаго мною государя великаго князя Сергія Александровича, изъ Александріи, отъ 6-го іюля:

«Сердечно благодарю ваше высокопреосвященство за телеграмму и письмо. Съ отряднымъ чувствомъ всегда помню о вашемъ расположеніи, бесѣдахъ и молитвахъ. Увѣренъ, что отъѣздъ изъ Москвы не отдалитъ васъ сердцемъ отъ любящихъ васъ. *Сергій.*

«Выписалъ вполнѣ, чтобы вы помоллись о прекрасномъ юношѣ съ любовью, да укрѣпите и охраните его Господь.

«Пока довольно. Благословите.»

Въ отвѣтъ на это братское посланіе я писалъ его высокопреосвященству отъ 24-го сентября:

«Письмо вашего высокопреосвященства отъ 26-го августа имѣлъ я удовольствіе, растворенное впрочемъ грустію о вашей болѣзни, прочитать не ранѣе 17-го сего сентября. Оно получено было въ Харьковѣ во время моей поѣздки по епархіи, и посланное велѣдъ за мною въ извѣстное мѣсто не нашло меня тамъ, и возвратилось въ Харьковъ на третій день по возвращеніи моемъ изъ путешествія.

«Приключившейся вамъ болѣзни я не удивляюсь; при вашихъ обстоятельствахъ это было очень естественно. Но сохрани Богъ, если болѣзнь ваша будетъ продолжительна. Для насъ, архіереевъ, особенно при немнѣйшій помощника, болѣть долго весьма неудобно. Если заболитъ гражданскій начальникъ, кто бы онъ ни былъ, его обязанности легко могутъ быть исполнены другимъ, хотя бы и низшимъ его по рангу; но кто изъ сотрудниковъ по управленію епархіею—пресвитеровъ замѣнитъ болящаго епископа, въ случаѣ, напр., необходимости произвестъ ставленника или освятить

антиминосъ, какъ это и случилось со мною на первыхъ дняхъ по приѣздѣ моемъ въ Витебскъ?

«Оставленіе за вашимъ высокопреосвященствомъ надзора за церковностію иконописанія въ Храмѣ Спасителя—знаменіе во благо.

«За сообщеніе телеграммы великаго князя приношу вамъ душевную благодарность.—Телеграмма эта дѣлаетъ великую честь высокимъ чувствамъ порфиророднаго юноши.

«Такъ какъ вы ничего мнѣ не написали въ разрѣшеніе моего вопроса относительно денегъ, предназначенныхъ Т—ой: то позволяю себѣ распорядиться ими по своему усмотрѣнію. Надѣюсь, что вы не прогнѣваетесь на меня за это.

Что скажу вамъ о себѣ? Благодареніе Господу, я благополучно совершилъ довольно продолжительную поѣзду по епархіи. При обзорѣнн церкви обращалъ особенное вниманіе на иконописи; перечиталъ много священническихъ проповѣдей, но дѣльныхъ оказалось не очень много. Въ украинскомъ народѣ, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ желѣзныхъ дорогъ, сохраняется еще искреннее благочестіе и необыкновенная привязанность къ своимъ приходскимъ храмамъ. Въ слѣдствіе сего реформа приходовъ возбуждала въ здѣшнемъ народѣ много жалобъ, хотя съ другой стороны вызвала въ немъ наружу еще большую ревность объ удержаніи своихъ приходовъ самостоятельными: крестьяне дѣлаютъ всевозможныя пожертвованія, чтобъ только не оставаться безъ причтовъ и безъ богослуженія въ праздничные дни.»

На это письмо преосвященнѣйшій Леонидъ немедленно отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Прежде всего прошу ваше преосвященство включить меня въ число напереданнѣйшихъ поздравителей вашихъ на день 1-го октября, въ который ваша святыня да воспомянетъ мое недостойнство, яко вступившаго въ 32-е лѣто пресвитерства.

«Отъ болѣзни я, слава Богу, оправился, но, по ея милости, просидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ все благопогодное время, а теперь начинается осеннее ненастье. Посому епархію видѣлъ только на

сѣверо-западъ до Рыбинска и южской пустыни, на югъ до окрестностей Ростова, куда ѣздилъ для храмоосвященія. Благодареніе Богу, болѣзнь не отнимала меня у дѣлъ служебныхъ, даже просителей принималъ лично, у постели. Ставленниковъ не имѣется на долгъ—часть.

«Такъ какъ о. Павелъ прусскій на Кавказѣ, а безъ него не рѣшаюсь касаться раскола, то занимаетъ меня вопросъ славянскій. Видѣтъ славянамъ сочувствуютъ, отовсюду къ нимъ «помощь идетъ». Такъ: но прекратится война, и все о нихъ забудутъ. Между тѣмъ, тогда-то и нужна будетъ помощь—помощь нравственная, для рожденія. Общество составляется изъ семействъ; основа семейства мать; слѣдовательно надобно готовить для славянства женщину, способную быть и матерью и учительницею. Онытъ училища въ алексѣевскомъ монастырѣ далъ результатъ прекрасный. Преосв. митрополитъ Михаилъ въ восторгѣ отъ сербовъ, возвратившихся въ Бѣлградъ. Монастырь принялъ вновь. Ему слѣдуютъ другіе. Не все могутъ дѣлать тоже, что алексѣевскій, гдѣ дѣвицъ до 12—15 живутъ, содержатся и учатся. Рождественскій принялъ четырехъ; страстный, ярославскій—казанскій, рыбинскій, надѣюсь, мологскій и ростовскій примутъ по 6-ти на содержаніе и воспитательный надзоръ, съ тѣмъ, что учиться онѣ будутъ въ гимназіяхъ иprogимназіяхъ. Здѣсь, кромѣ того, г-жа Соболева даетъ домъ и все содержаніе на 10 болгарскихъ сиротъ съ 5-ти до 11-ти и 12-ти-лѣтняго возраста. Какъ хорошо было бы, если бы эта мысль распространилась и въ дѣло обратилась по лицу русской земли. Будь такъ, и—Россия была бы настоящею благодѣтельницею славянъ; дала бы имъ хлѣбъ въ ситость духовную. Мнѣ здѣсь помогаетъ въ этомъ сестра Е. В. Ушакова, приѣхавшая навѣститъ меня, и приносящая вамъ поздравленіе.

«Простите, благословите; деньгами по усмотрѣнію распорядитесь.

«Вашего преосвященства, смиренный послушникъ Леонидъ, архіепископъ ярославскій. Ярославль, 28-го сентября 1876 года.»

Получивъ это посланіе моего высокочтимого друга и брата 2-го октября, я отвѣчалъ на оное не ранѣе 7-го декабря:

«Простите Бога ради,—писалъ я преосв. Леониду,—что такъ поздно отвѣчаю на ваше дорогое, пріятельское посланіе отъ 28-го сентября. Каждое утро, какъ вамъ извѣстно по собственному опыту, официальные дѣла и просители, а по вечерамъ съ нѣкотораго времени я началъ заниматься, и не безъ увлеченія, дѣломъ, о которомъ давно думалъ и мечталъ и къ которому когда-то старался расположить и васъ. Я разумѣю *мемуары*.

«Одобрите ли вы мое предпріятіе, или нѣтъ? Прошу васъ изъяснить мнѣ объ этомъ предметѣ ваши искреннія мысли. Къ занятію этимъ дѣломъ меня поощряютъ многочисленныя примѣры не только свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ, и даже святыхъ мужей. Между прочимъ, имѣлъ я при этомъ въ виду нѣкоторыхъ изъ вашихъ предшественниковъ на ярославской кафедрѣ, начиная съ святителя Димитрія. Слѣдуетъ теперь и вашему высокопреосвященству приняться за перо, чтобы начертить если не подробную автобіографію, то, по крайней мѣрѣ, воспоминанія о вашихъ многолѣтнихъ и столь близкихъ отношеніяхъ къ приснопамятному святителю Филарету.

«Вы были на дняхъ въ Москвѣ. Воображаю, какъ для васъ было отрадно снова взглянуть на священный градъ послѣ вашей, хотя еще и не очень продолжительной, съ нимъ разлуки. Съ радостью, безъ сомнѣнія, увидали васъ и многочисленныя ваши почитатели. Жаль, что мнѣ не дано никакого порученія, чтобы имѣть поводъ почаще бывать въ незабвенной Москвѣ. Правда, Москва начинаетъ для меня болѣе и болѣе пустѣть: многихъ, очень многихъ добрыхъ знакомыхъ я уже не досчитываюсь тамъ. Вотъ и еще одною, и—очень крупною цифрою сократилось для меня число московскихъ благопріятелей и благодѣтелей. Я говорю о В. М. Востанджого. Въ немъ я лишился одного изъ самыхъ благорасположенныхъ ко мнѣ людей. Вѣчная ему память!...

«Скажите же, владыка святей, какъ вы привыкаете къ новому мѣсту служенія, какъ идутъ ваши консисторскія дѣла, имѣете ли какое нибудь, хотя небольшое, но пріятное для васъ общество между ярославскою интеллигенціею и проч.»

На эти вопросы я ожидалъ, безъ сомнѣнія, рано или поздно отъ моего добраго друга удовлетворительныхъ отвѣтовъ: но—увы! Въмѣсто его отвѣтовъ получаю 16-го того же декабря, въ 8 часовъ утра, изъ Москвы, отъ высокопетровскаго о. казначея телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Обозрѣвая епархію, высокопреосвященный *Леонидъ* сегодня (15-го числа) скончался въ бабаевскомъ монастырѣ, костромской губерніи. Игуменъ Іосифъ...»

Какъ громомъ меня поразила эта горькая и неожиданная вѣсть... Я не хотѣлъ, я боялся вѣрить этому поразительно-горестному извѣстію, и пока не получилъ подтвержденія о дѣйствительности этого роковаго событія, я не рѣшался приступить къ совершенію заупокойной литургіи о новопреставленномъ рабѣ Божиѣмъ, преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Леонидѣ.

Не постигая, какимъ образомъ ярославскій архипастырь могъ въ зимнее, холодное время рѣшиться на обозрѣніе сельскихъ церквей, какъ онъ очутился въ предѣлахъ чужой епархіи и тамъ встрѣтилъ внезапную смерть, я поспѣшилъ обратиться за разъясненіемъ этихъ недоумѣній къ своимъ знакомымъ въ Москвѣ и Ярославлѣ.

Въ Москву писалъ я, 19-го, ч., къ преосв. Игнатію, еп. можайскому: но онъ предварилъ меня, написавши

мнѣ отъ того же, 19-го числа. И вотъ что сообщил мнѣ:

«Кончина ярославскаго владыки была мирная, и, можно сказать, блаженная. Почувствовать во время ранней литургіи въ бабаевскомъ монастырѣ спазмы въ груди, поспѣшилъ въ келлію и чрезъ 50 минутъ отъиде ко Господу, успѣвъ принять таинства покаянія и причащенія. По причащеніи, едва только, по чину церковному, вкусилъ антидора и теплоты, какъ все кончилось. По причащеніи громко и съ чувствомъ произнесъ: *Слава Тебѣ Боже... Тебѣ Боже*, и прочиталъ прежде: *вторую Господи*. Замѣтили, что за обѣдней молился съ особымъ чувствомъ. Предшествующій день—утро обозрѣвалъ сельскія церкви своей епархіи, возвратился къ обѣду въ бабаевскій монастырь,—очень былъ оживленъ, веселъ и до полночи бесѣдовалъ съ настоятелемъ и генераломъ Брянчаниновымъ, братомъ покойнаго преосв. Игнатія, потомъ долго стоялъ на молитвѣ и всю ночь не могъ уснуть... Въ послѣдніе годы московской жизни я всегда дивился его крѣпости и здоровью: такъ много онъ выносилъ, и не было замѣтно утомленія. 30-го ноября я провелъ вмѣстѣ съ нимъ все утро, послѣ ранней литургіи въ чудовѣ, въ прежнемъ вашемъ помѣщеніи, у архимандрита Іосифа, синодальнаго ризничаго. Здѣсь онъ смотрѣлъ принесенные саккосы древніе изъ ризницы, возлагалъ на себя, а художникъ списывалъ для иконописанія въ храмѣ Христа Спасителя. И думалъ ли я, что вижу его въ послѣдній разъ? Но пріѣздъ въ Москву, онъ очень скоро посетилъ меня... Предлагалъ я ему нѣсколько разъ служить въ чудовѣ (26-го ноября), или даже въ воскресенье въ богоявленскомъ; но онъ не рѣшился, а только въ чудовѣ пріобщился Св. Таинъ.»

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ преосв. Можайскій сообщил мнѣ отъ 26-го декабря еще слѣдующее:

«Преосвященный Леонидъ въ зимнее время успѣлъ объѣхать почти всю епархію; незадолго до его преставленія, секретарь консисторіи писалъ андроніевскому архимандриту, что всѣхъ

ихъ удивляетъ владыка, который въ лютые морозы, въ открытыхъ саняхъ, ѣздитъ по епархіи и даже въ бабаевскій монастырь поѣхалъ въ саняхъ открытыхъ. Въ августѣ (8-го ч.) онъ очень простудился въ толгскомъ монастырѣ, и когда, по возвращеніи въ Ярославль, былъ приглашенъ докторъ, не смотря на нежеланіе владыки видѣть его: то докторъ сказалъ, что, если бы двумя часами его позднѣе пригласили, исходъ могъ бы быть смертельнымъ. Недавно преосвященный жаловался на сильный ударъ; но, по отзыву другихъ, это былъ не ударъ, а легкій нервный ударъ. Наканунѣ смерти онъ былъ очень доволенъ и веселъ, и окончивъ обзорніе своихъ церквей, прилегающихъ къ монастырю бабаевскому, хотѣлъ домой возвратиться, но былъ удержанъ архимандритомъ, который замѣтилъ его усталость. Для меня знаменательно и поразительно слѣдующее: владыка Леонидъ всегда съ особымъ благоговѣніемъ приступалъ къ св. причащенію и всегда сильно желалъ приступить къ сему таинству предъ смертію, и—Богъ даровалъ ему сіе утѣшеніе. Не прошло минуты послѣ причащенія,—и онъ преставился... Между нами сказать: перемѣщеніе въ Ярославль ему не советамъ было по сердцу. Такъ къ Москвѣ онъ привыкъ!...»

Въ Ярославль обращался я къ своему доброму товарищу по академіи, законоучителю демидовскаго лицея, протоіерею А. П. Лаврову, и получилъ отъ него въ отвѣтъ слѣдующее:

«Кончину нашего владыки,—писалъ мнѣ о. Лавровъ, отъ 23-го декабря,—приписываютъ разрыву сердца. Припадки этой болѣзни случались съ нимъ и прежде. Бывши у него по дѣламъ своей службѣ 11 декабря, я слышалъ отъ него самого, что наканунѣ этого дня, во время сна, онъ вдругъ почувствовалъ необыкновенное біеніе сердца и сильную боль въ головѣ. Еще тогда, по его словамъ, онъ могъ бы кончить жизнь, если бы самъ Богъ не спасъ его отъ

этого при помощи врача. Несмотря на то, онъ выразилъ мнѣ свое намѣреніе докончить обзавѣніе епархіи, чтобы въ отчетѣ за этотъ годъ св. синоду помѣтить вмѣстѣ и объ этомъ. Замѣтивъ необыкновенную блѣдность его лица и крайнюю холодность его благословляющей руки, я осмѣлился выразить владыкѣ свой совѣтъ отложить поѣздку по епархіи до февраля или марта будущаго года, когда можно ожидать болѣе теплой погоды. Но онъ остался непреклоннымъ; и прежде отправления по епархіи рѣшился съѣздить въ никола-бабаевскій монастырь, находящійся въ костромской губерніи близъ границы нашей епархіи, чтобы помолиться Богу, согласно съ своимъ обѣщаніемъ. Но на другой день, по прїѣздѣ туда, съ нимъ повторился припадокъ его болѣзни въ усиленной степени; и онъ не могъ перенести этого повторенія, тѣмъ болѣе, что за неимѣніемъ доктора, некому было подать ему помощи.»

Въ тотъ же день, когда писалъ я къ преосвященному можайскому и протоіерею Лаврову, послалъ письмо, съ выраженіемъ искренняго соболѣзнованія, и къ роднымъ почившаго въ Бозѣ архипастыря. Вотъ что писалъ я имъ:

«Возлюбнѣйшіе о Господѣ! Съ глубокою сердечною скорбію пишу вамъ о событіи, коего нравственное значеніе и горестныя послѣдствія для васъ и для вашего семейнаго благодѣянія вполнѣ постигаю.

«Скажите что это случилось?...

«Неожиданное извѣстіе о кончинѣ вашего дорогаго брата, а моего безцѣннаго и незаменимаго друга, до того поразило меня, что я, читая телеграмму отъ 15-го числа, не вѣрилъ очамъ своимъ. Въ продолженіи сутокъ я нѣсколько разъ перечитывалъ ее и не могъ убѣдиться въ справедливости столь прискорбной вѣсти, такъ что не ранѣе, какъ чрезъ полтора сутокъ я могъ рѣшиться сдѣлать распоряженіе о совершеніи заупокойной литургіи о почив-

шемъ рабѣ Божиѣмъ, преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Леонидѣ, а писать къ вамъ не рѣшался до тѣхъ поръ, пока не получилъ печатнаго подтвержденія роковой вѣсти.

«Не стану, да и не могу предлагать вамъ никакихъ утѣшеній въ постигшей васъ горести: онѣ теперь несвоевременны. Вы горько и безутѣшно плачете: плачу съ вами и я. Вы скорбите: вѣемъ сердцемъ—раздѣляю вашу скорбь и я...

«Когда же ваши и мои взволнованныя чувства нѣсколько утишатся, тогда будемъ вмѣстѣ и усердно молиться къ Отцу духовъ и всякія плоти, да вселитъ Онъ, Премилосердный, душу отшедшаго отъ насъ брата и друга нашего въ своихъ небесныхъ селеніяхъ и да соединитъ его тамъ съ общимъ нашимъ отцемъ и благодѣтелемъ, приснопамятнымъ свителемъ Филаретомъ!...»

На мое письмо отвѣчала сначала младшая сестра покойнаго—Татіана Васильевна. Она писала мнѣ отъ 18 января настоящаго 1877 г.:

«Не смѣю и благодарить васъ за скорбь, выраженную вами въ письмѣ къ намъ, зная вашу искреннюю любовь и сердечное расположеніе къ нашему незабвенному владыкѣ.

«Вы спрашиваете, какъ это случилось? Изъ газетъ вы конечно знаете всѣ подробности его кончины. Главной причиной растройства его здоровья былъ конечно переводъ его изъ Москвы въ Ярославль. Вамъ извѣстно, что каждое его перемѣщеніе вызывало сильную, часто смертельную болѣзнь. Последнее прощанье съ Москвою глубоко потрясло его, и оставило тяжелые слѣды, тѣмъ болѣе, что онъ старался казаться спокойнымъ, затаивъ грусть внутри себя.

«Вы знаете, какою онъ былъ ревностный подвижникъ. При каждомъ повышеніи онъ возлагалъ на себя новыя подвиги. Какъ пастырь, онъ спѣшилъ работать для паствы, и все еще ему казалось, что онъ не довольно дѣлаетъ.

«Въ последнемъ письмѣ онъ говорилъ, что получилъ отъ васъ письмо, гдѣ вы сообщаете ему, что составляете записки о своей

жизни и приглашаете его заняться тѣмъ же. «Но когда мнѣ», замѣтилъ онъ на это. И дѣйствительно, забота о паствѣ и молитва не оставляли ему нисколько свободного времени. За то и внезапная кончина не застала его не приготовленнымъ. Последнія слова его были: «Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!» Последнее дѣйствіе — принятіе св. таинъ, послѣ чего онъ закрылъ глаза и — смолью на вѣки. По его жизни, его дѣла будутъ вѣчно краснорѣчиво говорить о немъ. Его оплакиваютъ монахи и мірянинъ, вельможа и простолюдинъ, старій и малій; для каждаго онъ былъ свой, близкій; каждый лишился въ немъ искренняго друга, готоваго помочь словомъ и дѣломъ, раздѣлить радость и горе. Кратко было его пребываніе въ Ярославлѣ: но онъ оставилъ о себѣ доброй памяти больше, нежели тѣ, которые жили тамъ десятки лѣтъ.

«Сашенька (братъ) будетъ писать вамъ, когда побольше успокоится, а въ настоящее время онъ не можетъ еще заняться никакимъ дѣломъ, кромѣ текущихъ по службѣ. Мы такъ были поражены внезапной кончиной владыки, что всѣ захворали. Съ самого возвращенія изъ Ярославля, я нигуда не выхожу; болѣзнь лишила меня утѣшенія говѣть въ продолженіи шести недѣль, какъ это сдѣлали Екатерина Васильевна и Александръ Васильевичъ.

«Надѣюсь, владыко, что вы не оставите насъ своимъ добрымъ расположеніемъ и хотя изрѣдка позволите намъ писать къ себѣ, и надѣяться получить отъ васъ отвѣтъ.

«Не много было людей, которыхъ покойный владыка любилъ столько, сколько онъ любилъ васъ, и поэтому ваша память будетъ особенно дорога для насъ.»

Вслѣдъ затѣмъ, и именно 20-го числа, писалъ мнѣ и братъ Т. В. Александръ Васильевичъ. Вотъ содержаніе его письма:

«Письмо вашего преосвященства, пришедшее ко мнѣ въ дни великой скорби нашей, утѣшило глубоко-скорбящее мое сердце, какъ выраженіе сочувствія человека, горячо любившаго покойнаго брата, какъ человека, котораго покойный любилъ со всею силою своей

благородной души. Въ эти дни отраднѣ мнѣ было вспоминать объ этой связи, основанной не на хилыхъ основаніяхъ, которыя даетъ мѣръ, а на основаніяхъ глубоко—духовныхъ. Молитва такого человека, какъ вы, изливается отъ чистаго сердца и будетъ доступна до Господа.

«Что касается до меня, то не могу не сказать, что досихъ поръ я еще не освоился съ мыслью объ утратѣ брата; все кажется, что онъ вернется къ намъ. А между тѣмъ во всѣхъ событіяхъ, сопровождавшихъ смерть брата, нельзя не видѣть дивный промыселъ Божій, самымъ нагляднымъ образомъ проявившійся предъ глазами нашими. Хотя съ перваго взгляда и кажется, что смерть постигла его внезапно, но по всѣмъ рассказамъ о послѣднихъ мѣсяцахъ его жизни видно, что онъ чувствовалъ ея приближеніе и готовился къ чему-то чрезвычайному. Болѣзнь, начавшаяся въ августѣ и едва тогда же не поразившая его смертельно, стала отзываться сильными припадками въ груди; но онъ хотѣлъ побѣдить болѣзнь и, какъ видно, боялся, чтобы леченіе не лишило его дѣятельности, которой онъ, современи пріѣзда въ Ярославль, предался съ полнымъ увлеченіемъ. Въ августѣ былъ у него геморроидальный припадокъ, но отъ такого ли припадка онъ умеръ, — сказать нельзя; доктора полагаютъ, что смерть произошла отъ паралича сердца; а прежняя болѣзнь, и затѣмъ рядъ припадковъ спазматическихъ и притока крови къ сердцу и легкимъ — только приготовили параличъ. Какъ бы то ни было съ медицинской точки зрѣнія, но его нѣтъ на землѣ. Призывая почившаго къ горнему Иерусалиму, Господу угодно было исполнить его пламенное желаніе — умереть посреди полной дѣятельности, въ пустынно-жительномъ монастырѣ, принявши за три минуты до смерти Тѣло и Кровь Христовы, при томъ умереть у гроба іерарха, который положилъ начало его монашеской жизни, умереть на дружескихъ рукахъ его роднаго брата Петра Александровича Брянчаннинова, и положенъ онъ посреди своей паствы, въ древнемъ соборѣ ярославскомъ, близъ гробницъ святыхъ князей ярославскихъ, подѣ

освѣщеніемъ знаменъ ратниковъ 1854 г. предъ чудотворною иконою свят. Николая. Лучшей минутой для перехода въ иной міръ, лучшаго мѣста для упокоенія тѣла придумать нельзя. Да сохранить Господь душу его, да утѣшить молитвами вашими его новую жизнь, какъ утѣшался покойный общеніемъ вашимъ, исполненнымъ любви и дружбы здѣсь на землѣ!..»

Для полноты свѣдѣній объ обстоятельствахъ кончины преевщца. Леонида, я выпишу здѣсь нѣсколько строкъ изъ письма П. А. Брянчанинова, отъ 17-го декабря, къ издателю московскихъ вѣдомостей.

«15-го ч. утромъ онъ (преевщц. Леонидъ) пришелъ къ утрени, повидимому, бодрымъ, отстоялъ и раннюю обѣдню, которая кончилась въ 9-мъ часу. Владыка вышелъ изъ алтаря, освѣнилъ народъ, потомъ приложился къ иконѣ и части мощей свят. Николая и къ чудотворнымъ иконамъ, и быстро пошелъ изъ церкви. Замѣтивъ блѣдность лица его, настоятель и казначей монастыря поспѣшили взять его подъ руки. По пути къ келліямъ онъ говорилъ: «что это со мною дѣлается?.. грудь болитъ! спазмы», и шаги его становились все медленнѣе. Дойдя до постели своей, онъ попросилъ лавро-вишневыхъ капель. Я пошелъ въ монастырскую аптеку, взялъ какъ эти капли, такъ и другія снадобья, думая: не угаръ ли это? Онъ навануѣ сказывалъ, что дней десять тому назадъ такъ угорѣлъ, что чуть не умеръ, тогда какъ другіе не чувствовали этого угара. (Впоследствии его приближенные увѣряли меня, что это не былъ угаръ, а приливъ крови къ головѣ). Принеся лекарство, я спросилъ сколько капель наванатъ; онъ назначилъ 15-ть. Принявъ ихъ, просилъ растереть ему грудь масломъ, — что я и исполнилъ, подогрѣвъ масло изъ лампадки на свѣчѣ, причемъ онъ просилъ растирать правую сторону груди; на растертую грудь стали накладывать теплыя салфетки. Между тѣмъ послали за докторомъ въ посадь Большія Соли, въ трехъ верстахъ отъ монастыря, и за духовникомъ съ запасными дарами. До прихода духовника владыка попросилъ еще капель и согласился, по

моему предложенію, предпочесть «Гофманскія», потомъ попросилъ компрессъ на голову. Я сдѣлалъ его изъ уксуса, разведеннаго водой и, наложивъ на лобъ, подложилъ ему ладонь мою, на которую онъ положилъ голову, причемъ онъ тихо произнесъ дважды: «слава Тебѣ, Господи; Слава Тебѣ, Господи», и такъ сидѣлъ все время, когда духовникъ читалъ молитвы. Послѣ отпуска, по исповѣди, у него сдѣлался опять жестокой припадокъ спазмъ и, при помощи его келлейница, я положилъ его на кровать; онъ стихъ, принялъ св. дары, смотря глазами, потомъ тихо закрылъ ихъ и смежилъ губы; я наложилъ зеркало, оно еще отпотѣло; минутъ чрезъ пять пріѣхалъ докторъ, долго прислушивался въ ороскопъ, потомъ приподнял рѣсницы и наконецъ произнесъ окончательное рѣшеніе: «онъ скончался». Было 10-ть часовъ безъ 20-ти минутъ.

«Тѣло почившаго положили на столъ и покрыли мантией епископа Игнатія.» (*)

Дальнѣйшія обстоятельства перенесенія тѣла почившаго архипастыря изъ никола-бабаевского монастыря въ г. Ярославль и погребеніе подробно описаны о. архимандритомъ никола-угрѣшскаго монастыря (моск. епархія) *Пименомъ* въ статьѣ, напечатанной въ № 20-мъ московскихъ вѣдомостей 1877 г.

«Новопреставленный святитель, — пишетъ о. Пиментъ, — былъ положенъ во гробъ изъ кипарисаго дерева, весьма изящно сдѣланный. На преевщенномъ было бѣлое новое облаченіе шитое по кафѣ, бѣлый подрясникъ и прекрасная бѣлая съ бирюзами митра — даръ графини Анны Егоровны Толстой, въ рукахъ вызолоченные крестъ и евангеліе, а подъ ногами орлець.

«У настоятеля мы нашли костромскаго викарія, епископа Кинешемскаго, преевщца. Геннадія, который пріѣхалъ на погребеніе

(*) Моск. вѣд. 1876 г. № 328. Яросл. епарх. вѣд. № 51.

по нездоровью преосвящ. Платона (архiep. востромскаго), назначеннаго отъ св. снуда.

«Въ тотъ же день (т. е. 18-го ч.) были отправлены мною четыре телеграммы одинаковаго содержанія, имѣвшія цѣлю ходатайство о дозволеніи, по желанію родныхъ и близкихъ знакомыхъ, предать землѣ тѣло скончавшагося архипастыря у насъ, въ никола-угрѣшской обители.—Но въ отвѣтъ я получилъ извѣщеніе, что опредѣленіе св. снуда уже состоялось: «гдѣ паства, да будеть тамъ и пастырѣ».

«Въ субботу, 18-го ч., было съ вечера всенощное воскресное бдѣніе, по окончаніи котораго четыре архимандрита совершили соборнѣ панихиду.

«Въ воскресенье, 19-го числа, обѣдню служили рано, въ 6-ть часовъ. Послѣ панихиды, по распоряженію преосв. Геннадія, гробъ былъ обвить шнурами и запечатанъ, поставленъ на печальную колесницу и покрытъ святительскою мантиею; по угламъ стояли четыре діакона, двое поддерживали гробъ, а двое осѣняли его рипидами. Отъ св. воротъ шестіе тронулось въ 10-ть часовъ... Преосвящ. викарій, архимандриты и прочее духовенство слѣдовали за гробомъ. По пути у трехъ церквей были литіи; народъ вездѣ во множествѣ выходилъ на встрѣчу.—Поднявшись въ гору (въ самомъ уже Ярославлѣ), гробъ сняли съ колесницы, и развязавъ шнуры, открыли гробовую крышку; гробъ былъ поднятъ священниками, поставленъ на носилки и понесенъ на плечахъ. У всѣхъ церквей на пути были литіи.—По всему городу, во время перенесенія тѣла до собора, былъ заунывный звонъ. Когда приблизились въ собору, былъ уже пятый часъ.—Преосвящ. Геннадій въ полномъ облаченіи, губернаторъ и городскія власти вышли на встрѣчу, и началась панихида.

«На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, 20-го числа, въ соборѣ была литургія, которую соборнѣ совершалъ ростовскаго богояв-

ленскаго монастыря архимандритъ Наонаилъ. (Потомъ въ продолженіи дня было четыре соборныхъ панихиды). Гробъ былъ покрытъ мантией, а сверху прекраснымъ покровомъ, изъ рытаго бархата, присланнымъ изъ Москвы однимъ изъ усердѣйшихъ почтателей покойнаго, почетнымъ гражданиномъ Лузинимъ.

«Вечеромъ служили всенощное заунывное бдѣніе. По 6-й пѣсни, надгробное слово говорилъ протоірей демидовскаго лица (А. П. Лавровъ).

«Во вторникъ, 21-го числа, въ 9 часовъ начался по всему городу печальный благовѣсть. Преосвящ. Геннадій прибылъ въ соборъ въ 10-ть часовъ, и началась литургія. Облаченія были на всѣхъ бѣлыя. Во время причастнаго стиха говорилъ надгробное слово о. ректоръ семинаріи, прот. Тихвинскій, а предъ началомъ отиѣванія рѣчь (*) сказалъ протоірей кафедральнаго собора І. Архангельскій. На отиѣваніе собралось столько духовенства, что въ самой церкви всѣ умѣститься не могли и стояли уже въ алтарѣ, по обѣимъ сторонамъ престола... Въ церковь впускали не всѣхъ; оттого народу было немного, и не было тѣсноты. По окончаніи отиѣванія, гробъ былъ поднятъ, и торжественно, при печальномъ звонѣ, разлившемся по всему городу, обшли около собора и внесли тѣло въ холодный соборъ. Могила была приготовлена по правой сторонѣ, напротивъ гробницъ св. и благовѣрныхъ князей Василя Всеволодовича и Константина Теодоровича. Въ соборѣ совершили послѣднюю литію, тѣло покрыли прозрачною пеленой, привезенною покойному въ даръ изъ Иерусалима съ Гроба Господня. Преосвящ. Геннадій посыпалъ перстію, гробъ закрыли крышей, и священники стали спускать его въ могилу въ поставленный тамъ другою гробъ, въ который и опустили кипарисный.

«Когда окончился печальный обрядъ погребенія, братъ покой-

(*) Слово и рѣчь напечатаны въ № 1, ярославскихъ епарх. вѣдомостей 1877 года.

наго архієпископа пригласилъ всѣхъ участвовавшихъ, духовенство и мірянь, къ помпозной трапезѣ...»

Итакъ не стало моего возлюбленнаго о Господѣ брата и незабвеннаго друга!... Частые тѣлесныя недуги, глубокія душевныя волненія и сердечныя тревоги свели его, по видимому, преждевременно, хотя, по премудрымъ судьбамъ Божиимъ, для него самого, быть можетъ, и неизбежно, — въ хладную могилу, къ великому прискорбію многочисленныхъ почитателей его. Въ особенности не можетъ нечувствовать этой тяжкой утраты ярославская паства, которая, судя по первоначальнымъ среди ея дѣйствіямъ почившаго архипастыря, естественно могла ожидать отъ его дальнѣйшей дѣятельности много полезнаго, отраднаго и назидательнаго.

Въ утѣшеніе скорбящимъ объ утратѣ столь досточтимаго іерарха и для собственнаго назиданія, я постараюсь собрать и изложить здѣсь всѣ тѣ благія слова, какія слышались изъ устъ разныхъ лицъ, при разныхъ обстоятельствахъ какъ при жизни почившаго архипастыря, такъ и послѣ его блаженной кончины, о его высокихъ нравственныхъ качествахъ и несомнѣнныхъ заслугахъ для церкви и отечества.

Въ навечеріи празднованія 15-й годовщины посвященія во епископа дмитровскаго пресвящ. Леонида, 25-го апрѣля 1874 г., представители высшаго круга московскаго общества, собравшись на саввинскомъ подворьѣ и принеши высокочтимому юбиляру дорогій и изящный

даръ (сребро-позлащенную умывальницу), обратились къ нему съ слѣдующими словами:

«Пресвященнѣйшій владыко! Нынѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ со времени вступленія вашего въ архипастырское служеніе въ нашемъ первопрестольномъ городѣ. Благоговѣнно проходя съ тѣхъ поръ высокое сіе служеніе, вы своимъ кроткимъ и отечески пріятливымъ обращеніемъ и доступностью ко всѣмъ, успѣли привлечь къ себѣ сердца всѣхъ насъ и всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ когда-либо счастье пользоваться вашею бесѣдой. Всякій изъ насъ, въ минуты духовной радости и еще болѣе въ минуты душевной скорби, свободно изливаетъ предъ вами свои чувства, и всегда увѣренъ былъ найти въ словахъ вашихъ утѣшеніе, ободреніе и подкрѣпленіе. Любезное ваше сердце всегда откликалось на всѣ наши духовныя нужды, и никто не исходилъ «алчай» отъ предлагаемой вами духовной трапезы. Если же мы отъ области частной жизни обратимся къ области общественной христіанской дѣятельности, къ тѣмъ благотворительнымъ начинаніямъ, которыми особенно въ послѣднее десятилѣтіе ознаменовала себя Москва, то мы и здѣсь вездѣ усмотримъ слѣды вашей отеческой попечительности. Еще недавно общество поощренія трудолюбія, общество попеченія о дѣтяхъ, сосланныхъ преступниковъ, пріѣзжавшихъ въ васъ духовнаго своего руководителя. При вашемъ содѣйствіи, главнымъ образомъ, возникла, укоренилась и была приведена въ исполненіе мысль о порученіи опытнымъ монахинямъ московскихъ монастырей ухода за больными въ больницахъ; вами же положено и начало воспитанію дѣвицъ изъ единовѣрныхъ намъ славянскихъ племенъ при алексѣевскомъ монастырѣ.» (*)

На другой день, 26-го числа, между многочисленными устными и личными пріѣзжествіями, пресв. Леониду

(*) 25-е и 26-е апрѣля на саввинскомъ подворьѣ, въ Москвѣ, стр. 3—5, М. 1874 г.

представлено было от московской д. академіи поздравительное письмо въ такихъ выраженіяхъ:

«Пресвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Благодарный голосъ Москвы, предупреждая обычные сроки выраженія своего уваженія къ общественнымъ дѣтелямъ, привѣтствуетъ васъ нынѣ съ совершеніемъ пятнадцати лѣтъ архипастырскаго служенія вашего въ средѣ ея. Этимъ она свидѣтельствуесть, что признаніе достоинства и признательность къ заслугамъ вашего служенія давно уже созрѣли въ ней. Она чтитъ вашу ничѣмъ неотвлекаемую привязанность къ ней, вашу благоговѣйную преданность памяти въ Бозѣ почившаго святителя московскаго, ваше твердое стояніе за правду церкви, ваше разумное и живое слово въ тѣхъ случаяхъ, когда общественная жизнь требовала пастырскаго слова, ваши благоговѣйныя священнослуженія и сочетаніе строго—иноческой жизни съ доступностію для всѣхъ общественнаго дѣятеля.

«Московская духовная академія, помня, что на пути къ кафедрѣ святительской она была для васъ первымъ переходнымъ пунктомъ и всегда благодарная за ваше архипастырское вниманіе и благорасположеніе къ трудящимся въ ней, живо сочувствуетъ движенію общественной признательности къ вашему преосвященству и благопочтительнѣйше проситъ принять это выраженіе ея радости о благословеніи Божиемъ на трудахъ вашихъ для святой церкви и на пользу братіи и искреннее желаніе высшихъ пресвѣтлѣйшій на пути святительства, неразлучно съ духовнымъ восхожденіемъ въ приближеніи къ подателю всѣхъ благъ.» (*)

Когда получено было въ Москвѣ извѣстіе о назначеніи преосвященнаго Леонида на ярославскую архіепископскую кафедру, старшее московское духовенство собралось, 17-го іюня 1876 г., на саввинское подворье про-

(*) Тамъ же, стр. 23 и сл.

ститься съ его высокопреосвященствомъ. При этомъ одинъ изъ членовъ сего духовенства, протоіерей В. П. *Нечаевъ*, выразилъ оставляющему древнюю столицу архипастырю хвалебныя и благодарныя чувства въ слѣдующихъ задушевныхъ словахъ:

«Ваше высокопреосвященство! Святительское служеніе ваше въ московской епархіи, въ качествѣ перваго сотрудника московскихъ первосвятителей Филарета и Иннокентія, продолжавшееся сличкомъ шестнадцать лѣтъ, оставляетъ въ насъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Въ этотъ не краткій періодъ времени Москва видѣла въ вашемъ лицѣ достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ носителя епископскаго сана. Епископская власть имѣетъ первенствующее значеніе въ жизни и судьбахъ церкви. Истинная церковь немислима безъ епископа. Она, по ученію Отцовъ, установлена на епископахъ, такъ что кто не съ епископомъ, тотъ не въ церкви. Эта истина глубоко воспринята вашимъ умомъ и сердцемъ, и вы съ святимъ дерзновеніемъ всегда исповѣдвали ее въ слухъ міра, который, особенно въ послѣднее время, нерѣдко устами людей, испещренныхъ изъ нашей среды, но не сущихъ отъ насъ, силится поколебать ее въ сознаніи вѣрующихъ, уничтожаетъ самую идею епископства, яко-бы въ сущности не отличающагося отъ пресвитерства, пытается стѣснить права епископской власти, особенно въ судебной области. Проповѣдники такихъ возрѣній намѣренно или не намѣренно не замѣчаютъ, что, подкапываясь подъ епископство, они подкапываются подъ самое существованіе церкви. Вы, досточтимый архипастырь, принадлежите къ числу крѣпкихъ стоятелей за право епископской власти, и никто не скажетъ, что въ этомъ случаѣ вы слѣдуете какимъ нибудь личнымъ расчетамъ, ибо кому не извѣстно, что по личному расположенію вы давно готовы уединиться въ иноческую обитель и только изъ послушанія удерживаетесь на епископскомъ поприщѣ, являясь добросовѣтнѣйшимъ исполнителемъ

многогранныхъ обязанностей, лежащихъ на епископѣ, памятуя, что кому дано много, съ того много и взыщется. О ревности вашей къ учительству свидѣтельствуя частыя поученія, особенно въ домашнемъ вашемъ храмѣ и въ нарочитыхъ торжественныхъ собраніяхъ. Но вы не ограничивались общественнымъ учительствомъ: вы прославили себя преимущественно въ качествѣ домашняго наставника для вѣрующихъ. И посѣщаемыхъ вами, и посѣщающихъ вы пятали обильно трапезой слова Божія. Ваши многочисленные визиты, которые вы дарили гражданамъ Москвы, были отнюдь не дѣломъ общежительной вѣжливости, — они поистинѣ имѣли миссіонерское значеніе. Вы пользовались ими для сѣянія истины. Съ неподражаемымъ, одному вамъ свойственнымъ тактомъ, вы наводили собесѣдниковъ на дѣла не отъ міра сего, или о дѣлахъ міра сего заставляли размышлять съ религіозной и церковной точки зрѣнія. Своимъ происхожденіемъ и первоначальнымъ воспитаніемъ вы естественно связаны съ высшимъ свѣтскимъ обществомъ и этою естественною связью вы счастливо пользовались для установленія духовныхъ отношеній къ нему. Безъ преувеличенія можно сказать, что благодаря преимущественно вашему духовному вліянію на членовъ этого общества, многіе изъ нихъ удержались въ смиренномъ послушаніи церкви, не увлекаясь духомъ невѣрія и индифферентизма. Въ частныхъ бесѣдахъ вы всегда съ подобающею смѣлостію и достоинствомъ возвышали голосъ противъ ложнаго просвѣщенія, противъ нехристіанскихъ и противуцерковныхъ явленій жизни частной и общественной. Вы, можно не безъ увѣренности сказать, достигли того, что въ той средѣ, которая внимала вашему пастырскому голосу, едва ли возможно появленіе и усѣбное дѣйствіе живыхъ апостоловъ въ родѣ какого нибудь лорда Редстока: для таковыхъ нѣтъ почвы въ этой средѣ. Ваша рѣчь всегда блестяла добродушнымъ остроуміемъ, изяществомъ, духовною и свѣтскою начитанностію, дышала искренностію. Сила вашего слова подкрѣплялась силою примѣра. Ибо ни для кого

не секретъ ваша суровая монашеская жизнь, непрерывное вѣтаніе вашей души въ области духовныхъ интересовъ, доходящее до забвенія тѣлесныхъ потребностей. Будучи сами строгимъ монахомъ, вы, преосвященнѣйшій, старались содѣйствовать водворенію истинно-монашескаго духа въ иноческихъ обителяхъ, надѣясь достигнуть сего чрезъ установленіе въ нихъ общежитія. Все это было хорошо извѣстно вашимъ почитателямъ, владыка, и умножало въ нихъ сердечную преданность къ вамъ. Поэтому, провозжая въ другую епархію, они искренно сожалѣютъ о разлукѣ съ вами и утѣшаютъ себя только надеждою, что и отсюда вы будете свѣтить намъ своимъ духовнымъ свѣтомъ, что и тамъ ваше служеніе будетъ также плодотворно, какъ среди насъ. Не могу при этомъ удержаться, чтобы лично отъ себя не поблагодарить васъ, владыка, за ваше драгоцѣнное участіе въ издаваемомъ мною журналѣ литературными трудами. Надѣюсь, преосвященнѣйшій, что вы не примете за лесть всего мною сказаннаго; то же самое скажутъ, только полнѣе и лучше, и другіе предстоящіе вамъ.» (*)

Ровно чрезъ полгода, а именно 17-го декабря 1876 г., тотъ же духовный ораторъ, т. е. о. прот. Нечаевъ, возвѣщала съ церковной кафедрѣ, въ московскомъ чудовѣ монастырѣ, предъ собраніемъ молившихся о упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія, преосвященнѣйшаго архіепископа Леонида, объ общественныхъ пастырскихъ трудахъ и келейныхъ благочестивыхъ подвигахъ почившаго ярославскаго архипастыря. Положивъ въ основаніе своего слова наставленіе апостола Павла ученику его, епископу Тимофею: *потуися себѣ поставити предъ Богомъ дѣлателя непотыдна* (2 Тимоѣ. 2, 15), проповѣдникъ указывалъ своимъ слушателямъ на осу-

(*) «Душеполезное Чтеніе» 1876 г.

щественіе сего апостольскаго наставленія въ жизни почившаго въ Возѣ архіепископа Леонида.

«Кому неизвѣстно,—вѣщалъ ораторь,—какъ онъ, почившій архіепископъ, ревновалъ о добросовѣтномъ исполненіи этого апостольскаго наставленія, какъ глубоко былъ проникнутъ сознаниемъ пастырскаго долга, быть *непослѣднимъ предъ Богомъ дѣлателемъ* на нивѣ Господней, какъ неутомимо подвизался въ служеніи спасенію христіанскихъ душъ? Недаромъ московское общество такъ любило его, такъ дорожило имъ, такъ задушевно проводило его на новое мѣсто назначеннаго ему служенія. Чѣмъ онъ заслужилъ такую любовь? Чѣмъ онъ привлекъ къ себѣ сердца? Тѣмъ, что на этихъ сердцахъ онъ сѣялъ сѣмена истины и добра съ ревностію трудолюбиваго земледѣльца и не только сѣялъ, но еще воздѣлывалъ почву къ принятію этихъ сѣмянъ. Какъ же воздѣлывалъ? Онъ умягчалъ ихъ въ высшей степени христіански-привѣтливимъ обращеніемъ со всѣми. Всякій, входившій съ нимъ въ непосредственныя сношенія, испытывалъ на себѣ обаяніе его мягкости и привѣтливости; всякому, кого онъ только хотѣлъ привѣтить (кого же онъ не хотѣлъ привѣтить?),—было тепло въ его присутствіи; всякій чувствовалъ, что изъ этихъ очей, устремленныхъ на него, свѣтитъ любовь, что эти руки, простертыя на благословеніе васъ, движутся силою изъ глубины души исходящаго благожеланія, что эти звуки, исходящіе изъ его устъ, лились изъ облагодатствованнаго сердца. Какъ бы кто ни былъ черствъ и холоденъ, онъ невольно проникался благодушіемъ въ общеніи съ нимъ, невольно умягчался. И вотъ на такой-то размягченной и разрыхленной почвѣ ему не трудно было, съ надеждою на успѣхъ, сѣять сѣмена истины и спасенія. И гдѣ онъ не сѣялъ эти сѣмена? Онъ обильно сѣялъ ихъ въ храмъ Божіемъ, но еще обильнѣе въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми. Слово его дышавшее благочестіемъ и назиданиемъ, растворенное солю духовной мудрости, раздавалось и въ чертогахъ сильныхъ міра сего, и въ смиренныхъ жилищахъ незна-

чущихъ, по вѣшнему положенію, людей. Онъ зналъ, что кому и какъ сказать, кому какую предложить духовную пищу, духовное врачевство. Онъ щедръ былъ не только на устное, но и на письменное слово. Онъ много времени и труда посвящалъ духовной перепискѣ съ людьми, просившими у него совѣта, нуждавшимися въ его утѣшеніи, вразумленіи, ободреніи. Смерть его вскрыетъ, безъ сомнѣнія, много прекраснаго, содержащагося въ этой перепискѣ, дастъ возможность многимъ подѣлиться сокровищами его ума и сердца, какія заключены въ ней. Говорили про него, что, обращаясь съ людьми всякаго рода, онъ предпочиталъ общеніе съ высшимъ обществомъ, къ которому самъ принадлежалъ по своему происхожденію, что это солнце озаряло и согрѣвало однѣ горныя вершины и едва скользило своими лучами по глубокимъ долинамъ, сверху едва примѣтнымъ. Но если бы и дѣйствительно было такъ, то и въ этомъ случаѣ нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ дѣятельности почившаго архіепископа. Таюшій отъ лучей солнечныхъ свѣтъ на горныхъ вершинахъ превращается въ воду, и потоки ея быстро несутся къ мѣстамъ низменнымъ, обильно орошаютъ и оплодотворяютъ ихъ. Дѣйствуйте благимъ словомъ и примѣромъ на вершины общества,—вы непримѣтно чрезъ то благотворно будете вліять на низменную часть общества. Извѣстно, что низшіе подражаютъ высшимъ, перенимаютъ отъ нихъ дурное и хорошее. И такъ, если вамъ, при помощи Божіей, удастся провести доброе христіанское вліаніе въ высшую среду, будьте увѣрены, что изъ ней оно перейдетъ въ низшіе слои общества. Но почившій архіепископъ отнюдь не ограничивался, въ своемъ общеніи съ пасомыми, вершинами общества,—свѣтомъ своего ученія онъ свѣтилъ и согрѣвалъ долины. Въ разбѣздахъ по епархіи, онъ любилъ входить въ близкія сношенія съ простымъ народомъ. Онъ самъ говорилъ намъ, что въ селахъ и деревняхъ онъ находилъ такую благодатную почву для сѣянія слова Божія, подобную которой съ трудомъ можно найти въ сердцахъ городскихъ

жителей,—онъ утѣшался пріемлемостію къ его словамъ сердецъ простыхъ, не столь испорченныхъ житейскою суетою, господствующею въ городахъ. Съ особенною силою дѣйствовали на простыхъ людей, преимущественно дѣтей, его рассказы изъ священной и церковной исторіи. Кто знаетъ, съ какимъ великимъ искусствомъ онъ велъ рассказы, какъ живописно онъ умѣлъ передавать подробности рассказываемыхъ событій, тотъ пойметъ то увлеченіе, какое производили въ сердцахъ слушателей эти рассказы.

«Должно присовокупить, что дѣйствіе его пастырскихъ наставленій подтвердилось примѣромъ его жизни. Кому неизвѣстно, что онъ велъ строгоподвижническую жизнь? Народъ больше всего цѣнитъ въ пастыряхъ такую жизнь. Пастырь подвижникъ скажетъ въ наставленіе что нибудь общезвѣстное, и произведетъ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ глубокомысленное и остроумное слово иного пастыря, невозвышающагося надъ пасомыми силою нравственнаго примѣра. Почившій архипастырь уча другихъ, самъ непрерывно обучалъ самого себя благочестію и прилежной молитвѣ. Онъ ни на минуту не забывалъ своихъ монашескихъ обѣтовъ и строго исполнялъ ихъ. Любимою его мечтою было провести остатокъ дней въ удаленіи отъ епархіальныхъ дѣлъ, въ монашеской келліи. Любовь его къ уединенію была такъ велика, что онъ почиталъ себя самымъ счастливымъ, когда ему удавалось провести нѣсколько дней въ какой нибудь обители. Въ эти дни онъ былъ весь богомысліе, весь молитва, весь смиреніе, весь послушаніе какому нибудь опытному въ духовной жизни старцу. Монастырская жизнь дѣйствовала на него освѣжительно, и онъ передавалъ намъ, какъ она освѣжительно дѣйствуетъ на самихъ мірянъ...»

Наконецъ, вотъ въ какихъ яркихъ и живыхъ чертахъ изображаютъ нравственный характеръ и кратковременную пастырскую дѣятельность среди ярославской паствы

блаженно-почившаго святителя Леониды высше пред- ставители ярославскаго духовенства.

«Въ Бозѣ почившій архипастырь,—такъ вѣщаль въ надгробномъ словѣ о ректорѣ ярославской семинаріи, протоіерей Н. А. *Тихвинскій*,—завѣщаль намъ въ своей архипастырской дѣятельности, въ своихъ бесѣдахъ, въ своемъ личномъ примѣрѣ, въ своихъ воззрѣніяхъ на современную общественную жизнь, во всей цѣлостной совокупности своихъ чаяній и стремленій, желаній, надеждъ и опасеній, урокъ всецѣлой безпредѣльной и безусловной преданности ученію и уставамъ православной церкви, той преданности, которая въ дѣлѣ общаго духовнаго преусибіянія и вѣчнаго спасенія должна одинаково одушевлять пастырей и пасомыхъ, иноковъ и мірянъ, престолюдиновъ и лицъ высокопоставленныхъ въ обществѣ. Идея послушанія, глубоко воспринятая умомъ и сердцемъ архипастыря съ той самой минуты, какъ онъ рѣшился оставить суету міра и принять обѣты иночества, эта идея, воспитываемая подъ благотворнымъ вліяніемъ живыхъ наставленій, совѣтовъ и личнаго высокаго примѣра первосвятителя московскаго Филарета, была постояннымъ жизненнымъ началомъ и частной, личной и церковно-общественной дѣятельности почившаго владыки. Мужественно стоя на стражѣ православія, глубоко и твердо убѣжденный, что истинная православная церковь и немислима безъ строгаго и стройнаго іерархическаго и богослужебнаго чина и порядка, а истинная духовная жизнь чадъ церкви невозможна безъ сыновней вѣры и вѣрности ихъ преданію и установленіямъ древней вселенской церкви, архипастырь съ одной стороны являлся во все время своего святительскаго служенія однимъ изъ ерѣвическихъ стоятелей за права власти епископской, съ другой стороны самымъ послушнѣйшимъ и ревностнѣйшимъ исполнителемъ многосложныхъ и многотрудныхъ архипастырскихъ обязанностей. Высоко чтя и по достоинству цѣнила эту высокую черту въ Бозѣ почившаго архипастыря московская паства, пользовавшаяся свыше 16-ти

лѣтъ благоплоднымъ епископскимъ служеніемъ его, какъ перваго сотрудника московскихъ первосвятителей. Но и въ краткое время своего святительскаго служенія на ярославской кафедрѣ почившій архипастырь явилъ въ себѣ строгаго, но вмѣстѣ проникнутаго глубокою любовію къ паствѣ и ревностнымъ стремленіемъ облегчить средства къ ея духовному преусибианію, ревнителя преданій и уставовъ православной церкви. Неутомимый въ совершеніи священнодѣйствій частыхъ и продолжительныхъ, онъ находилъ въ нихъ для себя и высокую духовную пищу, ободреніе, утѣшеніе и подтвержденіе; неуклонно и неотступно строгій къ соблюденію богослужебнаго устава и чина, онъ служилъ высокимъ и живымъ примѣромъ для насъ, пастырей, того благоговѣйнаго отношенія къ богослуженію, къ святынямъ храма, къ тому чтобы все въ церкви было благообразно и по чину, какое требуется православною церковію отъ священнослужителя. Не внѣшней пышности и торжественности, а больше внутренней стройности, благоговѣнства и умирительности желалъ онъ какъ отъ совершенія, такъ и отъ совершителей богослуженія. Собственная его духовная сосредоточенность въ молитвѣ, собственное благоговѣйное, непрерывное усиліе сохранять и поддержать молитвенное настроеніе съ начала и до конца священнодѣйствія было для служащихъ съ нимъ поучительно, а для равнодушныхъ и обличительно.

«...Какъ бы предчувствуя скорую и на всегда для здѣшней жизни разлуку съ паствою и пастырями, архипастырь сбѣжидъ лично и на мѣстѣ ознакомляться съ духовными нуждами паствы и пастырей. Среди своихъ неутомимыхъ служебныхъ занятій онъ вмѣсто прогулки, для отдохновенія, посѣщалъ и успѣлъ посѣтить почти всѣ ярославскіе и окрестныя Ярославлю храмы, совершилъ три посѣщенія епархіи и въ такое время года, которое не могло быть названо удобнымъ для отдаленныхъ путешествій, посѣщала дома священнослужителей, часто совершенно неожиданно и радуясь, когда находилъ все въ порядкѣ и благоприличіи и сподоб-

для сугуба чести дѣятельныхъ, исполнительныхъ, усердныхъ и своей домъ добрѣ правящихъ, паче же тружущихся въ словѣ и ученіи; если же находилъ опущенія и несправности, то обличалъ, умолялъ, вразумлялъ со всякимъ долготерпѣніемъ и кротостію.

«При непрестанныхъ почти священнодѣйствіяхъ, при ежедневномъ посѣщеніи и слушаніи всѣхъ церковныхъ службъ, при быстромъ и неотложномъ разсмотрѣніи и рѣшеніи епархіальныхъ дѣлъ, при постоянно - внимательно - дѣятельномъ отношеніи къ дѣламъ духовно-учебнымъ, все остальное дневное время онъ отдавалъ или приему у себя или посѣщенію многочисленныхъ своихъ почитателей и всѣхъ нуждающихся въ архипастырскомъ благословеніи, совѣтѣ, назиданіи и вразумленіи. Окружавшимъ архипастыря и ближе знавшимъ образъ ежедневной его жизни представлялось непонятнымъ и необъяснимымъ, когда онъ находилъ время для необходимаго тѣлеснаго успокоенія. Это постоянное общеніе съ людьми всѣхъ званій и состояній онъ признавалъ своею святою обязанностию. И принимая посѣтителей, и посѣщая самъ дома своихъ пасомыхъ, онъ смотрѣлъ на это не какъ на дѣло обихайскаго приличія и вѣжливости, но какъ на святую обязанность архипастыря и учителя.

«...Для стяжанія совершенства духовнаго принявъ еще въ молодыхъ лѣтахъ иноческій санъ, онъ и на свѣщникѣ церкви Христовой, и на поприщѣ святительства не престававъ быть строгимъ подвижникомъ молитвы, поста и воздержанія, нестяжательсти и милосердія...» (*)

«Понимаемъ, святителю Божій, взывалъ къ почившему архипастырю другой представитель ярославскаго духовенства (каедральный о. протоіерей І. Архангельскій), — что и для тебя смерть есть ничто иное, какъ успокоеніе послѣ неунынныхъ трудовъ твоихъ (апост. 14, 13). Для тебя была она, можетъ быть, и не такъ внезапна и неожиданна, какъ намъ кажется: всю твою под-

(*) Ярославск. епарх. вѣд. 1877 г., № 1.

вижническую жизнь можно назвать приготовленіемъ къ смерти. Одно то, что ты такъ часто очищаль свою совѣсть таинствомъ покаянія и предъ совершеніемъ литургіи, и предъ предпринимаемымъ путешествіемъ, уже можетъ служить яснымъ доказательствомъ того, что ты всегда *помнилъ послѣднія твоя*. Но для насъ твоя кончина составляетъ такую чувствительную потерю, что мы не можемъ не плакать о себѣ, если не о тебѣ (Лук. 23, 28). Отдавшись всюю полною своей души архипастырской дѣятельности, ты дни и ночи трудился для блага новой Боговрученной тебѣ паствы. Ты какъ будто предчувствовалъ, что дни твои уже *сочтены*, что ихъ остается уже не много, и спѣшилъ въ эти немногіе дни сдѣлать все возможное на ея пользу, и прежде всего низвести на нее божественную благодать, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Нельзя было не удивляться твоей неутомимости въ молитвенномъ предстоіаніи предъ престоломъ Божиимъ. При своей многосторонней и многотрудной дѣятельности по управленію паствою, ты не пропускалъ никакой службы церковной, и при первыхъ ударахъ волокола спѣшилъ на молитву въ храмъ Господень. Молитва для тебя была такъ же необходима, какъ и воздухъ для дыханія. Даже въ тѣ дни, въ которые ты возвращался изъ неблизкаго путешествія, ты спѣшилъ прежде всего принести безкровную жертву за живыхъ и умершихъ, не смотря на утомленіе отъ пути. И сколько такихъ путешествій ты совершилъ для обезрѣнія своей паствы въ какихъ нибудь пять мѣсяцевъ! Ни холодъ, ни трудность и неудобство зимнихъ путешествій, ничто не могло удержать тебя отъ совершения этого подвига. Не жалѣя ни силъ, ни здоровья своего, ты всюду желалъ быть лично, все видѣть собственными глазами, никого не хотѣлъ оставить безъ своихъ архипастырскихъ наставленій.

«И не забудемъ мы этихъ наставленій; не забудемъ и тѣхъ уроковъ, которые ты преподалъ намъ своимъ собственнымъ примѣромъ. Глубокая преданность св. церкви православной, неуклонная вѣрность ея уставамъ, горячая любовь къ древнимъ храмамъ

православнымъ, и благочестивая ревность къ охраненію ихъ отъ всего чуждаго православію (языческаго или пноуѣрнаго), умилительное благоговѣніе при общественныхъ молебствіяхъ и особенно при совершеніи таинства причащенія, безпристрастіе и правдолюбіе въ управленіи паствою, теплая привѣтливость и готовность помочь каждому нуждающемуся и словомъ и дѣломъ, не жалѣя собственного достоинія, самоотверженіе, съ какимъ ты трудился для пасомыхъ, забывая себя: это такіе черты твоего нравственного образа, которыя трудно забыть. Не долго мы пользовались твоею освящающею и просвѣщающею дѣятельностію; но долго, долго будешь ты жить въ признательныхъ сердцахъ нашихъ.» (*)

Итакъ память о тебѣ, Боголюбезный братъ и другъ, и о твоихъ доблестныхъ подвигахъ сохраняется и на долго сохранится здѣсь — на землѣ съ великими *похвалями* (притч. 10, 7). Да будетъ же чистая и добродѣтельная душа твоя причастна вѣчной, неувядаемой славѣ и тамъ — на небесахъ!

(*) Тамъ-же.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПОВЪЗДЕА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА,

въ 1873 году,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ. (*)

17 октября, вечеромъ, я благословился у владыки, который былъ очень доволенъ моею рѣшимостію ѣхать въ Петербургъ и тутъ же получилъ я порученіе наблюсти за преосв. Пальмирскимъ, который непремѣнно ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы личною просьбою открыть себѣ путь къ отъѣзду, возможно скорому, въ Дамаскъ. Съ курьер-

(*) Когда уже приступлено было къ печатанію моихъ «вспоминаний» о преосвященномъ архіепископѣ Леонидѣ, братъ преосвященнаго А. В. Красногильковъ прислалъ мнѣ списокъ съ недоюченной рукописи покойнаго о его повѣздѣ, въ 1873 г., въ Петербургъ на юбилей горнаго института. При этомъ А. В. писалъ мнѣ отъ 13-го октября 1877 г.: «При разборѣ писемъ покойнаго брата моего нашлась одна рукопись, которая оказалась начатымъ письмомъ къ вашему преосвященству о повѣздѣ его въ Петербургъ. Сестра списала съ нея конію и, по скрѣпѣ цензурской, я препровождаю ее въ ваше распоряженіе. Можетъ быть, вы сочтете нужнымъ или сдѣлать изъ нея выписки, или, въ видѣ приложенія, напечатать при нашемъ трудѣ.»

Такъ какъ записка покойнаго преосвященнаго Леонида очень интересна во многихъ отношеніяхъ, то я рѣшился напечатать ее, съ малыми сокращеніями, въ концѣ своей книги, въ видѣ особаго приложенія. *Еписк. Савва.*

скимъ поѣздомъ послалъ я письма извѣстительныя о своемъ отъѣздѣ къ о. намѣстнику невской лавры, о. Никодиму, къ эконому подворья троицкаго, гдѣ владыка благословилъ меня остановиться, Н. И. Кошкарову, директору горнаго института, и наконецъ къ петербургскому владыкѣ—митрополиту за благословеніемъ пробить нѣсколько дней въ Петербургѣ. 18-го, послѣ обѣдни, съ молитвами о путешествіи, я былъ у Иверской, у пр. Игнатія, у большаго о. Пимена, знаменовался въ кремлѣ у святыни и взялъ съ собою изъ чудова отца духовнаго, который мнѣ далъ, по исповѣди, совѣтъ, кому я былъ весьма обязанъ, если поѣздъ придетъ до обѣдни, то въ церкви троицкаго подворья причаститься. Мнѣ этого очень хотѣлось.—Я рѣшился твердо сотворить по сему, и день отъѣзда былъ днемъ *поста* для меня. Съ сестрою Екатериною Васильевою простился 16, а сестры Олимп. и Татьяна пріѣхали и въ послѣдній день. Онѣ и кн. А. И. были тотчасъ по моей исповѣди. Мы съ братомъ, помолясь, отправились съ поѣздомъ почтовымъ, такъ какъ онъ приходитъ ранѣе.—Я пригласилъ въ свое купе преосв. Пальмирскаго, который, хотя не развязно, по незнанію языка, но вполне основательно отвѣчалъ на вопросы, уклоняясь вообще отъ разговоровъ, и очень смиренно сидѣлъ, а ночью спать не дожась, хотя ему подали подушки. Какъ я радъ, что не склонился къ совѣту осторожнаго Ан. В. Ск., который выражалъ мнѣ опасенія, что этотъ спутникъ надѣлаетъ мнѣ безпокойствъ. Благодарю Бога, что поступилъ по долгу послушанія своему владыкѣ, и по

долгу сердца. Поѣздъ двинулся... Вотъ влѣво острокопечная колокольня алексѣвскаго монастыря бѣлѣтъ. Тамъ наша вѣрная, всегдашняя молитвенница — сестра Ек. Вас.... Когда проѣзжаю этимъ путемъ, всегда воображеніе усиливается проникнуть въ ея тихую келлію... Послѣ безмѣрныхъ хлопотъ, по причинѣ внезапной рѣшимости на путешествіе, я былъ радъ отдыху. Сичу и думаю: ужели это я въ Петербургъ ѣду, и хорошо ли это послѣ 33 лѣтъ; не лучше ли бы было никогда туда не заглядывать?... Но шагъ уже сдѣланъ и съ мыслию взглянуть на родной городъ я помирился; братъ бесѣдовалъ съ Ан. Вл., а я мало по малу уюмѣлъ и заснулъ... около Твери проснулся. Здѣсь Ан. Вл. насъ оставилъ. Такъ какъ всеобщее я успѣлъ отслужить въ Москвѣ, то я былъ спокоенъ, надѣясь найти время для чтенія правила.—Братъ улегся и уснулъ богатырски; преосвященный тоже спалъ. Мой сонъ былъ прерывистъ и часовъ съ трехъ или четырехъ я уже не могъ уснуть. Видѣлъ неясно Волгу въ Твери, видѣлъ Мсту съ знаменитымъ мостомъ, и радовало меня, когда на разсвѣтѣ показывалась, гдѣ нибудь, старинной постройки сельская церковь. Я былъ очень бодръ и очень занятъ приготовленіемъ къ приобщенію. Сонъ спутниковъ мнѣ благопріятствовалъ. Я стоялъ, чтобы фонарь освѣщаль мнѣ часословъ... Мысль, что чрезъ нѣсколько часовъ я увижу городъ, гдѣ впервые увидѣлъ свѣтъ, гдѣ вступилъ въ жизнь, гдѣ не былъ 33 года, откуда уѣхалъ юношею и куда возвращаюсь покрытый сѣдиною,—мысль эта поднимала и напрягала душу, и какъ

то особенно торжественна была моя молитва. Однообразный стук колесъ съ сотрясеніемъ тяжести вагоновъ покрывалъ мои слова... На станціяхъ я прекращалъ чтеніе. День загорался, а я все продолжалъ читать—уже молитвы ко св. причащенію. Когда проснулись мои спутники, я предложилъ имъ умыться одеколономъ съ водою, смѣшеніе, которое всегда со мною въ дорогахъ, и мы начали разсматривать то что представлялось по сторонамъ дороги. Новгородская губернія и петербургская отчасти необыкновенно унылый видъ имѣютъ. Болото безъ лѣса, болото съ лѣсомъ, кое-гдѣ, надъ водою, стожекъ почерплой, грубѣйшей травы... Съ приближеніемъ къ Петербургу почва поднимается, волнуется, оживляется. Вотъ Колпино, гдѣ чудотворный образъ, большое селеніе съ заводами морскаго министерства. Отсюда $\frac{3}{4}$ часа до станціи петербургской. Вдали и вблизи, вправо и влѣво заводы, фабрики, массивные, безобразные, дымящіе. Вотъ казачія казармы, вотъ и лавра св. Александра Невскаго, уже не краснѣть, какъ прежде, а бѣлѣть. Переѣхали обводный каналъ. На этомъ каналѣ нѣкогда имѣлъ я квартиру, чтобы ближе быть къ духовной академіи, и помню какъ, сидя подъ окномъ моего желтаго домика, смотрѣлъ на куполь лаврскаго собора, и любовался когда лучи заходящаго солнца сквозь окна трибуны озаряли внутренность зданія, освѣтляли его воздухъ. Еще, и еще, — и вотъ мы на станціи... Отецъ эконоомъ Евѳимій съ экипажемъ, князь Александръ Валентиновичъ Шаховской съ объятіями дружбы...

Насъ провели сквозь толпы, посадили въ карету. Выѣзжаемъ изъ громаднхъ зданій станціи. Первый знакомый предметъ—тощая рѣченка Лиговка съ прежними деревянными перилами. Направо за нею церковь знаменія. Начался невскій проспектъ, наилучшая улица въ Россіи, какъ Нева лучшая изъ рѣкъ, на какихъ расположены столицы Европы. Но на все смотрю вскользь, ибо нетерпѣливо желаю въ храмъ. Передъ аничковымъ мостомъ поворотъ налѣво и у втораго дома на набережной фонтанки карета останавливается. Внизу часовня, я мимо нея на лѣстницу быстро — быстро. Я во храмъ троїцкаго подворья, новомъ, обширномъ, который построенъ послѣ моего отбытія. Вотъ въ ковчегѣ мощи пр. Сергія... Падаю предъ ними. Почти при самомъ моемъ появленіи на свѣтъ преподобный принялъ меня; руководилъ явно во всю мою жизнь, и первый благословляетъ меня во градѣ моего рожденія. Въ алтарѣ все готово было и только ожидали моего прибытія. Начались часы, я предупредилъ о. Евѳимія о желаніи моемъ приобщиться св. таинъ. Литургія шла очень истово, протяжно. Въ свое время я омылъ руки, сверхъ простой монашеской мантии надѣлъ принесенныя изъ моей ризницы поручи, епитрахиль, малый омофоръ и приступилъ къ трапезѣ Господней. Радость, которая въ эту минуту, дана была мнѣ, передана быть не можетъ... Послѣ 33-хъ лѣтъ отсутствія изъ Петербурга, я вхожу въ тотъ домъ, гдѣ впервые я представился моему, впоследствии второму отцу—Филарету митрополиту, —гдѣ и съ нимъ бесѣдовалъ, откуда былъ отпущенъ имъ въ Мо-

скву и здѣсь, на родинѣ, первое дѣйствіе молитва и первая пища духовная—пречистое тѣло и божественная кровь Искупителя. Эти минуты пролили въ душу мою такой свѣтъ, который озарялъ ее и отражался на всемъ во всю седмицу моего пребыванія въ Петербургѣ. Мнѣ стало тепло и хорошо какъ въ домѣ отчемъ, ибо, молитвами іерарховъ Филарета и Иннокентія, Отецъ Небесный принялъ меня какъ издалека пришедшаго сына. Еще не успѣлъ я прочитать благодарственныхъ молитвъ, какъ замѣтилъ священника съ украшеніями, въ которомъ угадалъ настоятеля церкви горнаго института, о. Рудакова. Молитвы читалъ я у жертвенника, пока служащій потреблялъ св. дары. По лѣстницѣ поднялся я прямо въ кабинетъ владыки. Отъ чаю отказался, ибо не былъ еще у св. Александра невскаго. Я спѣшилъ туда, чтобы застать приемъ у владыки Исидора, который обѣдаетъ въ часъ. Наскоро принялъ я протоіерея и передалъ ему мои дары въ церковь института: большое евангеліе въ серебropлащенныхъ дскахъ, очень изящной работы, большой коверъ вышитый къ престолу, и отъ имени Слѣпцова, покойнаго, шелковую матерію сиреневую съ бѣлымъ гасомъ, для одежды на престолѣ. Я взялъ протоіерея съ собой въ невскій. Я удивился конной площади, на которой таже непроходимая грязь, какая была въ наше время, когда я былъ знакомъ съ площадью, ибо здѣсь покупалъ себѣ лошадь, и великолѣпному дому для бѣднаго духовенства, которое этой пышности и форменности чуждается, указывая на подручную простоту пріюта для придворнаго духовенства

(какъ объяснялъ мнѣ протоіерей). Подъѣхали къ крыльцу митрополита. Помню, тутъ была въ старое время грубая лѣстница, грязная передняя и узкій подъемъ на антресоли, гдѣ была церковь, куда однажды приходилъ я ко всенощной при м. Серафимѣ. Не то теперь. Швейцаръ въ ливреѣ, прекрасная лѣстница подъ ковромъ. Залы обширныя, высокія, великолѣпно убранныя. Меня ввели въ одну, въ другую, — въ третьей меня встрѣтилъ владыка, въ рясѣ цвѣтной съ тремя звѣздами и въ бѣломъ клобукѣ, посадилъ на кресло подлѣ своего дивана: я передалъ почтеніе отъ нашего владыки, и просилъ благословенія себѣ и для пребыванія въ Петербургѣ, и для служенія въ горномъ институтѣ, а также для поездки въ сергіеву пустынь. Первые слова его высокопреосвященства были: „зачѣмъ было вамъ писать ко мнѣ, я озаботился поскорѣе отвѣтить телеграммою, долженъ былъ ночью посылать, а только отослалъ, придать намѣстникъ и говорить что вы выѣхали, и телеграмму я послалъ напрасно“. — Я извинился чрезвычайною поспѣшностію моихъ сборовъ и тѣмъ, что хотя и несвоевременно приходилось послать письмо, однако я почиталъ долгомъ моимъ послать его, чтобы не явиться внезапно: благословеніе и заочное улаживаетъ пути. Начался разговоръ о владыкѣ московскомъ. „Собирается ли онъ въ Петербургъ?“ — Ему еще не извѣстна воля Государя. — „Что его зрѣніе?“ — Не ухудшается. —

Когда я вышелъ отъ владыки Исидора, нашелъ въ его приемной о. намѣстника Никодима.

Съ о. Никодимомъ пошли мы въ соборъ. Нынѣ онъ

теплый и соединенъ съ келліями монаховъ и духовскою церковью, чрезъ корридоръ, который прежде пресѣкался проѣздомъ на задній дворъ.

Для меня отслужили, очень стройно, молебень св. блаврному Александру. Его щить и до нынѣ ограждаетъ эти страны, нѣкогда ему подвластныя; какъ урожденцы Петербурга, мы, т. е. все наше семейство, почитаемъ себя подъ его св. покровомъ и я призывалъ ихъ духомъ моимъ къ участию въ моихъ молитвахъ. Благодарю Господа! Воспоминанія такъ свѣжи, что какъ будто я не покидалъ Петербурга. Это сталъ я особенно примѣчать съ невской лавры. Вотъ все тѣ же украшенія, барельефы, гробницы, вотъ картина: Амвросій не допускаетъ въ храмъ Θεодосія, или Пелгуй видитъ Бориса и Глѣба въ ладѣ, идущихъ на помощь Александру. Но, какъ хорошо, что сняты со стѣнъ громадныя портреты Петра I и Екатерины II. Мнѣ хотѣлось видѣть шапку княжескую св. Александра Невского, и меня повели въ ризницу черезъ дворъ. По пути заглянули въ трапезу. Въ ризницѣ нѣтъ древностей, есть драгоценности. Шапка — бархатъ темный малиновый, почти вишневый, не плотно прикрѣплена къ двумъ, пресѣкающимся въ видѣ обручей, золотымъ полосамъ. Археологи думаютъ, что только золото давнее, бархатъ новѣе. Взглянулъ я и на помѣщеніе о. намѣстника. Комнаты небольшія, но высокія, прилично меблированныя, съ видомъ на рѣку, съ восходомъ на хоры духовской церкви. Тутъ былъ я когда-то (помню и залу и гостинную) у о. Палладія, почтеннаго старца намѣстника, изъ артиллерійскихъ

полковниковъ. Невысокій, сѣдой, степенный, духовникъ многихъ въ высшемъ кругу, извѣстный Государю; онъ превосходно шилъ шелкомъ по канвѣ, и я видѣлъ его на служеніи въ облаченіи его шитья. Помню живо: митра кованная, риза парчевая, а приборъ весь шитый цвѣтами по бѣлой землѣ.

Изъ лавры двинулся я съ визитами. Началъ съ протоіерея Іоанна Вас. Рождественскаго, близъ Конюшенной у круглаго рынка, гдѣ бывало матушка закупала провизію для большихъ обѣдовъ. О. протоіерей принялъ очень радушно и когда я поднялся, онъ удержалъ меня. Онъ недавно съ великими князьями изъ Ливадіи, и говоритъ: пока былъ въ отлучкѣ, не было сердцебіенія. Изъ дома, гдѣ живетъ духовникъ Ихъ Величествъ, выходитъ мужичекъ; на вопросъ о Василіѣ Борисовичѣ, отвѣчаетъ, что онъ спитъ, но что можно разбудить. Я не велѣлъ будить. Юрій Васильевичъ Толстой, хотя и нездоровый, принялъ меня. Я познакомился съ его супругой, англичанкой. Уже стемнѣло. Дѣла былъ готовъ обѣдъ. Я раздѣлилъ его съ брагомъ, который остановился въ гостинницѣ „Вальвью“ на Невскомъ. Обѣдъ былъ очень праздничный и очень кстати, ибо чрезъ мѣру (по неволѣ) продолженный постъ производилъ боль въ головѣ. Вскорѣ послѣ обѣда пріѣхалъ о. архим. Никодимъ, и мы съ нимъ отправились къ преосвященному Никандру, тульскому. Его подворье въ Семеновскомъ полку, въ зданіи, гдѣ помѣщался нѣкогда благородный пансіонъ, что былъ при университетѣ. Комнаты преосвященнаго мнѣ знакомы. Тутъ жилъ ин-

спекторъ Александръ Васильевичъ Вашинскій. Онъ былъ женатъ на нашей родственницѣ. Какъ теперь помню наше вечернее къ нему посѣщеніе вскорѣ послѣ свадьбы: вотъ и дверь въ классы, вотъ и дворикъ, гдѣ при лунѣ мы прогуливались. Было время каникулъ. Впрочемъ помню когда и подворье тутъ устроилось и жилъ пр. Наванаиль. Былъ тамъ у всенощной въ постѣ; церковь большая. Пресвященный Никандръ принялъ радушно. Говорили о многомъ.

Вечернею, совершенною мною во внутренней келліи, заключился этотъ первый день пребыванія въ Питерѣ. Потомъ изъ кабинета я вышелъ на хоры большой (троицкой) церкви. Ее чуть озарялъ лампадный огонь предъ мощами. Краткой молитвою взявъ на ночь благословеніе преподобнаго, я уснулъ спокойно.

Въ шестомъ часу утра, я успѣшилъ совершить утреню въ келліи, чтобы не опоздать къ ранней обѣднѣ. Была суббота димитріевская. Церковь полна была народомъ. За литургіей происходило нѣчто необыкновенное для меня. Когда по сугубой эктеніи началась эктенія зауспокойная и диаконъ начиналъ поминовеніе имель, вдругъ началась какая-то суматоха звуковъ, трескотня словъ. Что это? Для удовлетворенія приносящихъ „поминанья“, которыя одинъ диаконъ не возмогъ бы одолѣть по ихъ множеству, ставятся по сторонамъ діакона нѣсколько монаховъ и послушниковъ. Каждому дана пачка „поминаній“ и вотъ всѣ эти люди, въ одно время вслухъ читають имена, каждый по запискамъ ему даннымъ. Для уха непривычнаго это очень дико; но что же при-

кажете дѣлать? Читать одному—значитъ безмѣрно продлить служеніе; не читать—оскорбить усердіе молящихся. Служеніе происходило не въ большой новой троицкой церкви, а въ малой старой, сергіевской. Она слѣва отъ троицкой, соединена съ нею арками. Это та самая церковь которая была и при м. Филаретѣ. Въ этой, тоже не малой церкви (если смотрѣть на нее какъ на домовую), столько лѣтъ служилъ каждый воскресный и праздничный день великій іерархъ; здѣсь и я молился съ жаромъ юности о судьбѣ своей. Помню, что въ первый разъ приѣхалъ я сюда, расфранченнымъ флотскимъ офицеромъ, въ узенькихъ сапожкахъ своихъ, на шведской лошаdkѣ, въ новенькой шинелѣ съ щегольскимъ бобровымъ воротникомъ, въ треуголкѣ циммермановскаго дѣла. Это было въ январѣ 1837 г. Тогда я не былъ еще извѣстенъ владыкѣ. Счастье быть ему представленнымъ ожидало меня въ великомъ посту того же года. То былъ ясный мартовскій день, съ весеннимъ таявшимъ снѣгомъ, съ освѣжающимъ къ вечеру морозцомъ. Владыка узналъ обо мнѣ отъ кіевского митрополита Филарета и пожелалъ меня видѣть, встрѣтилъ съ яснымъ взоромъ, съ ласковымъ словомъ. „Вы такъ молоды (мнѣ было 19 лѣтъ) и уже пользуетесь такимъ довѣріемъ начальства“, замѣтилъ онъ съ тонко одобрительной улыбкою, когда на его вопросъ, чѣмъ я занимаюсь, я отвѣчалъ: временнымъ командованіемъ люгеромъ „Петергофъ“. Указывая движеніемъ головы на мою чернымъ шелковымъ платкомъ подвязанную щеку, сказалъ: „не надобно хворать военному человѣку“, и пе-

решель къ серьезному разговору. Высказаль свою примѣчательную для нашего времени мысль о классическихъ языкахъ. Онъ лучший нашъ гебраистъ и отличнѣйшій знатокъ языковъ греческаго и латинскаго: „надобно изучить эти языки на столько, чтобы они были для васъ орудіемъ при богословскихъ занятіяхъ, чтобы могли читать отцовъ въ подлинникѣ. Этого достигнуть не трудно; что же касается до изученія древнихъ языковъ чрезъ углубленіе въ языческихъ писателей, въ этомъ пользы мною не примѣчено“. При этомъ владыка припоминаль, какъ въ Петербургѣ, приступая къ должности преподавателя, при знаніи только древнихъ языковъ, онъ, по совѣту пресвящ. Теофилакта, предпочель, изъ двухъ новыхъ языковъ, французскій и выучилъ ему въ недѣлю: послѣ ознакомленія съ грамматическими формами, взяль занимательную книгу, и сталъ быстро успѣвать при помощи латыни. Говориль о псалмахъ Давида, который (не помню къ чему было упомянуто) писалъ ихъ за 1050 л. до Р. Х. — Замѣтилъ, что въ старину было менѣе ученыхъ, но за то менѣе и шарлатановъ. Совѣтываль мнѣ читать „внутренній человекъ, въ клѣтѣ своего сердца“ и „алфавитъ духовный“. На прощаньи я просиль позволенія бывать у него хоть изрѣдка въ толпѣ. „Только не въ толпѣ, среди которой ничего нельзя сказать“, — отвѣтилъ милостиво архипастырь, провожалъ меня до дверей своей гостинной. Забуду ли я когда этотъ благовольтельный взоръ и голосъ; это величіе духа въ этомъ очень невеликомъ тѣлѣ, въ этомъ исхудаломъ лицѣ, съ окладистою темною брадою и огнен-

ными глазами, свѣтящимися изъ подъ черной шапочки, этотъ тонкій еще не сгорбленный (какъ впоследствии) станъ подъ шерстяною черною рясою съ нашитыми на нее звѣздами свв. Андрея и Владимира? Нѣтъ, никогда! Съ тѣмъ вмѣстѣ не забуду и этого вечерѣющаго яснаго дня, и того, какъ я тотчасъ купиль рекомендованныя книги, и какъ въ тотъ же вечеръ, въ отворенной для всѣхъ архіерейской моленной псковскаго подворья, на всенощномъ воскресномъ бдѣніи, молился я и рядомъ съ сестрой Екатериной Васильевной (тогда 15-ти-лѣтней) стояли мы оба на колѣняхъ, въ восторгѣ внимаая чудному пѣнію: „покаянія отверзи ми двери“. Съ тѣхъ поръ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, каждую зиму, мое любимое моленье было въ храмѣ троицкаго подворья, при служеніи владыки. Вотъ и правый этотъ клиросъ, на которомъ я всегда любиль стоять. Тутъ ставвали со мной братья, — князя Урусовы, князя Оболенскіе и Сухотины. Тутъ внималь я владыкѣ въ чтеніи великаго канона, тутъ пламенно благодариль я Бога, какъ за великое счастье, когда случалось, послѣ обѣдни, что благословляя меня, владыка съ любовію пожметъ мнѣ руку. Тутъ стоялъ я и въ знаменательный день Рождества Христова 1839 года, когда Филаретъ московскій, посредѣ храма, на маломъ входѣ, держа руку на головѣ преклонившагося предъ нимъ священника, возгласиль...

Памятна для меня и еще литургія на троицкомъ подворьѣ, въ воскресенье 5-го мая 1840 г. Опять служиль владыка, опять стоялъ я на правомъ клиросѣ, уже не въ мундирѣ флотскаго офицера, а въ черномъ

фрактъ, а передъ царскими дверями стояли мои спутники: морякъ въ густыхъ золотыхъ эполетахъ и молоденькая бѣлокурая дѣвушка. Митрополитъ назначилъ имъ быть у него въ этотъ день, ибо дѣвушка была сестра моя, Екатерина, а флотскій штабъ-офицеръ — женихъ ея, Петръ Павловичъ Ушаковъ. Послѣ обѣдни, въ гостиной своей, владыка угостилъ насъ чаемъ и бесѣдой вмѣстѣ съ другими, а когда остались одни, взялъ приготовленный складень съ иконами Спасителя, Богоматери и св. Митрофана, и благословилъ ихъ на бракъ, на путь въ Камчатку, на путь къ царствію небесному. „А братца намъ отдайте“, улыбаясь сказала владыка, отпуская сестру. Сюда матушка въ первый разъ отпустила невѣсту съ женихомъ: они ѣхали въ коляскѣ вдвоемъ, а я особо. Этихъ комнатъ уже нѣтъ теперь. Гостинная съ кабинетомъ и столовой отошли подъ новую церковь. Прочія комнаты передѣланы и составляютъ помѣщенія для эконома и сопровождающихъ владыку, которому помѣщеніемъ служить новонастроенный третій этажъ. Подъѣздъ со двора почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ и прежде; но вмѣсто бѣдной маленькой лѣсенки, благолѣпное ентѣе съ внутренней прекрасной лѣстницей, которая легко бѣжитъ въ верхній этажъ. Тамъ, на набережную Фонтанки выходитъ рядъ прекрасныхъ комнатъ: длинная зала, обширная гостинная и по краямъ ихъ по комнатѣ въ одно окно для столовой и библіотеки. Прекрасные размѣры, приличные украшенія. Жаль, что внутреннее обыкновенное нынѣшнее убранство не соотвѣтствуетъ наружному, во вкусѣ византійскомъ, какъ

мы привыкли говорить, когда видимъ, какъ здѣсь, колонки и сандрики, разноцвѣтные съ позолотою, даже съ херувимами надъ каждымъ окномъ. Этотъ домъ, игровую отдѣлкою и веселою пестротою, отличается отъ всѣхъ петербургскихъ зданій и представляетъ типъ для наружнаго вида архіерейскихъ домовъ; какъ архіерейскій домъ на Угрѣшѣ образецъ въ этомъ родѣ по внутренней отдѣлкѣ и мебелировкѣ. На дворъ выходитъ только кабинетъ владыки. И тутъ какая разность. Дворъ этотъ представлялъ собою какой-то грязноватый пустырь; за утылыми налесадами чухлы деревца отгнанили собой два—три одноэтажные домишка, гдѣ жили эконома и свита. Теперь все застроено громадными каменными зданіями, которыхъ фасъ выходитъ въ переулокъ и такъ красивъ, что обратилъ на себя вниманіе Государя. Все это съ иголочки; только что отдѣлано, благодаря знанію и усердію нынѣшняго эконома о. Евимія, которому лавра обязана чрезъ эту постройку безпримѣрнымъ возвышеніемъ цѣнности своей земли; подворье приносило дохода до 1500 р., а теперь до 45.000 рублей.

Чтобы въ 12 часовъ быть въ церкви горнаго института для паннихиды, мы съ братомъ выѣхали въ 11 часу и по пути посѣтили соборы: казанскій, исакіевскій, андреевскій. Вездѣ шла литургія и было довольно молящихся, не смотря на самую слякотную погоду. Сырость, туманъ, мокрота, порою мелкій дождь — вотъ свойства климата въ дни моего пребыванія въ Петербургѣ. Только въ воскресенье было примѣтно сквозь облака какое-

то свѣтловатое пятно, здѣсь называемое солнцемъ. — „Радуйся Благодатная, Господь съ Тобою“. — Опять лобызая я икону казанскую, какъ лобызаль въ отрочестве и въ юности. Нынче, едва ли не въ первый разъ, входилъ я въ алтарь этого собора. Подходилъ я къ могилѣ Кутузова, чтобы помянуть вождя. Осматриваюсь. И здѣсь воспоминанія. Вотъ надъ ступеньками соленая серебрянная рѣшетка. Подлѣ нея ставила меня маменька передъ собою за обѣдней, а рядою со мною стояла однажды дѣвочка старше и гораздо выше меня. Вдругъ, среди службы, она грохнулась въ сторону внизъ по мраморнымъ ступенямъ и лежитъ блѣдная въ обморокъ. У той же рѣшетки чрезъ нѣсколько лѣтъ мое самолюбіе потерпѣло поражение. Я былъ тогда офицеромъ. Происходила хиротонія преосв. Θεодотія (впослѣдствіи симбирскаго). Когда на маломъ входѣ духовенство перешло въ алтарь, я хотѣлъ пройти за рѣшетку и очень борзо протѣснялся между народомъ, но отважности моея квартальный положилъ предѣлъ, не дозволивъ мнѣ отворить рѣшетку. Храбриться было неумѣстно, я сошелъ со ступеней — и, кажется, тотчасъ оставилъ соборъ. Досадно было, когда, въ Кронштадтѣ у Всеволожскихъ, рассказали мнѣ о томъ, какъ смотрѣли на эту не очень для мальчика—офицера пріятную сцену. Но какъ полезны для заносчивой юности подобныя афронты. Вѣдный лейтенантъ Наумовъ, при точно такомъ же случаѣ въ смольномъ монастырѣ, разгорячился, ударилъ квартального и лишился эполетъ. Ыдемъ далѣе. Передъ нами широкая площадь, надъ которою взвивается тя-

желый кирасирскій конь съ атлетическимъ всадникомъ, у котораго орелъ на шлемѣ. Выходимъ по высокимъ неудобнымъ ступенямъ въ портикъ исакіевскаго собора, столь извѣстнаго по рисункамъ. Не прямо, а откуда-то со стороны входимъ — и тѣма объяла насъ. Стѣны, а тѣмъ менѣе живописи на стѣнахъ, не видимъ; людей, а ихъ много, не видимъ, гдѣ-то вправо бѣлое свѣтлое мѣсто, и тамъ служба, и тамъ народъ, и тамъ какъ будто поютъ, а чтó поютъ и служатъ, знать нельзя. Вотъ чтó писалъ я потомъ изъ Москвы къ художнику Бруни, по поводу полученнаго мною въ подарокъ экземпляра снимковъ съ его картоновъ для исакіевскаго собора: „теперь имѣю средство къ ознакомленію не только съ мыслию одного изъ знаменитѣйшихъ художниковъ нашего времени, но и съ характеромъ живописи собора, въ которомъ я былъ, но въ которомъ, можно сказать, не видалъ ничего, кромѣ совершеннаго забвенія архитекторомъ идеи православнаго храма, гдѣ богослуженіе должно быть отовсюду видно и слышно, гдѣ и архитектура съ освѣщеніемъ и иконописаніемъ въ иконостасѣ, и росписаніемъ стѣнъ и куполовъ—все должно служить къ назиданію молящихся, отвлекать ихъ мысль и чувство отъ земнаго, возвышать ихъ духъ къ созерцанію небеснаго; то устрашать, то умилять, то улаждать сердце молящихся; такъ дѣйствовать на ихъ волю, чтобы впечатлѣніе храма и богослуженія простиралось далеко за предѣлы храма и часы богослуженія входили съ христіаниномъ и въ домашнюю и въ общественную жизнь его. Между тѣмъ исакіевскій соборъ, посѣщенный мною, при свѣтѣ дня, глубокимъ

мракомъ своимъ, представился мнѣ обширною *могилою* драгоценнѣйшихъ произведеній природы и изящнѣйшихъ произведеній искусства человеческого. Имѣя, благодареніе Господу, хорошее зрѣніе, я ходилъ по храму опустошенно; что хотѣлъ видѣть, того или вовсе не видалъ, или видѣлъ въ чертахъ смутныхъ, отрывочныхъ. Гдѣ-то чуть видимое, едва, въ неопредѣленныхъ звукахъ, слышимое богослуженіе довершило тяжесть общаго впечатлѣнія храма. Это ли богослуженіе господствующей церкви въ первомъ соборномъ храмѣ столицы великой имперіи, богослуженіе, которое торжественно гремитъ славу Божию и блеститъ предъ молящимся, благоговѣющимъ народомъ какъ свѣтъ солнечный? — Нѣтъ, эти какъ бы робкіе, томные, глухіе звуки пѣнопѣній, не объемлющіе храма и замирающіе почти на мѣстѣ своего рожденія, едва зримая толпа молящихся съ невидимыми, неслышимыми священнослужителями, — печально напоминали мнѣ подземные сдержанные звуки тайнаго собранія вѣрующихъ подъ сводами римскихъ катакомбъ, во времена гоненія на церковь.

„Какъ пожалѣлъ я тогда о вашихъ трудахъ, о бессонныхъ ночахъ надъ работою вашею внутреннею, духовною; о зрѣніи, поврежденномъ надъ кистию, которая иначе могла ходить по стѣнамъ и сводамъ храма, какъ при огнѣ, котораго освѣщеніе, большею частію, недостаточно и невѣрно. Великія произведенія вашей художественной фантазіи подобны прекрасному юношѣ, который родился, выросъ и умеръ въ тюрьмѣ, не показавшись на свѣтъ и не видѣвъ свѣта. И *умеръ*, говорю

я, ибо слышу что сырость издѣлаетъ краски и нѣтъ вѣроятія, чтобы стали искать, нашли и благовременно дали храму архитектора, который сѣумѣлъ бы, если то возможно, освѣтить и осушить эту громаду.

„Счастливо, что имя знаменитаго профессора Бруни получило славу независимо отъ этого храма.“

Въ этомъ письмѣ еще очень слабо выражена тяжесть произведеннаго на меня впечатлѣнія. Когда отбѣхали мы, то увидѣли, что сѣверо-западный уголъ его весь въ лѣсахъ. Въ прошломъ сентябрѣ, когда призванъ былъ я Высочайшею волею въ храмъ Спасителя (въ Москвѣ), довелось мнѣ изъ устъ Государя слышать сожалѣніе о томъ, что по стѣнамъ исаіевскаго собора трескается штукатурка отъ сырости зданія. Кромѣ этого я слышалъ, что вода стоитъ за штукатуркой, что цѣлая глыба льда свалилась, какъ только митрополитъ, послѣ служенія, вышелъ изъ собора. Къ довершенію всего соборъ садится.

Мнѣ удивительно было взойти въ соборъ андреевскій въ 6-й линіи васильевскаго острова, на углу большаго проспекта. Это былъ нашъ приходскій храмъ. Чрезъ три улицы отъ него было наше жилище, но всякій день, взойдя въ столовую, мы могли видѣть его красивыя, растреллевскія, тогда зеленныя, нынѣ золотыя, главы. Въ моемъ воспоминаніи онъ высокъ и свѣтелъ, а теперь, въ туманный осенній день, онъ показался мрачнымъ, тѣснымъ, приземистымъ и какъ будто недостаточно чистымъ. Много отняло у него вида расширение западной его части, для помѣщенія тамъ придѣловъ.

Крестообразный его видъ потерялъ свою стройность; размѣры нарушены, а также и распределе́нiе свѣта. Но придѣлы нужны для раннихъ литургій, а отоплять двѣ церкви, большую и малую, нѣтъ охоты. Здѣсь тоже есть что вспомнать. Здѣсь молились мы съ родителями, здѣсь были наши духовники. Вотъ старая зимняя церковь, и эта дверь со двора ведетъ прямо въ алтарь для духовенства; на этихъ хорахъ придѣлы, гдѣ за раннею обѣднею причащались мы съ матушкой, а дьячекъ, почтеннѣйшій изъ дьячковъ, малаго роста, степенный, старый съ косичкой, въ длинномъ сюртукѣ или въ стихарѣ, читаетъ: „вѣрно слово, епископства аще кто хоцетъ—добра дѣла желаетъ.“ На дворѣ противъ алтарей тянется бѣлый трехъ-этажный домъ. Въ немъ живетъ духовенство. Тутъ преемственно жили протоіереи: Михаилъ Добронравовъ, Павскій, Феодоръ. Добронравовъ водился съ дворянствомъ, былъ мягокъ въ обращеніи, вель тихо-пріятную рѣчь, любилъ литературу, имѣлъ дочь, молодую, прилично воспитанную дѣвицу. Павскій былъ законоучителемъ сестры моей старшей по пансіону, гдѣ и его двѣ дочери воспитывались. Помню тотъ Андреевъ день, когда, во время званого у него обѣда, пріѣхалъ на дворъ красный лакей и подаль пакетъ, изъ котораго стало извѣстно, что онъ назначается законоучителемъ къ Наслѣднику Престола. Вечеромъ весь причтъ былъ у насъ, по обычаю, съ крестомъ, и на замѣчаніе батюшки, что до сихъ поръ назначаемы были, кажется, всегда монашествующіе, — напелъ какой-то случай, гдѣ законоучитель былъ священ-

никъ. Большой ростъ, но неуклюжій станъ; большое лицо съ рябинами (сколько помню), курчавая голова— все въ Павскомъ дѣйствовало на меня очень непріятно. До конца своего поприща придворного, онъ оставался андреевскимъ протопопомъ. Сюда, по низложеніи его, пріѣзжалъ къ нему его августѣйшій ученикъ, со слезами съ нимъ прощался и оставилъ ему въ подарокъ бриллиантовый крестъ. Феодоръ памятенъ по борьбѣ со вторымъ священникомъ (тамъ было протопопъ и два священника) Василиемъ Полянскимъ. Онъ былъ кандидатъ академіи, добрый, но довольно занятъ собою и лѣнивъ. Случилась ему череда на раннюю литургію, онъ шлетъ въ алтарь записку, что не можетъ быть по нездоровью. Феодоръ читаетъ записку и говоритъ посланному: „скажи, что о. протопопъ не разбираетъ.“ И вотъ черезъ нѣсколько времени идетъ о. Василий и лѣнливо улыбается, однако надѣваетъ свой розово-серебристый подризникъ, ризы и служитъ раннюю. Въ новый годъ, во дни именинъ родителей, было у насъ водоосвященіе на дому, послѣ котораго подавали чай. О. Феодоръ беретъ большую чашку и приговариваетъ: „у поповъ глаза завидушце.“ Къ большому проспекту выступаетъ давно знакомая рѣшетка съ каменными столпами, но прежде на зеленой муравѣ росли высокія деревья и было тутъ прібѣжище дѣтямъ въ жары. Теперь частью занято это видное мѣсто дровами.

Передъ церковью, по другую сторону проспекта андреевскій рынокъ: неусовершенный. Какъ что было за 40 лѣтъ, такъ и теперь. Такъ какъ площадка между нимъ

и бульваромъ частію застроена деревянными сараями, то, понятно, что видъ рынка сталъ еще жалче...

Но о вѣншнемъ видѣ и впечатлѣніи Петербурга — потомъ; а теперь спѣшимъ въ горный корпусъ. Вотъ набережная Невы и, слѣдя ея изгибу, дома идутъ одинъ къ другому какъ бы лѣстницей... вотъ и горный корпусъ... какъ знающій мѣстность, какъ *свой* въ этомъ домѣ, я кричу кучеру направо, въ ворота и налево къ подъѣзду... Вышли изъ кареты. Лѣстница въ извести, въ мусорѣ, показываетъ, что тутъ идутъ стройки, передѣлки и что мы не туда зашли. Вотъ церковная дверь, входимъ — та же церковь; но вмѣсто прежняго иконостаса, котораго рисунокъ я запомнилъ, рѣзной византийскаго стила иконостасъ мнѣ понравился. Вхожу въ алтарь. Тамъ идетъ служеніе литургіи. Митрофанъ протоіерей исагійскаго собора съ двумя сослужащими. Тутъ подошелъ ко мнѣ протоіерей средняго роста, легкой станомъ, со звѣздой. Я тотчасъ узналъ въ немъ Васильева (изъ Парижа). Началась паннихида объ императорахъ, при которыхъ существовалъ корпусъ, о настоятеляхъ храма (это по моему настоянію), о начальствовавшихъ и учившихся въ этомъ заведеніи. На мнѣ была мантія, малое облаченіе и камилавка съ клобукомъ, вмѣсто митры, такъ какъ траурной съ собой не бралъ. Въ архіерейскомъ облаченіи, съ кадиломъ въ рукахъ, я обхожу тотъ храмъ, который извѣстенъ мнѣ съ моего отрочества, когда нашъ знакомый С. А. Венеціановъ вогнулъ меня туда къ обѣднѣ и я, стоя у оконъ, что на западной сторонѣ, видѣлъ предъ собою шеренги кадетъ

и съ удивленіемъ смотрѣлъ на голову одного изъ нихъ, на которой одна сторона покрыта была волосами черными, а другая сѣдыми и эти два цвѣта были отъ затылка ко лбу, по самой срединѣ, какъ бы ниткою размежеваны. Этихъ шеренгъ уже нѣтъ теперь, заведеніе открытое и студентовъ вообще не видно, но глаза мои какъ бы ищутъ мѣста, которое въ этихъ шеренгахъ мнѣ доводилось занимать, когда самъ сдѣлался кадетомъ. Кадилъ я и на тотъ образъ Воскресенія, который на меня, мальчика, производилъ впечатлѣніе необыкновенности работы. Онъ весь изъ разноцвѣтныхъ минераловъ. Другой, подобный, висѣлъ въ столовой. Теперь и столовой уже не существуетъ, а была она въ боковомъ корпусѣ, въ самомъ верхнемъ этажѣ: длинная зала со столами въ два ряда, съ подъемной, для кушанья, машиной, и съ прекраснымъ видомъ на такъ называемую галерную гавань и на взморье. Теперь тамъ чертежная. По правой стѣнѣ храма стояли, бывало, наши начальники, и впереди всѣхъ директоръ корпуса, тайный совѣтникъ Е. В. Карнѣевъ, въ синемъ вицъ-мундирномъ фракѣ съ звѣздами по обѣимъ сторонамъ, старичекъ съ сѣдой всклокоченной головой и нѣсколько косоватыми сѣрыми глазами, съ морщинистымъ лицомъ, невысокій, слегка сгорбленный, худощавый. Мы оборачивались и слѣдили за нимъ глазами, когда онъ входилъ или выходилъ, а онъ, легонько наклоняя свою трясушуюся голову, насъ привѣтствовалъ. Впослѣдствіи, при преобразованіи горной части, онъ переименованъ былъ въ генераль-лейтенантъ, и я, не выдавъ его въ этомъ видоизмѣненіи,

не могъ себѣ представить этого старичка, затаютаго шарфомъ, въ среброблещущихъ эполетахъ. Вдоль правой стѣны стояли въ наше время дамы и впереди ихъ директорша Елена Сергѣевна (урожденная Лошкарева) съ азіатскими энергическими чертами лица, въ которомъ видѣнъ былъ умъ, характеръ и тактъ. Не имѣя дѣтей, Карѣевы воспитывали двухъ дѣвочекъ, блондинку и брюнетку, которыя всегда были съ директоршей. И вотъ я опять въ этой церкви, съ кадиломъ въ рукахъ... Именъ на паннихидѣ не было провозимо кромѣ императорскихъ, за то въ душѣ моей, какъ свѣча предъ Господомъ, горѣло имя такого же какъ я, горнаго кадета, моего товарища и друга, генерала Слѣпцова, вождя кавказскаго, героя преданій воинственнаго края, гдѣ ярко блистала его истинно героическая жизнь, гдѣ пролилась его чистая кровь, эту жизнь запечатлѣвшая. Умственно я повторялъ имя на брани убиеннаго боярина Николая, какъ обычно поминается онъ въ моей церкви ежедневно. Въ алтарѣ, послѣ паннихиды, я познакомился съ директоромъ института, инженеръ-генераль-маіоромъ Николаемъ Ивановичемъ Кокшаровымъ. Въ этомъ пожиломъ, полнотѣломъ генералѣ, съ станиславской лентой чрезъ плечо, трудно мнѣ узнать юношу стройнаго, милостиваго, какимъ онъ мнѣ помнится. Въ Николаѣ Ивановичѣ нашель я человѣка самаго обходительнаго, радушнаго, простаго, не взирая на его ученую славу. Онъ благодарилъ меня за прїѣздъ и сожалѣлъ, что не предупредилъ меня, что подѣхать мнѣ слѣдовало съ параднаго крыльца на набережной, гдѣ онъ все

время ожидалъ меня. Въ церкви пошли товарищескія объятія. Всѣ мы ходили когда-то въ одинаковыхъ синихъ курточкахъ, а теперь жизнь положила на каждого свою отмітку. Кто въ лентѣ чрезъ плечо, кто съ ленточкой въ петлицѣ, одинъ въ эполетахъ генераль-лейтенанта, кто въ мундирѣ отставнаго гвардейца, кто въ полувоенной формѣ горнаго чиновника; одному высокое его положеніе даетъ и видъ рѣшительный, самоувѣренный, другой смиренъ своимъ смиреннымъ положеніемъ; а какое различіе въ сердцѣ, въ совѣсти каждаго; кого внутренно истерзала и обезобразила, кого благоустроила, благоукрасила жизнь его внутренняя... Мнѣ называли всѣхъ по имени. Однихъ легко, другихъ трудно мнѣ было вспомнить. Протоіерей пригласилъ меня къ себѣ, со мною вошли къ нему, братъ мой, директоръ корпуса, протоіерей Васильевъ, Лебедевъ, и кто еще — не помню. Квартира во флигелѣ, у воротъ, ходъ съ директорскаго двора. Въ залѣ на большомъ столѣ чай и закуска...

Времени въ нашемъ распоряженіи было немного; мы посѣщали: на ярославскомъ подворьѣ живетъ преосвященный Василій (бывшій полоцкій), на псковскомъ Маварій литовскій; оба подворья на набережной, на нашемъ пути. Преосв. Василій принялъ меня. Я напомнилъ ему то время, когда онъ жилъ, въ своей молодости, на тогдашнемъ униатскомъ подворьѣ, въ 12-й линіи между среднимъ и малымъ проспектами. Это было около 1825 года. Я былъ отрокомъ лѣтъ осьми, но хорошо помню. Улица грязная, по срединѣ ея мостки,

вдоль нея заборъ, надъ заборомъ высокія развѣсистыя ивы, въ растворенные ворота видѣтъ, по среди двора, желтый двухъ-этажный каменный, небольшой домъ, какъ будто съ башнями по краямъ. Еще припомнилъ, что въ 1841 году, въ воскресный день, послѣ вечерни, былъ онъ принять митрополитомъ Филаретомъ въ Москвѣ, въ саду его подворья. Онъ былъ уже архіереемъ и привозилъ въ Москву крестъ св. Евфросиніи; съ нимъ былъ молодой, веселаго вида архимандритъ. Тотъ архимандритъ былъ Филаретъ, — тотъ самый, который, когда я отказался отъ нижегородской епархіи, былъ переведенъ на нее изъ Уфы. Преосвященный Василій имѣетъ видъ веселый, говоритъ громкимъ тонкимъ голосомъ, съ польскимъ произношеніемъ. Сѣдой, бодрый старецъ. Подарилъ мнѣ экземпляръ своихъ проповѣдей. У него видѣлъ я архимандрита, котораго завтра будутъ ставить во епископа. Я входилъ въ церковь. Иконостасъ рѣзной, вмѣсто прежняго полотнянаго; церковь обширнѣе, но что-то грязное, непорядочное. Преосв. Макарій литовскій кушалъ, и я не велѣлъ его утруждать. Мы спѣшили на смоленское кладбище.

Все знакомыя улицы. Болѣе, но едва ли лучше прежняго обстроены. Новаго на нихъ одно: продажа вѣнковъ. Мы приостановились, и также запаслись вѣнкомъ. Въѣхали на кладбище. Направо церковь, она отворена. Пошли: обширная, довольно мрачная; но можетъ быть подѣланы сѣрымъ тяжелымъ небомъ все здѣсь примачно. Въ этой церкви совершены погребенія моей бабушки, двухъ

малолѣтнихъ братьевъ, наконецъ родителя моего (въ маѣ 1839). Тутъ же погребали и юнаго страдальца Николинку, сына царевича грузинскаго, Баграта Георгіевича, моего товарища по воспитанію въ французскомъ пансіонѣ, по знакомству и сосѣдству нашихъ родителей. Въ церкви случился протоіерей кладбищенскій, и мы просили его отслужить панихиду на могилѣ. Братъ указывалъ дорогу: я забылъ ее. Пришли по дорожкѣ отъ церкви къ сѣверу, къ черной рѣчкѣ, которая обтекаетъ кладбище съ этой стороны. Кругомъ безчисленные могилы, кресты и камни надгробные, повсюду растительность, не мало большихъ деревьевъ и множество малыхъ — акацій, рябины. Вотъ вправо, за деревянной рѣшеткой, могила столь дорогая сердцу. Трава поблеклая, вѣтви рябинника, спускающія свою листву. Сколько ума, жизни, трудовъ и страданій, скрыла въ себѣ эта могила! И гдѣ теперь душа, оживлявшая это истлѣвшее, до трубы архангела здѣ почивающее тѣло! О, какъ много утѣшеній остается для близкихъ — въ вѣрѣ и христіанской кончинѣ представившихся! Намъ легко и надежно молиться о приснопамятныхъ родителяхъ нашихъ, при убѣжденіи, что если они, яко чловѣки погрѣшали, то велики были и ихъ страданія, очистительныя для души по силѣ вѣры ихъ живой, молитвы усердной, напутственнаго въ вѣчную жизнь общенія съ Господомъ въ божественныхъ тайнахъ тѣла и крови Христовыхъ. Началась панихида. Къ имени намъ „боляръ Василія и Анны“ присоединилъ я имена зятя нашего Петра, крестной моей Пелагеи, на брани

убиеннаго боярина Николая (Слѣпцова), и вѣрныхъ слугъ нашихъ Игнатія и Марѳы! Панихида служили не спѣшно. Я опасался дожда, который уже начиналъ крапать; но онъ далъ намъ кончить молитву. Мнѣ думалось, что уже не увижу болѣе этого послѣдняго земнаго отцовскаго жилища и мнѣ не хотѣлось съ нимъ скоро разстаться. Я молился о небесномъ благѣ отца моего, я все какъ будто говорилъ съ нимъ, и — то мелькала юность моя, подъ его глазами прошедшая, то я повѣрялъ ему настоящее души моей, просилъ, да простить въ одномъ, да вразумить въ другомъ, да благословить на жизнь до гроба и за гробомъ. Какъ при поклоненіи ему земномъ хотѣлось глубже, еще глубже поклониться, хотя голова моя уже коснулась земли. Не вина родителей моихъ, что слишкомъ мало я воспользовался ихъ обо мнѣ заботами, но мой вѣчный долгъ благодарить ихъ за то, что я принялъ отъ нихъ, что и расточая не успѣлъ еще расточить изъ нравственнаго отъ нихъ наслѣдія. Вѣчный покой подаждь имъ Господи, а намъ, чадамъ ихъ, даждь жребій благій содѣйствовать ихъ упокоенію молитвою и жизнію своею. Эти минуты на могилѣ отца были для меня какъ-бы минутами свиданія съ нимъ послѣ долгой разлуки и опять на долгую разлуку. Живое представленіе его горячаго и нѣжнаго сердца подъ наружностію строгою и величавою; его страданій глубоко затаенныхъ, его достоинствъ и заслугъ далеко вознагражденныхъ, и видъ этой одинокой, оставленной могилы страшно сжималъ сердце печалію и выжималъ изъ него слезы. Окрестный видъ печальный, мо-

нотонный, съ плачущими желтыми листьями, съ тяжелой пеленою влажныхъ облаковъ, дымящагося тумана надъ полемъ, мелкій начавшійся дождь, безъ всякаго движенія въ воздухѣ—все это такъ согласовалось съ тѣмъ, что было на душѣ, что я былъ крайне доволенъ этой обстановкой, и была-бы какаля-то неполнота, какое-то неблагозвучіе, если бы была иная погода, иное время года, еслибы небо было ясное, зелень яркая, въ воздухѣ благоуханіе и шѣніе пернатыхъ... Но надо же было разстаться съ могилію отчею, и я отходилъ, утѣшая себя надеждою побывать еще однажды. Мы не нашли знакомыхъ могилъ, да и время уходило. Поѣхали по среднему проспекту. Все кажется какъ-то уже неоправданно и хуже. Все такъ знакомо... но, но какъ же я здѣсь? За недѣлю я объ этомъ и не думалъ. И повѣритъ ли тотъ, кому случится читать эти воспоминанія—такъ какъ въ теченіи этихъ слишкомъ трехъ десятилѣтій нѣсколько разъ видалъ я во снѣ то андреевскую церковь, то средній проспектъ (по коему особенно часто ходилъ я) и всякій разъ во снѣ же говорилъ самому себѣ: „наконецъ, нынче я здѣсь уже не во снѣ, и съ этими словами просыпался;—то въ этотъ разъ я какъ будто не довѣрялъ своему зрѣнію и живо представлялся мнѣ вопросъ: „на яву-ли это, или опять во снѣ?“ Мои сны были такъ ясны и опредѣленны, такъ вѣрны дѣйствительности, а что теперь было въ дѣйствительности—передъ глазами моими—такъ неожиданно, ибо я не думалъ и не желалъ быть когда либо въ Петербургѣ,—что какъ тогда сонъ было можно принять за дѣйстви-

тельность, так теперь въ ней не легко было убѣдиться, а легко смѣшать съ мечтою. Но вотъ деревья бульвара по срединѣ проспекта потянулись; вотъ на углу первой линіи каменный домъ Савельева, куда я часто-часто ходилъ по среднему проспекту.

Павель Степановичъ *Савельевъ* изъ богатой купеческой фамиліи. Отецъ его имѣлъ виноторговлю, но занимался болѣе чтеніемъ книгъ, а прикащикъ коммерческимъ дѣломъ — разбогатѣлъ, отдѣлился, а потомъ прежняго хозяина взялъ себѣ въ долю. Вѣроятно, выручалъ ихъ этотъ большой, наполненный жильцами, домъ. Павель Степановичъ учился въ одно время со мною въ пансіонѣ Ревеля (10 линія между среднимъ и большимъ проспектами, домъ сенатора Болгарскаго). Онъ отличался способностями, много читалъ, даже писалъ рецензіи на новыя книги, и принятъ былъ въ кругъ Булгарина и Греча, а потомъ Сенковского, когда перешелъ въ университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ. Далѣе говорить о немъ, какъ дѣятелѣ науки, не нужно, ибо имя его какъ ориенталиста и археолога весьма извѣстно. Не помню, какъ я съ нимъ раззнакомился; думаю, по различію круговъ общественныхъ, къ коимъ принадлежали наши родители; потомъ сошелся, и опять не помню какъ, въ то время когда былъ я офицеромъ флота. Онъ прекрасно занялъ меня, рекомендовавъ заняться переводами, и я перевелъ сначала съ французскаго *Cismondi Histoire de la decadance*, а потомъ съ англійскаго знаменитое введеніе въ исторію Карла V. Это наполнило мнѣ время; напомнило языковѣденіе и набило руку въ русскоѣ

рѣчи. Занятіе это было столь для меня приятно, что даже на дежурствѣ и въ караулѣ я занимался переводами, и скучные сутки бѣжали быстро и приятно. Когда (въ 1838) я вышелъ въ отставку и сдѣлался студентомъ петербургской духовной академіи, наши сношенія стали еще живѣе. Мы видались почти ежедневно. Съ его младшимъ братомъ Александромъ мы вмѣстѣ и слушали и составляли лекціи професс. Курторги по физиологіи животныхъ. Былъ еще неизмѣнный членъ нашего общества, тоже товарищъ по пансіону, Иліодоръ Ивановичъ Тимаховъ, сынъ богатаго купца, воспитанный въ роскоши, но рано осиротѣлый и обнищавшій. Его пригрѣли Савельевы. Онъ былъ человѣкъ съ разумомъ и прекраснымъ сердцемъ; но прикрылъ себя шутливостію, которая, впрочемъ, не унижала его, а всеѣмъ намъ нравилась. Поверхъ самыхъ искреннихъ и серьезныхъ нашихъ отношеній простиралось всегда что-то шаловливое, дѣтское. Можно написать объ этомъ цѣлую главу. У Савельевыхъ была мать и сестра, дѣвушка молодая. Изрѣдка бывалъ и тамъ: они жили на одномъ дворѣ, но на разныхъ квартирахъ. Вѣдный юноша Тимаховъ (онъ былъ красивъ собою, брюнетъ, съ правильными мягкими чертами) и богатая невѣста имѣли взаимную склонность; но предразсудки общественные превозмогли. Она вышла за богатѣйшаго купца, вышла безъ любви, и скоро умерла. Одинъ за другимъ въ эти долгіе годы отошли изъ здѣшней жизни и Тимаховъ и оба Савельевы, оставалась мать. Я надѣялся ее увидѣть. Остановилъ карету свою у знакомыхъ воротъ. Надписъ говорить, что домъ принадле-

жить уже не Савельевымъ. Позвали дворника. Онъ даже не умѣлъ и отвѣта дать, а въ лавкѣ, что подлѣ воротъ, нашель и привель сидѣльца, который сказалъ, что Татьяна Михайловна Савельева умерла лѣтъ пять тому. Карета покатылась по первой линіи Невѣ. Не доѣжая большаго проспекта, налѣво небольшой двухъ-этажный, каменный домъ. Здѣсь жилъ Я. И. Ростовцовъ; здѣсь теперь живетъ нынѣшній начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантъ Николай Васильевичъ Исаковъ. Онъ поступилъ въ попечители московскаго учебнаго округа, почти въ то же время, какъ я викаріемъ въ Москву, и всегда показывалъ самое доброе ко мнѣ расположеніе, и когда, по теперешней должности, бываетъ въ Москвѣ, иногда меня посѣщаетъ. Разумѣется, я заѣхалъ къ нему, тѣмъ болѣе, что и съ братомъ моимъ онъ давно знакомъ. Сумрачный день еще сумрачнѣе былъ въ его недовольно высокихъ, недовольно обширныхъ комнатахъ; но приемъ былъ самый радужный. Николай Васильевичъ и супруга его Анна Петровна, оба до сихъ поръ прекрасные видомъ, оба благочестивые, оба въ обращеніи сердечные, хотя онъ столько же молчаливъ и сдержанъ въ словѣ, сколько она словоохотна. Дѣти, которыя въ моей памяти еще малыя, теперь совершенно взрослыя, красивыя, какъ ихъ родители, двое сыновей и дочь, уже фрейлина. Мы какъ-то очень скоро нашли на разговоръ неистощимый, но тяжелый—о закрытіи церквей, что они порицаютъ съ жаромъ и убѣжденіемъ. Анна Петровна замѣтила, что я спѣшу и предложила выбрать день, чтобы у нихъ

обѣдать. „Ты этимъ предложеніемъ стѣняешь преосвященнаго, замѣтилъ ей Николай Васильевичъ“.—Нѣтъ, сказалъ я, не можетъ стѣснить отъ избытка сердца сдѣланное приглашеніе. Я прошу одного: позволить мнѣ выбрать день, а если не выберется, то простить мнѣ это.—Такъ и положили. Я велѣлъ ѣхать въ зимній дворецъ. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на окна длиннаго—длиннаго зданія перваго кадетскаго корпуса, и не узнавалъ ихъ, ибо послѣдовало какое-то измѣненіе въ фасадѣ, а какъ былъ мнѣ знакомъ этотъ корпусъ! Здѣсь воспитывались нѣкоторые мои товарищи, я навѣщалъ ихъ, былъ въ ихъ спальняхъ, въ больницѣ, въ церкви, на плацу во время ученья; въ саду, гдѣ еще не стерлись тогда со стѣнъ надписи;—цѣлые рассказы изъ русской исторіи на французскомъ языкѣ, начерченные по мысли знаменитаго графа Ангальта. Взглянулъ на памятникъ Румянцова-Задунайскаго, что на площади, между первымъ корпусомъ, академію художествъ и Невою. Какъ часто доводилось пересѣкать ее по діагонали. Поворотили по набережной налѣво: но исакиевскій мостъ отнесенъ далѣе, выше по рѣкѣ, такъ что опирается прямо на малую разводную площадку, что между зимнимъ дворцомъ и адмиралтействомъ. Не знаю почему это, но прежде мнѣ лучше правилось, ибо близъ императорскаго жилища не было теперешней стукотни и суетни. Мѣсто было уединенное очень чисто содержимое, и величавѣе какъ бы недоступнѣе былъ дворецъ, котораго самая архитектура внушаетъ къ нему почтительное чувство,—то, что смотришь на жилище необык-

новенныхъ смертныхъ: ничего въ немъ воинственнаго, но и ничего тривиальнаго, громада величавая, серьезная, но разнообразная въ строгихъ линияхъ, — разукрашенная, но безъ пестроты, со вкусомъ и достоинствомъ. Это верхъ превосходныхъ произведеній графа Растрелли. — Подъѣхали къ дверямъ, изъ которыхъ бывало выходилъ Имп. Николай Павловичъ на разводъ. Я послалъ доложить о себѣ Дмитрію Сергѣевичу Арсеньеву, флигель-адъютанту, воспитателю великихъ князей Сергія и Павла Александровичей. Ихъ Высочества проѣдомъ (осенью) изъ Ливадіи въ Петербургъ, не смотря на краткость пребыванія въ Москвѣ, пріѣзжали и ко мнѣ и не застали меня. Я почелъ долгомъ, прибывъ въ Петербургъ, лично просить Дмитрія Сергѣевича выразить ихъ Высочествамъ и благодареніе и крайнее сожалѣніе. Съ моимъ слугою выходитъ изъ двери придворный лакей и говоритъ мнѣ, что великіе князья теперь въ классѣ, но что они просятъ меня сегодня въ шесть часовъ кушать и что посланъ уже человекъ ко мнѣ съ приглашеніемъ. Довольно легко себѣ представить, какое пріятное впечатлѣніе произвела на меня эта неожиданность. Тутъ было не одно благоволеніе, но особенная любезность въ его выраженіи. Обо мнѣ узнали и пожелали имѣть гостемъ прежде, нежели я успѣлъ представиться. Милый братъ мой былъ тронутъ этимъ, кажется, болѣе, нежели я самъ. Мы возвратились домой уже въ сумерки и въ швейцарской, примерцающей сверху лампѣ, мы различили придворную ливрею. „Ихъ Императорскіе Высочества великіе князья Сергіи и Павелъ Александро-

вичи поздравляютъ ваше преосвященство съ пріѣдомъ, желаютъ знать о вашемъ здоровьи и просятъ васъ сегодня въ шесть часовъ къ обѣденному столу“.

Я отвѣчалъ что приношу благодарность, которую и самъ засвидѣтельствую въ назначенный часъ для обѣда.

Къ 6-ти часамъ я былъ во дворцѣ. Изъ швейцарской, давно уже освѣщенной, лѣстница налѣво вела меня на половину великихъ князей. Всюду глубокая тишина. Кое-гдѣ прислуга по одному, по два. Оба великіе князья встрѣтили меня очень благосклонно. Очень мудро поступаетъ воспитатель, старшему предоставляя случаи занимать гостя, между тѣмъ какъ младшій только смотритъ, и когда спрошенъ, скромно и кратко отвѣчаетъ на вопросы. Къ сожалѣнію, черезъ годъ, не могу вспомнить всего теченія бесѣды. Было вспомнута о первомъ знакомствѣ со мною въ Москвѣ, когда великій князь Сергій жилъ осень сначала въ Нескучномъ, потомъ въ кремлѣ; меня разспрашивали о цѣли пріѣзда моего, о праздникѣ горнаго института, узнавъ что родился, воспитался, служилъ въ Петербургѣ, удивились что я не былъ въ немъ 33 года. Пригласили въ столовую. Обѣдало четверо: оба великіе князья и я съ Дмитріемъ Сергѣевичемъ. Приглашали о протоіерея И. В. Рождественскаго, ихъ законоучителя, но онъ не могъ быть по случаю субботняго дня. Столъ былъ для нихъ мясной, для меня рыбный, изысканный, вкусный, но не обременительный. Обѣдали, разумѣется, при свѣчахъ.

Во все время обѣда продолжался разговоръ, предметомъ коего было монашество. Мнѣ представлялся случай объяснить различіе между монастырями общежительными и штатными, преимущество первыхъ передъ послѣдними. Поэтому много говорилось объ Угрѣшѣ, гдѣ еще въ дѣтствѣ, съ А. Ѳ. Тютчевой, былъ великій кн. Сергій. Я изложилъ кратко исторію обители, ея упадокъ и возникновеніе трудами архимандрита Пимена, который ввелъ въ нее общежительный уставъ, по желанію митрополита Филарета. При этомъ я не забылъ, конечно, сказать о ея благотворительныхъ учрежденіяхъ, о прекрасномъ училищѣ, о больницѣ, богадѣльнѣ, объ обученіи самихъ монаховъ, о безмездномъ пользованіи больныхъ изъ мірянъ, о служеніи монаховъ при больницахъ въ Москвѣ, о богадѣльнѣ въ с. Островъ, гдѣ о. Пимень былъ, по волѣ владыки, главнымъ дѣятелемъ. Говорилъ я о Новоголутвинѣ въ Коломнѣ, совсѣмъ оскудѣвшемъ, и разцвѣтшемъ тотчасъ по введеніи общежительства. В. князь знаетъ объ Аносинѣ, и объ Аносинѣ рѣчь была продолжительная. Здѣсь игуменія аристократка. Озеровы, ея родные, при дворѣ, близкіе люди, слѣдовательно здѣсь сфера болѣе понятная и занимательная. Какъ игуменія Евгенія, внука основательницы, княгини Мещерской, дочь сенатора, молодая дѣвушка, устроила сестеръ, брата, передала себя руководству митр. Филарета, оставила домъ, ничего не взявъ съ собою, поселилась на окраинѣ Москвы, въ бѣдной комнатѣ, съ единственной женщиной, стали жить трудомъ, испытывая свои силы. Было ей трудно, а потомъ привыкла и

когда полюбила эту жизнь, тогда владыка послалъ ее въ монастырь, гдѣ въ то время игуменію была ихъ бывшая крѣпостная. Она вступила на путь послушаній, сама запрягала лошадь въ телѣгу и этимъ путемъ усовершилась и теперь служить образцовою игуменію. Послѣ обѣда, перешли въ комнату, гдѣ, кажется, каминъ топился. За кофе рѣчь перешла къ юбилею. Жалко было, что никто изъ высочайшихъ особъ не удостоитъ это заведеніе своимъ присутствіемъ на праздникъ, такъ какъ никого изъ царской фамиліи нѣтъ въ Петербургѣ. Дмитрій Сергѣевичъ сказалъ, что в. князьмъ нельзя. Императрицѣ не угодно, чтобы они развлекались этими официальными торжественными выѣздами, что завтра ожидаютъ в. к. Владиміра Александровича, но что едва ли успѣетъ съ дороги. Незамѣтно перешли къ Слѣпцову. Ихъ очень заинтересовалъ разговоръ мой и даже послали нарочнаго на троичное подворье привезти мою рукопись „воспоминанія“ о Слѣпцовѣ. Я сталъ читать, но немного, ибо доложили о всенощной. Меня пригласили въ церковь. Она близко отъ половины в. князей. Вошли. Высокая, но не обширная. Пѣвчіе на правомъ клиросѣ въ своихъ малиновыхъ кафтанахъ. Царскія врата отверты. Я вошелъ въ алтарь слѣва и сталъ между дверями царскими и сѣвѣрною. Началась служба и кончилась въ 40 минутъ.

Въ самой церкви мы, по окончаніи службы, опять соединились всѣ, и повели меня обратно къ великому князю пить чай. Дмитрій Сергѣевичъ сказалъ: „Сергій

Александровичъ, покажите преосвященному вашу моленную“. Великіе князья привели меня въ просторную высокую комнату съ двумя-тремя окнами и вдоль перегороденную ширмами. По сю сторону кони и т. п. игрушки Павла Александровича, а за ширмами, довольно одна отъ другой далеко, двѣ кровати, на которыхъ Ихъ Высочества почиваютъ, между ними стѣна занята вся образами, которыхъ довольно много, разныхъ величинъ. Тутъ я увидѣлъ и образъ пр. Саввы, 6-ти или 8-ми вершковъ, о которомъ великій князь сказалъ, что онъ всегда съ нимъ, равно какъ и складень, также мною данный, съ изображеніемъ Вожей Матери съ Богомладенцемъ, Сергія и Саввы. Этотъ складень, впрочемъ, находился въ эту минуту въ починкѣ. Уже давно—давно, сказалъ мнѣ Сергій Александровичъ, что онъ ежедневно молится пр. Саввѣ. Мы были оставлены одни. Это нарочно сдѣлано Дмитріемъ Сергѣевичемъ. Такія минуты дороги; хочется такъ много поговорить отъ души къ душѣ; но если я къ такимъ минутамъ не приготовленъ, то хотя говорю много, отъ избытка сердца, но самое завѣтное сердечное остается невысказаннымъ отъ душевнаго волненія, отъ столпленія мыслей и опасенія, что не успѣю высказаться. Я говорилъ, они слушали внимательно; но что, уже не помню; кажется о молитвѣ, о правилѣ молитвенномъ, о томъ, что она всегда должна жить въ душѣ, гдѣ бы ни находились, что есть молитва, которая должна быть открыта, а другая внутренняя сокровенная; что предъ Богомъ мы все равны, что съ тѣхъ больше спросится, кому болѣе дано, что смиреніе одно

возвышаетъ челоѣка предъ очами Божиими и что въ ихъ высокомъ положеніи христіанскими добродѣтелями можно особенно много послужить ближнимъ и уготовить себѣ высокое мѣсто въ будущей жизни, ибо были и цари, которые отъ царства земнаго переходили въ царство небесное и тлѣнный вѣнецъ нетлѣннымъ замѣняли. Я помолился съ ними немного, благословилъ ихъ кровати, далъ имъ приложиться къ мощамъ св. Арсенія тверскаго, вложеннымъ въ малую золотую съ гранатами панагію, которая была на мнѣ; они также имѣютъ св. мощи, которыя мнѣ являли. Между тѣмъ въ софѣдней комнатѣ приготовленъ былъ чай; я прочиталъ: „Пресвятая Троице!...“ и благословилъ столъ, на коемъ былъ самоваръ. В. к. Сергій сѣлъ разливать, я подлѣ него сѣѣва, подлѣ в. к. Павелъ, по другую сторону Дмитрій Сергѣевичъ и еще дама придворная полусознамая, но забылъ я кто именно. Разговора за чаемъ не помню, кажется, объ общихъ съ дамою знакомыхъ и о горномъ институтѣ. Разливатель чая очень внимательно освѣдомлялся о моихъ вкусахъ. Выпили чашки по двѣ, немного помедлили, и я всталъ. По молитвѣ простились, и они все провожали меня. При этомъ я былъ спрошенъ, когда буду дома, ибо великіе князья желаютъ посѣтить меня и поблагодарить за нынѣшній день. Я сказалъ, что для меня первый свободный день будетъ во вторникъ. „И такъ, мы придемъ пѣшкомъ, въ два часа.“ Мы разстались. Былъ 10-й часъ, когда я возвратился. Тотчасъ началъ въ келліи всенощное и другія приготовления къ служенію, подъ сильными и отрадными впечатлѣніями дня.

Нарядясь въ свѣтлое платье, по приличію дня, въ назначенный часъ, съвѣ съ братомъ въ карету, поѣхали мы въ горный институтъ. Сегодня уже прямо къ главному крыльцу института мы подъѣхали . . . . .

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
22	10 снизу	новопредставленнаго	новопреставленнаго
22	13 сверху	фамиліи	фамиліи
57	5 снизу	пріемника	преемника
78	12 снизу	предъ начатіемъ благовѣста, къ литургіи	предъ начатіемъ благовѣста къ литургіи
205	13 сверху	и лицами	и лицами
295	8—9 —	не стало	не стало
296	13 —	резолюціе владыки	резолюціе владыки
303	7 —	матерію	матерію
—	17 —	его	ею
329	7 —	мыслію	мыслію
333	7 —	протоірей	протоіерей